

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВАРОГА

НЕЧАЙНЫЙ КОРЁЛЬ

27
ЛЕТ
СВАРОГУ

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе
Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда
не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает
провинциальной самоуверенностью, здравомыслием
и крепкой психикой советского офицера.
Сварог тут не исключение.
Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова
в число фантастов первой лиги.
FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной
классикой в то время, когда понятия
«русское фэнтези» еще и не существовало.
Мир фантастики

СВАРОГ – фантастический боевик

Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чёртова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва
(готовится к выходу)
Радиянт
(готовится к выходу)

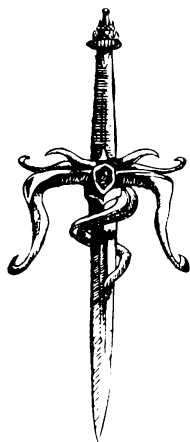
Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала

Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Нечаянный король

МОСКВА

ТОРГОВЫЙ ДОМ «АБРИС»

2017

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б90

Серия «Сварог — фантастический боевик» основана в 2010 году.

Исключительное право публикации книги
принадлежит ООО «Торговый дом «Абрис».
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

Главный художник Т. В. Евсеева

Бушков А. А.
Б90 Сварог. Нечаянный король / Александр Бушков. —
М. : Абрис, 2017. — 384 с. — (Сварог — фантастический
боевик). — ISBN 978-5-00111-170-2.

Странствующий романтик Станислав Сварог, нечаянно ставший королем, привыкает к мысли, что во Вселенной две дороги: обыкновенного человека и венценосца.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00111-170-2

© Бушков А. А., текст, 2001
© Торговый дом «Абрис», 2017
© Художественное оформление.
Торговый дом «Абрис», 2017
Все права защищены

«...И случилось так, что принц Люциар, вернувшись с охоты из лесной чащобы, увидел лишь пыль вдали, поднятую удалявшимся вскачь гонцом. И увидел он еще глубокую печаль на лице верного наставника своего и сберегателя от многих невзгод и опасностей, мага Шаалы, великого знатока как тайн земных и небесных, так и человеческой природы.

Тоска и тревога проникли в сердце принца, и он спросил:

— Не печальную ли весть привез мне гонец, скакавший с прапорцем переносчика важнейших вестей на седле?

И ответил ему, не скрывая грусти, маг Шаалы:

— Печальнейшую, мой принц. Он привез вам королевскую корону...»

*Истинная и подробная повесть
о принце Люциаре и его рыцарях*

Глава 1

ТАЙНЫ, ТАЙНЫ И ЕЩЕ РАЗ ТАЙНЫ

Как всегда бывало со здешней аппаратурой, четкость оказалась фантастической, а цвета, краски и оттенки смотрелись в несколько раз ярче, свежее и прекраснее естественных. словно бы распахнулось окно, но не в реальный мир — в лучший, более красочный. Жаль только, что открывшееся взору зрелище было бесконечно далеким от идиллий и пасторалей. И представляло самым что ни на есть будничным, и не только по здешним меркам, — те, за кем они наблюдали, воевали вновь, только-то и всего. Кого можно удивить войнами?

Сварог, однако, смотрел с любопытством: он впервые наблюдал со стороны осаду крепости. Все выглядело совсем иначе, нежели во время достопамятного сидения в осаде на хлебах у графа Сезара. Тогда подступившие к стенам воители выглядели и энергичнее, и даже романтичнее где-то, они старались изо всех сил, они с ног сбивались, ретиво суетясь, — по крайней мере, первое время.

Теперь же и неискушенному наблюдателю ясно было, что осада тянулась долгонько и давно превратилась из романтического предприятия в опостылевшую повинность. Уяснить это оказалось легко еще и оттого, что снимавший находился в лагере осаждающих, поодаль от передовой, но и не в самом глу-

боком тылу. Как уточнил с отрешенным видом Гаудин, примерно посередине, меж лагерем и первой линией апрошей и контрэскарпов, кое-где подобравшихся к темно-серым стенам крепости на расстояние выстрела из лука. Последнее обстоятельство играло на руку скорее осажденным: траншеи, хоть и защищенные земляными валами со щитами из толстых жердей, были пустехоньки. Сварог уже прожил в этом мире достаточно, чтобы знать, сколь искусны здешние лучники в стрельбе по настильной траектории — когда утяжеленная стрела, обрушившись словно бы с ясного неба, порой не просто убивает, а прищипливает неудачника к земле, словно жука в гербарии. Стрел превеликое множество — торчат в жердяных щитах, валяются на земле. Прямо на камеру рысцой двигалась кучка людей — солдаты в фиолетовых с черным мундирах волокли легкие носилки, кусок парусины на жердях. На носилках неподвижно вытянулся офицер, и из груди у него торчало длинное древко с алым оперением.

Не так уж и много на Таларе мест, где луки с арбалетами до сих пор предпочитают огненному бою...

— Гланская граница? — отчего-то полупшепотом спросил он. — Осаждающие — в мундирах горротской пехоты, это я уже могу определить...

Сидевший рядом Гаудин пошевелился, словно выйдя из задумчивости, хрустнул пальцами:

— Что ж, вы освоились. Не припоминаю, чтобы здесь вам вкладывали в голову знания о земных мундирах... Все верно. Горротско-гланская граница, неподалеку от Гасперийского перевала. Крепость Корромир, извечное яблоко раздора. Столько раз переходила из рук в руки, что известие об очередной схватке за нее вызывает нервный хохоток. Ронерцы даже сочинили поговорку: «Бесконечный, как драки за Корромир». Не слышали в Равене?

— Не доводилось.

И они вновь надолго замолчали, напряженно глядя на экран, не отводя глаз, ожидая неизвестно чего, — должно же что-то быть, не зря снимавший это человек погиб диковинной и жуткой смертью, превратившись в золотую статую...

Но ничего особенного не происходило. Дюжина пушек на высоких желтых лафетах, поставленных колесом к колесу, ни шатко ни валко постреливала по воротам, в свою очередь служа мишенью для крепостных лучников, для редких мушкетных выстрелов. Из-за немаленького расстояния до стены стрелы теряли убойную силу, но и пушкари по той же причине не

могли похвастаться особенными успехами: ядра небольшого калибра мячиками отскакивали от толстенных железных полос, сплошь покрывавших низкие широкие ворота. Этаким вялотекущий пат. Разместившиеся справа от пушек спешенные драгуны в расстегнутых синих кафтанах даже не смотрели в сторону пушкарей — сидели на земле в расслабленно-удобных позах опытных вояк, наловчившихся использовать любую передышку. Кто жевал, кто дымил трубочкой, кто просто расслабился душою и телом, погрузившись в недолгую солдатскую нирвану. Не похоже, чтобы их готовили к атаке.

— Я, конечно, не специалист... — осторожно сказал Сварог. — Но есть стойкое подозрение, что с такими пушками они немногого добьются. Против крепости, я имею в виду. Это же дохлые полковушки, а тут нужны осадные орудия, ж е р л а...

— Вот именно, — сказал Гаудин. — Но тут есть загвоздочка, благоприятствующая осаждаемым. По тамошним горным тропам чертовски трудно протащить осадные жерла. Недели две придется возиться. Потому-то Корромир всегда пытались брать лихим налетом. А если не получится сразу, осада затягивается надолго, как сейчас видим. Зауряднейшее зрелище.

— Но отчего-то же он снимал...

— Да, и отчего-то с ним обошлись... как обошлись. Не так уж и глупо было задумано. Не окажись там вас, мы могли и не узнать ничего. Золотую статую переплавили бы, а монета могла затеряться навсегда...

И вновь напряженно уставился на экран. Сварог примолк — видно было, что Гаудину не до разговоров, — курил в полумраке, чувствуя себя неловко в пурпурной мантии хельстадского короля (хорошо еще, митра стояла где-то на столе, освободив голову от лишней тяжести), казавшейся сейчас маскарадным нарядом посреди высоких экранов, россыпей разноцветных огоньков, компьютеров и прочих электронных игрушек. Увы, ничего тут не поделаешь: согласно строгому этикету, в Канцелярию земных дел, где они сейчас пребывали, полагалось являться одетым по всей форме — если ты из тех, кому таковая полагается по званию, по должности, по чину. Гаудин тоже восседал сейчас в парадном мундире своего ведомства, щедро изукрашенном жестким золотым шитьем, кисточками и гербовыми пуговицами, при всех орденах. Тонкий и абсурдный, чисто бюрократический юмор ситуации заключался в том, что Канцелярия земных дел была единственным присутственным местом, где Сварог, будучи земным королем, обязан был появляться исключительно в королевской «парадке» и никак иначе.

Во всех других случаях можно было выбирать самому — меж мундиром Яшмовых Мушкетеров, камергерским кафтаном или попросту подобающим дворянину костюмом. Но коли уж тебя занесло в Канцелярию земных дел — будь любезен одеться по всей форме. При всех здешних дворянских вольностях, заставлявших поневоле вспомнить то ли Польшу семнадцатого столетия, то ли Швецию — восемнадцатого, там и сям правили бал скрупулезнейшие и незабываемые бюрократические регламенты, ничуть не зависевшие от особы, восседавшей в данный момент на императорском троне.

С дворянской вольностью, между прочим, все обстоит гораздо проще, подумал он, невидяще уставясь на сонное шевеление канониров у окутанных тяжелым сизым дымом пушек. Все зависит от личности самодержца, от того, личность ли самодержец. Мало кто помнит, что во времена ставшего притчей во языцех польского шляхетского разгула по другую сторону Балтики, в Швеции, творилось то же самое. Словно отражение в зеркале, право слово. Заполнившее парламент шведское дворянство являло собою коллективного диктатора, плевавшего и на интересы всех прочих сословий, и на интересы государства. Единственной привилегией короля было то, что ему полагалось в парламенте два голоса, а не один, как у всех прочих (что, легко догадаться, ничего не решало). Жаркие дискуссии, кипевшие в парламенте, касались одного-единственного животрепещущего вопроса: кому продаваться? Выбор был невелик — Франция, Пруссия, Россия. Как легко догадаться, рвение парламентских ораторов, призывающих полностью подчинить шведскую политику и армию интересам одной из вышеназванных держав, напрямую зависело от полученного из данной державы золота, стыдливо именовавшегося «пенсионом». На горизонте реальной угрозы замаячил неминуемый раздел Швеции меж тремя заинтересованными сторонами... как произошло с Польшей чутьочку позже.

В Польше так и не нашлось твердой руки. Зато молодой шведский король Густав-Адольф оказался гораздо умнее и хитрее, чем о нем полагало обленившееся умом от долгой вседозволенности дворянство. И когда в один далеко не прекрасный день в провинции вспыхнули крестьянские мятежи, ничего не подозревавший парламент без особых опасений доверил королю временное командование армией, ведать не ведая, что означенные мятежи как раз и разожжены тайными королевскими агентами (ради вящей скрупулезности нелишне упомянуть, что параллельно вспыхнули и бунты, к которым король не имел

никакого касательства). Нежданно-негаданно в королевских руках оказались отборные полки, которые он быстро сумел расположить к себе. И кончилось все тем, что вскорости парламент оказался окружен пушками. У орудий браво вытянулись канониры с зажженными фитилями, по близлежащим улицам маршировали гвардейцы с примкнутыми багинетами, грохотали рассыпчатой дробью барабаны, носились взад-вперед, пыжась от собственной значимости, конные безусые поручики... Словом, происходящее являло собою картину классического военного переворота согласно лучшим образцам. Энергичным шагом вступивши в зал заседаний, король объявил господам дворянам, что по зрелому размышлению он решил покончить с прежним бардаком и править отныне самодержавно. Вообще-то, согласно свидетельствам очевидцев, король вроде бы благородно соглашался выслушать и иные мнения, противоречившие его замыслам, о чем и заявил во всеуслышание, — но окружавшие монарха подвыпившие гвардейцы со шпагами наголо что-то чересчур уж пристально озирались в поисках оппонентов и выглядели довольно хмуро. А посему все королевские предложения были приняты единогласно, самодержавие оказалось провозглашенным с некоей долей будничности, чуть ли не рутины. Правда, королю этого не простили, несколько лет спустя некий граф смертельно ранил его на балу, но возврата к прежним вольностям дворянство так и не дождалось...

К превеликому сожалению, с бюрократией такие номера не проходят, потому что не существует, строго говоря, центра средоточия, некоего здания, которое можно захватить и парализовать лихим налетом подвыпивших гвардейцев с обнаженными клинками... Вспомнив об этом, Сварог немного погрустнел. Было, правда одно утешение: в его собственных владениях, что в Хелльстаде, что в Трех Королевствах, ни бюрократии, ни чиновников не существовало вовсе, а значит, не с кем и воевать. Правда, и народонаселения не имеется, если не считать нескольких сотен одичавших анахоретов, пересидевших напасть в Трех Королевствах за изгородью из серебряных монет и утвари. Что до обитателей Хелльстада, то они, за исключением мэтра Лагефеля, к роду человеческому не принадлежали вовсе, а потому вовсе уж вопиющей нелепицей было бы создавать бюрократический аппарат для управления ими. Чиновнику, конечно, все равно — за приличную плату и красивый вицмундир он согласится управлять и ронерскими землепашцами, и хелльстадскими гигантскими змеями-глорхами, но на кой черт королю...

— Зашевелились!

— Что? — встрепнулся Сварог.

— Ожились что-то, — сказал Гаудин, не отрываясь от экрана.

Праздно сидевшие драгуны, очевидно, повинуюсь чьей-то команде, стали дружно подниматься на ноги, без спешки, но и не копаясь застегивали мундиры, нахлобучивали рокантоны, разбирали короткие штурмовые протазаны — широкие лезвия порой сталкивались с протяжным звоном, — затягивали перевязи с мечами и пистолетами. Там и сям словно из-под земли возникли энергично размахивавшие руками сержанты, послышалось их повелительное рычание, одинаковое под любыми звездами и во все времена, кое-где замаячили лейтенанты и капитаны, на правом фланге тяжело хлопнуло вынуженное из чехла знамя, которое развернули одним энергичным рывком. Откуда-то из-за спины снимавшего появились еще драгуны, уже выстроенные в густые, локоть к локтю, шеренги, с подтянутыми офицерами, а слева выдвинулись несколько платунгов в зеленом — судя по высоким колпакам без полей, с медной отделкой, гренадеры. Штурмом попахивало все явственнее: шеренга за шеренгой продвигалась к траншеям, сбиваясь в плотную массу, удаляясь от зрителя, но благоразумно не приближаясь пока что к той незримой границе, за которой можно получить пулю или стрелу. Сразу в нескольких местах раздались резкие трели рожков. Пушки вдруг загромыхали чаще; едва они успевали грузно откатиться назад после выстрела, пробороздив каменистую землю станинами, голые до пояса канониры бросались к дулам с банниками и шуфлами.

Сварог присмотрелся — и недоуменно воскликнул:

— Да они же холостыми бьют, вы только посмотрите!

— Очень похоже, — кивнул Гаудин. — Ни ядер не видно, ни картечи...

Тяжелый дым понемногу заволакивал пространство между орудиями и стеной, канониры сутились в черно-сизых струях, словно черти на адской кухне, с крепостной стены, приглушенный немаленьким расстоянием, донесся звук горна — в крепости играли боевую тревогу. Шеренги горротцев все густели, знамен уже развернулось не менее полудюжины, справа над рядами поднялся вексиллум...

Изображение дернулось — снимавший, такое впечатление, переместился вперед. Объектив на уровне человеческой груди — уж не в орден ли камера вмонтирована? Или — в пуговицу? Сварог хотел спросить об этом, но постеснялся приставать

с такими мелочами — очень уж напряженным, застывшим стало лицо начальника тайной полиции.

На правом фланге взвилось королевское знамя, белое с черным солнцем. Грохотали барабаны, но из-за безостановочного рева пушек это можно было понять лишь по бешеному мельканию палочек в руках застывших статуями барабанщиков. Ветер дул в спину снимавшему, и дым стелился к крепости, уже едва видневшейся за мутно-серой пеленой.

«Только идиот способен сейчас броситься на приступ, — подумал Сварог. — Штурмовых лестниц не видно, ворота целехоньки, со стен можно косить наступающих, как куропаток в садке. И все же они, несомненно, готовятся к броску... их командир то ли сошел с ума, то ли имеет в заначке что-то коварное». Снимавший резко развернулся влево, захватив в объектив высокого генерала в перехваченной алой орденской лентой черной кирасе, окруженного кучкой раззолоченных штабных и адъютантов. Черная борода с первыми седыми нитями, черные пронзительные глаза, отрешенно-умное лицо, судя по первому впечатлению — тот еще волк. Сварог поневоле оценил птицу по полету — если штабные нет-нет, да и принимали картинные позы, словно рассчитывая на восхищение дам или художников-баталистов (хотя поблизости не имелось ни первых, ни вторых), без нужды сжимали эфесы мечей и, горделиво этак подбочениваясь, отставляли ножку (один, болван этакий, даже поднес к глазу подзорную трубу, словно и впрямь надеялся рассмотреть что-то в непроглядном пушечном дыму), то бородатый генерал, не глядя по сторонам и не отвлекаясь на напыщенные позы, спокойно, несуетливо р а б о т а л — отдавал короткие приказы, изредка сопровождая их скупыми жестами, и шеренга выстроившихся перед ним вестовых таяла в лихорадочном темпе. Отдав честь и крутнувшись на каблуках, юные кадеты опростомельно разбежались в разные стороны, привычно придерживая ножны. Умел человек грамотно работать, Сварог даже залюбовался. Вот только лицо генерала было отчего-то исполнено то ли безразличия, то ли неприязни, застывшей прямо-таки маской. Когда появились новые лица, числом трое, генерал откровенно отвернулся от них, зло поджав губы. Похоже, ему хотелось от души сплюнуть под ноги. Но не плюнул, а, явственно преодолевая себя, обернулся к подошедшим, преувеличенно низко поклонился. Что-то за всем этим должно было крыться...

Вообще-то, троица была странноватая. Можно выразить, с, дисгармоничная. Молодцеватый полковник в неизвестном

Сварогу мундире, гражданский чиновник неизвестного Сварогу ранга (не настолько уж хорошо он разбирался в горротских униформах), субъект в дворянском платье, не особенно и роскошном, державший на поводке высокого черного пса, похожего на гланского ладара — пастушьего волкодава. Полковник, хотя и молодцеват, все же не похож на строевого командира, что-то неуловимое в его поведении заставляет думать, что на боевых позициях он оказался, очень может быть, впервые в жизни. А его цивильные спутники и вовсе уж неуместны здесь, на фоне подготовки к штурму. Однако держится троица вполне уверенно, подошли к генералу, словно не видя, насколько он недоволен их появлением, встали рядом как ни в чем не бывало...

— Что это за мундиры? — не выдержал Сварог.

— Военный — из Канцелярии Главного штаба. Судя по нашивкам на левом плече, труженик канцелярского стола. Среди наград ни одной боевой. Гражданский — в мундире Королевского кабинета, королевский советник. Чин немаленький. Но что ему тут понадобилось, ума не приложу. Генералу они не по нутру, сразу видно, однако терпит...

С изображением вдруг что-то произошло. В мгновение ока. Люди и предметы выглядели теперь резко-контрастными, почти что черно-белыми, поблекло многоцветье красок, исчезли полутона и оттенки, батальная сцена походила теперь на блеклую старинную гравюру. Зато исчез пушечный дым, ставший теперь едва заметным туманом, неуловимой дымкой, и можно было разглядеть крепостные стены. Конечно же, там готовились к отражению штурма — на стенах полно людей, над каждым зубцом поблескивает каска, а меж зубцами торчат дула мушкетов и в гораздо большем количестве — арбалеты. На площадке над воротами дымит круглый котел со смолой — совсем уж древнее средство, но по-прежнему эффективное... Ворота, как и следовало ожидать, целехоньки.

— Догадался переключить на другой диапазон... — машинально прокомментировал Гаудин. — Раньше нужно было...

— А к е м он там был? — спросил Сварог.

— Не знаю, — сухо ответил Гаудин. — Долго не приходило отчетов, есть своя специфика...

Боевые порядки осаждающих были безукоризненны. Сварог физически ощущал повисшую над бранным полем напряженную тишину, знакомую по прежней жизни.

Он не уловил момента, когда черная собака сорвалась с поводка. А может, ее отпустили специально. Черное поджарое

тело мелькнуло меж солдатами, стелясь в целеустремленном, неужердимом беге, перемахнуло траншею по широкому дощатому мостику. Две других траншеи пес просто-напросто перепрыгнул с изумительным проворством — и помчался к воротам, его бег напоминал полет стрелы по прямой. Со стен, насколько Сварог разглядел, по собаке не стреляли.

Он на секунду отвел глаза от собаки, привлеченный шевелением меж зубцов, и потому не успел заметить, как э т о произошло...

Казалось, крепость сотряслась, словно бумажная, — но это, скорее всего, вздрогнул снимавший, как любой на его месте. Ослепительное, лимонно-желтое пламя рванулось из проема ворот, мгновенно распространилось, взлетев над зубцами, — и с внутреннего двора крепости взлетели гейзеры огня, пожирая корчившиеся на стенах фигурки, взметнулись над зубцами чудовищными плюмажами, выше флюгеров на башнях... Крепость вмиг окуталась странным пламенем, напоминая теперь уюлок в печи.

Горротские шеренги пришли в движение. Надрывались рожки, трещали барабаны, ряд за рядом, сомкнув строй, опустив протазаны, двигался к бушующему пламени — без особой, сразу видно, охоты, но сержанты неистовствовали, крутя палашами над головой, орали офицеры, в боевых порядках размеренно шагал генерал в черной кирасе, сопровождаемый штабными и адъютантами, уже не принимавшими картинных поз. Судя по поведению всех, происшедшее им было в диковинку, — но приказ и воинский долг гнали вперед, прямо в пламя, сожравшее уже, кажется, всех до единого защитников крепости.

Сварог отыскал взглядом странную троицу: они-то не двинулись с места, стояли, сложив руки на груди, переглядываясь с гордым видом несомненных триумфаторов. Удалось даже расслышать, как полковник проговорил:

— ...не меньше, чем «Рубиновый клинок», господа мои, честью клянусь! А то и «Солнышко» с мечами и цепью! Вот помните мои слова, такая удача...

Лимонно-желтое пламя волшебным образом утихло, унялось, исчезло совершенно. Что-то полыхало в крепости, что-то дымило, чадные языки огня вставали над стенами, но это было и н о е, привычное, человеческое, если можно так сказать, лишенное всякой необычности и странности... Стены были пусты, а вместо ворот зиял проем, камни покрывал слой копоти, и можно было рассмотреть валявшиеся во дворе ссохшиеся трупы, больше напоминавшие головешки...

По рядам прокатился рев — ободренные исчезновением диковинного пламени, штурмующие ринулись вперед, расстроив боевые порядки, сломав строй, обгоняя офицеров. Пытаясь опередить всех остальных, знаменосец с королевским штандартом, явно зарабатывая положенный за подвиг орден, припустил к воротам заячьими прыжками, так, что за ним с трудом поспевали четыре штандарт-юнкера с мечами наголо. Ну конечно, той дюжине, что первой ворвется в неприятельскую крепость, полагается не просто орден, а еще и почетная подвеска к нему, изображающая башню... Ах, как чешут ближайшие, отпихивая друг друга...

Знаменосец ухитрился-таки первым влететь в ворота, сообразив в последний миг наклонить знамя, чтобы не сломать о низкий свод золоченое наверху древка. Вот и готов свежий кавалер. Следом повалили окончательно сломавшие строй солдаты. Генерал в окружении блестящей, повеселевшей свиты остановился неподалеку от ворот, подбоченившись, — как и предписано здешними воинскими обычаями, дожидаясь, когда какой-нибудь прыткий офицерик, пыжась от выпавшей на его долю нешуточной чести, доложит по всем правилам, что фортеция взята. Тогда только и подобает полководцу величественно вступить под своды покоренной твердыни...

Вспыхнул свет. Изображение погасло.

— Раутар говорил, нужно просмотреть покадрово... — тихим голосом сказал Сварог.

— Это успеется, — отмахнулся Гаудин. — По-моему и так все ясно. Я помню ваш отчет. В точности так обстояло в Равене с теми двумя пожарами, верно? Разве что там были люди, а здесь — собака. Принцип один. Живые существа, представляющие собою мощные зажигательные бомбы...

— Ага, вот именно, — сказал Сварог. — Нет другого объяснения. Псина подбежала к воротам — и моментально полыхнуло... Что это было такое?

— Не знаю, — быстро, досадливо ответил Гаудин. — Не знаю, вот и все...

Впервые за все время, что Сварог его знал, бесстрастный и ироничный глава тайной полиции Империи выглядел растерянным. Но это моментально прошло, вернулась прежняя маска, олицетворение меланхоличной загадочности.

— Я не знаю, — повторил Гаудин совсем спокойно. — И не скажу, что это приводит меня в уныние, а о страхе и речи быть не может. Там, внизу, хватает не разрешенных пока загадок. Сейчас прибавилась новая, только и всего. Вздумай я преда-

ваться терзаниям из-за каждой новой загадки, давно бы сошел с ума. Но зрелище впечатляет, признаться. Это что-то новенькое. Как бы мне хотелось добраться до короля Стахора...

— Но у вас есть...

— Эта запись? Увы, доказательством она служить не может.

— Улыбка Гаудина тоже была прежней, насквозь знакомой. — Все доказательства — я имею в виду пса — бесследно исчезли. Как те, в Равене... Вам не раз уже, должно быть, приходилось слышать, что мы живем в эпоху просвещенной монархии. Нельзя призвать Стахора к ответу на основании этой записи. Что мы ему, собственно, можем предъявить? Вспомните, что вам сказал Раутар по поводу происшедшего с ним: не магия, а чистейшей воды наука. Подозреваю, мы и теперь имеем дело с чем-то похожим... а это опять-таки усложняет поиск доказательств. Неминуемы бюрократические игры и засасывающие, словно болото, бесконечные словопрения. С ходу можно сказать, что первым поднимет шум милорд имперский наместник Горрота, которому обязательно покажется, что данное разбирательство ставит под сомнение его компетентность и служебное рвение. Вам-то такое в диковинку, а я уже научен горьким опытом. Наместники — народец своеобразный. Снова начнут кричать, что я веду подкопы посредством данного случая под сам институт имперских наместников, пытаюсь создать впечатление, будто они не в силах сами контролировать происходящее во вверенных им королевствах, — и так далее, и тому подобное...

Сварог произнес безразличным тоном:

— Раутар говорил о некоем Ледяном Докторе. Он особенно подчеркивал, что Ледяной Доктор — в Горроте...

Гаудин выпрямился в кресле, его голос звучал сухо и непреклонно:

— Вздор. Даже у толковых профессионалов есть свои пунктики и заблуждения. К тому же состояние, в котором он тогда находился, могло повлиять на психику. Вы, конечно, не знаете, откуда вам знать... Так вот, за последние сорок лет Ледяного Доктора с превеликим шумом и вселенской помпой «обнаруживали» трижды. В разных уголках Талара. И всякий раз оказывалось, что тамошние странности имели более приземленное объяснение. Это порочная привычка, право, — связывать любую странность с Ледяным Доктором. Нет никакого Доктора. Больше нет. Был, да весь вышел. Когда сбили его драккар, я был в одной из боевых машин, ясно вам? Я вел погоню, я видел его труп, который впоследствии опознали... А вы говорите!

— Ну, я просто повторяю то, что слышал от Раутара, — сказал Сварог примирительно. — То, что он просил непременно довести до вашего сведения. Я прилежно отрапортовал, и не более того. Собственно, я плохо представляю, что это за Доктор такой... Даже не знаю, с земли он или... отсюда.

— Отсюда, — сказал Гаудин. — Немного найдется людей, которых я бы с превеликим удовольствием зарезал собственными руками. Не убил на дуэли, не застрелил, а именно зарезал бы, как крестьяне режут скотину, и рука не дрогнула бы, пусть это и несовместимо с дворянской честью... Уникальная была личность, лорд Сварог. И гораздо дольше, чем следовало, украшала собою Магистериум...

— А все-таки, он анланец или лар?

— Лар, к сожалению, — поморщился Гаудин. — Потому и смог развлекаться так долго. Не спорю, вполне возможно, он был и вправду гением... но вот имелась ли у него душа, сильно сомневаюсь. Как учит меня жизненный опыт, тех, кто реально заключил договор с дьяволом и продал душу, в сто раз меньше, чем о том судачит молва... и мне временами кажется, что уж у него-то договор бы л... Попробуйте представить себе ученого с могучим, холодным умом, но абсолютно не отягощенного морально-этическими препонами...

— Представляю.

— Да нет, вряд ли, — убежденно сказал Гаудин. — Уверен, не представляете. Если как-нибудь захотите обеспечить себе стойкую бессонницу на несколько ночей, попросите у меня его досье. Я вам его предоставлю. Там все отчеты о его лихих экспериментах — по крайней мере о тех, которые стали известны. С недельку вас не хуже болотной лихорадки будет колотить отвращение к миру и человечеству, гарантирую. — Он понизил голос. — Канцлера, знаете ли, вытошнило, когда он осматривал лаборатории, а уж его светлости лучше, чем кому-либо, знакома изнанка нашего мира, вся грязь, все стыдные тайны... Были, например, эксперименты с генной инженерией: вроде попыток получить гибрид человека с крокодилом или создать дерево-людоеда вроде кусай-дуба из ратагайских сказок. Женщины, которым не давали родить, — пытались сделать так, чтобы ребенок и далее развивался во чреве. Это Ледяной Доктор вычитал в каких-то древних книгах, что таким путем некогда выращивали сильнейших магов-эмпатов... Попытки создать собственных кентавров, в подражание силванским. Животные с человеческим мозгом. И так далее, и тому подобное. За всяким экспериментом — десятки унич-

тоженных людей, как антланцев, так и похищенных на Харуме. Все-таки он был гением, мерзавец этакий. Многие им сотворенные монстры, как ни удивительно... функционировали, и довольно сносно. Я до сих пор не уверен, что мы вскрыли в с е. И в с е нашли... В общем, он заигрался, как частенько случается с подобными типами, даже гениальными, тем более гениальными. Лабораторным сырьем стали, самое малое, шестеро ларов. Увы, действовать пришлось в страшной спешке, а потому все закончилось банальной и бездарной перестрелкой с погоней... но как бы там ни было, мы его настигли и прикончили. — Он мечтательно прищурился. — Тогда мы болезненно и весьма качественно прищемили хвост Магистериуму с его любимыми теориями о безграничных путях познания, не скованных никакими запретами и моралью. Нагнали страху. Возмущение в обществе было чересчур велико. На какое-то время они, в Магистериуме, притихли, перестали заглядывать з а г р а н ь. Но, как показал ваш случай, всех сорняков так и не вырвали. По чести говоря, я и теперь, после недавних арестов, не уверен, что мы выдрали все корешки. «Черная радуга» — вещь серьезная...

Сварог понимающе помолчал. Уж тут-то он прекрасно был осведомлен. Ему успели рассказать подробно о том, как две боевые машины Магистериума вышли на перехват его ковров-самолетов, чтобы уничтожить без колебаний всех, кто там был, о том, как поднятые по тревоге браганты Серебряной Бригады в коротком и яростном воздушном бою, не стесняясь в средствах, остановили преданных науке интеллектуалов... В результате чего, будем реалистами, у Сварога прибавилось в Магистериуме потаенных недругов, о чем он старался не думать...

— А может, все же...

— Бросьте, — поморщился Гаудин. — Говорю вам, мы опознали труп со стопроцентной вероятностью. Есть методы...

— Но ведь не на пустом же месте родилось убеждение, что он уцелел? Если уж его «находили» трижды? Было, надо понимать, нечто, сближавшее эти случаи...

— Глупости, — сказал Гаудин. — Похожестъ еще не означает тождественности. Забудьте о нем. Раутар, как и кое-кто из его предшественников, гонялся за миражами. Безусловно, у короля Стахора есть потаенные лаборатории, где работают над какой-то, вульгарно выразимся, чертовщиной... но это, уверен, абсолютно з е м н о е. А уровень земного чернокнижья, в том числе и того, что пока укрывается от нашей службы, не настолько уж высок. А что до Ледяного Доктора...

Видите ли, все без исключения его эксперименты требовали з д е ш н е й аппаратуры, здешних возможностей, здешних достижений. И никак иначе. Допустим — исключительно ради вас на миг допустим! — что он остался жив. Чисто теоретически, абстрактно допустим. И что же? Никакой гений не способен, скрываясь где-то на земле, восстановить оборудование, даже жалкое подобие здешних лабораторий. Нет, исключено. А эти три... живых бомбы... Я повторяю, до сих пор там и сям всплывает из небытия нечто, считавшееся прочно забытым. Или объявляется очередной гений — гении, прах их побери, совершенно непредсказуемы. Но ничего страшного. Если хотите, возьмите у меня так называемый «Кодекс жути ночной». Под этим пышным названием скрывается сухой отчет о примерно двухстах с лишним феноменах, которые мы до сих пор не в состоянии объяснить. Ну и что? Все это — мелконькие, локальные феномены, в большинстве вовсе не опасные при условии осторожного с ними обращения. Вы — человек здесь новый, а потому, простите, с детским восторгом бросаетесь к иным сомнительным сенсациям. А я долгой служу, многого насмотрелся... Словом, «Кодекс» я вам пришлю нынче же вечером. Изучите на сон грядущий. И станете гораздо спокойнее относиться к разным чудесам... Ну, а что касается Горрота... Доберемся когда-нибудь и до Стахора. И умельцев, мастерящих живые бомбы, непременно возьмем. Невозможно предвидеть появления иных гениев, предвидеть, что им может прийти в голову. Однако в ы я в л е н н ы х хитроумцев не так уж трудно вылавливать... — Он вдруг ухмыльнулся. — Вот взять хотя бы вас. Нет, я не в том смысле, что вас следует вылавливать... Я о том, что вы собственной рукой покончили с одной из самых жутких и устойчивых легенд — я о Хелльстаде. А ведь тысячи лет люди сочиняли страшные сказки... И как же вы себя теперь чувствуете в роли хелльстадского короля?

— Как идиот, — признался Сварог. — Нет никаких страшных тайн — по крайней мере, мало-мальски б о л ь ш и х. Мелочишки, правда, наберется целый ворох, но это не то... По большому счету, у меня в руках вдруг оказалась огромная, сложная игрушка — я еще не изучил Хелльстад до конца, но выводы могу сделать уже теперь. Действительность оказалась донельзя прозаической: кучка реликтовых чудовищ, немножко тварей, в свое время сконструированных покойным королем, несколько уцелевших со времен Шторма зданий... Знаете, вашему миру крупно повезло. Подумать страшно, что могло случиться, если

бы в свое время власть над Хелльстадом захватил кто-то поумнее и несколько разностороннее покойного короля...

— Но ведь сейчас, по-моему, именно это и произошло? — каким-то незнакомым голосом, пусть и с деланной бравадой, сказал Гаудин.

Нехорошее у него было сейчас лицо... Молчание затянулось. Они не смотрели друг другу в глаза. Наконец Сварог сказал с кривой улыбкой:

— Типун мне на язык... Скажите сразу, я, вообще-то, смогу по окончании нашего разговора из этой комнаты выйти? И пойти куда захочу? И не опасаться, что по дороге или чуточку позже вдруг...

Он прекрасно понимал, что улыбочка у него сейчас вымученная. В точности как та, что прямо-таки зеркальным отражением застыла сейчас на застывшем лице Гаудина.

— Полноте, к чему такие мысли и подозрения, — мягко сказал Гаудин. — Императрица ни за что не позволила бы и не простила нам...

— Многозначительная оговорка, — сказал Сварог. — Открывает простор для домыслов и реконструкций кое-каких недавних бесед, посвященных моей скромной персоне. Дискуссии о моей дальнейшей участи были, надо полагать, весьма оживленными?

— А вы ожидали чего-то другого? — серьезно спросил Гаудин. — Нет, в самом деле? Бросьте, вы не настолько наивны. Интересно, на моем месте вы что, встретили бы новость о новом хозяине Хелльстада милой и лучезарной улыбкой идиота? Позвольте усомниться.

— Послушайте, — в сердцах сказал Сварог. — Я вовсе не стремился заполучить эту шапку. — Он сердито хлопнул ладонью по безвинной митре из серебряных сосновых шишек тончайшей работы. — На землю меня отправили вы. И в Хелльстад, строго говоря, меня загнал не только Конгер с Амондом, но еще и вы, обозначив именно такие условия игры. Вам не кажется? Можно подумать, что я рвался к хелльстадскому трону из всех человеческих сил... Да я с превеликим удовольствием убрался бы оттуда, отпусти он нас по-хорошему!

— Согласен, все произошло по глупой случайности. Но ведь это ничего не меняет...

— Так выйду я отсюда или нет? — почти грубо спросил Сварог.

— Да выйдете, успокойтесь... — усмехнулся Гаудин. — Позвольте быть с вами предельно откровенным, как встарь: дис-

куссии о вашем будущем и в самом деле имели место... и они были, нетрудно догадаться, более чем оживленными. Но они отнюдь не напоминали деловую встречу наемных убийц в окраинном трактире. И людоедских предложений прозвучало гораздо меньше, чем вам, сдается, мерещится. Во-первых, ситуация из тех, что не терпит излишней торопливости. Во-вторых... Вы знаете, мы не испытываем перед Хелльстадом столь уж панического страха. Как-никак все эти пять тысяч лет он не доставлял окружающему миру ни малейших неприятностей. Гипотезы о том, что Хелльстад представляет собой самозамкнувшуюся систему, ничуть не склонную к внешней экспансии, родились не сегодня и не вчера. Их вдумчиво разрабатывали еще наши предки — и оказались, в общем, правы. В конце-то концов, у нас достаточно возможностей, чтобы справиться и с Хелльстадом. В-третьих же... Можете не верить, но порой я испытываю к вам самую обычную человеческую симпатию. И хочу верить, что сумел вас немного узнать. И потому не жду от вас особенных неприятностей. Конечно, некий риск остается... Власть всегда меняет людей, частично не в лучшую сторону, эта нехитрая и печальная истина проверена всей историей человечества. А уж власть над Хелльстадом... И как тут не зародиться опасениям? Вполне понятно, что вас еще долго будут пристально изучать, и к интересу здесь примешивается боязнь...

— Боязнь чего?

— Если пользоваться строго научной формулировкой — неизвестно чего, — грустно усмехнулся Гаудин. — В том-то и беда. Больше всего люди склонны пугаться неизвестного, и ваш покорный слуга отнюдь не исключение. Вы только поймите меня правильно, ситуация деликатнейшая, хотелось бы обойтись без детских обид и ненужного гонора... Меня тоже нужно понять, дураков и любителей решать сложные вопросы с кавалерийского наскока я умею сдерживать... но и сам просто обязан немного тревожиться... По долгу службы, если хотите. Даже если вы со мной искренни и не держите камня за пазухой, есть другая опасность... В Хелльстаде не одни лишь игрушки да реликтовые чудища. Коли уж там имеются, как бы это лучше сформулировать... законсервированные кусочки прошлого, можно опасаться самого худшего. Я даже не того боюсь, что вы в один прекрасный день начнете играть против нас. Я боюсь, что там может покоиться н е ч т о. О чем даже покойный король не подозревал. Бывали уже... ситуации. Когда после совершенно безобидных слов или действий вдруг распа-

хивалась некая бездна и оттуда появлялось то самое нечто. Вы же сами с чем-то подобным сталкивались — тогда, в туннеле, когда неведомо откуда, очень может быть, из того загадочного зеркала, на вас двинулся великан...

— Да, воспоминания мерзопакостнейшие, — согласился Сварог.

— Со старыми зеркалами вообще следует быть предельно осторожным, имейте в виду... Итак, вернемся к Хелльстаду. С одним неприятным сюрпризом мы уже столкнулись — я имею в виду подземное государство крохотных человечков, этот ваш Токеранг. Вы ведь не имеете на него никаких средств влияния?

— Ни малейших, — признался Сварог. — Мэтр Лагелефь клянется и божится, что мой предшественник о них знал, но воздействовать никак не мог. Кажется, он не врет, я проверил, покопался в компьютере. Не могу сказать, что освоил его, как свою спальню, но по поводу Токеранга он всякий раз выдавал полное отсутствие информации...

— А ведь опасность нешуточная, вам не кажется?

— Да, — сказал Сварог, глядя в пол, меж носков своих мягких коричневых сапог. — Но я обещал с ними посчитаться, и, будьте уверены, посчитаюсь. Делии я им не прощу, у меня до сих пор стоит перед глазами Морская площадь и летящая ракета... А ведь Лесная Дева была права: маленькие опасности иногда страшнее больших... Вы зажигали фонари возле резиденций наместников?

— До сих пор зажигаем. Никакого результата.

— Боюсь, это может означать одно, — уверенно сказал Сварог. — Авторы послания выявили, разоблачили и поволокли куда следует для душевной беседы — то есть такой, когда берут за душу, лезут в нее с сапогами...

— Признаться, меня их невзгоды не особенно волнуют, — усмехнулся Гаудин. — Быть может, даже лучше будет, если там, под землей, окончательно победят изоляционисты. Если вдумчиво изучить послание, станет ясно, что там нет и тени альтруизма. Наши неизвестные друзья изошренно торговались, якобы невзначай упоминали о своей силе...

— Что-то их противники мало похожи на изоляционистов, — сказал Сварог. — Помнится, речь там шла о том, что ведутся работы по возвращению им «нормальных» размеров... Они что, и в самом деле могут представлять опасность для... для нас?

— Для нас — вряд ли.

— Значит, для земли, — уверенно сказал Сварог. — Я с некоторых пор принимаю земные беды близко к сердцу...

— Вы это произнесли таким тоном, словно я-то — бездушный монстр... — покривил губы Гаудин. — Зря. Мне вовсе не хочется, чтобы у земных королевств начались неприятности. В конце концов, речь идет о наших вассалах, которых мы обязаны защищать... Уже началась лихорадочная работа. Увы, мы испокон веков создавали систему контроля и наблюдения, охватывающую лишь землю, земную твердь. Никто не занимался морскими глубинами, вообще всем, что лежит ниже уровня воды. И дело не только в нерадении. Есть обстоятельства...

— Какие?

— Всякие, — уклончиво сказал Гаудин. — Объективные, право же, причины... Мы срочно стараемся исправить упущение, но, как вы понимаете, здесь есть сложности. Магистерииум лучше пока не посвящать — неизвестно, куда их заведет в данном случае гипертрофированная страсть к познанию... А вот Хелльстад — это целиком ваша забота. Наши технические средства там по-прежнему бессильны, отыскать вход в подземелье — должен же он существовать! — можете только вы.

— А почему, собственно, ваша техника там не работает?

— Не знаю, — сказал Гаудин. — Честное слово. Такое впечатление, что для решения этой загадки нужно сначала доискаться до причин и сущности самого Шторма. А эти задачи до сих пор не решены, хотя используются самые разные средства...

— В том числе и проект «Алмазная стрела»?

Какое-то время Гаудин ошеломленно молчал. Его улыбка была натянутой:

— Лорд Сварог, вы великолепны... О проекте «Алмазная стрела» осведомлен не всякий член Палаты Пэров... Кто вам мог проболтаться? Вряд ли императрица. Следовательно, выбор невелик: либо Борн, либо Ройл. Пожалуй, все-таки Ройл — окажется это Борн, вы проговорились бы раньше, после первого возвращения с земли. Значит, Ройл... Интриган чертов. Да, существует такой проект. Отчаянные попытки если не создать машину времени, способную перенести разведчика в прошлое, то хотя бы увидеть это прошлое. Увы, достижений пока никаких, кроме неудач... Не хочу очернять Ройла в ваших глазах, но, право же, в отшельники его загнало не разочарование в нашем образе жизни, а собственное бессилие, научная импотенция. Он сделал слишком много широковещательных заявлений о грядущих успехах, но в итоге ничегошеньки не добился. Душевный кризис, череда скандалов, разрыв отношений, бегство на этот его островок...

— А может, задача вообще не имеет решения?

— В том-то и оно, что имеет, — печально сказал Гаудин. — Ладно, поделюсь кое-какими тайнами, вы и без того уже знаете столько, что заслуживаете то ли пожизненной изоляции в замке Клай, то ли допуска по высшей форме... Так вот, в одну сторону межвременные тоннели, случалось, срабатывали...

— Подождите. Насчет замка Клай — это все же циничная шутка?

— Да конечно, — пожал плечами Гаудин. — Дело обстоит как раз наоборот — ее величество, скажу вам по секрету, намерена ввести вас вскорости в Палату Пэров вместо лорда Алферса, а это как раз и подразумевает совершенно иной уровень допуска к тайнам... Так вот, о Шторме со всей уверенностью можно сказать одно: катаклизм сей сопровождался, помимо всех прочих эффектов, часть которых нам до сих пор неизвестна, еще и страннейшими искажениями пространства-времени. Учено выражаясь, имели место проколы пространственно-временного континуума, отличавшиеся различной протяженностью вектора... Не стесняйтесь признаться, что ничего не поняли. Я сам в свое время стал более-менее разбираться в сути явлений лишь после многочасовых лекций... Если проще — были случаи, когда в результате пронесшегося над планетой Шторма материальные... и даже разумные объекты оказывались выброшенными из прошлого в будущее. То есть — из времен Шторма в наши. В семьсот третьем году над континентом вдруг возник неведомо откуда реактивный самолет. Вот именно, неведомо откуда, без каких бы то ни было визуальных эффектов. Взял и возник в небе. К тому времени уже существовала отлаженная система контроля за воздушным пространством Талара, но поскольку самолет, повторяю, появился без малейших звуковых и световых эффектов, операторы потеряли несколько минут. Когда вылетела Серебряная Бригада, самолет уже садился на обычное крестьянское поле. Он разбился. Как потом выяснилось, в баках не осталось ни капли горючего, и летчик поневоле пошел на вынужденную. Пилот погиб, но вот обломки самолета удалось идентифицировать. Наши предки уходили за облака в жуткой спешке, посреди страшной неразберихи и хаоса, когда планету уже сотрясали непонятные катаклизмы, но у них все же оказалось с собой некоторое количество книг, видеозаписей и дискет. Словом, это был одноместный палубный штурмовик с авианосца, боевая машина из времен, непосредственно примыкавших к Шторму. Второй схожий случай произошел шестьсот с лишним лет спустя. Над континентом вновь возник из ниоткуда самолет — на сей раз роскошная

спортивная игрушка с представителями тогдашней золотой молодежи на борту. Их было пятеро, обоего пола. Драккары его легко настигли и подхватили силовым полем...

— И что? — жадно спросил Сварог, даже пошевелившись от жгучего любопытства.

— Все оказалось не так заманчиво, как мы сгоряча размышляли, — как-то странно усмехнулся Гаудин. — Как источник информации они... оказались, грубо говоря, дерьмом собачьим. Невероятно тупые и ограниченные субъекты. Золотая молодежь повсюду одинакова. Они весело проводили время на модном и дорогом курорте, когда началось нечто пугающее — они даже не могли толком описать этих явлений. Компания решила немедленно лететь в столицу, под уютное крылышко родителей. Они поднялись в воздух — и тут с ними что-то произошло. словно выключатель повернули. Только что внизу был морской берег — и вдруг на его месте оказался совершенно незнакомый ландшафт, суша без малейших следов океана.

— И что с ними было потом? У вас?

— Случай был экстраординарный, — с непонятным выражением лица протянул Гаудин. — Они являли собой бесценный кладёз информации о прошлом, а наши предшественники были в чем-то прямолинейнее и решительнее нас... Бесценный кладёз...

— Это тупые-то и ограниченные?

— Вам приходилось слышать, что человеческий мозг, независимо от того, что может рассказать его обладатель, все равно хранит память обо всем, что человек видел, слышал и пережил? Понимаете, всю информацию... Человеку только кажется, что он все забыл. — Гаудин отвел взгляд. — Есть аппаратура... Тогдашним приборам было далеко до их нынешних аналогов, дело происходило четыре тысячи лет назад... Сверху торопили...

— Они все погибли? После... обработки?

— Они все выжили, — сказал Гаудин глухо. — И даже прожили потом немало лет. И не все остались совершеннейшими кретинами, двух даже удалось приблизить к нормальному состоянию... ну, почти нормальному. С цинической точки зрения самое грустное то, что и выкачали-то из них гораздо меньше, чем поначалу рассчитывали, хотя и нельзя сказать, что работали зря...

После долгого молчания Сварог спросил:

— Значит, всякий раз п р о к о л ы были связаны с... летательными аппаратами?

— Не только. В две тысячи третьем один из наших мелких агентов на захолустной ярмарке наткнулся на обыкновенного баронского крестьянина, шеголявшего в странной одежде, не похожей на все, что к этому времени было известно. Поскольку существовала обширная инструкция — кстати, она действует до сих пор, — предписывающая сообщать по начальству обо всем... н е п о х о ж е м, агент поднял тревогу. Землероба сгребли в тот же день возле родной деревеньки. Странная одежда оказалась курткой из синтетического материала, сделанной во времена, непосредственно примыкавшие к Шторму. Это определили довольно быстро. А вот ее бывший хозяин... В один прекрасный день он взял да и объявился в той деревушке. Попросту вышел из леса, производя впечатление то ли тронутого, то ли пьяного. Упорно твердил, что прибыл из другого мира, всему изумлялся, молил объяснить ему, что случилось с планетой, — словом, с точки зрения захолустных баронских крестьян, был то ли юродивым, то ли попросту скорбным на голую...

— А сам он что говорил?

— До самого не добрались по уважительной причине — он к тому времени лет двадцать уж был покойником. Умер от старости вполне естественной смертью. Нескольких стариков его помнили, они-то и рассказали... Видите ли, он, немного придя в себя и осмотревшись, должно быть, понял, что бесповоротно вырван из своего времени и пространства. И, как ни странно покажется, прижился в деревне. Оказалось, умеет возиться с железками, кузнец как раз искал толкового подручного... Ремесленники в деревне всегда нужны, доложили управителю, выделили ему хатенку, приписали к манору, а там и невесту подыскали. Ну, прижился. Полиция по его душу не приезжала, в розыскных листах не значился — так чего же беспокоиться и мудрить? Пусть себе возится в кузне... Деревня — замкнутый микрокосм, знаете ли. Особенный мирок, в некоторых отношениях почти что другая планета. Говорят, первое время рвался в город, то ли к властям, то ли к ученым людям. Потом притих. Должно быть, наслушался того-сего о Шторме, понял, что деваться некуда. Ну, прожил отведенный природой срок, помер — а одежда осталась. Куртка была очень уж добротной, и в конце концов тот обормот, сосед его бывший, рискнул напялить одежонку, когда поехал на ярмарку... Был еще один случай. Еще один человек. Никто его никогда не видел, но о нем написал святой Рох во втором томе «Печальных странствий». Они случайно встретились на каком-то постоялом дворе в ронерской

провинции. Мы самым тщательнейшим образом анализировали текст и пришли к выводу, что ошибка исключена. Собеседником святого мог быть лишь человек, переместившийся во времени из периода, опять-таки непосредственно примыкавшего к Шторму. Вот только его следов не отыскивали, как ни старались. Известно только, что он состоял в свите какого-то вельможного герцога. Должно быть, сумел адаптироваться лучше, нежели тот, из деревни. Или попросту встретил в нужном месте нужных людей, не каких-то задрипанных крестьян... В конце концов, язык практически не изменился, это ему облегчало дело. Неглупый и решительный человек мог, преодолев шок, в р а с т и в тогдашнюю жизнь, оставшись для нас незамеченным. Очень возможно, были и другие — те, кто в наше поле зрения не попал... Вы понимаете теперь, чего я опасаясь?

— Пожалуй, — подумав, кивнул Сварог. — С таким же успехом в будущее может оказаться выброшенной какая-нибудь тогдашняя супербомба — за пару минут до взрыва...

— Совершенно верно, — устало сказал Гаудин. — Бомба. Или какой-нибудь крейсер, который с перепугу откроет огонь по земному порту. Да мало ли что — колба из военной лаборатории с возбудителем какой-нибудь чумы, крылатая ракета с ядерной боеголовкой, наконец, какой-нибудь вихрь, уничтожающий везде, где проносится, живые существа, — о чем-то подобном сообщают предки... Вот если бы вдумчиво покопаться в компьютере Хелльстада...

— Руки чешутся, а? — спросил Сварог без особой подковерки.

— Ну естественно, — самым обычным тоном ответил Гаудин. — А вы все-таки против?

— Я боюсь, что вы там что-нибудь испортите, — сказал Сварог чистую правду. — Вся эта штуковина каким-то хитрым образом замкнута на меня... на коронованного короля, я имею в виду.

— Это-то канцлера и останавливает, — кивнул Гаудин. — Да и ситуация не из простых. Канцлер, как я уже говорил, боится излишне довериться Магистериуму, Мистериор бомбардирует нас требованиями соблюдать предельную осторожность и опять-таки не доверять Магистериуму, в Тайном Совете нет единодушия, а императрица настроена повелела не рубить сплеча... Так что я не тороплюсь. И очень хочу, чтобы вы мне верили, по-прежнему видели во мне вашего доброжелателя. Вам ведь необходимы друзья, лорд Сварог, — особенно теперь. У вас в последнее время появилось слишком много влиятель-

ных завистников. Ваши успехи и иные свершения автоматически вызывают кое у кого лютую зависть... Что произошло, кстати, меж вами и Орком?

— Ничего серьезного, — сказал Сварог быстро. — Так, мелкие ссоры из-за сущих пустяков...

Конечно, следовало бы рассказать Гаудину о забавах Орка с навьями, поделиться кое-какими подозрениями, но он не мог себя пересилить и **н а с т у ч а т ь**. Уважающий себя офицер стучать не будет. Уважающий себя король — тем более. Нужно сначала кое в чем разобраться самому, в конце концов. О том, что Орк готовит войско из навьев, он знал лишь от самого герцога. А тот мог и приврать...

— По-моему, вы чего-то недоговариваете.

— Да что вы! — возмутился Сварог елико мог искренне.

— Ну, смотрите, вы взрослый человек. Орк, между прочим, в отличие от вас вряд ли станет играть в благородство. Уж я-то знаю, как давно и целеустремленно он рвался к хелльстадским тайнам... Правда, при этом у него хватило хитрости и благоразумия, чтобы не связаться с «Черной благодатью», хотя Алферс и пытался его втянуть... Но вашего положения это не облегчает. Орк вас с некоторых пор откровенно ненавидит. А моя служба пока что не имеет оснований вмешиваться. Лично я не верю Орку, когда он болтает на всех углах, что вы рветесь к власти над миром...

— И правильно делаете, — сказал Сварог грубовато. — Я решительно не могу понять, зачем мне власть над миром.

— Да я-то понимаю... А вот у глупца-обывателя есть такая поганенькая черта — любит приписывать другим свои низменные побуждения. Он на вашем месте непременно постарался бы достичь высшей власти, а потому убежден, что и вы втихомолку к тому же стремитесь. Учитывайте эту сторону человеческого мышления. Наконец, у этой проблемы — я имею в виду хелльстадскую корону на вашем челе — есть и совершенно неожиданные аспекты. Сами убедитесь, когда поговорите с директором Канцелярии земных дел...

— А что ему нужно? Я так и не знаю, зачем он меня вызвал.

— Что может быть нужно бюрократу? — усмехнулся Гаудин. — Привести реальность в полное соответствие с циркулярами и прочими предписаниями, но ни в коем случае не наоборот... Упаси боже, чтобы было наоборот! Сама мысль о такой возможности истинного чиновника приводит в ужас... Лорд Сварог, у вас чертовски усталый вид: мешки под глазами, повышенная нервность в движениях... Прихворнули?

— Вздор, — сказал Сварог. — Что-то плохо спится всю последнюю неделю. Какая-то дурацкая полубессонница-полудрема, кошмары снятся беспрестанно... У вас не найдется какого-нибудь надежного эликсира вроде того, что спасает от малейших признаков похмелья? Голова раскалывается, в глаза словно песку насыпали. Я решил было, что это заклинания какого-то неизвестного доброжелателя, но они ведь на меня не должны действовать.

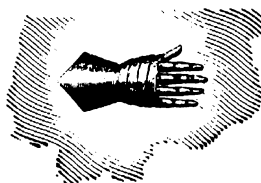
— Давайте посмотрим...

Гаудин, хитрым образом сложив пальцы правой руки, пытливо уставился на Сварога и долго молчал. Сварог терпеливо ждал. Он и в самом деле чувствовал себя прескверно — настолько, что вслух на это пожаловался.

— Нет, не чувствую ничего, что свидетельствовало бы о пущенных в ход заклинаниях... — сказал Гаудин. — Я вам сегодня пришлю своего врача... если только не побоитесь что-то из его рук принимать.

— Бросьте, — сердито сказал Сварог. — Я вам до сих пор имею глупость доверять... — улыбнулся он вяло. — И потом, мы, Гэйры, умеем распознавать подsunутые нам зелья...

— Я помню, — без улыбки сказал Гаудин.

БЮРОКРАТИЯ КАК ТОЧНАЯ НАУКА

«Г аудин в сложнейшем положении», — думал Сварог, шагая по бесконечным коридорам Канцелярии земных дел — высоким и широким, где зеркальные стены сменялись причудливыми переплетениями золотых узоров от пола до потолка, яркими мозаиками на разнообразнейшие сюжеты, от ласкавших глаз геометрических орнаментов до батальных сцен и сюжетов из незнакомых Сварогу мифов. Экзотические деревья в хрустальных кадках, щедро украшенных созвездиями самоцветов, исполинские гобелены, паркет ручной работы, беломраморные статуи, наборы доспехов и оружия, огромные, причудливейшие люстры, настоящие дебри из хрустальных подвесок, в чашобе коих, казалось, должна кипеть своя незнакомая и странная жизнь, а еще — потрясающей красоты ковры, медальоны из разноцветных эмалей, силванские павлины в золотых ажурных клетках, участки стен, представлявшие собою стены аквариумов, — там в голубоватой, подсвеченной воде плавали всевозможные морские диковины поразительного облика...

Вот именно, Гаудин в сложнейшем положении. Умирает от желания покопаться в тайнах и загадках Хелльстада, пройти по коридорам Вентордерана, облететь страну вдоль и поперек, своими руками коснуться компьютера... Но слишком горд, чтобы напроситься в гости. Быть может, и сама роль гостя для него унизительна. Ну что же, не стоит торопить события, пусть дозреет и свыкнется с мыслью, что Сварог — уже не тот роб-

кий, ничего не знающий новичок, многое изменилось за полтора года, и бесповоротно; по большому счету, Гаудин ему более не начальник, если вообще был когда-то начальником. Не стоит задирать нос и подпускать ненужной спеси, но нынешнее положение Сварога, как ни крути, требует иной системы отношений...

Он побывал уже во многих здешних присутственных местах, но нигде не видел столь пышной, пошлой чуточку, чрезмерно обильной и разнообразной роскоши, определенно рассчитанной на то, чтобы ошеломить и поразить вызванных сюда земных королей и их первых министров, ненавязчиво указать им их истинное место в вассальной пирамиде Империи. К стыду своему, он и сам на какое-то время поддался замыслам неведомых творцов Канцелярии — слишком длинными были коридоры, слишком много золота, самоцветов и архитектурных изысков, глаза поневоле разбегались, продуманная, изысканная роскошь подавляла и впечатляла, заставляла ощущать себя маленьким, покорным, незначительным, таким деревенским недотепой, впервые в жизни узрившим своими глазами пышность и великолепие в ы с ш и х...

Он боролся с этим чувством, как мог. Благо попадавшиеся на пути чиновники, пусть и раззолоченные, вальяжные, все, как один, старавшиеся шествовать с чванно-загадочным видом обладателей нешуточных тайн и высшего могущества, на короля Хелльстада косились все же с некоторым оттенком почтительной боязни. Усердно старались этого не выказывать, но Сварог-то, пусть и уставший от странной бессонницы, разбитый, видел у них в глазах глубоко запрятанную опаску. Как бы ни храбрился Гаудин, как бы ни доказывал, что Хелльстада он, собственно, и не боялся вовсе, нельзя отмахнуться от очевидного факта: слишком уж долго нынешнее Сварогово владение существовало в качестве самой пугающей тайны планеты. И с этим нельзя не считаться, господа мои спесивые, с этим нельзя не считаться, так что извольте опустить профиль на квинту и поумерить спесь...

Понемногу и его собственная походка изменялась — он уже не просто шел, а шествовал, намеренно задрав голову и выпятив нижнюю губу, как умел: сюда, в Канцелярию, прибыл не обычный земной монарх, которого за спиной можно и обозвать по обычаю антланцев, высокопробных холуев, «улиткой», — нет уж, позвольте вам не позволить, к вам соизволил заглянуть король Хелльстада, неподвластного вашей технике и заклинаниям... Ага, вон тот, даром что в чине коронного совет-

ника, поспешно склонил голову в чрезмерно низком поклоне, а те двое, помоложе да и чинами пониже, и вовсе отступили к стене, хотя достаточно было места, чтобы они могли пройти, не коснувшись пурпурной мантии...

Сварог не ответил на поклоны — даже пресловутым «милостивым наклонением головы», прошествовал мимо, словно не заметил их вовсе. И впервые пожалел, что при нем нет королевского посоха, очень уж славно было бы громко, с вызовом постукивать им по полу. Но тут уж ничего не поделаешь — геральдический посох монарха обязан быть увенчан гербом королевства, а у Сварога пока что не было ни герба, ни флага, ни многого другого...

Двое лакеев, суших великанов, в усыпанных самоцветами зеленых ливреях, проворно распахнули при его приближении двустворчатые золоченые двери приемной — и тут же заиграли невидимые фанфары, навстречу кинулись двое кабинет-секретарей, осторожно коснулись кончиками пальцев рукавов мантии, делая вид согласно этикету, что поддерживают под руки со всем респектом. А стоявший у двери в кабинет директора великан-глашатай громогласно рывкнул, так, что уши заложило:

— Его величество король Хелльстада к его небесному сиятельству!!!

Дверь широко распахнулась, Сварог вступил в кабинет — заранее проинструктированный, знавший уже до мелочей предстоявшие ему сейчас клоунские номера. И повел себя соответственно: остановился у порога (дверь за его спиной бесшумно и медленно затворилась), сложив руки на груди, чуть склонив голову.

Директор, вставший с кресла, выпрямившийся за своим исполтинским столом с позолоченными углами, словно уард проглотил, столь же церемонно склонил голову.

Тогда Сварог двинулся вперед, прошел ровно половину отделявшего его от стола расстояния, остановился посередине выложенного из ценнейших пород дерева круга, поклонился уже пониже, поднял голову:

— Ваше небесное сиятельство, мой старший кузен, высокий принц короны...

Директор, покинув кресло и обойдя стол (но не переходя некую невидимую линию), выполнил строго регламентированный жест рукой:

— Мой младший кузен, ваше величество, король... Прошу вас. Кресло к услугам вашего величества.

— Вы крайне любезны ко мне, мой старший кузен, — церемонно отвечивал Сварог и сел.

На этом китайские церемонии и окончились. Почти. Чтобы окончательно обозначить неофициальный характер визита, должны были еще появиться кабинет-лакеи со скудной снедью и питьями, предназначенными не для того, чтобы вульгарно набить ими желудок, а стать очередным символом.

Директор тронул золотой колокольчик, плавно потряс им, послышалась необычно громкая трель. Сварог терпеливо ждал, не вертя головой, разглядывал все, что только имелось в поле зрения.

Справа высился громадный прямоугольный аквариум — его стенки в два человеческих роста были из столь прозрачного, чистейше надраенного стекла, что казалось, будто никаких стенок и нет вовсе, в углу просто-напросто возвышается куб прозрачной воды, удерживаемой магическими силами. Меж высоких, чуть колыхавшихся зеленых растений лениво проплывали, плавно поводя плавниками, огромные белоснежные карпы, обитавшие исключительно в заоблачных дворцах, выведенные без всякого участия магии, трудами многих поколений лейб-рыбарей, — знаменитые императорские карпы, которых императоры жаловали, словно ордена, отбирали у впавших в немилость, а также вкушали раз в год на церемониальном ужине (и опять-таки, самый микроскопический ломтик редчайшей рыбы, попавший на тарелку счастливого, считался знаком неслыханной милости). «У каждой Марфушки свои игрушки», — подумал Сварог, глядя на размеренно разевавших рты рыб с чисто гастрономическим интересом, — он успел уже проголодаться, а у директора не поешь...

Все свободное от аквариума пространство, всю стену за спиной директора занимали величественные полки из черного дерева, уставленные толстенными томами в кожаных переплетах, со столь ярким золотым тиснением, словно обложки были изготовлены за час до визита Сварога. Книги своей многочисленностью и однообразием навевали тоску, да и содержанием тоже, заранее, ибо там, как Сварог уже знал, было собрано невероятное количество императорских указов, предписаний, регламентов, росписей, уставов, законов, положений, кодексов и прочих бюрократических премудростей, без которых не мог существовать ни один чиновник, даже самый низкопоставленный.

Лакеи все еще не появлялись — в этом опять-таки был заложен свой высокий смысл, знаменовавший высшую степень рас-

положения к гостю. Если бы Сварогу хотели продемонстрировать с ходу недовольство, а то и начальственный гнев, холуи мгновенно выросли бы за спиной, едва он опустился в кресло, плюхнули бы на стол ломившееся от снеди блюдо. Ну что же, стиснем зубы и перетерпим эту церемониальную тянучку...

Директор, принц короны, член императорской фамилии, родной дядя императрицы, был высок, худ и костляв, он казался скверно сделанной куклой, лишенной почти всех человеческих слабостей, — да и был таковым в действительности. Злые языки — а конкретнее, другой дядюшка Яны, принц короны Элвар, — уверяли, будто он и ночи проводит в этом кабинете, устраивая перед сном оргии, заключающиеся в перечитывании древних кодексов и подсчете в каждой книге глав и параграфов, разделов и подстрочных примечаний. Наверняка Элвар был пристрастен, но сейчас, при взгляде на эту продолговатую физиономию со впалыми щеками и тусклыми, как старый пергамент, губами, поневоле верилось сплетням, будто директор поставил перед собой задачу: пересчитать все до единой буквы в бесчисленных томах, а потом отыскать в получившемся числе высший магический смысл и связь с путями звезд...

Вот с Элваром было гораздо проще — он, беззаботный толстяк, эпикуреец и патологический бездельник, повадился к Сварогу в гости чуть ли не через день. Сварог имел однажды неосторожность поведать Его императорскому высочеству об эликсире под названием «самогонка», широко употреблявшемся в том мире, откуда он нагрязнул. Элвар живо заинтересовался, пришлось, привлекая в помощь дворецкого, собрать классический самогонный аппарат, работавший с предельной нагрузкой. Его высочество потреблял самогонку в количествах, способных ужаснуть не только Сварога, но и запойного комбайнера из какой-нибудь муромской глубинки, но при этом ухитрялся остаться в полном здравии. Гораздо хуже приходилось его свите, которую он притаскивал к Сварогу в гости и накачивал тем же эликсиром, — они, бедолаги, переносили зелье не в пример хуже, быстренько оказываясь под столом, но, разумеется, не могли противоречить члену императорской фамилии, не говоря уже о том, чтобы отказаться ему сопутствовать в манор Гэйр.

Между прочим, это Элвар пустил в обиход две намертво приставших к братцу-директору клички: Костяная Жопа и Новогодняя Елка. С первой все было более-менее ясно — а сейчас Сварог понял и смысл второй...

Директор, его императорское высочество принц короны Диамер-Сонирил, был увешан высшими орденами земных королевств чуть ли не до пят. Как и полагалось принцам императорской фамилии, он носил через левое плечо желто-черно-синюю ленту, заколотую на бедре большой звездой Высокой Короны (что означало автоматическое пожалование его всеми остальными имперскими орденами), но она едва виднелась под гербовыми цепями, звездами, кронгами высших степеней, золотыми розетками и орденскими бантами. Не человек, а ходячий справочник по земным регалиям — тут вам и «Круглая башня», и сегурский орден Морских Королей, и Чертополох, и «Черное солнце», и «Золотой сфинкс», и гиперборейская «тарелка», чье название Сварог запомнил, и гурганская пектораль. Оставалось насквозь непонятным, как он ухитряется таскать эту немаленькую тяжесть, без магии тут никак не обойтись... Но, с другой стороны, ежели применить к ордену уничтожающее его вес заклинание, не обесценит ли это награду? Вот вам глубочайшая философская проблема, господа мои, вам, должно быть, смешно, но один из придворных мудрецов в трактате «О сущности отличий» подобные вопросы на десятки страниц размазывал...

Бесшумно появившийся кабинет-лакей поставил слева от Сварога фарфоровый подносик, на котором сиротливо покоилась крохотная чашечка кофе, навевавшая тоску хрупкостью и размерами. Сварог же, не выказывая владевших им чувств, деликатно взял двумя пальцами тоненькую ручку, поднес ко рту сине-белый сосудик и омочил губы пахучей и горячей жидкостью. Церемонии были выполнены, пора начинать беседу...

Поставив свою чашечку, директор поднял на Сварога блестящие глаза:

— Полагаю, мы можем теперь говорить без лишней напыщенности. Прежде всего хочу заверить вас, король Сварог, что мною в первую очередь движет стремление помочь вам в делах, на которые вы по молодости и неопытности не обращали внимания вовсе. Знаете ли, все эти странствия в поисках приключений, все равно, ваши ли или других так называемых «бродячих рыцарей», конечно, производят впечатление на неопытное юношество и обеспечивают хлеб насущный авторам остросюжетных романов, а также менестрелям и летописцам, но вот что касается нас, скромных канцелярских тружеников... Признаюсь вам по совести, сорвиголовы вроде вас порой приводят меня в ужас. Жизнь человеческого общества — это стремление к порядку, каковой достигается посредством проистекающих

от владетельных особ законов и установлений, а уж мы, скромные чиновники, как раз и занимаемся претворением в жизнь поступающих сверху предписаний. Говоря высоким стилем, посвящаем жизнь долгой и многотрудной борьбе за превращение хаоса в строгий порядок. Вы по молодости лет и не представляете, какую дисгармонию вносите в размеренное течение жизни. Прежде чем рубить направо и налево разных там чудовищ, возлагать на себя короны и создавать новые государства, следовало бы заранее продумать последствия, но этого-то вы, молодежь, и не умеете категорически... Но не огорчайтесь, для того и существуем мы, слуги ее императорского величества, на то и поставлены, чтобы вносить строгий порядок...

— Быть может, вам будет благоугодно выражаться конкретнее? — осторожно спросил Сварог.

— Не спешите. Вам следует уяснить, что королевская корона возлагает на вас многочисленные и сложные обязанности, вовлекает вас в разностороннюю деятельность по поддержанию порядка, хотите вы этого или нет... Как известно — и уже подтверждено соответствующими рескриптами, — ее величество признала за вами права на королевство Хелльстад, а равно и на земли, в обиходе доселе вульгарно именовавшиеся Тремя Королевствами, но с точки зрения строгой отчетности обязанности звать по всей форме: королевство Демур, королевство Хорен и королевство Коор... Мои поздравления. Но здесь-то и начинается большая и сложная работа, которой вы пока что не спешите заняться, чем нарушаете столько правил и вносите беспорядок в столь многочисленные разделы отчетности, что у меня волосы встают дыбом...

— Простите?

— Начнем с Хелльстада, — сказал директор. — Меня совершенно не интересуют тамошние чудеса и странности — оставим эти материи поэтам, магам Мистериора и восторженным юнцам. Я же, как глава известной Канцелярии, обязан добиться того, чтобы вы привели в порядок требуемую отчетность, причем в кратчайшие сроки...

— Соболаговолите объяснить, — смиренно сказал Сварог.

— Извольте. Королевство — это не абстрактное понятие и не ваша личная игрушка. Королевство — это субъект юрисдикции, обязанный обладать всеми соответствующими атрибутами, институциями и структурами. Согласно параграфу третьему пункта второго «Установления о вассалитете»...

Он сделал движение пальцами, с полки за его спиной вмиг вспорхнул толстенный том в черном кожаном переплете, сам

собой раскрылся и, обогнув голову директора, описав плавную кривую, подлетел к Сварогу, остановился в воздухе перед его глазами, так, чтобы Сварог без труда мог прочесть должный параграф.

— Всякое королевство должно обладать, во-первых, государственным флагом, — наставительно продолжал директор. — Во-вторых, гербом, в-третьих, королевскими печатями — Большой, Средней и Малой, причем области применения каждой опять-таки строго регламентированы соответствующими статьями законоустановления. Описания всего этого вы давно обязаны представить в Геральдическую коллегия, послав копии таковых описаний в мою Канцелярию, а также в Кабинет императрицы и Палату Пэров. Где они, позвольте спросить?

— У меня как-то не было времени, — ответил Сварог в неподдельной растерянности. — Да и никто меня не предупредил...

— Ваша неопытность, конечно, служит смягчающим обстоятельством, — кивнул директор. — Но мы с вами именно для того и встретились сегодня, чтобы привести в порядок все ваши дела... Пойдем далее. Всякое королевство обязано обладать денежной системой — и вы опять-таки обязаны представить во все заинтересованные инстанции полное описание денежной системы королевства Хелльстад вкупе с иллюстрациями, выдержанными в установленном масштабе. Копии на сей раз следует отправлять еще и в Канцелярию по экономическим делам...

— Простите, ваше высочество... — решился Сварог вставить словечко. — Но дело-то в том, что у меня в королевстве, я имею в виду Хелльстад... собственно говоря, населения и нет вовсе. По крайней мере, такого населения, которое пользовалось бы деньгами. У меня там обитают в основном гигантские змеи, собаки, а также...

— Я же сказал — э т и мелочи в мою компетенцию не входят, — брюзгливо прервал директор. — Если у вас нет населения, которому необходима денежная система, вам просто-напросто следует именно это и написать в соответствующей главе Большого Реестра Королевства... но вы ведь пока что вообще не завели Большого Реестра?

— Увы... — развел руками Сварог.

— А обязаны, молодой человек! Поскольку Большой Реестр Королевства — краеугольный камень вашей отчетности, все остальные отчеты делаются исключительно в его рамках. Советую вам незамедлительно составить Большой Реестр, этим

вы облегчите задачу в первую очередь самому себе. Когда у вас будет надлежащим образом оформленный Большой Реестр, управление королевством значительно облегчится. Далее. Любое королевство обязано обладать Геральдическим Кодексом, охватывающим систему титулования, орденов, структуру Сословий и Гильдий, роспись классных чинов, принятых для служащих гражданских органов управления, а также нестроевых военных департаментов. Военного Кодекса у вас, разумеется, тоже нет. Вот видите... В него входят отчетные сведения о ваших вооруженных силах: количество и наименование гвардейских и обычных полков, численность флота, артиллерийского парка, списки генералов и офицеров, полное описание знаков различия, описание воинских знамен, вексиллумов и значков, а также штандартов, вымпелов и гюйсов. Не ерзайте, молодой человек! Я, кажется, догадываюсь, что вы хотите сказать: что у вас нет ни армии, ни флота... Что ж, это ваши личные хлопоты. Вы вправе либо не заводить армии вообще, либо наряжать ваших генералов в кружевные фартучки с рюшечками... но в любом случае следует соблюдать строгую отчетность. Если у вас нет военных кораблей или артиллерии, об этом должна иметься соответствующая запись в должной графе и разделе. Далее. Вы обязаны составить Географический Кодекс: описание числа провинций с точными картами, рек и пахотных земель, лесов, залежей полезных ископаемых... Кроме того, всякое земное королевство обязано представить роспись органов управления, полицейских структур, тайных служб...

Он говорил и говорил, сухо, казенно, бомбардируя Сварога все новыми и новыми требованиями, приводя в совершеннейшее уныние, — а с полнок за его спиной, повинуюсь небрежным жестам, вспархивал том за томом, от книг уже рябило в глазах, они методично распахивались перед глазами Сварога, ощущавшего уже нешуточную головную боль. Прекословить он и не пытался, прекрасно понимая, что оказался затянутым в шестеренки гигантской махины, лишенной всяких человеческих чувств, — и, кроме того, вовсе не настроенной к нему враждебно. Просто она вертелась, как привыкла за тысячелетия, — и воевать с ней было решительно невозможно, потому что шестеренок этих, строго говоря, и не существовало в виде материальных объектов. Можно воевать с людьми, чудовищами, демонами, зверьем, но даже волшебный топор Сварога ничего не смог бы поделаться с этими аккуратными шеренгами переплетенных в черную кожу томов. Предположим, он изрубил бы книги в кусочки — ну и что? Ничего не поделаешь с Су-

ществующим Порядком... Жаловаться императрице тем более бесполезно — она тоже не в силах нарушать свои же собственные законы...

— Все это в полной мере касается и Трех Королевств, — сказал директор. — Что-то вы осунулись, молодой человек... Право же, я вам искренне сочувствую. Т е п е р ь, надеюсь, понимаете, насколько сложна и разветвлена наука государственного управления, а равно — строгой отчетности? Это вам, простите, не страшилищ бить топором по голове. Воевать с монстрами — штука нехитрая, любой крестьянин справится, а вы попробуйте наладить п р е д п и с а н н ы е управление и отчетность...

Несмотря на скупую мимику малоподвижного лица, он выглядел триумфатором, и Сварог в глубине души признавал за ним эту роль, прекрасно сознавая, что разбит наголову. И в самом деле, гораздо легче и проще без особых изысков бить чудищ топором по голове...

— Есть еще Вероисповедальный Кодекс, — чуточку мягче сообщил директор. — Основные вероисповедания, количество храмов и все прочее...

— Интересно, а если я откажусь от Трех Королевств? — вслух подумал Сварог, ругая себя за это проявление слабости.

— А вот это, должен вам сообщить, не такое простое дело! — вскинулся директор. — Королевство, если оно закреплено за вами соответствующими указами императрицы, — не какая-то там водяная мельница из известной сказки, которую можно передавать из рук в руки, словно старый башмак. Ситуации, когда вы можете быть лишены высшей властью королевских прав, известны наперечет, установления на сей счет законодательно оформлены — и здесь мало вашего собственного желания. Отречение короля от трона, совершенное данным королем добровольно, признается законным и входит в силу только в случае соблюдения должных статей...

Очередной том вот-вот должен был, шелестя страницами, порхнуть с полки, и Сварог торопливо вскинул ладонь:

— Не нужно, я вам верю на слово... Главное я понял: так просто мне от своих королевских корон не отделаться...

— Совершенно верно... ваше величество, — с тусклой улыбкой подтвердил директор. — Далеко не так просто, ох как непросто. И я вновь вам повторяю: вы взвалили на свои плечи дело, требующее громадной ответственности. Чтобы не превращать наш разговор в пустую пикировку или ходульный набор нравоучений, заключу вкратце: вам необхо-

димо в двухнедельный срок привести отчетность в полный порядок.

— А у вас не найдется какого-нибудь краткого руководства? — уныло спросил Сварог. — Инструкции какой-нибудь? «Что нужно знать начинающему королю». Что-нибудь в этом роде...

— Ну разумеется, ну конечно! — отеческим тоном сказал директор. — Неужели вы думаете, что наша задача — загнать вас в тупик и подвергнуть моральным пыткам? Молодо-зелено... Задача чиновника — облегчать жизнь всем, и королям в том числе, путем просвещения и учебы. Говоря поэтическими образами, я сравнил бы чиновника с компасом, помогающим путнику обрести нужное направление. К великому моему сожалению, молодежь наша еще не прониклась этими нехитрыми истинами, предпочитая вместо того сочинять глупые и несмешные анекдоты о бюрократах. Сובлаговолите получить нужные пособия — но вот я не стал бы употреблять прилагательное «краткие», когда речь идет о пособиях в столь серьезных и ответственных делах...

Поблизости от левого локтя Сварога возникли прямо из воздуха три толстых книги, плавно опустились на стол. Стопка эта оказалась толщиной в две ладони — что ж, на фоне заполнивших всю стену фолиантов можно считать сии пособия образцом деловой краткости...

— Трудно только первое время, — сказал директор ободряюще. — Когда вы все это изучите, составите необходимые кодексы и приведете отчетность в порядок, управлять станет не в пример легче... И почему вы, собственно, столь печальны? Вам вовсе не обязательно заниматься кодексами и отчетностью самому. Подыщите себе толковых министров...

— Легко сказать, — уныло протянул Сварог. — Где же я их возьму, у меня-то и подданных... — и тут его осенило. — Послушайте, а первый министр... вообще министры непременно должны быть людьми?

Кажется, он чуточку озадачил его императорское высочество — тот всерьез задумался на несколько минут. Впрочем, вряд ли для состояния, в которое он впал, подходило определение «раздумье» — Сварогу казалось, что он слышит, как совсем рядом шелкают шестеренки немудреного механизма, как шелестят страницы оправленных в черную кожу томов.

Наконец директор сказал, совершенно бесстрастно:

— Я не могу припомнить какого бы то ни было официального документа, который прямо запрещал бы занятие поста

министра лицом... не принадлежащим к человеческой расе. Равным образом нет и высочайшего указания на то, что министры либо иные королевские чиновники обязаны непременно быть людьми. Отсюда проистекает, что вы вольны назначить своим министром... кого угодно. Лишь бы назначенный мог вести делопроизводство и отчетность согласно установленной форме. Кстати, вы ведь знакомы с ронерским королем Конгером? Так вот, он в свое время возвел в дворянское достоинство одну из любимых охотничьих собак исключительно благодаря подобному юридическому казусу: видите ли, не было прямых запретов на возведение в дворянское достоинство существ, не принадлежащих к роду человеческому. То есть, п о д р а з у м е в а л о с ь, конечно, что в дворянство всегда возводили только людей, — но это не было закреплено юридически. Сейчас, конечно, после столь конфузного примера, пришлось ввести в уложения прямые запреты — но законы обратной силы не имеют... — Он попытался улыбнуться шире, чем обычно, давая понять, что намерен весело пошутить. — Таким образом, назначить первым министром вы можете кого угодно, но я все же не рекомендую вам выбирать для этой цели борзую собаку или любимого жеребца. Прямого запрета нет, но остаются чисто практические соображения: борзая собака или скаковой конь не будут заполнять за вас кодексы и отчеты...

— Не беспокойтесь, принц, — сказал Сварог без улыбки. — Я буду руководствоваться чисто практическими соображениями...

— Только постарайтесь не затягивать. У вас всего две недели. Помимо прочего, отсутствие пакета документов тормозит назначение к вам имперского наместника... точнее, четырех, по одному на каждое ваше королевство.

— Вот, кстати, о наместниках, — сказал Сварог. — У меня вдруг появилась идея... По-моему, нынешняя система императорских наместников весьма несовершенна и нуждается в реорганизации.

— Почему вы так полагаете? — насторожился директор.

Сварог сделал достаточно серьезное лицо и тоном солидного государственного мужа, озабоченного исключительно процветанием империи, сообщил:

— Система «один наместник на одно королевство», по-моему, не учитывает сложившихся реалий. Вот, скажем, принадлежащие некоторым державам острова достаточно велики. Настолько, что сами не уступают в размерах иному Вольному Манору: Катайр Крофинд, Бран Луг, Дике... Однако наместни-

ков там почему-то нет. Более того: я не возьму в толк, почему нет императорских наместников в тех Вольных Манорах, что не носят ранга королевства. А таковых, между прочим, целых восемнадцать. И, наконец... Почему бы не расширить систему наместников, не углубить ее? Скажем, в королевстве имеется двадцать провинций. Согласно моему проекту, система должна принять следующий вид: в королевстве — императорский наместник, а в каждой провинции — подчиненные ему имперские губернаторы... Улавливаете мою мысль?

Он осекся — принц-директор уставился на него выкаченными глазами с видом человека, пораженного неожиданным апплексическим ударом. Продолжалось это недолго, принц тут же опомнился, выхватил из воздуха высокий стакан с какой-то бледно-желтой жидкостью и одним глотком осушил его до дна. В воздухе распространился тонкий аромат хорошего вина.

Что-то твердое толкнулось Сварогу в сжатые ковшиком пальцы. Инстинктивно сжав непонятный предмет, он опустил глаза и увидел у себя в руке такой же хрустальный стакан с вином.

— Выпейте, — торжественно сказал директор. — За это, право же, стоит выпить. Примите мои поздравления, молодой человек. И простите за то, что я полагал вас легкомысленным вертопрахом. Вы подали великолепнейшую идею, не побоюсь этого слова, эпохальную! Только подумать, что никто прежде не додумался... Ну конечно же, расширение и углубление структуры! Браво! Великолепно! Конечно же, имперские губернаторы в каждой провинции, подчиненные наместнику королевства! Вы умнейший человек! Одним махом решится столько вопросов...

Сварог оторопело уставился на него, зажав стакан в руке. Без сомнения, господин директор говорил совершенно серьезно — а ведь Сварог всего-навсего попытался не слишком тонко поиздеваться над бюрократической системой, довести ее до абсурда... Черт, прежде чем открывать рот, следовало бы вспомнить, что для бюрократии любое «расширение» и «углубление» становится не абсурдом, а манной небесной!..

— Новые штатные единицы, — рассуждал вслух его высокочество. — Как минимум сто штатных единиц. Дополнительные фонды... да нет, какие там сто, ведь всякий имперский губернатор будет нуждаться в канцелярии, аппарате... Если стандартный штат аппарата при наместнике составляет двадцать шесть единиц, то любому имперскому губернатору мы просто-таки обязаны выделить не менее десяти сотрудников...

Снимается проблема кадрового резерва, мы одним махом покончим со множеством кандидатов, которые сейчас бесцельно толкуются в департаментах, пишут прошения, интригуют, подсиживают... Всем найдется место... Знаете что, лорд Сварог? — воскликнул он восторженно. — Бросьте вы ко всем чертям эту затею с королевствами. Я вам помогу быстро и эффективно освободиться от этой ноши. И поступайте ко мне секретарем канцелярии. Гарантирую чин имперского тайного советника, льготную выслугу, прочие блага — это все для начала, а там посмотрим... Грех не привлечь в свое учреждение человека, который способен рождать столь полезные и толковые идеи... Как вы?

— Простите, ваше императорское высочество, но вынужден отклонить столь заманчивое предложение, — торопливо сказал Сварог, вовсе не расположенный попадать из огня да в полымя. — Не чувствую в себе достаточно способностей для государственной службы, уж не посетуйте...

— Жаль, жаль, — пожевал губами принц. — Но вы все же подумайте, я не тороплю...

...Уже спускаясь по широкой лестнице Канцелярии, щедро украшенной статуями и фонтанами, Сварог отыскал еще одно надежное средство, способное улучшить отношения с Новогодней Елкой: следует незамедлительно учредить высший орден Хелльстада, с хорошую тарелку размером, непременно с гербовой цепью, самоцветами и кронгами позатейливее. И вручить со всеми полагающимися почестями. А ордена Трех Королевств даже не придется придумывать, достаточно покопаться в библиотеке Геральдической коллегии и восстановить старые. Нужно принимать правила игры, коли уж нет возможности от этой игры отвертеться или изничтожить ее к чертовой матери...

Он быстро спускался, шурша мантией, озабоченный больше всего тем, чтобы не наступить на ее подол, не ляпнуться на ступеньках, — позору не оберешься, явный урон для королевского достоинства... Трое раззолоченных чиновников со всей возможной важностью несли за ним «Кодекс жути ночной», три фолианта кратких пособий для начинающего короля, а также четыре бархатных коробки — королевские Походные Печати, по одной на королевство, коими Сварог должен был пользоваться, пока не приведет в надлежащий порядок кодексы и отчетность. Бюрократическими причиндалами он обрастал с удручающей быстротой. И ничего тут не поделать. Пусть даже подданных — кот наплакал, пусть даже добрая их поло-

вина к роду людскому не принадлежит, пусть даже кандидатов в министры и верные сподвижники можно пересчитать по пальцам одной...

Он даже приостановился. Все из-за чертовой бессонницы, голова не работает толком, иначе давно додумался бы...

Не стоит мудрить. Нужно побыстрее навести справки на земле — что сейчас поделывает Странная Компания. Вот уж на кого можно полагаться и в более серьезных делах. Вот только захотят ли его бывшие сподвижники бросаться в очередное нелегкое предприятие? Как-никак обзавелись орденами и титулами, равно как и деньгами, «дабы поддерживать свое нынешнее положение», если использовать стандартную земную формулировку. А верзила Бонн и вовсе стал королем, пусть всего лишь в Вольном Маноре. Людям свойственно стремиться к безопасному уюту, особенно тем, кто попал в князи из натуральной грязи...

Его вимана стояла на прежнем месте — двухэтажный перламутрово-серый домик с алой крышей, и возле распахнутой настежь входной двери навтыжку стоял верный Макред в парадной livрее. Картинка мирная, идиллическая. Правда, ее немного портило присутствие в нескольких уярдах от виманы боевого драккара, представлявшего собою ровно треть личного Сварога военно-воздушного флота. Черная крепостца с дюжиной башенок добросовестно ошетичилась дулами и жерлами. Сам Сварог с превеликой охотой избавился бы в мирных полетах от столь могучего вооруженного эскорта, но это была не его идея: Гаудин не то чтобы посоветовал, а прямо приказал летать исключительно в сопровождении драккара, пока не сгладятся кое-какие шероховатости... Он и сам передвигался от одного летучего замка к другому под конвоем двух брагантов Серебряной Бригады. А значит, обстановочка и в самом деле оставалась напряженной.

— Прошу пожаловать, милорд!

Верный Макред на сей раз произнес это что-то чересчур уж громко, почти крикнул.

Сварог поднял бровь, прислушался. На втором этаже что-то звонко упало, послышался азартный возглас, чей-то испуганный визг. И тут же все утихло.

— Ах, вот оно что, — сказал Сварог понимающе. — Опять покрываете этих шалопаев, Макред? В конце концов, мы не у себя дома, здесь официальное учреждение, и не из последних... Заберите у этих господ все, что они принесли. Взлетаем. В манор.

Он прошел в дверь, облегченно вздохнув, снял тигру, положил ее на столик у двери, недавно поставленный именно для этой цели, сноровисто расстегнул пряжки мантии, сбросил с плеч не глядя — к ней, пока не успела упасть на пол, тут же кинулись два лакея в ливреях его фамильных цветов — и поднялся на второй этаж, на ходу доставая сигареты: Костяная Жопка терпеть не мог курения, а потому во всем его обширнейшем заведении не было уголка, где можно устроить перекур.

— Так-так-так-так, — сказал он, входя в гостиную. — Издали слышно, что вы тут на головах ходите, разгильдяи...

Вопреки его пессимистическим ожиданиям, разрушения оказались невелики: пара вычурных кресел перевернута, да сорванная с окна портьера косо повисла на золоченой палке, подметая пол, и возле нее застыл навытяжку ливрейный холуй, ожидая точных указаний Сварога.

— Навести порядок, — бросил ему Сварог, сел в кресло, из-за своей массивности оставшееся в прежней позиции. С удовольствием затаился, присвистнул: — Еще и ваза...

Растрепанная Мара повесила голову, без особого раскаяния поскребила глазами из-под рыжей челки, поправляя на груди покосившийся орденский бант. Карах поместился над камином, за часами, откуда торчало лишь его мохнатое ухо. Неподалеку от кованой каминной решетки изящнейшей ручной работы валялась на ковре немаленькая груда осколков, самые крупные из них сохранили фрагменты тончайших узоров, черных на светло-коричневом фоне.

— Карах! — рявкнул Сварог. — Встать в строй! Я кому сказал?

Серенький домовый после недолгих колебаний все же покинул свое нехитрое убежище, тихонечко вышел, повесив уши, чуть ли не строевым шагом пересек комнату и встал рядом с Марой, вытянув лапки по швам.

— Вольно, — сказал Сварог. — Все же я не зря занимался с вами строевой подготовкой, шалопаи, она и не из таких людей делала. Что же это мы наблюдаем? Не осколки ли коллекционной, насквозь антикварной вазы? Без малого три тысячи лет стояла себе ваза, что характерно, при всех властях и при любой погоде, а стоило вам, обормотам, в моем замке завестись... Что на сей раз? Ну?

Мара отважилась первой:

— У нас тут возник небольшой спор по поводу быстроты реакции, и некоторые мохнатые стали выпендриваться...

Карах строптиво вмешался:

— На меня, конечно, ордена не вешают, как на некоторых, но вот посмотрел бы я, смогла бы ты чесануть вверх по отвесной стене замка, когда по пятам гонится голодный ямурлакский болотожор...

— Я и говорю: от болотожора бегают только трусы. Или бесполезные создания вроде тебя. К чему от него бегать, когда ему можно без особого труда выколоть буркалы палкой...

— Отставить, — сказал Сварог. — Ясна картина. Снова начали взапуски носиться по потолку, только на сей раз вазу мою фамильную в щепки разнесли без всякого уважения к трем тысячелетиям. И плевать вам, что она в музейные каталоги внесена черт-те сколько лет назад... Разболтались, хорошие мои, что-то давненько я вас не водил в бои и походы... На сей раз вы у меня так просто не отделаетесь, гнев мой будет ужасен, а кара, мало того, что неотвратима, так еще и молниеносна... Мара...

— А? — независимо откликнулась рыжая кошка, ничуть не склонная проливать слезы над безвозвратно погибшим антиквариатом.

— Садись, — сказал Сварог, похлопав по широкому мягкому подлокотнику. — И ты, варвар мохнатый, не стой столбом. Ну вот что... Слушайте меня внимательно. Лауретта, я вас назначаю первым министром королевства Хелльстад, а также трех прочих королевств, каковые имею несчастье возглавлять. Карах, не лыбься — потому что тебе предстоит возглавить Королевские кабинеты четырех вышепоименованных держав. Сию же минуту можете приступать к своим обязанностям, я сейчас покурю и шлепну печати на указы...

Мара гибко наклонилась, чмокнула его в щеку:

— Я вам несказанно благодарна, ваше величество, за столь высокое назначение, нынче же ночью постараюсь отблагодарить, насколько это в моих скромных возможностях...

— Ночью у тебя будут более серьезные дела, нежели ублажать королей, — сказал Сварог без улыбки. — Я не шучу, ребята. Все серьезно. Мы в паршивой ситуации, признаюсь честно. Поскольку вновь оказалось, что бюрократия всемогуща, от меня требуют в кратчайшие сроки привести в порядок отчетность. Вон там, в трех тонюсеньких книжечках, — все инструкции и образцы документов. Нынче же вечером берите виману и отправляйтесь в Вентордеран. Запрягите мэтра Лагефеля, пусть помогает. Пока не управитесь, на глаза мне не показывайтесь. Сначала разберитесь с Хелльстадом, а потом покопайтесь в библиотечных файлах Геральдической коллегии, извлеките оттуда все данные по Трем Королевствам. Понятно?

Новоиспеченные сановники не выказали особой радости, но и протестовать не посмели, зная крутой нрав своего короля. Глядя на их поскучневшие физиономии, Сварог хмыкнул:

— Ничего, ребятки, справитесь. А то очень уж долгонько бездельничаете, давно я подвигов не совершал... и слава богу, по-моему. Для нормального человека противоестественно слишком часто совершать подвиги. Я с радостью констатирую, что нас ждет пусть и тягостная, но вполне мирная, рутинная работа по приведению королевской отчетности в тот благостный вид, что только и способен улагодворить имперских бюрократов. Согласен, дело нудное и унылое, но лучше уж возиться с бумагами, чем гоняться с топором наголо за всякой нечистью...

— Это кому как, — сказала Мара деланно безразличным тоном.

— Ох, поскорей бы ты выросла, прелесть моя, звезда очей моих, — сказал Сварог удрученно, одной рукой приобняв ее за тонкую талию, другой почесав за ухом Караха и ощущая при этом некое благостное подобие тихого семейного счастья. — Поскорей бы отучилась носиться с мечом по горам и подвалам.

— Да никогда в жизни.

— Ну ладно, — сказал Сварог. — Тебя не переделаешь, чувствую. Тогда вот тебе моя монаршая воля: если за неделю приведешь в порядок все бумаги, разрешу набрать отряд и очистить Ямурлак от остатков тамошней нечисти. Поскольку он примыкает к моим землям, нужно там навести, наконец, порядок... А там и присоединить, благословясь, да и с Пограничем пора что-то делать...

— Ты серьезно?

— Вот именно, милая, — сказал Сварог. — В конце концов, это не игрушки. Коли уж свалились мне на шею эти королевства, нужно их как-то обустроить, вдумчиво и предельно серьезно... Но имей в виду: не справишься за неделю с отчетностью, не видать тебе Ямурлака, как своих ушей. Уяснила?

— Накрепко, мой повелитель, — заверила Мара вполне серьезно. — Однако... Можно, я сделаю наоборот? Сначала скачаю из геральдической библиотеки всю информацию по Трем Королевствам. Это гораздо проще. А Хелльстад оставлю на потом.

— Идет, — поразмыслив, кивнул Сварог. — Главное, уложиться в неделю. Потом надо будет поискать на земле наших друзей из Странной Компании... — Он щелкнул пальцами и приказал выросшему как из-под земли лакею: — Кофе. И побольше и покрепче... Голова раскалывается. Могу я нормально

выспаться, наконец? Что ни ночь, чертовщина какая-то в голову лезет, непонятно что мерещится...

— Ничего удивительного, — сказал вдруг Карах. — Она идет к Талару.

— Кто идет? — не понял Сварог.

— Багряная Звезда, хозяин, — уверенно сказал серенький домовой. — Она еще далеко, но идет-то она к Талару... Ты меня не зря научил читать-писать, я вчера сидел с книгой про небо и теперь знаю, как это называется, — о р б и т а. Путь звезд. Орбита у нее очень длинная, вытянутая, к Талару она подходит раз в пять тысяч лет, но коли уж пройдет близко — жди всяких жутких невзгод...

— Вот и учи после этого всяких там домовых писать, а тем более читать, — фыркнула Мара. — Багряная Звезда — чистой воды сказочка, выдуманная каким-то шутником в древние времена...

— Сама ты сказочка, рыжая, — огрызнулся Карах. — Говорю тебе, она идет к Талару, я ее ч у в с т в у ю на небе, мы умеем... выходит, и хозяин тоже. Всякие бессонницы и кошмары у него начались в аккурат, когда она замаячила вдалеке... Старик говорил, так оно и бывает, у меня тоже голова как дурная...

— Почему — «как»? — ангельским голосом спросила Мара.

— Подожди, — сказал ей Сварог. — Не вмешивайся... Что это за звезда такая?

— Я и не знаю, как толком объяснить, хозяин. Вообще-то, она и не совсем звезда... И не совсем планета... Просто называют ее так... Она сейчас, я так прикидываю, примерно в паре месяцев своего лета от, как это по-книжному... от орбиты крайней планеты нашей системы... потом еще пару недель будет пролетать в нехорошей близости, пока опять не уйдет на новые пять тысяч лет с какими-то там столетиями... Багряная Звезда, хозяин, — очень плохая планета. Сама по себе она вроде бы и не несет особенного зла, зато про нее точно известно, что она пробуждает всякую погань, которая до того крепко спала, усиливает то зло, что потаенно бдило, вообще она как бы факел, если его кинуть в ведро с горючей жидкостью... Вот так примерно наши старики рассказывали, у нас ее боялись испокон веков, еще с тех времен, когда вас на Грауванне и не было вовсе, когда Грауванн еще не звался Таларом, и слова такого никто не знал... Д р у г и е, которые жили до вас, про нее тоже знали, что-то такое с ее помощью вытворяли... Кое-кто говорил, это их и погубило...

— Нет, полный вздор, — решительно сказала Мара, едва Сварог разрешил ей высказать свое мнение. — В жизни не слышала ни про какую Багряную Звезду, а нас, между прочим, неплохо учили, гораздо лучше, чем этого ушастого, который и читать-то по складам научился месяц тому...

— Значит, плохо учили, — упорствовал Карах. — Ты как думаешь, почему грянул Шторм? Потому что аккурат в те времена прошла неподалеку Багряная Звезда — и что-то там с чем-то перемешала, отчего получились все ужасы и потрясения...

— Ага, и молоко у коров свернулось, а у медника собака сдохла...

— Поживешь с мое на белом свете — немного поумнеешь...

— А за хвост? — вскинулась Мара.

— Хватит! — прикрикнул Сварог. — Тут вам не латеранский ученый диспут, где позволительно чернильницами швыряться и за профессорские мантии друг друга таскать... Вы, голуби мои, как-никак теперь высокие королевские министры, так что ведите себя пристойно, привыкайте. Со временем, даст бог, обрастем подданными и заживем нормальной жизнью, так что учитесь должному этикету... Я поговорю насчет этой звезды с кем следует. Ты уверен, Карах?

— Точно тебе говорю, хозяин, — упорствовал домовой. — Старики говорили, у тех, кто умеет **ч у в с т в о в а т ь**, так оно и начиналось обычно — бессонница подступает, всякая ерунда по ночам чудится... Вроде бы есть какие-то отворотные церемонии и заклинания, но я их не знаю. У нас ученых было маловато, а потом, когда начались... ямурлакские пертурбации и **н а ш и** начали понемногу разбегаться в поисках лучшей доли, ученые и вовсе куда-то запропали — чтобы не попытались до смерти всякие там охотники за старой магией и кладами. Ты уж поосторожнее держись, мало ли что может **п р о с н у т ь с я**...

— Вот тебе живая иллюстрация к теории о вреде излишнего образования, — насмешливо сообщила Мара. — Научил ты его грамоте на свою голову, от первой же прочитанной книжки в головенке все перепуталось...

— Дуреха рыжая, — беззлобно огрызнулся Карах. — Жизнь тебя еще не жевала во все зубы...

— Да-а?

— Ага. Только и умеешь, что мечом махать да с хозяином спать.

Мара прищурилась, медовым голосом спросила:

— А ты что, завидуешь? Тому, другому или всему сразу?

Карах от обиды прямо-таки заплясал на широком подлкотнике.

— Великий Солнцеворот! Первому завидовать смешно, мы с мечами никогда не баловались, у нас в этой жизни другие цели и, учено выражаясь, функции, а что до второго — типун тебе на язык, рыжая язва! Я тебе не извращенец какой-нибудь, я самый обыкновенный представитель древнего племени фортиколов, и сейчас, чтобы ты знала, нахожусь в расцвете лет и сил! Еще когда-нибудь найду себе супругу из своего племени! Не могли же фортиколы вымереть окончательно! И нарочно позову тебя на Брачный Хоровод, чтобы посмотрела, как приличные существа устраивают свадьбы!

— Ну-ну-ну! — осадил Сварог верных сподвижников, новоиспеченных министров. — Вы у меня сейчас кофий из рук вышибете... Кончай цапаться. К дому подлетаем. Мара, незамедлительно займешься библиотекой, как только поужинаем. Вот, кстати... Карах, ты по-прежнему намерен у дворецкого обитать? Что за выкрутасы?

— Никаких тут нет выкрутасов, — насупился Карах. — Соблюдаю старые порядки, только и всего. Мы — фортиколы, а они — фартолоды, вот и весь сказ, какое тут может быть пересечение, положено в разные стороны расходиться, издали друг друга завидевши...

— У меня как-то не было случая спросить... — сказал Сварог. — Откуда они вообще у нас в замках взялись?

— Вам виднее, — дипломатично ответил Карах. — Они когда-то, как приличный «потаенный народец», тоже обитали на земле, а вот поди ж ты, вон они где оказались...

— Знаешь что? — сказал Сварог. — У меня как-то руки не доходили. Будет время, подсажу к тебе писца с хорошим запасом бумаги и велю изложить все, что ты знаешь касаясь нашего мира и его обитателей...

— Отчего же нет, — пожал плечами Карах. — Я — создание благонамеренное и приличное, нет на памяти ничего такого, о чем рассказывать было бы стыдно.

— Наплетет он тебе, — сказала Мара. — Ум за разум зайдет.

Карах ошетинился:

— По крайней мере, что познания мои, что воспоминания — насквозь мирные. А вот любопытно было бы твои мемуары почитать. Ужасно однообразное будет чтение, с одним-единственным запевом: «Режу это я кого-то под раскидистым дубом». «Сношу это я башку...»

Мара задумчиво произнесла, мечтательно глядя в пространство:

— Интересно, как это я до сих пор ни единого домового не прикончила? Даже недоумение берет, мало того — сушая досада: столь печальный недочет в биографии...

— Ты полегче, дворянка скороспелая, — отозвался Карах. — У нас мечей нет, но заклинания найдутся. Недельную икотку не хочешь?

— Я тебя тогда не то что через неделю — на другой день в замковом колодце утоплю...

Сварогу все эти их пикировки, имевшие целью потаенную борьбу за расположение хозяина и стремление выставить соперника в смешном виде, были уже знакомы, а потому он и не относился к ним всерьез. Лишь проворчал, выступая в роли строгого и справедливого повелителя:

— Стыдно, господа министры... Как дети малые. Да, Карах, вот еще что... Интересно, почему вы с моим домовым такие разные? Ты, как я давным-давно убедился, создание общительное, я бы даже выразился, общественное... А вот его я за полтора года и видел-то раза два, и то издали.

— Повадки такие.

— Чем он вообще занимается? — пожал плечами Сварог. — Может, и вовсе бездельничает?

— Да вряд ли, — рассудительно поведал Карах. — Я ж говорю, у нас повадки разные. Не любят фартолоды вам на глаза попадаться, только и всего, но это ж еще не значит, что он лодыря гоняет или о тебе не заботится. Как он может не заботиться, если ему по сути своей положено? Домовые предавать не умеют.

— Они одни, да? — фыркнула Мара.

— Хватит вам, не начинайте опять, — вполне серьезно на сей раз оборвал Сварог. — Голова раскалывается.

Глава 3

КТО КРИЧИТ В НОЧИ

Итак, каталаунский живой покойник... ну что о нем еще скажешь? Живой покойник, и все тут, к этому емкому определению, очень похоже, позаимствованному составителем книги от местных жителей, совершенно нечего добавить...

У закатной оконечности Каталаунского хребта, в глухой и малонаселенной ронерской провинции, граничащей с маркизатом Арреди из Вольных Маноров, есть небольшая деревня. Как часто бывает в этих местах, ее население состоит главным образом не из землепашцев, а охотников и ремесленников — специфика округа, знаете ли, пахотной земли мало, да и та скудная, каменистая, почти не родит. Подобных уголков хватает в районах, примыкающих к Каталауну: захолустье, глушь, военного нападения опасаться нечего из-за захудалости примыкающих Вольных Маноров, так что тут нет и мало-мальски серьезных воинских гарнизонов (а ведь давно подмечено умными людьми, что таковые своим наличием оживляют экономику, ну, а отсутствием, легко понять, развитию последней не способствуют); торговые пути, большие дороги и даже контрабандные тропки проходят на значительном отдалении, что опять-таки имеет для экономики печальные последствия; новых людей почти что и не бывает, разве что указующий перст властей и полиции именно сюда зашвырнет очередного ссыльного; обитатели варятся в собственном соку, не хватая звезд с неба и не подкапываясь под фундаментальные вопросы бытия... Скука и глушь.

Одно существенное отличие: именно в этой глуши и помещается одна из ненашедших решения загадок. Не столь уж и далеко от деревни, всего-то лигах в двух, если выйти на окраину, свернуть налево и прошагать в гору, все время в гору, отдуваясь и смахивая обильный пот. А там, на лысой вершине заурядной горушки, по причине малозначимости даже не имеющей имени, как раз и помещается то ли он, то ли оно...

Там есть могила, почти у самой вершины, — глубокая, однако незасыпанная. Еще деды пробовали засыпать, но со временем убедились, что занятие это абсолютно бесполезное: как ни засыпай, а земля все равно куда-то девается, как в прорву. Давным-давно плюнули и перестали.

В могиле помещается мертвец — по описаниям смельчаков, именно мертвец, черно-синий и вонючий, тронутый разложением, да так отчего-то и задержавшийся на этой стадии восьмой десяток лет. Точнее говоря, не помещается, а где-то даже о б и т а е т. Поскольку он лежит смиренхонько только днем, в светлое время, а с наступлением темноты выползает, тварюга, из своей вечной квартиры, ползает и култыхает вокруг — никогда не отдаваясь, впрочем, от своей ямины далее трех-четырех уардов. Иногда неразборчиво причитает и стонет, но далеко не каждую ночь, причем закономерностей в его поведении не усматривается вроде бы никаких: может ныть и подвывать неделю подряд, а потом молчать месяц. Иные толкователи из тех, что без всякого на то основания тцатся представить себя деревенскими колдунами и поймать под этим соусом почет и уважение односельчан, а также материальные блага в виде яиц, сметаны и битой дичины, пытаются порою уверять, что усматривают некие закономерности, позволяющие то предсказывать погоду, то урожаи и охотничьи успехи, то будущее родственников и соседей, — но по некоей традиции, идущей опять-таки от дедов, им, в общем, не верят и высмеивают. Деды давным-давно определили, что ничего подобного нет, а потому нечего и выделяться.

Живой покойник, в принципе, безопасен для окружающих. Все незатейливые правила техники безопасности отработаны давным-давно: хорошо известно, что, ежели подобраться к нему вплотную, может и грызнуть, и придушить, а потому уже добрых полсотни лет старательно соблюдается определенная опытным путем безопасная дистанция. Деревенские парни, правда, частенько шляются на горушку — оскорблять живого покойника словесно, кидать в него ветками и камешками, чтобы потом хвастаться перед девками. Местный вьюнош, ни

разу не ходивший за полночь тревожить живого покойника, согласно неписаной молодежной традиции, считается словно бы и неполноценным, авторитетом не пользуется и успеха у девок не имеет. Но лезть к самой могиле не решаются и записные ухари — достоверно известно, что укус у обитателя горушки ядовитый, те, кого он оцарапал даже слегка, непременно помирали от огненной горячки и загнивания крови, так что некоторые правила поведения молодая деревенская поросль выпитывает если и не с молоком матери, то уж с тех времен, как начинает разуметь человеческую речь.

И вот так — добрых восемьдесят лет. Достаточно, чтобы живой покойник превратился из будоражащей воображение загадки даже не в местную достопримечательность — в привычную деталь пейзажа. Восьмой департамент наткнулся на это чудо-юдо лет через двадцать после того, как оно завелось в тех местах, а потому отчет зияет пробелами, которые вряд ли когда-нибудь будут заполнены. Точную дату появления нечисти не удалось определить с точностью не только до месяца, но и до года, ибо старики перемерли, а пришедшие им на смену сами помнили плохо, откуда эта диковина взялась и при каких обстоятельствах. Некоторые упрямо твердили, что это — один из былых обитателей деревни, которого за некие жуткие грехи категорически отказался принять к себе потусторонний мир (вариант: имело место некое проклятье, наложенное на грешника проходившим в этих местах святым Круаханом). С точки зрения Магистериума, объяснение это было насквозь ненаучным, но, вот беда, научного просто-напросто не имелось. Научными методами было неопровержимо доказано, что это существо на горушке и в самом деле представляет собою труп покойного человека, который, тем не менее, все же способен передвигаться и издавать звуки. И только. Под него не смогли подвести научно-теоретическую базу, как ни бились, а потому оставили в покое. Ликвидировать не пытались — кому-то хватило ума вовремя прислушаться к словам стариков, в один голос заверявших, что на их памяти живого покойника пытались и сжечь дотла, завалив сушняком, и засыпать негашеной известью, — но сушняк с завидным постоянством отказывался гореть, а известь должного действия ни разу не производила...

Что ж, порой лучшая линия поведения — не делать ровным счетом ничего, старательно игнорировать загадку, которую не в состоянии одолеть все научно-материалистические методы...

Сварог сердито и небрежно отшвырнул толстенный «Кодекс жути ночной» на столик у изголовья своей необозримой

кровати, семейного ложа, по которому можно было маршировать строевым шагом, если только взбредет в голову такое идиотство. Книга глухо шлепнулась за пределами круга света от ночника. Гаудин, надо отдать ему должное, в который уж раз оказался прав: все описанные в книге феномены, какими бы ни были диковинными и жуткими, воображения отчего-то не будоражили, потому что их было слишком много, потому что каждый из них наблюдался многие десятки лет (а то и сотни), но так и не получил мало-мальски подходящего объяснения...

То ли сон не шел, то ли он попросту боялся смежить веки, зная, что снова окунется в зыбкий полусон, обволакивавший странными кошмарами, пугающими и надоедливymi, не удерживавшимися в памяти. Даже загадочное питье, лимонно-желтая жидкость в круглом графине, доставленное одним из доверенных медиков Гаудина, не действовало должным образом: оно лишь погружало в расслабляющее отупение, но глубокого, здорового сна не могло вызвать. А потому Сварог на вторую ночь велел Макреду выбросить графин в мусорную урну — в то чудо техники, что здесь выполняло роль мусорной урны, растворяя в неяркой вспышке любой неорганический предмет. И снова маялся, валяясь на огромной постели в надежде, что природа каким-то чудом возьмет свое...

Справа от постели, на огромном ковре, тихонько посапывал Акбар, время от времени повизгивая и дергая лапами, — вот кому снились нормальные сны, вот кто дрыхнул без задних лап, даже зависть брала... В нишах темными глыбами стояли древние рыцарские доспехи, слабые лучики света, который Сварог до сих пор упрямо именовал про себя лунным, освещали лишь один угол огромной спальни, где стоял старинный глобус Талара, — с постели можно было рассмотреть, что бледное сияние высвечивает Ферейские острова. Сварог находился сейчас в столь измененном и болезненном состоянии мысли, что готов был усмотреть в этом некое знамение, а то и предсказание. Некоей трезвой частичкой сознания он понимал, что все это — дичь собачья, но не получал от этого успокоения... Может быть, это некая загадочная зараза, действующая исключительно на того, кто не был урожденным обитателем небес? И нужно слетать на землю, пожить там, развлечься и развеяться, чтобы...

Он передернулся, подскочил на постели, уселся, весь в противном холодном поту.

Непонятно откуда доносился крик... или звук? Не имеющий отношения к чему-то живому? Или все же — крик?

То ли тягучая нота боевой трубы, то ли бесконечный стон, исторгнутый глоткой неизвестного живого существа, — жестяной плач, нытье на одной ноте, слишком реальное для того, чтобы оказаться галлюцинацией, слишком странное для того, чтобы остаться реальностью, плаксивый, вибрирующий вой, он тянулся, тянулся, тянулся...

Сварог перегнулся с кровати — Акбар безмятежно, глубоко сопел. Учитывая его невероятно чуткий слух — и беспокойство при появлении поблизости чего-то по-настоящему странного, свойственное всем без исключения хелльстадским псам... Объяснение напрашивалось унылое. Пора всерьез жаловаться опытному врачу — здесь тоже имеются свои психиатры, пусть и непоименованные так прямо, но выполняющие те же функции...

Протяжный крик не смолкал, не набирал силу, не делался тише, он тянулся нескончаемой нотой, лез в уши, проникал под череп, вызывая пакостнейшее ощущение: словно бы череп стал пустотелым сосудом, наполненным чем-то вязким, вибрировавшим в такт, понемногу разогревавшимся, — и все это в твоей собственной голове... И что-то отзывалось в углу, словно бы резонируя. Так колеса проехавшего за окном тяжелого экипажа вызывают дребезжание стеклянной посуды в шкафу, тоненькое, на пределе слышимости...

Он огляделся, ища источник. Слез с постели — пол приятно согрел босые ступни, — сделал несколько шагов, присмотрелся, изо всех сил борясь с ощущением, будто мозги в голове начинают кипеть, побулькивая и клокоча. Протянул руку, осторожно приблизив пальцы к лезвию Доран-ан-Тега.

Он уже не мог определить, мерещится ему или все происходит на самом деле. Все сильнее казалось, что от острейшего лезвия топора исходят крепнущие колебания, ощущавшиеся подушечками пальцев, что лезвие вибрирует в унисон мягким толчкам изнутри черепа. Что огромный рубин засветился изнутри собственным блеском.

«Все, — уныло подумал Сварог, слушая ни на секунду не замолкавший жестяной вой. — Нужно действовать, принять какие-то меры, пока сохранились остатки здравого рассудка, пока это не захлестнуло по макушку. К врачам пора, все всерьез... Или на самом деле что-то воет в ночи?»

Он сунул ноги в мягчайшие ночные туфли, застегнул рубашку и вышел в коридор, где стояла покойная тишина, где горела лишь одна лампа из пяти, — но неподалеку услужливо вскочил с мягкого диванчика один из множества ливрейных

лакеев, на всякий случай дежуривших и по ночам ради мгновенного исполнения хозяйских прихотей (Сварог и не собирался бороться с этой вековой традицией). Склонил голову:

— Милорд?

Сварог осторожно спросил:

— Вы ничего не слышите?

— Милорд? — отозвался лакей вопроситель-но-недоуменно.

Сварог уже давно открыл, что именно такая интонация в устах верной прислуги означала вежливое непонимание и невысказанную просьбу к хозяину разъяснить подробнее, что именно взбрело ему в голову на сей раз.

— Вот этот звук... — сказал Сварог, у которого и теперь стоял в ушах, в голове, под черепом нескончаемый стон-воплъ. — Довольно громкий, протяжный... Вы его слышите?

Лакей твердо сказал:

— Простите, милорд, я ничего не слышу. Стоит полная тишина.

— Нет, ну как же... — упрямо сказал Сварог, уже не думая о том, что выглядит полным идиотом. — Вот оно... слышите?

— Нет, милорд...

Сварог не помнил его имени — пусть кто-то и сочтет это отрывкой феодализма, но он решительно не мог держать в голове имена слуг, а привлекать магию для таких пустяков не хотел. Благо и необходимости не было помнить имена...

Он присмотрелся. Лакей, замеревший в безукоризненной стойке «смирно», выглядел безупречной статуей, но он стоял прямо под лампой, под ярко-золотистым шаром, распространявшим мягкое, не беспокоившее глаз сияние. И без труда можно было разглядеть, что физиономия вышколенного молодца далеко не так безмятежна, как он хотел показать... «С ума схожу, что ли? — подумал Сварог смятенно. — Плохо уже понятно, что кажется, а что в реальности имеет место быть...»

— Почему у вас такое лицо? — резко спросил Сварог. — Что тут случилось?

— Ничего, милорд...

— Врете, любезный мой, — сказал Сварог убежденно. — Если вы не забыли, ваш хозяин умеет безошибочно отличать правду от лжи. Незатейливая магия из разряда домашних... Вы мне сейчас говорите неправду... Итак?

Лакей решил:

— Милорд... Я и в самом деле не слышу никаких звуков, о которых вы изволите спрашивать... Но... Что-то неладно, милорд. Что-то неладное в замке...

— Что? Я вам приказываю высказать все, откровенно! Ясно?

— Как прикажете, милорд... Только я и сам не могу толком объяснить... Что-то такое... п о в с ю д у... Прямо колотит всего... Стою это я, а вон там вроде бы черная кошка шасть — и прощмыгнула! Вот оттуда вон туда... Почудилось, конечно, только было полное впечатление...

Сварог посмотрел в ту сторону. Если доверять лакею, то эта неведомо откуда взявшаяся в замке черная кошка выскочила прямо из стены и в стену же ухитрилась скрыться...

— Отроду не было в замке никаких привидений, — продолжал лакей, ухитрившись ответить на невысказанный Сварогом вопрос. — В лесу, сами знаете, иногда появляется безголовый медведь, Гэйр-Бар, ваш фамильный призрак, но крайне редко... А в замке никогда ничего подобного и не водилось, разве что домовой, но он — никакой не призрак... Ничего не пойму, в воздухе что-то такое, милорд, волосы дыбом встают, и ветерком, полное впечатление, н а с к в о з ь продувает...

Сварогу стало чуточку легче — похоже, не один он ощущал в окружающем нечто странное. Ну, а дальше? Какой толк от слов перепутанного лакея? И что тут можно сделать?

— Ну ладно, — сказал он неловко. — Посматривайте тут. Если и дальше станут шастать из стены в стену неизвестные кошки или случится еще что-то, — немедленно зовите меня, это приказ.

Он вернулся в спальню. Протяжный жалобный вой все еще звучал в ушах, и невозможно было определить, откуда он исходит. Снаружи все-таки?

Он распахнул дверь, поддавшуюся легко и бесшумно, вышел на галерею, в ночную прохладу. Приблизился к балюстраде. Лес стоял темной безмолвной стеной, в ближайшем доме для прислуги светились несколько окон. Если не знать наверняка, ни за что не догадаешься, что паришь сейчас за облаками, над грешной землей... Земля как земля, лес как лес, звезды...

Он присмотрелся. Сам не смог бы определить, что тут странного и неправильного, но что-то в ночном небе было не так...

Слева, над высокой острой башенкой одного из лакейских флигелей, чуть левее старомодного прорезного флюгера в виде восседавшего на ветке ушастого филина, светилось нечто, вызывавшее в мозгу эти странные и непонятные ощущения, — некое зудение в глазах, мягкое давление на них, словно заноза ухитрилась проникнуть под череп и сейчас пронизывает его насквозь, не причиняя боли, но вызывая... Черт, как облечь в слова те неприятные ощущения, для которых и нет слов?

Будто мерцающий алый уголек, будто видимый вовсе и не глазами...

Он отвернулся. Двинулся по галерее, опоясывавшей весь второй этаж, не поворачивая больше головы к странному огню в ночном небе, но чувствуя его присутствие. Оказавшись у окна кабинета, заглянул внутрь.

Господа высокие министры, несмотря на поздний час, трудились рьяно. Мара сидела у компьютера, всеми десятью пальцами колотя по белой клавиатуре, над синим усеченным конусом вспыхивали географические карты, какие-то таблицы и списки, изображения гербов, орденов и мундиров, проплывавшие сверху вниз и снизу вверх, сразу из трех прорезей тянулись белоснежные листы, то недлинные, то скручивавшиеся в свитки. Примостившийся на резном подлокотнике ее кресла Карах временами вставлял словечко — и Мара то отмахивалась резким движением плеча, то выслушивала внимательно. Все прилегающее к столу пространство было завалено листами и свитками, эскизами ярких мундиров, картами.

Оба министра, как и полагалось в приличных королевствах, уже были титулованными господами. По размышлении Сварог присвоил Маре титул графини — чтобы не баловать ее особенно, с расчетом на будущее и возможные повышения за усердную службу, а Караха, изрядно поломав голову над нестандартностью ситуации, сделал-таки бароном. Новым циркулярам, о которых упоминал Костяная Жопа, это, если придирчиво вдуматься, все же не противоречило: ими запрещалось «возводить в дворянство и присваивать титулы неразумным существам, не принадлежащим к роду человеческому». И только. Здесь опять-таки крылась юридическая лазейка, простор для опытного крючкотвора: с одной стороны, Карах к роду человеческому безусловно не принадлежал, с другой же, как ни примеривайся, был существом вполне разумным, а следовательно, под циркуляр не попадал. Именно так, мудро рассудив, решили обожавшие Сварога старцы из Гერальдической коллегии — и недвусмысленно намекнули, что ждут от него очередных сложных сюрпризов, скрашивающих их скучнейшее доселе бытие. Сварог обещал непременно что-нибудь придумать...

Сварог тихонько вошел. Мара через плечо бросила на него затуманенный взгляд, бормоча:

— Королевский казначей обязан пребывать в ранге коронного советника... Тыфу ты, голова идет кругом!

— Ты, случайно, не слышишь каких-то странных звуков? — спросил Сварог насколько мог небрежнее.

В ушах у него стоял пронзительный вой. Мара вяло улыбнулась, пожала плечами:

— Только бумажное шуршанье. У меня этот звук скоро в ушах торчать будет, как пробки...

— А ты, Карах?

Серенький домовой выглядел понурым и неуверенным — дело тут, конечно, не в усталости, а в том, что он вопреки загадочным правилам этикета все же поневоле вторгся на территорию своего коллеги, вошел в замок.

— Да вроде бы ничего такого... — сказал он грустно.

— Иди за мной, — мотнул головой Сварог в сторону галереи. — А ты работай, работай, никаких вопросов...

Карах послушно плелся за ним, жался к ноге. Нагнувшись, Сварог привычно подхватил его, посадил на плечо и, стоя у балюстрады, показал в ночное небо:

— Вон там, левее филина... левее флюгера, я имею в виду. Светится там что-то красное или мне чудится?

— Над той крышей?

— Ага.

— Я же тебе говорил, хозяин, а ты не верил, — тихонько сказал ему Карах, щекоча ухо пушистой мордочкой. — Это и есть Багряная Звезда... — В его голосе сквозило удивление. — Оказывается, ты ее тоже можешь видеть, кто бы мог подумать... Я-то решил, что только такие, как я, могут...

— Красная? И словно бы мерцает? И в глазах какое-то неприятное давление чувствуется?

— Ну да. Не надо на нее долго смотреть, не стоит... Маре бы показать, только ей все равно не докажешь, она-то не видит... Потом-то все увидят, да поздно будет...

— А никакого воя ты и в самом деле не слышишь? — спросил Сварог упрямо.

— Да нет, ничего такого. Тишина кругом. Хозяин... Это все неспроста...

— Удивительно верное замечание, — фыркнул Сварог. — Ладно, иди работай. Маре — ни словечка ни о чем таком. Коли уж она и не видит ничего, и не слышит... Ну, живенько!

Едва Карах проворно скатился с его плеча и нырнул в дверь, Сварог направился назад.

И сообразил вдруг, что непонятный вой, столь досаждавший ему, исчез. Напрочь. Его больше не было слышно. Словно повернули выключатель.

Ощувив нешуточное облегчение, Сварог выдохнул полной грудью. Голова по-прежнему побаливала и глаза жгло, словно

туда сыпанули песку, но это уже были классические симптомы бессонницы, не имевшие ничего общего с загадочными странностями. Он почти вбежал в спальню, раздеваясь на ходу, швыряя одежду куда попало. Осторожно обошел спящего Акбара, чтобы не наступить в полумраке верному псу на хвост или на лапу, нырнул в постель, в безупречную чистоту прохладных простыней. Уткнулся лицом в подушку, яростно пытаюсь н ы р н у т ь в сон, в беспамятство, пока снова не послышался загадочный вой...

...Он шагал сквозь странные препятствия, напоминавшие хаотичное нагромождение сгнивших остовов множества кораблей, — повсюду ряды насквозь проеденных разрушением досок, то прямых, то плавно выгнутых, похожих на исполинские скелеты длиннющих змей, — но все же это были доски, пахнущие сырой прелью гнилого дерева, серо-зеленые, полурасыпавшиеся. Не было ничего, хотя бы отдаленно похожего на проход, коридор, — и Сварог шел напрямую, грудью, всем телом наваливаясь на закрывавшие путь переплетения хрупких досок. Они уступали напору, с едва слышным шорохом разваливались, осыпая трухой — невесомой, густой, забивавшей нос, глаза, уши. Их не становилось меньше, впереди, сколько он ни шел, вставали все новые нагромождения, лабиринты, груды...

Он не знал, где оказался, куда идет и зачем. Знал только, что не должен останавливаться, — и продолжал шагать, всем телом проламывая преграду. В том, что сгнившие доски так легко уступали его напору, как раз и таилась мучительная странность происходящего.

Не было ни темноты, ни света. Непонятно, как это могло получаться, но именно так и обстояло — мир без темноты и света, без теней, отчетливо различимый далеко вперед и в стороны, клубившийся трухлявыми облаками древесной крошки...

Сон? Или явь? Непонятно. Кажется, кто-то крадется следом. И это плохо, это тревожно, это страшно. Сварог несколько раз оглядывался, ясно видел оставленный им в этом переплетении туннель, но всякий раз нечто ухитрялось стремительно отпрянуть за ближайшую доску. А ведь оно было там, было, за ним кто-то крался с самыми что ни на есть дурными намерениями, не приближаясь отнюдь не из страха, а скорее уж из желания как следует помучить, подленько натешиться страхом и неизвестностью.

Отчего-то, подчиняясь тем же неведомым правилам, он не мог не только остановиться, задержаться, но и повернуть на-

зад. Брел, как автомат, проламывая грудью, плечами, лицом гнилые доски. Чересчур реально для сна...

Что-то мелькнуло справа и слева, шевеление, проворные тени перебегают меж досками, сжимая кольцо, дышать все тяжелее, горло забито древесной трухой, пахнущей незнакомо и неприятно, перед глазами стоит пелена, скоро ничего уже не будет видно...

Он пытался бороться, вырваться из этого наваждения — все равно, наяву оно или в кошмаре. Пытался остановиться, а то и повернуть назад, на миг ощутив себя свободным, рванулся наугад, кажется, даже не в сторону, а куда-то вниз, пытаюсь проломить всей тяжестью тела то, что под ногами... а что у него под ногами? Почему он не видит, что у него под ногами?

Мгновенный спазм, ощущение падения.

Он вырвался из кошмара — и, кажется, только для того, чтобы тут же попасть в другой.

Он лежал в собственной постели лицом вверх, на ворохе скомканных простыней, мокрехонький от пота, с колотящимся сердцем. В спальне стоял непонятный полумрак — мутновато-синий, придававший знакомым предметам и мебели незнакомые очертания. В горле стоял ком, глаза резало. Синеватый полумрак — никогда ничего подобного в замке не случилось — пронизывали струи более темного тумана, колыхавшиеся лениво и словно бы осмысленно, ширившиеся, распространяющиеся так, словно поставили задачей захватить все пространство... а ведь это уже не сон, никакой не сон, хотя вокруг и творится дикая чертовня!

Визг, тьяканье, уханье, дикий вой в дверях спальни! Что-то тяжелое, темное прыгнуло с его груди, скребнув по животу и бокам чем-то острым, твердым — когти? — кинулось к двери, туда, где катался огромный клубок, шипя, воя, издавая вовсе уж невыносимые для слуха звуки, не похожие ни на что прежде слышанное. И Сварог отчего-то знал совершенно точно, что на сей раз ему не чудится, что он бодрствует, и все это происходит с ним в доподлинной реальности.

Он спрыгнул с постели, побуждаемый смутными инстинктами, звавшими в бой. При этом со всего маху наступил обеими ногами на хвост Акбару, но пес, вместо того, чтобы вскинуться с недовольным рывканьем, так и лежал, как лежал, и его тяжелое дыхание что-то не походило на привычное, сонное...

Сварог протянул руку к топору — и случилось нечто необычное, прежде никогда не случавшееся. Древко уплыло у него из рук, отодвинулось от готовых сомкнуться пальцев.

Доран-ан-Тег, будто обретя собственные побуждения и планы, крутнулся, завертелся, по косой линии проплыл над кроватью, к стене, — Сварог едва успел отскочить, — и взмыл под потолок.

Барахтавшийся клубок распался на несколько темных фигур, одна, самая маленькая, осталась лежать неподвижно, а остальные, кажется, четыре, скрюченные, какие-то не прав и л ь н ы е, н е т а к и е, шустро рванулись в коридор, скрылись из глаз.

Сам толком не понимая, что делает, Сварог рванул следом, выхватив на бегу из ножен любимый меч, — из синеватой толладской стали, с обтянутой сильванской акульей кожей рукоятью. Мягко шлепнулись на пол кожаные ножны. Его обогнало что-то круглое, туманное, свистящее — и от дубовой двери спальни брызнули щепки, дверь разлетелась на куски.

Сварог выскочил в коридор — по-прежнему освещенный привычными лампами, золотистыми шарами. Под ближайшим шаром, рядом с мягким диванчиком, лежал лакей: вытянувшись, нелепо отбросив руку, с закрытыми глазами, вроде бы живой...

Вспомнив кое-какие бытовые мелочи, что есть мочи заорал:
— Свет!!!

Моментально вспыхнули все лампы и люстры, замок оказался залит светом, словно в день большого приема. По широкому коридору что есть мочи улепетывали четыре скрюченных фигуры, в росте почти не уступавшие взрослому человеку, кривоногие, с шишковатыми головами, покрытые то ли темной клочкастой шерстью, то ли обрывками ветхого тряпья. Передняя далеко опередила остальных, то неслась на двух ногах, то по-обезьяньи припадала на четыре, три остальных отставали — они хромали, шипя и повизгивая, оставляя на светлом полу пятна зеленой жидкости, а у замыкающей зеленая кровь прямо-таки била над левым плечом буйным фонтанчиком. Должно быть, именно этой твари в непонятной схватке досталось сильнее всех. Она вдруг поскользнулась на ровном месте, с трудом поднялась, закултыхала вдогонку своим, издавая пронзительные вопли страха и боли...

Сварог в нерассуждающем азарте неся следом — голый и растрепанный, в одних модных трусах, черных с белыми корабliками. Уже ясно было, что это не сон, бок и локоть не на шутку саднило — это он порезался острыми обломками двери, — босые ноги ощущали пушистость ковра, теплые неровности мозаики, все вокруг было доподлинной реальностью, с

той четкостью и многообразием ощущений, что невозможна в самом подробном сне...

Еще одна распластавшаяся на полу фигура — Макред, ага, а подальше второй лакей, и оба не похожи на трупы... Сварог наддал еще, но никак не мог сократить расстояния до этих дьявольски проворных тварей.

Коридор кончился, и вся четверка, гремя когтями, скользя по мозаике, свернула вправо, клубками покатилась по широкой лестнице на первый этаж...

Оттолкнувшись свободной рукой от мраморных перил, Сварог прыгнул через пролет, больно стукнулся пятками. Но и этот лихой прыжок расстояния не сократил. Подвывая и лопоча, то и дело брызгая зеленой кровью, неведомые твари неслись прямехонько к высоченному старинному зеркалу, фамильной гордости, овалу от пола до потолка, заключенному в затейливую золоченую раму.

С зеркалом происходило что-то странное. Отражать-то оно отражало, но вместо стекла был словно бы слой горячего воздуха, отчего все видневшееся в зеркале колыхалось и дергалось, то и дело причудливо изламываясь, до полной неузнаваемости, а временами там сверкали тусклые вспышки, размазанные, мутные, видимые словно через толстый слой воды... Овальным кусок пространства, четко ограниченный вычурной рамой, казался разверзшимся проемом.

Упругий, шелестящий свист возник над головой Сварога, над самой макушкой, так что волосы, казалось, взвихрились. И в следующий миг туманный диск косо спикировал из-под потолка к лестнице, прошел над ступеньками, опускаясь все ниже и ниже, пикируя целеустремленно и неотвратно, словно разумное, живое существо. Почти по самой его кромке светился ярко-алым узкий пояс. «Да ведь это рубин в наверху топора...» — сообразил Сварог, топоча по ступенькам.

Доран-ан-Тег, превратившийся в туманный диск, обогнал его, чиркнул по ближайшей фигуре, из-за потери крови, надо полагать, уже не способной передвигаться быстрее, едва ли не ползущей. Налетел, коснулся...

Фигура беззвучно лопнула, разлетелась взрывом темных мокрых ошметков, мгновением позже то же произошло с другой, и еще, и еще, вот ни одной не осталось, только клочья, запятнанные пол кляксы... Сварог едва сумел остановиться, цепляясь левой рукой за рыцарские доспехи у подножия лестницы, пребольно ушиб запястье, пятки и пальцы босых ног, но удержался на ногах. Не замедляя полета, взмыв еще выше, вертясь

с невероятной быстротой, топор по безукоризненной прямой впечатался в самую середину зеркала.

Не было ни стука, ни разлетевшихся осколков. По вестибюлю пронесся мощный неопиcуемый звук, нечто вроде пронзительного визга, завершившегося могучим выдохом — фф-у-уу-хххх! — и из стены выметнулся горизонтальный фонтан, смесь пузырчатых гроздьев, прозрачных и блистающих, с чем-то вроде дымных клубов, эта лопочущая, клокотавшая, пахнущая чем-то резким струя едва не достигла Сварога, от растерянности так и торчавшего в обнимку с фамильным доспехом, — и тут же пропала, растаяла, фукнув напоследок волной тяжелого смрада.

Стало невероятно тихо. Мозаичный пол вестибюля был усыпан мокрыми ошметками, отвратительными зеленоватыми кляксами. А зеркала больше не было, рама осталась висеть, но вместо неведомо куда и как исчезнувшего стекла Сварог видел лишь стену, обитую синим бархатом в мелкий золотистый цветочек.

Туманный диск — откуда он возник на сей раз и где пребывал в момент этого странного выброса, Сварог так и не успел заметить — повис меж ним и рамой, замедляя вращение, повернувшись перпендикулярно полу, понемногу превращаясь в знакомый топор, вертевшийся все медленнее. И наконец, обратаясь топорщиком вниз, а рубином, соответственно, к потолку, подплыл к хозяину уже совсем плавно, медленно, будто воздушный шарик, колыхаемый легким сквознячком, ткнулся в руку...

Сварог машинально сжал пальцы, стиснул черное древко, покрытое не потрескавшейся за тысячелетия эмалью, сплошь изукрашенное рельефным узором из золотых кружочков, едва выступавших над топорщиком, напоминавших шляпки гвоздей. С некоторой неуверенностью покачал топором, справа налево и сверху вниз, и не ощутил ни сопротивления, ни каких бы то ни было попыток Доран-ан-Тега вновь действовать самостоятельно. Теперь это снова был обычный боевой топор, ну, предположим, не самый обычный, но полностью покорный хозяину, как и положено любой вещи...

Второй раз с ним такое случилось, а первый раз был в том подземелье, в туннеле под Ителом, в роскошных переходах древнего метро, когда Доран-ан-Тег с а м о с т о я т е л ь н о, разве что не столь энергично, как теперь, рубанул по странному зеркалу: и из зеркала потекло нечто вроде крови, а вскоре оттуда вылез загадочный великан со своей быстрой, как молния, огромной кошкой...

— Интересно, что за счеты у тебя с зеркалами? — тихо, одними губами прошептал Сварог так, словно рассчитывал получить внятный ответ. — С т а к и м и в о т зеркалами? И почему...

Он представления не имел, почему, зачем, откуда и как. О Доране сохранились буквально крохи толковой информации, тонувшие во множестве противоречивших друг другу легенд, побасенок и апокрифов, — пара почти нечитаемых надписей на музейных камнях, несколько невероятно древних манускриптов, да еще Доспех Дорана, от коего остался только топор, а где пребывало все остальное, неизвестно. То ли странствующий рыцарь, то ли король всего Харума, то ли монах забытого ордена — баллады и сказки мешали друг другу как раз своим обилием и разноречивостью...

Он поднял голову, услышав наверху звук шагов, появилась Мара, плетущаяся неуверенной походкой только что очнувшегося от дурманного беспмятства человека, она моргала и трясла головой, пошатывалась, но меч держала в руке крепко.

— Что стряслось? — спросила она хриплым, сонным голосом. — Я вдруг очнулась на полу, физиономией в бумагах... Голова раскалывается, Карах рядом валяется, а в замке суматоха, от воплей люстры трясутся...

— У нас были гости, — сказал Сварог с застывшим лицом. — Только и всего... Вызывай орлов из восьмого департамента, кажетсЯ, это сугубо по их части...

Аккуратно поставив топор у перил, он стал подниматься по лестнице, чувствуя, как болят, ноют и свербят все ушибленные и поцарапанные места. Показался Карах, шагавший той же сонной, заплетавшейся походкой, отчаянно лупавший глазами. Верный домовый тащил за собой волоком один из украшавших стену кабинета клинков, изогнутый, с рукоятью в бичузе. Завидев Сварога, он смущенно пояснил:

— Я думал, хозяин, вас тут всех поубивали насмерть... Самое натуральное зло, тут и особого чутья не надо, сразу ясно. И фартолод твой погиб, я хоть и валялся начисто одурманенный, а почувствовал в тот же миг, в голове будто бомба взорвалась... Ну, думаю, пырну напоследок хоть одну гадину, чтобы не было обидно помирать...

— Положи железку, порежешься, — без улыбки сказал Сварог, свернул в коридор и направился к своей спальне.

Карах, послушно отложив клинок, плелся следом и что-то неустанно бормотал про Багряную Звезду, про то, что она стала себя о к а з ы в а т ь, про то, что он предупреждал, хоть неко-

торые сильно умные по причине юной глупости и не верили, язвы рыжие...

Сварог ощущал себя слишком разбитым, чтобы цыкнуть на него как следует. Он отметил с радостью, что и дворецкий и лакеи уже помаленьку приходят в себя, ворочаются, встать пытаются.

Среди обломков и щепок — всего, что осталось от резной дубовой двери, вмиг выхлестнутой Доран-ан-Тегом напрочь, — лежало крохотное тельце домового. На человека это существо походило еще менее, чем Карах, но Сварог не ощущал отвращения — он навиделся разнообразнейших созданий и успел накрепко уяснить, что внешность — еще не главное.

«Такие дела, — подумал он печально и отрешенно. — Я его и не разглядел-то толком, пока он был жив, ни словечком с ним не перекинулись, а он, оказывается, б е р е г и, когда пришла такая минута, на смерть пошел не колеблясь. Он им тоже крепенько приложил, но силы, видимо, были очень уж неравны...

Вот и нету у меня больше фамильного домового, а я даже поблагодарить не успел...»

...Одевшись наспех, чтобы не встречать серьезных людей в скудном исподнем, он сидел на широкой ступеньке, на ковре, уперев локти в колени, переплетя пальцы, устало понурившись. Смотрел, как деловито суетятся заполонившие вестибюль орлы Гаудина. Ничегошеньки не понимал в происходящем, даже приблизительно не мог догадаться, что означают все эти таинственные и сложные манипуляции, сделавшие бы честь любому колдуну дикарского племени, — но лучше уж было сидеть здесь, чем в своих покоях, где и вовсе ничего не происходило, здесь он как-никак был на переднем крае событий, пусть и насквозь непонятных...

Слуги куда-то исчезли, бесшумно и поголовно, справедливо полагая, что все эти господские сложности не должны их касаться, а сами они пользы хозяину принести не в состоянии. Зато чада и домочадцы, если можно так выразиться, присутствовали в полном составе. Акбар, которого все равно бесполезно было запираť из-за его умения проникать через любую запертую дверь, а то и сквозь стену, растянулся во всю свою немалую длину на нижней площадке и, положив на лапы громадную башку, чуть прядал ушами при каждом очередном непривычном звуке, временами тоскливо косясь на Сварога с неприкрытой надеждой на то, что хозяин вдруг смиростивится и позволит отхватить парочку голов, — ему визитеры решительно не нравились. Мара сидела смирно, взирая на проис-

ходящее с профессиональным интересом, а вот Карах, укрывшийся меж Сварогом и перилами, выступал олицетворением вселенского скепсиса: он то и дело, явственным шепотом, подавал критические реплики, из которых следовало, что не только во всемогущество, но и в мало-мальскую полезность мертвой техники, дурацкого стекла и глупого металла он не верит ни сколечко, а применительно к данному случаю — в особенности. По его глубокому убеждению, сформировавшемуся отнюдь не сегодня, основанному на богатом житейском опыте и мудрости предков, почти вся человеческая техника была и остается тупиковым путем, глухим закоулком, в который род людской как-то свернул по ошибке, да так и не нашел в себе ни ума, ни мужества повернуть обратно. Особенно когда речь идет о самой доподлинной древней магии, позабытом злом колдовстве, недавно пробужденном неотвратимым приближением Багряной Звезды. «То ли еще будет, — убежденно вещал он, — то ли еще будет, наплачемся, спохватимся...»

Поначалу Сварога лишь развлекало злопыхательство мохнатого критикана, руссоиста доморощенного, забавляло, и не более того. Однако время шло, и понемногу ему стало казаться, что Карах во многом прав. По крайней мере, в данном случае.

Он впервые видел такие приборы и понятия не имел ни о их принципе действия, ни назначении. Там были прямоугольники из дымчатого стекла, установленные на треножниках и окаймленные цепочками разноцветных огоньков, чья игра, переливы и перемещения определенно несли глубокий научный смысл; замысловатые решетчатые конструкции и ажурные шары, наполненные сиянием всех оттенков радуги; медленно вращавшиеся колеса со спицами из разноцветных лучей; кубы, раструбы и полусферы словно бы из начищенного золота, усыпанные то снаружи, то изнутри тонюсенькими стерженьками из того же материала с головками из прозрачайшего синего стекла; серые металлические ежи — и множество еще более причудливых устройств, вовсе ни на что не похожих, казавшихся творением шизофреника с технической жилкой, коего по оплошности санитаров заперли на недельку на огромном складе телевизорного завода...

И уж тем более он не понимал смысла манипуляций, которые ловко и уверенно проделывали операторы со всем этим сюрреалистическим арсеналом, — они работали столь споро и загадочно, что казались то ли могучими волшебниками, то ли валявшими дурака шарлатанами, намеренными продать глупому провинциальному барону машину для вызывания дождя

либо волшебную крысоловку (сама подманивает, сама хватает, сама головы откручивает, успевай мешок подставлять). Не понимал ни словечка из длинных фраз, сопровождавших учено-полицейские забавы. Что поделать, коли ученье — свет, но не ученых — тьма...

И все же поведение их со временем перестало быть секретом. Потому что они все явственнее вели себя, как люди, потерпевшие поражение. Не способные похвастать хотя бы крохотным успехом. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы в этом разобраться. Растерянно переглядывались, откровенно пожимали плечами, мотали головами в ответ на вопросы Гаудина, заставлявшего некоторых повторять манипуляции снова и снова. Все больше огней и цветных лучей гасло, все больше приборов отключали и убирали в чехлы, выносили за дверь. В конце концов Сварог уже не сомневался, что эти трое возятся со своим радужным колесом, единственным оставшимся в строю устройством, из чистого упрямства...

Похоже, того же мнения был и Гаудин. Какое-то время наблюдая со стороны, он в конце концов подошел, решительным шепотом отдал короткий приказ — и главный из троицы подчинился, зло нахмурясь, безнадежно махнул рукой. Выключили и светящиеся спицы обода, отнюдь не ставшего колесом Фортуны.

Гаудин обернулся. Перехватив его угрюмый взгляд, Сварог поднялся и подошел к нему через вестибюль, который уже привели в порядок, замысловатыми устройствами подобрал всю устлавшую его неприглядную дрянь. Высокая рама зеркала выглядела на стене довольно нелепо, Сварог мельком подумал, что следует приказать слугам убрать ее к чертовой матери.

— Ну что? — спросил он вяло.

Гаудин пожал плечами, отводя его под локоток в самый дальний угол:

— После вашего топора трудно провести быстрый анализ. Ошметки... Это живые существа, органические объекты... были. Имеется некий фон, позволяющий судить, что они обладали некими магическими способностями, не особенно сильными.

— Ну, я к тем же самым выводам пришел без всяких анализов, — хмыкнул Сварог. — Живые, конечно. С когтями — горло до сих пор ноет, царапины вздулись... И насчет зачатков магии было нетрудно догадаться: бьюсь об заклад, это они мне и били по мозгам несколько ночей какой-то чертовщиной... Но ведь это не должно на меня действовать, а?

— Отсюда явствует, что мы столкнулись с чем-то качественно новым, — сказал Гаудин без выражения. — Такое случается. Они пришли из зеркала...

— Ценное наблюдение, — сказал Сварог. — Я и сам начинал о том подумывать...

— Не язвите. — Лицо Гаудина было усталым и печальным. — Все серьезнее, чем вам кажется. Таких п р о р ы в о в в замках не случалось очень и очень давно. Если добавить, что мы ничего не понимаем в происшедшем...

— Что, совсем? — спросил Сварог сочувственно.

— Ну, не так чтобы... Я сформулировал бы иначе: мы примерно понимаем, что произошло. Выражаясь предельно доходчиво для дилетанта, мы столкнулись с известным теоретически и практически явлением, которое ученые именуют длиннейшими, совершенно непонятными профану терминами... а мы, практики, — п р о б о е м. Пробой — это своего рода тоннель, возникающий на краткое время меж нашим миром и другими пространствами, континуумами, уровнями, мирозданиями. Выберите сами то определение, которое для вас более благозвучно и привычно... Вы понимаете суть?

— Да, кажется, — сказал Сварог. — Нечто похожее на Врата?

— Именно. Врата — одно из проявлений п р о б о я. Проявления многочисленны: Заводи, например; не исключено, что и Древние Дороги... Только не требуйте у меня разъяснений. Что такое Заводи, вы узнаете сами, посидев пять минут за компьютером, а пути к Древним Дорогам закрылись так давно, что некоторые не верят в их нынешнее существование, ими не занимались несколько тысяч лет. Итак, произошел пробой. К вам нагрянули в гости некие твари из неведомого измерения. В этом-то и загвоздка: мы не понимаем, о т к у д а. И не понимаем, что им помогло найти тропинку в наш мир. С зеркалами испокон веков связано немало странностей... с некоторыми из зеркал, слава богу. Но в вашем случае — ни аналогий в прошлом, ни объяснений.

— Хотите объяснение? — спросил Сварог. И тут же вспомнил, что в серьезнейших делах категоричность здорово вредит. Добавил не столь напористо: — Или, избегая скоропалительных выводов, рабочую гипотезу?

— Извольте, — спокойно кивнул Гаудин. — Рабочие гипотезы тем и хороши, что позволяют давать полную волю фантазии, не возлагая при этом на себя ответственность...

Не особенно ободренный этим замечанием, Сварог молча пошел впереди. Они вышли под ночное небо, спустились по невысокой парадной лестнице. У нижних ступенек стояла вимана Гаудина, ее окна ярко светились, и видно было, как на первом этаже угрюмые специалисты размещают последние чехлы с загадочной аппаратурой.

— Мы что, должны куда-то идти?

— Нет необходимости, — сказал Сварог. — Мы только отойдем в тень, чтобы лучше были видны звезды... Взгляните вон туда, левее флюгера, что изображает сову. Видите вы там что-нибудь в небе? На ладонь левее и выше птичьей головы...

— Там звезды, — терпеливо произнес Гаудин с видом человека, на своем веку встречавшего массу чудаков. — Насколько я помню, вон та крупная, голубоватая, называется Марут. Что до других, вряд ли буду столь категоричным. Астрономией я почти не интересовался, так уж получилось, что в моей работе она не нужна... почти.

— А красная?

— Там нет красной. Десяток обычных, белых, и одна голубоватая, Марут...

— Значит, вы ее не видите, — уныло сказал Сварог. — А я вот ее вижу — именно там, похожую на пылающий в золе уголек. И мой Карах ее видит. Он уверяет, что это — Багряная Звезда, та самая, которая...

— Створаживает молоко у коров прямо в вымени, вредно влияет на столовое серебро и подталкивает отдельных нестойких личностей к карманным кражам... — безразличным тоном подхватил Гаудин. — В отличие от большинства беспечных обывателей, мне, увы, приходится держать в голове массу древних мифов, смешных и жутких...

— Мифов?! Но мы же ее видим!

— Лорд Сварог... — мягко сказал Гаудин. — Я вовсе не подвергаю сомнению ваши слова. Нет ничего удивительного в том, что какой-то человек видит то, чего не видят другие. Братерт — помните его, надеюсь? — не так давно раскопал где-то на земле старинное заклинание, с помощью которого человек может видеть микробы, но не любые, а исключительно возбудителей сапа... Всякое случается. Я верю, что вы оба и в самом деле видите в небе не что-то. Но хочу всего-навсего напомнить, что у вас нет никаких доказательств в пользу версии, будто ваши ночные визитеры — порождение Багряной Звезды... Уверения вашего домового меня не убеждают. Не то чтобы он врал умышленно, но... Очень

уж изощренная, поэтичная, а порой и зловещая мифология у Маленького Народца. Вы-то впервые с этим столкнулись, но что до меня, я не склонен выделять из множества древних людских и нелюдских сказок какую-то одну-единственную. Чем Багрная Звезда предпочтительнее Серебряного Ветра, Морского Табуна или Снизу-Вверх-Дождика... о которых вы и не слышали, верно? Вот видите... Мифологические явления природы, земные и небесные феномены, зловещие и добрые знамения, перечисленные в алфавитном порядке и кратенько описанные, занимают целую книгу, и довольно толстую...

— Но там же есть что-то... — упрямо сказал Сварог.

— Я проверю, — заверил Гаудин. — Даю вам слово. В конце концов, существуют обычные... и не вполне обычные средства наблюдения за небосклоном, есть соответствующий отдел. Я нынче же отдам приказ. И незамедлительно сообщу вам о результатах. — Он оглянулся на парадную лестницу. — Между прочим, ваш домовый, честно признаться, представляет большой научный интерес...

— Это вы бросьте, — решительно сказал Сварог. — И не вздумайте, добром предупреждаю...

— Ну что вы, успокойтесь. Я всего лишь рассуждал вслух, чисто теоретически. Кстати, о теориях, то есть рабочих гипотезах... Их ведь множество, если ввериться безудержному полету фантазии. Скажем, ваши ночные непрощенные гости, следствие вашего нового положения, достались вам в наследство вместе с хельстадским королевским венцом. Как родовая месть у отсталых племен Сильваны или в таларской глубинке. Стоит только предположить, что эти твари были как-то связаны с вашим покойным предшественником, а теперь эти отношения по праву наследования перешли к вам... независимо от вашего желания. Теперь они к вам тянут лапы из Зазеркалья... Не читали сказочку про портного, которому в наследство от дяди-колдуна вместе со всяким хламом достался ларец с тремя демонами?

— Нет, — сказал Сварог.

— Стали они требовать работы, а портняжка-то и не знает заклинаний, которыми их можно утихомирить...

— И что?

— Придушили бедолагу, конечно, — хмыкнул Гаудин. — Сказочка не столь уж оторвана от житейской практики, как может показаться...

— Вы что, серьезно считаете...

— Да что вы, — сказал Гаудин. — Всего-навсего в свою очередь фантазирую и теоретизирую. Стараюсь вам доказать,

что рабочие гипотезы приобретают вес, только будучи подкрепленными серьезными доказательствами. — Он деликатно полуотвернулся, давая понять, что не располагает более временем. — Прислать вам «Каталог природных явлений, добрых и зловещих»?

— Нет, спасибо, — буркнул Сварог. — У меня дел невпроворот, королевскую отчетность в порядок привожу...

И снова поднял голову к ночному небу. Тяжко вздохнул. Над черным силуэтом филина по-прежнему пронзительно алела Багряная Звезда.

Глава 4

ГОСТИ В ДОМЕ

У бесшумно воплотившегося на пороге верного Макреда было чрезвычайно непонятное и загадочное выражение лица. Можно даже подумать, будто он пребывал в полнейшей растерянности, которую не смог скрыть, — вот только, да будет вам известно, вышколенный слуга, тем более дворецкий манора, «первый после милорда», попросту не имеет права поддаваться вульгарным эмоциям, будучи при исполнении служебного долга. И тем не менее...

— Что там? — спросил Сварог, без всякого раздражения отодвигая подальше эскизы орденов, коими королю Хелльстада надлежало удостаивать и жаловать.

И аристократически поднял бровь в знак недоумения — он старательно изучал здешнюю светскую мимику, язык жестов и телодвижений, чтобы не выглядеть белой вороной.

— Милорд... — положительно, дворецкий был чуточку выбит из колеи. — Явился скрывающий лицо незнакомец, назвавшийся маркизом Керригатом, и просит незамедлительно его принять...

— Великолепная фраза, — оценил Сварог, подумав. — Прямиком из старинного рыцарского романа, а?

— Пожалуй, милорд... В особенности если учесть, что маркиз Керригат — лицо вымышленное, это как раз и есть персонаж романа, только не рыцарского, а любовного...

Внизу весело гавкнул Акбар — словно в колокол бухнули.

— И почему же у вас столь неопишное выражение лица, Макред? — спросил Сварог. — На себя не похожи. Неужели вас способен удивить столь примитивный розыгрыш?

— Это императрица, милорд, — почтительно оцепенев, выпалил Макред. — В замаскированном облике, ничуть не похожа на себя, но это ее величество императрица, никаких сомнений. Я не стану попусту тратить ваше время, милорд, излагая вульгарные и долгие подробности, каковы вам вовсе и не должны быть интересны... скажу лишь, что я, как дворецкий, обязан безошибочно узнавать любого благородного обитателя небес, даже если он изволил придать себе иной облик... Этому обучают дворецких, но не простых слуг... Там, внизу, императрица.

— Да? — сказал Сварог удивленно. — А свита? Охрана? Строжайший церемониал?

— С ней никого нет, милорд. Это неслыханно, но все так и обстоит. Она прибыла на обычном браганте, которым управляла сама. Никто в замке и не подозревает... В столь небывалой, экстраординарной ситуации, нарушающей все мыслимые правила этикета, я счел себя обязанным хранить тайну...

— Бесценный вы мой, что бы я без вас делал... — сказал Сварог почти растроганно. — Ну что же... Сдается мне, отправить ее восвояси было бы и вовсе вопиющей бестактностью... Проводите вашего маркиза в библиотеку. И стойте на страже, чтобы нам никто не мешал... Где Мара?

— Лауретта Сантор еще не вернулась из Готара, и с ней господин... Карах.

Сварог понимающе кивнул. Его высокие министры работали в поте лица, превращая Готар в жалкое подобие королевской столицы. Поскольку Хелльстад в силу своей известной специфики так и оставался закрыт для внешнего мира (Сварог плохо изучил свое новое приобретение, а потому и не лез пока что ничего перестраивать), а Три Королевства являли собою почти безжизненные пространства, он по размышлении решил устроить временную канцелярию, такую походную ставку, как раз в Готаре. Готар со всех точек зрения смотрелся не более чем убогой деревушкой, но тут уж ничего не поделаешь — полноправный земной король просто-таки обязан располагать местом, куда могут прибыть послы коллег-монархов, куда будут приходить послания. Этаким почтовый ящик, своего рода штамп о прописке. Следовало заранее посочувствовать господам дипломатам, которым придется пока обитать в крестьянских лачугах и шатрах, но бюрократия — дело от-

ветственнойшее, в чем его не перестает убеждать Канцелярия земных дел, не терпящая ни малейших отклонений от заведенных порядков. Король обязан иметь столицу, а в столице — иностранных послов. Что до декораций и интерьеров, нигде не сказано, будто королевская столица непременно должна быть многолюдным городом с каменными дворцами, башнями и проспектами. В конце концов, известный самодур король Гитре однажды устроил свою столицу на мельнице, с хозяйской которой состоял в игривых отношениях. И ничего, сошло, иностранные послы, как миленькие, два года жили в походных шатрах на берегу речушки, а первый министр за неимением других помещений обитал и вовсе на чердаке. Те, кто к нему являлся за орденами и чинами, готовы были не то что на чердак — на крышу взобраться, а тем, кто получал выволочку, было опять-таки все равно...

Акбар проскочил в библиотеку первым, беззаботно стуча когтями по драгоценному паркету из силванского бука. Следом чинно вошла невысокая фигура, живописно и романтически закутанная в длиннейший, до пола, черный плащ, с нахлобученной на нос шляпой. За ее спиной мелькнула вытянутая физиономия Макреда, ошарашенного небывалыми новшествами, — и дворецкий тут же бесшумно притворил дверь, у которой, нет сомнений, намеревался лечь костями при возникновении таковой надобности.

— Мне кажется, он меня узнал, — безмятежно сказала Яна, сбрасывая плащ и шляпу на ближайшее кресло. — Иначе почему у тебя ни капельки удивления в лице? Я слышала краем уха, их чему-то подобному учат, но надеялась, что это вранье...

— Увы, выходит, что нет, — сказал Сварог, наблюдая за ней с любопытством.

Юная императрица — в темном мужском костюме, со скромным, одиноким, сиротливым таким бриллиантом на пальце величиной всего-то с горошину — опустила в другое кресло, изящно мотнула головой, разбросав по плечам освобожденные от шляпы волосы. В отличие от Сварога, она казалась совершенно безмятежной, словно вообще не слыхивала о придворном этикете, хитросплетениями напоминавшем то ли лабиринт, то ли бред сумасшедшего. За прошедшие полтора года она выросла — уже не грациозно-неуклюжий подросток, а расцветающая девушка, очаровательная до сладкой жути, — однако, не без оснований подозревал Сварог, «вырасти» еще не значит «повзрослеть»...

— Что-то случилось? — спросил он, не теряя времени.

— А почему должно было что-то случиться? — Ее величество Яна-Алентевита удивленно подняла бровь, и у нее это получилось не в пример изящнее и естественнее. — Просто решила заглянуть к тебе в гости без всяких помпезных церемоний. Взяла брагант из ангара Серебряной Бригады и прилетела. В Келл Инире остался великолепный двойник, насквозь нематериальная иллюзия, конечно, но убедительная. Кто посмеет ушипнуть императрицу, чтобы убедиться, что она настоящая?

— Логично... — проворчал Сварог.

— Не столь уж и сложные заклинания, я слышала мельком, ты его тоже применял во время последней поездки на землю... Там, в Равене.

— А, ну да, конечно... — кивнул Сварог, спешно приводя в строгий порядок мысли. — «Твердая тень»?

— Именно. Двойник усердно работает в кабинете с важными государственными бумагами, беспокоить государыню в подобных случаях строжайше запрещено. Пикинеры у каждой двери, никто и не заподозрит...

В ее голосе звучало нескрываемое детское удовольствие, заставившее Сварога горестно вздохнуть полной грудью и укоряюще воздеть очи к потолку. Все это в воображении, разумеется, он до сих пор не ощущал в себе таланта воспитателя, тем более для обладавших необъятной властью юных красавиц, пусть и умных, но взбалмошных. Между прочим, идеальная ситуация и для государственного переворота, и для царевубийства. Если бы по дороге сюда с ее брагантом что-то случилось, истинное положение дел обнаружилось бы бог весть когда. Здешние летательные аппараты считаются безотказными и защищенными от всех мыслимых опасностей, но смогли же полтора года назад ребята из «Черной благодати» сбить его ял над Хелльстадом...

— Ты не царедворец по натуре, — сказала Яна со знакомой легкой улыбкой. — И потому до сих пор не научился превращать свою открытую, честную физиономию в церемониальную маску. У тебя на лице во-от такими буквами изображено осуждение и порицание.

Сварог с безразличным видом пожал плечами, чувствуя себя стеклянным, — не самое лучшее ощущение, особенно в данной ситуации. Усевшийся рядом с креслом черный пес, которого строгий этикет не волновал ничуть, безмятежно вывалил розовый язык длиной в локоть, и его шумное дыхание колыхало волосы на затылке императрицы — Акбар и в сидячем положении был повыше стоящего человека, хотя ра-

сти, кажется, уже перестал. Отвернувшись, Сварог сделал ему страшные глаза — слюна с языка капала прямо на черный бархатный рукав.

Яна, притворившись, что ничего не заметила, протянула руку и легонько коснулась кончиками пальцев черной лоснящейся шерсти:

— Про них в старых книгах понаписана уйма ужасов... А оказалось, собака как собака, разве что огромная.

— Ага, — сказал Сварог мрачно. — Разве что через стены может проходить и перемещаться в пространстве самым диковинным образом... Впрочем, лопать в три глотки это ему не мешает... В самом деле, ничего не случилось?

— Клянусь короной первого императора! — подняла она узкую ладонь. — Могу я однажды почувствовать себя обыкновенным человеком, прилететь в гости буднично и незаметно, без раззолоченной орды за спиной? — Яна прищурилась. — Придет время... Ваше королевское величество... младший мой кузен, когда вы тоже научитесь находить неизъяснимую прелесть в вопиющих нарушениях сковывающего этикета... Попомни мои слова. До меня быстро доходят иные новости. Насколько я знаю, ты уже успел понять, что есть некие механизмы, громоздкие, скрипучие и неприятные, которые вертят королями вопреки их желаниям... Правда?

— Что греха таить. Уяснил, — сказал Сварог с чувством. — Я уже верчусь в этих дурацких механизмах, вторую неделю...

— Ну да, я вижу, — бросила она быстрый взгляд на эскизы орденов. — Вот этот, насколько я догадываюсь, предназначен для моего дражайшего родственника Диамера-Сонирила, по прозвищу, которое благовоспитанная девица не должна произносить вслух?

Сварог мрачно кивнул.

— Добавь еще на гербовую цепь какие-нибудь разлапистые висюльки, — деловито посоветовала Яна. — И вот здесь присокупи глупой роскоши — лучше побольше, ажурных ободьев, самоцветов... Он несказанно растает душою и будет тебя обожать. Бедняге так мало нужно для счастья... Что за идиотскую идею ты ему подсунил? К чему нам такое количество наместников?

— Я забавлялся, — сказал Сварог, пряча глаза.

— Ну, я-то так и подумала... А этот болван принял все всерьез, сочинил длинейший меморандум, который мне пришлось читать... Послушай, я давно тебе, уж прости за пошлое слово, даровала всевозможнейшие беспрепятственные досту-

пы за пикинеров и кабинет-лакеев, права являться без доклада... Почему ты у меня не бываешь? Только честно. Я всегда рада тебя видеть. Что-то не так?

— Твой «ближний круг», я уже подметил, четко делится на две категории, — сказал Сварог. — Повзрослевшие товарищи детских игр, из хороших фамилий, понятно, и светские хлыщи, попавшие за пикинеров исключительно благодаря знатности рода. Вторых я не переношу. А что до первых... В общем, симпатичные мальчики и девочки, но я для их компании староват. Вот тебе вся правда. А теперь еще и обязанности навалились нежданно, привалили эти клятые королевства, я, что самое печальное, чувствую за них ответственность, не могу бросить просто так... Это с Готаром было легче — большущая деревня, и не более того, там у меня троица управителей, следят друг за другом, а потому, как я слышал, воруют умеренно. Если только Мара их не повесила, с нее станется...

— Вот кстати! Я о ней наслышана. Как бы на нее наконец посмотреть? Когда вам вручали ордена, я ее и не разглядела толком, шеренга была длинная, все тянулось согласно этикету...

— Она в Готаре сейчас. Дела. Как-никак первый министр, пусть и довольно эфемерной державы. Прилетит только утром, я думаю.

— Жаль. У вас с ней... легко?

— Пожалуй, — медленно сказал Сварог, почти не удивившись ее осведомленности. — Очень точное определение. Нам и в самом деле легко...

— Ну вот... — сказала Яна с непонятной интонацией.

Встала, задумчиво подошла к высоченному глобусу Талара, легонько крутнула его указательным пальцем — и с тем же непонятым выражением на точеном личике направилась дальше, к мозаичной стене. Акбар дружелюбно наблюдал за ней, вывалив язык. Заложив руки за спину, склонив голову к левому плечу, Яна созерцала произведение старинного скульптора (или как там они назывались, мастера-мозаичники?), чье имя вылетело у Сварога из памяти. Выдержанная в изумрудно-синих красках мозаика изображала златовласую девственницу в старомодном платье, сидевшую под могучим дубом в компании белоснежного златорогого единорога, только что, надо полагать, его усмирненного, ибо зверь сей, как известно даже из школьного курса мифологии, покоряется лишь непорочной деве, а тем, кто себя не соблюл, нечего и пытаться изображать дедушку Дурова.

Сварог терпеливо ждал, стоя в свободной позе. Пауза что-то затягивалась, в библиотеке стояла неловкая тишина.

— Древние считали, что приручить единорога — это подвиг, — чересчур уж равнодушным тоном сказала Яна, оборачиваясь к нему. — Увы, мне этот подвиг уже никогда не совершить...

Сварог едва не пробормотал по инерции какую-то светскую бессодержательную глупость вроде «Вот как?» — одну из тех никчемушных реплик, что ничегошеньки не значат, но тем не менее помогают поддерживать беседу. Но до него довольно быстро дошло, сообразил, что к чему и каков тут лежащий на поверхности подтекст, и почему она так уставилась — словно бы с вызовом, с комической важностью девочки, впервые надевшей взрослые туфли на высоких каблуках или платье с вырезом. Ах, вот оно что... Свершилось, понимаете ли, и мы теперь ничем не хуже прочих, испробовавших взрослые тайны... Но как прикажете держаться? Чтобы обошлось и без пошлости, и без равнодушия — каковое, думается, заденет ее еще сильнее, нежели пошленькая реплика... Задача.

Яна ждала, напряженная, серьезная и невинно прекрасная. Принужденно улыбнулась:

— Вот такие дела...

Сварог осторожно сказал, отгоняя крутившуюся в голове крайне соблазнительную картину воспитания этой вертихвостки при помощи мощного солдатского пояса:

— Наверное, следует поздравить? Смотря как ты сама к этому...

Она на миг опустила глаза:

— Я не сказала бы, что встретила с чем-то неприятным, пожалуй, наоборот... — Тихо подошла, остановилась перед ним, подняла лицо: — Ты можешь объяснить, почему вы такие?

— Кто?

— Мужчины, конечно!

— Да какие? — спросил он в полнейшей растерянности.

«Вперехлест тебя растуды через пьяного осьминога! — припомнил он одно из любимых присловий боцмана Блая с „Божьего любимчика“. — Неужели у тебя подружки не нашлось, чтобы с ней об этом пошептать?!»

— Мне нужен серьезный совет, — сказала Яна. — Я ни с чем подобным еще не сталкивалась, приходится учиться на ходу...

— Изволь. У меня и в мыслях нет зубоскальства.

— Уже через неделю он начал вести себя совершенно неприемлемым образом, — тихо, почти бесстрастно сказала Яна,

словно излагала заученную теорему строго по учебнику. Она вновь опустила глаза. — Как некий хозяин, имеющий право и покровительственно держаться, и давать советы совершенно непререкаемым тоном, вообще вел себя так, словно я кукла, вещь, словно у меня нет мозгов, желаний и воли, да и не должно быть, ни собственных стремлений, ни права голоса... Дело не в том, что он простой гвардеец, а я — императрица, совсем не в том... По-моему, любая горничная полезла бы на стену от такого обращения... Как объяснить...

— Я, кажется, понял, — сказал Сварог. — Тебе просто подвернулся... неправильный объект. Дурак и ничтожество. Уж поверь моему опыту, умные ведут себя совершенно иначе, и такие типы вовсе не олицетворяют собою весь мужской род... Я бы рискнул посоветовать...

— Спасибо, уже не нужно! — она вскинула огромные синие глаза, сверкнувшие холодной венценосной спесью. И вмиг из растерянной девочки обратилась в Высокую Госпожу Небес. — Все и так завершилось быстро и решительно. Данный субъект, в одночасье осыпанный повышениями и регалиями, после завершения сего золотого ливня моментально отправлен на Сильвану. Протирать штаны на одном из высоких, почетных, но совершенно бесполезных постов. С недвусмысленным напутствием подольше там оставаться и по собственному желанию на Талар ни в коем случае не возвращаться. Иначе потеряет все жалованное.

— Поздравляю, — серьезно сказал Сварог. — Так и следовало.

Он редко появлялся в «обществе», но кое-какие светские сплетни до него все же долетали — гости заглядывали частенько, особенно старички из Геральдической коллегии и принц короны Элвар, любитель как ядреной самогонки, так и свеженьких придворных сплетен. Так что Сварог поневоле был в курсе иных нашумевших перемещений, падений и взлетов. Ну да, вот именно, три дня назад некий герцог и лейтенант Яшмовых Мушкетеров, красавчик, повеса и болван редкостный (родовит весьма и, кстати, как раз из «ближнего круга»), неожиданно для всех был уволен из гвардии, получив взамен нереально для него высокий чин гражданской службы, орден Высокой Короны с цепью — и в тот же день отбыл на Сильвану возглавлять одну из канцелярий. Феерический взлет для ничем не примечательного светского хлыща, необъяснимый одной лишь знатностью рода, — хватало придворной шушеры и родовитее. О причинах, что самое интересное, толком не

знал даже Элвар — скучающий небесный бомонд при всей своей испорченности, мило именуемой легкостью нравов, все же не додумался до очевидного...

— Знаешь, что самое печальное? — сказала Яна, отворачивая чуть порозовевшее личико. — Я бы не прочь расширить полученный опыт... но в следующий раз заранее буду подозревать самое худшее, бояться, что получится еще унылее, что сама я никого и не интересую, что всем нужны лишь проистекающие возможности, милости и ордена... Теперь я понимаю, почему иные летают на землю и живут там инкогнито...

— Это у тебя пройдет, — сказал Сварог со всей возможной убедительностью. — Вот такие коллизии, хотим мы того или нет, как раз и называются жизненным опытом. Скверно, конечно, но пока не споткнешься на ровном месте, шишек не набьешь...

И вспомнил собственную законную супружницу — уже как сон, как что-то насквозь нереальное. Вся прошлая жизнь уже казалась подзатыннувшимся сном.

— Хорошо еще, что я не влюбилась, — сказала Яна задумчиво. — Иначе было бы тяжелее.

Сварог чувствовал себя чертовски неловко. Вряд ли он годился в поверенные сердечных тайн милых девиц — по его глубочайшему убеждению, выбранное взбалмошной девицей на такую роль существо мужского пола обязано быть либо ветхим старцем, либо законченным импотентом, и никак иначе. Ни отцовских, ни братских чувств он в глубинах своей незатейливой души не ощущал вовсе. Скорее уж, если взглянуть правде в ее бесстыжие глаза, его чувства были полной противоположностью вышеназванным. Особенно после только что прозвучавших признаний, когда в душе ворочалась и порывилась завистливая ревность к счастливчику, ухитрившемуся всего-то оказаться под рукой в нужный момент, а более ничем не примечательному...

Великие небеса, как обтягивал фигурку бархатный камзол! Такова уж нехитрая и прямолинейная мужская логика: Сварог, уже довольно избалованный здешними красотками (как-то незаметно для себя стал модной достопримечательностью заоблачного бомонда благодаря своим земным приключениям и их последствиям), все же не мог в присутствии Яны сохранять равнодушие. Но меж томлением духа и конкретными практическими шагами зияла пропасть. Видимо, виной всему — вьевшиеся за долгие годы в плоть и кровь армейские стереотипы. Как-никак это была императрица — особа номер один

в системе строгой субординации. Ухаживать за ней всерьез казалось столь же вопиющей бесцеремонностью, как в прошлой жизни — ввалиться в кабинет Маршала Советского Союза, выставить на стол бутылку водки, примостить рядом горбушку, плавленный сырок и, не выбирая выражений, предложить хлопнуть по граненому за все хорошее. Должно быть, прошлое-то забывалось понемногу, но многое засело в подсознании...

А потому Яна казалась прекрасной и недоступной, как далекая звезда с ночного небосклона (впрочем, любимой метафорой здешних поэтов для данного случая была почему-то радуга). Насколько проще все было с чередой доступных и прямолинейных светских красоток, яркими ночными бабочками пропорхнувших через его спальню при насмешливом поощрении Мары, полностью лишенной женской ревности...

— Я тебя смутила? — с любопытством спросила Яна.

— Не особенно, — сказал Сварог. — В конце концов, все это естественно и даже банально... Я понемногу приобретаю светский лоск...

— Да, я слышана, — кивнула она с безразличным видом.

И не стала развивать свою мысль, но посмотрела очень уж многозначительно, заставив Сварога смущенно отвернуться к высокому стрельчатому окну, за которым розовел над белыми облаками закат.

— Садись поближе, — сказала вдруг Яна. — И слушай внимательно. Давай поговорим о более серьезных вещах. Как ты отнесешься к тому, чтобы занять кресло канцлера? Верни на место нижнюю челюсть, пожалуйста. Говорю тебе, начинается серьезнейший разговор о государственных делах.

— Я?!

— Вот именно. Ах да, ты, как и большинство, представления не имеешь о некоторых важных событиях, приключившихся буквально вчера... — И она продолжала с ясной, мечтательной улыбкой: — Я проявила себя жуткой самодуршей, знаешь ли, узурпаторшей, тираншей... По сути, я совершила натуральнейший государственный переворот, задуманный практически в одиночку, проведенный в жизнь, не могу не похвастаться, блестяще. Я специально изучила и опыт кое-кого из коронованных предков, и некоторые, мягко говоря, решительные шаги земных королей, раздраженных излишним вмешательством в их дела всяких там парламентов...

Сварог мрачно спросил:

— Ты не про то ли намекаешь, как Конгер окружил драгунами уитенагемот и разогнал его к чертовой матери?

— Совершенно верно, — с невинной улыбкой благонамеренной девочки кивнула Яна. — Я, правда, не стала претворять в жизнь план Конгера во всех деталях, а потому никого не били по шее рукоятями мечей и не выбрасывали в окошки... Но суть и последствия, признаюсь, те же. Были подняты по тревоге Бриллиантовые Пикинеры и Серебряная Бригада, Келл Инир окружили боевыми машинами и на четыре часа изолировали от внешнего мира под предлогом репетиции военного парада... Я одним указом отменила около сотни самых замшелых установлений и правил. Ни Палата Пэров, ни Тайный Совет, эти скопища болванов и чванных невежд, более не имеют ни малейшей возможности влиять на государственные дела. Они решительно ни на что не смогут более влиять. Момент был выбран, снова похвалю свое коварство, как нельзя более подходящий: оба заведения после известных арестов кое-кого из их членов по делу «Черной благодати» пребывали в ошеломлении и оцепенении. Я и ударила в самое сердце... Каюсь, била не в сердце, а пониже пояса, но другого такого случая могло и не представиться...

— Да это... — сказал Сварог растерянно. — Это же революция!

— В какой-то мере, — ангельским голоском подтвердила Яна. — И, что самое приятное, изменения необратимы. Старики — впрочем, далеко не все — и особо стойкие ревнители традиций втихомолку ворчат по углам, но никто не в силах чему бы то ни было помешать — любые попытки подпадают под обвинение в государственной измене... Те, кто помоложе, искренне рукоплещут, поскольку привыкли относиться к этим «заповедникам старичья» с тихим презрением, люди дела, те, кто работает по-настоящему, довольны, а светские бездельники и вовсе не способны на организованное сопротивление... Вот теперь тебя проняло по-настоящему, я же вижу... Ты ведь тоже не принимал меня очень уж всерьез? Взбалмошная девочка с отличной фигуркой, а? В общем, теперь я правлю самовластно. Реальные нити управления — в руках Кабинета и канцлера. Что скажешь?

— Ничего, — честно признался Сварог. — Слов нет.

Он прожил здесь достаточно долго, полтора года, был посвящен во многие секреты — и мог в полной мере оценить размах свершившегося, его значение и последствия. И Палата Пэров, и Тайный Совет — пережившие в свое время многолюдные говорильни, согласно канонам тысячелетней давности имевшие праводилетантски вмешиваться буквально во все, топить любую

новую идею в бесконечных дискуссиях, забалтывать проекты, которых попросту не понимали, приводя специалистов в тихое бешенство. Управление делами Империи в одночасье упростилось несказанно. И самое пикантное во всей этой истории то, что интересы бюрократов вроде Костяной Жопы, надо полагать, не пострадали нисколько, а потому чиновничье племя, есть такое подозрение, выступило единым фронтом с молодыми реформаторами — не столь уж это ново в истории человечества. То, о чем они когда-то с оглядкой шептались с Гаудином и его друзьями перед последней командировкой Сварога на землю, вдруг стало реальностью.

— Ну как? — с живым интересом спросила Яна. — Согласись, я гожусь не только на то, чтобы раздевать меня взглядом и выпрашивать ордена?

Сварог помотал головой:

— Слов нет, ваше императорское величество.

— То-то, — важно, торжествуя сказала Яна. — Рада, что ты оценил по достоинству мои скромные усилия и экспромты с дебютами... Итак? Что скажешь насчет кресла канцлера? Я говорю совершенно серьезно.

— Подожди, — сказал Сварог. — Чем плох нынешний? Все, что я о нем знаю, укладывается в простое определение — мощный мужик. Совсем не стар, умен, его многие уважают, я не о светских хлыщах говорю...

— Не спорю. Но дело-то в том, что канцлер мне достался в наследство. От отца.

— Ага, — сказал Сварог. — А тебе, значит, непременно нужны новые люди? Никак с прошлым не связанные?

— Вот именно. Не столь уж оригинальная, зато эффективная практика.

— Увы, не всегда... — сказал Сварог. — И это у тебя — единственный мотив для смены канцлера?

— Ну, вообще-то... — протянула Яна.

Сварог подметил, что прежней уверенности у нее внезапно поубавилось. И твердо сказал:

— Точно, единственный мотив.

— Ну и что?

— Заранее прости за резкость... — сказал Сварог. — Вот эта твоя идея мне категорически не нравится. Прекрасно, что ты оттерла от государственных дел две этих бесполезных говорильни... Но насколько блестящим был этот ход, настолько слаб и вреден другой... Менять канцлера только потому, что он тебе достался в наследство от прошлого царство-

вания... Нет уж. Я попросту не справлюсь. Нельзя назначать толкового капрала командиром полка — это совсем другой уровень. Есть лестницы, которые никак нельзя преодолевать бегом, прыгая через три ступеньки...

— Но ты же назначил министрами Мару и своего домового?

— У меня всего-то тысячи три подданных — главным образом в Готаре, состоящем из полудюжины деревенок. Собственно, Готар и есть одна большая деревня... Господи, да я во многом не разбираюсь, многого до сих пор просто не знаю! Я тебе наломаю таких дров, что выправлять положение будут годами... Нет уж!

— А если я разгневаюсь всерьез?

Ему было неуютно. Однако в голосе Яны не ощущалось особенного гнева, скорее уж, такое впечатление, подтвердились какие-то ее предположения...

— Вряд ли, — сказал Сварог. — Ты себя показала умницей и вполне зрелым государственным деятелем...

— Вот только примитивной лести не нужно!

— Я вполне серьезно. Если ты разгневаешься всерьез, я в тебе разочаруюсь и буду считать, что ты еще не выросла...

— Хитрец ты, оказывается...

— Скорее уж реалист.

— Что же, я не могу на тебя более рассчитывать?

— Наоборот, — сказал Сварог. — Любое поручение, любой приказ. В лепешку ради тебя разобьюсь. Только не предлагай мне постов, до которых я попросту не дорос.

— Ну что же... — с расстановкой промолвила Яна. — Что же тут поделаешь... Возможно, это и в самом деле не лучшая моя идея. Но отсюда плавно вытекает, что есть посты, до которых ты вполне дорос...

Ее прервал тоненький серебряный звон. Яна обернулась к большой, искусно выполненной модели корабля, боевого парусного фрегата, стоявшей на лакированной подставке в ближайшем углу. Туда же усталились Сварог и настороживший уши Акбар.

Крохотный, с ноготок, серебряный якорь, только что касавшийся подставки, быстро поднимался вверх, словно прятавшиеся внутри крохотные человечки крутили брашпиль, — тонюсенькая сверкающая цепочка быстро уползала в клюз. Хлопнув, сами собой развернулись украшенные гербами и геральдическими чудищами паруса, вздулись, будто наполнились ветром, не ощущавшимся никем в комнате. На корме взвился бело-желтый клетчатый выпел, очевидно, означав-

ший готовность к походу. Во время своих недолгих плаваний Сварог наблюдал нечто похожее, в наборе сигнальных флагов уважающего себя судна обязательно имелись такие выпелы. Наглухо прикрепленный к подставке кораблик, казалось, пустился в плавание по несуществующему морю.

— Это ты развлекаешься? — обернулась к нему Яна.

— Нет, честное слово, — сказал Сварог. — Это такая фамильная безделушка. Дворецкий деликатно сообщает, что хочет меня незамедлительно видеть по какому-то спешному делу... Как бы в Готаре чего не случилось... Извини, я...

— Да, конечно...

«Вот именно, не случилось ли чего в Готаре? — беспокоенно подумал он, быстрыми шагами направляясь к двери. — С Марой несколько гвардейцев, да и без них ее голыми руками не так-то просто взять, да и вооруженными тоже, но мало ли... Когда начинаются дворцовые перевороты, ошеломляющие реформы и резкие перемены, когда у тебя множество врагов, причем об иных ты и не подозреваешь, пока не кинутся из-за угла...»

Чуть приоткрыв дверь, он выскользнул наружу. Нет, лицо у Макреда было, конечно, озабоченным, однако...

— Что-то случилось?

— Не думаю, милорд, — чопорно ответил дворецкий. — И все же я рискнул вас побеспокоить... Только что в замок прибыл и желает незамедлительно с вами встретиться его светлость герцог Дирмед, канцлер Империи. Герцог одет в приличествующий его рангу мундир, при орденах и парадном оружии. Следовательно, либо речь идет об официальном визите, либо он в таком виде явился к вам прямо из дворца, что опять-таки свидетельствует о серьезности и неотложности дела, по которому его светлость прибыл...

«Неужели выяснили девчонку?» — подумал Сварог. И быстрым шепотом распорядился:

— Задержите его на пару минут, Макред, соврите... впрочем, не врите. Просто-напросто не говорите всей правды. Скажите, что у меня дама, и потребуется какое-то время, чтобы деликатно ее выпроводить... Светский человек поймет...

— Безусловно, милорд. Я могу идти?

Сварог кивнул, вернулся в библиотеку и выпалил с порога:

— Канцлер. При мундире и орденах. Выставить за дверь никак невозможно...

— Его выставишь, как же... — ничуть не удивившись, понятиливо кивнула Яна. — С отцом они, бывало, в голос спорили...

— Но ведь не выгонял его твой батюшка, а? — прищурился Сварог. — Значит, ценил... Что же делать-то?

— Какие пустяки... — Она встала, подошла к стене с мозаичной девственницей. — Я попросту уйду не вполне обычной дорогой, чтобы не создавать излишних сложностей... До скорого!

Она выбросила ладонь, начертила перед собой в воздухе какую-то не особенно сложную фигуру — и уверенно двинулась к стене, вошла в нее, словно привидение, во мгновение ока пропала с глаз, так что Сварог, не ожидавший столь эффектного исчезновения, даже отшатнулся.

Опомнился. Приоткрыл дверь, разрешающе кивнул Макреду. И встретил канцлера стоя, как и диктуют правила хорошего тона в разделе «Прием гостей воспитанным хозяином».

Канцлер, судя по всему, тоже читал эти правила, особенно раздел «Поведение воспитанного гостя», — он приложил левую руку к сердцу и раскланялся, держа шляпу с пышным пером на отлете, потом переложил ее в левую руку, а правую опять-таки прижал к сердцу и раскланялся вторично. Сварог выполнил плавный жест правой рукой, указывая на кресло. Канцлер церемонно в данное кресло опустился. На чем торжественная часть, собственно говоря, и закончилась, к несомненному облегчению сторон.

— Вино, быть может, ваша светлость? — спросил Сварог, решив быть гостеприимным до предела. — Или прохладительные?

— Нет, спасибо, — сказал канцлер самым обычным голосом. — Не утруждайте себя...

На нем и в самом деле был раззолоченный придворный мундир с парой дюжин орденов. «Надо бы и ему что-нибудь хельстадское преподнести, с цепями и висюльками, — спохватился Сварог. — По дипломатическому протоколу полагается... Интересно, он в самом деле не успел переодеться, или хотел произвести впечатление, напомнить лишний раз, что он тут — первый после императрицы?» Если верно второе, то ситуация довольно пикантна — пять минут назад Сварогу стоило только слово сказать, чтобы самому оказаться в таком мундире, в кресле канцлера...

Он украдкой рассматривал гостя — до сих пор видел его лишь на дворцовых приемах, то есть в обстановке, больше напоминающей кукольный театр: каждое слово и всякое перемещение любого человека расписано и регламентировано заранее, и получается музыкальный ящик с марионетками...

Показаться невежливым он не боялся: очень скоро сообразил, что канцлер занят тем же самым, украдкой рассматривает его с несомненным любопытством.

— Простите, что пришлось нарушить ваше уединение... — сказал канцлер.

— Пустяки, — ответил Сварог. — Дама все равно собиралась уходить... У вас какое-то дело ко мне?

Его собеседник, широкоплечий мужчина лет сорока (то бишь, несомненно, четырехсот), с первыми ниточками седины в густых коротких усах и жесткой шевелюре, на первый взгляд казался не великого ума субъектом, простоватым и незатейливым. Такое уж у него было лицо, поистине к а п р а л ь с к о е, плохо сочетавшееся с расшитым тяжелыми золотыми узорами мундиром и гирляндой орденов. Однако поддаваться этому впечатлению не следовало, ох, не следовало...

— Возможно, вы и не поверите, лорд Сварог... — сказал канцлер. — Но я до сих пор не могу в т о ч н о с т и сформулировать цели и мотивы моего визита. Мне хочется взглянуть на вас, пообщаться, составить о вас некоторое впечатление... но дело даже не в этом, все сложнее. Враждовать нам пока не из-за чего, слухи, будто вас прочат на мое место, я считаю дурацкими. Если вы — человек умный, откажетесь, а если глупы, мне вас будет очень легко подсидеть и обыграть...

В конце концов, с него ведь не брали слова хранить кое-какие разговоры в тайне? Сварог решил:

— Я отказался.

— Очень похоже, что вы не врете... Что ж, это доказывает, что человек вы неглупый и прекрасно понимаете, сколь бесполезны были бы в этой роли... Значит, враждовать нам не из-за чего. Сотрудничать... здесь я тоже пока что не вижу, в каких областях мы могли бы стать с вами союзниками и соратниками. Вероятнее всего, если стремиться к точности формулировок — а за мной водится такой грешок, — я хотел бы понять, что вы за человек, чего хотите от жизни и каких неприятностей можно от вас ждать...

— От меня?

— От кого же еще? — усмехнулся канцлер. — Известно ли вам, в чем, если отбросить словесную шелуху и поэтические преувеличения, удел государственного мужа? Да попросту ждать неприятностей со всех сторон, поскольку со всеми р а д о с т н ы м и новшествами и событиями легко и охотно справляется орда нищестоящих, перебрасывая наверх право прини-

мать решения по жизненным т я г о т а м... Вы еще попомните мои слова, когда в с е р ь е з начнете править в качестве земного короля.

— По-моему, я вовсе не собирался доставлять вам неприятности...

— При чем тут ваши п о б у ж д е н и я? — пожал плечами канцлер. — Простите за цинизм, но сам факт вашего существования — постоянная головная боль, источник неприятностей, ф а к т о р. Хотите вы этого или нет. В свое время, вскоре после вашего первого возвращения с земли, в узком кругу вполне серьезно обсуждалось, не убрать ли вас.

— То есть?

— Не будьте ребенком! — с досадой сказал канцлер. — Убрать — и означает убрать... — Он недвусмысленно черкнул большим пальцем по горлу. — Гнев императрицы меня не пугал: всегда можно обставить все так, что ни одна живая душа не будет сомневаться в подлинности «несчастливого случая», даже наша императрица с ее нерядовыми способностями... После долгих дискуссий и размышлений я решил оставить вас в живых. Не в доброту дело и не в иных пророчествах, как будто на вас пошитых: пророчества, знаете ли, вовсе не о б я з а н ы исполняться, они представляют собою лишь один из вариантов будущего, вовсе не обязательно, чтобы именно он претворился в жизнь. Мне просто-напросто однажды пришлось в голову, что убирать вас будет неразумно и непрактично. Что польза может перевесить возможный вред. Как видите, я не стараюсь казаться лучше, чем я есть... Что поделать, должность такая. Монархи и канцлеры не могут, увы, руководствоваться обычной людской моралью и этикой. Сами убедитесь.

— Надеюсь, что нет.

— Убедитесь, — сказал канцлер. — Или не сможете стать хорошим королем... Так вот, я надеюсь извлечь из вас пользу... и хочу, чтобы вы мне в этом помогли. Вам, часом, такое заявление не кажется ли верхом цинизма?

— Представьте себе, нет, — усмехнулся Сварог. — И какую же пользу вы из меня собираетесь извлечь?

— Если бы я знал... — с обезоруживающей прямоотой усмехнулся канцлер. — Если бы я знал... Вы уже принесли пользу, уничтожив Глаза Сатаны, — но вот где вас использовать д а л е е... Пока не знаю. Опять-таки, отдавая дань своей привычке, сформулирую пожелания: я хотел бы, чтобы, буде возникнет такая необходимость, вы пошли бы навстречу моим просьбам... Могу я заручиться вашим согласием?

— Я не любитель давать опрометчивые обещания, — сказал Сварог. — Но, в принципе, сотрудничать с вами не отказываюсь. Если это не пойдет во вред тем людям, к которым я отношусь с симпатией.

— Императрица к ним относится?

— Безусловно.

— Вот видите. Я желаю ей только добра...

— А не может ли случиться так, что в а ш и и е е представления на сей счет могут разойтись? — безразличным тоном спросил Сварог.

Канцлер бросил на него колющий взгляд. Нахмурился:

— По-моему, проблема допускает лишь однозначное толкование. Она слишком молода и неопытна. Не спорю, она провела просто блестящую операцию — я о расправе с Палатой Пэров и Тайным Советом. Но в ней еще много детского. Поэтому в з р о с л ы е должны мягко на нее влиять... А вы, несомненно, относитесь к тем, кто имеет на нее влияние.

— Я? — искренне удивился Сварог.

— Вы, дорогой мой, вы. Хотя и сами о том не подозреваете. Ваше загадочное появление, ваши земные подвиги... Она готова прислушиваться к вашему мнению, а это очень важно. Главное, чтобы влияние приняло д о л ж н о е направление.

«Ага, понятно, — подумал Сварог. — Не столь уж сложная комбинация. Ты будешь влиять на меня, а я должен влиять на нее... Интересно, к этому гвардейскому болвану ты тоже подкапывался? Или он для тебя был слишком глуп? Пожалуй. Иначе не кончил бы столь печально, уж ты-то научил бы его наилучшей линии поведения...»

— Я, простите за прямоту, рассчитываю на определенную благодарность с вашей стороны, — продолжал канцлер. — Как-никак именно я сразу после вашего появления добился, чтобы вы обрели нынешний статус. В ту пору вы были абсолютно беззащитны, а наши лихие умельцы из Магистериума добивались, чтобы вас передали им в качестве... назовем вещи своими именами, в качестве подопытного животного. Их крайне интересовал — и до сих пор интересуется — механизм вашего переноса в наш мир...

— Ну да, понимаю, — сказал Сварог. — Проект «Алмазная стрела», верно? Путешествия во времени?

— При чем тут путешествия во времени? — с искренним недоумением вскинул голову канцлер. — Какое вы имеете отношение к...

— Но ведь я — из вашего будущего...

Он замолчал на полуслове. Канцлер скривился, как от зубной боли, он походил на игрока, по собственной воле сдавшего противнику все козырные карты. Даже легонько ткнул себя лбу полусогнутой ладонью.

— Поздравляю, лорд Сварог, — желчно усмехнулся он после короткого молчания. — Я давненько уже не попадал впро-сак... Хорошо. Я буду с вами предельно откровенным, чтобы вы оценили мое к вам расположение... Я-то думал, доктор Моли-тори успел вам сказать, потому и не удержал язык за зубами... Позвольте вас удивить. Вы не имеете никакого отношения ни к нашему будущему, ни к вашему прошлому. Вы совершили путешествие не во времени, а в пространстве. Пришли из одного из тех миров, которые для простоты называют Соседними Страницами. Их по-всякому именуют ученые: параллельные миры, Иномирья, Слоистые Пространства... Мне же больше нравится не вполне научное, но удивительно точное определение: Соседние Страницы. Если уподобить нашу многомерную Вселенную толстой книге, то миры похожи на страницы. Покинутая вами планета — не в прошлом, а где-то р я д о м. Где именно, я так и не понял, такое впечатление, что физики не вполне понимают это и сами...

— Но Гаудин...

Канцлер досадливо махнул рукой:

— Об и с т и н н о м положении дел не знал даже Гаудин. Даже императрица. П р а в д у знаем только я и трое ученых. Причины такой секретности весьма просты: дороги в Сосед-ние Страницы и Заводы — пожалуй, самая головоломная на сей день загадка для науки. До Шторма обстояло совершенно иначе — они-то у м е л и... Древние Дороги — это как раз и есть пути меж параллельными мирами. Иные наши предки, обитавшие на Таларе до Шторма, умели ими пользоваться... Мы — нет.

— А что такое Заводы?

— Для простоты изобразим это в таком вот виде... — Кан-цлер, оглядевшись, придвинул лист бумаги и извлеченным из-за златотканого обшлага стилосом изобразил нечто вроде прямой линии, там и сям украшенной примыкающими к ней кружочками. — Эти кружки и есть Заводы.

Заводь — не параллельный мир, а, скорее, при-мыкающий к нашему миру параллельный а н к л а в. Некая область самых разных размеров — от нескольких югеров до стран, не уступаю-

щих размерами Ронеро. Мы точно знаем, что они существуют, что иные обширны и обитаемы... но мы не знаем, как открывать туда дорогу.

— Так-так-так... — сказал Сварог. — Вот почему я так и не нашел на карте Сильваны города Коргала... Ни в одном справочнике о нем не упомянуто...

— Вот именно. Судя по всему, Коргал — это то ли Соседняя Страница, то ли Заводь. Более детальных объяснений я вам дать не в состоянии: проход открылся неожиданно и столь же внезапно закрылся, причем на т о й стороне остался корабль речной полиции, посланный в погоню за этими вашими разбойниками. Вам повезло вовремя унести оттуда ноги...

— Интересно, — сказал Сварог. — А эти твари, что вылезли из доброго старого семейного зеркала? Могли это оказаться жители какой-то Заводи?

— Почему бы и нет? Возможно... Опять-таки мы ничего не в состоянии утверждать уверенно. Мифы о причастности зеркал к Древним Дорогам, Заводям и Соседним Страницам... точнее, к путям в таковые, так и остаются пока мифами, из которых при всем усердии нельзя извлечь рационального зерна. Связь происшедшего с вами с Багряной Звездой опять-таки проблематична.

— Вы хотите сказать...

— Ну да, — скучным голосом сказал канцлер. — В том месте, где вы ее видели на небе, и в самом деле зафиксирован некий объект, находящийся на огромном расстоянии и перемещающийся с определенной скоростью, вычисления еще не завершены, но уже сейчас можно говорить, что период обращения данного тела по своей весьма вытянутой орбите и в самом деле может быть близок к пяти тысячам лет...

— Но ведь это означает...

— Это ничего еще не означает, — отчеканил канцлер. — Ничего. Даже при моей привычке во всем видеть возможные неприятности. Именно потому, что я реалист и прагматик, я и не могу п о к а относиться серьезно к болтовне вашего домового. Поживем — увидим. Недели через три к ней навстречу выйдут виманы Магистериума, тогда-то мы и будем располагать какой-то т о ч н о й информацией. И если появятся основания для тревоги, я первым ее подниму... Вы готовы дать слово держать в с е, что от меня слышали, в тайне?

— Готов, — подумав, кивнул Сварог. — Лишь бы это не повредило...

— Не повредит, будьте уверены. Так вот, я пока что не докладывал императрице о... ситуации с Багряной Звездой. Не стоит торопиться. Очень надеюсь, что вы последуете моему примеру. Я не нагнетаю жути и не пугаю... но если вы хоть одной живой душе передадите содержание нашего разговора... С вами все будет кончено.

— Я, кажется, дал слово, — сердито сказал Сварог. — А теперь позвольте ответить на цинизм цинизмом. Я тоже иногда люблю точные формулировки. Вы меня ч у т о ч к у опасаетесь, но и убрать не решаетесь, и использовать в серьезных делах боитесь...

— Где же тут цинизм? — усмехнулся канцлер с некоторым превосходством. — Вы очень точно изложили положение дел, вот и все... Да, чуточку боюсь. Да, немного не доверяю. А почему я должен безоглядно вам доверять? Коли вы непредсказуемы? Не в силу некоего коварства, а попросту оттого, что все еще ч у ж о й здесь... Вы слишком мало у нас прожили, чтобы проникнуться...

— Полагаете? — сказал Сварог почти грубо. — Не сочтите за высокие слова, но кое с чем, кое с к е м я намерен бороться до последнего издыхания...

Перед глазами у него снова стояла Морская площадь — и белая дымная полоса, неотвратимо скользившая к Делии. И кровь принцессы на руках, и крики, и заполошный конский топот...

— Знаю, — сказал канцлер. — И очень хочу верить, что Серый Рыцарь — все же вы... Потому вы и живы до сих пор. И я рискну вам поверить настолько, чтобы ознакомить вот с этим...

Он извлек откуда-то из воздуха небольшой лист бумаги и решительно положил перед Сварогом.

Талар

Замков	5011
Обитателей	29 652
в том числе:	
императрица	
членов императорской фамилии	11
стариков	11 781
детей	3205
ИТОГО годных к службе, работе, науке	14 654

Реестр состоящих на службе, занятых работой, науками:

Канцелярии, коллегии	564
Армия	190
Серебряная Бригада	42
Дворец Келл Инир	432
Корпус инженеров	52
Магистериум	56
Мистериор	24
8-й департамент	78
ИТОГО	1438
Светское общество	13 216

Сильвана

2 города, 1654 замка	
Обитателей	14 924
в том числе:	
стариков	5206
детей	2875
ИТОГО годных к службе, работе, науке	6843

Реестр состоящих на службе, занятых работой, науками:

Кабинет императрицы на Сильване	114
Кабинет императрицы на Селене	446
Канцелярии, коллегии	232
Армия	60
Серебряная Бригада	38
Корпус инженеров	26
Сильванский отдел Магистериума	32
Сильванский отдел Мистериора	16
Сильванский отдел 8-го департамента	62
ИТОГО	1026
Светское общество	5817

Изучив немудреную справку, Сварог прочитал ее вновь. И еще раз. Тогда только стал понемногу п о н и м а т ь.

Подняв голову, встретил взгляд канцлера, который так и не смог понять — то ли затаенная боль, то ли злость, то ли все вместе, и еще многое...

— Т е п е р ь вам ясно, где самое слабое место? — произнес канцлер совсем тихо. — Учтите еще, что добрая половина из тех, кто все же значится в обоих Реестрах, — придворные бездельники, паркетные шаркуны, немочь бледная... Занятых реальным делом и вовсе мало. Даже если считать всех, по головам, — нас всего-то тысяч пятьдесят. По большому счету, это население не самого большого земного города...

— Иными словами, система без будущего? — безжалостно сказал Сварог. — Занятая лишь поддержанием существующего положения?

Канцлер не смотрел на него, он ссутулился в кресле, не отрывая взгляда от собственных колен. Длилось это всего пару мгновений, потом-то перед Сварогом вновь оказался холодный, прагматичный и умный сановник — но главное было сказано... И не встретило отпора.

— Вот в чем главное препятствие, — тихо сказал канцлер. — Нигде и никогда не смейте этого произносить... но я и в самом деле не вижу ни будущего, ни перспектив. Пятьдесят тысяч человек, из которых реальным делом занимается лишь пара тысяч, пусть и обладающие невиданными научными достижениями, страшным могуществом... Этого мало. За что ни возьмись, этого мало.

«Неужели ты за этим и пришел? — вдруг осенило Сварога. — Тебе попросту не с кем больше поделиться! Действительно, т а к о е невозможно носить при себе, свихнуться можно...»

— Но ведь можно...

— Умоляю, постарайтесь без скоропалительных выводов! — В голосе канцлера зазвучал прежний металл. — Сначала вспомните, что имеете дело не с наивными идиотами, что за тысячелетия были всесторонне рассмотрены самые разные проекты и иные из них претворены в жизнь... Уверен, вам сейчас, как глупому, уж простите, новичку, приходит в голову нечто эпохальное... Мы, скажем, должны просто-напросто поделиться технологиями и научными знаниями с обитателями земли, вместе строить новое будущее... Да?

— Что-то вроде... — осторожно сказал Сварог.

— Удивительно, как никто раньше не додумался! — иронически раскланялся с ним канцлер. — Как в голову никому не пришел самый простой выход? Любезный мой лорд Сварог, примерно через тысячу лет после Шторма начали рассуждать

в точности так, как вы сейчас. Они спустились из-за облаков и начали делиться. Но кончилось все Вьюгой — катаклизмом, хоть и уступавшим по размаху Шторму, но не менее трагическим. Ряд техногенных катастроф вкуче с войной, где использовались самые передовые технологии и достижения науки... Да если бы все дело было только в том, чтобы одарить людей пластмассовыми стульями вместо деревянных, телевизорами и самолетами! Вы всерьез полагаете, что душа человеческая изменится к лучшему исключительно из-за обладания благами науки и техники? Сами по себе эти блага ничего не решают и ни к чему хорошему не ведут. Поскольку не ликвидируют ни одной проблемы, а вот н о в ы х добавляют несказанное количество. Шлюха всегда останется шлюхой, эгоист — эгоистом, подонок... Между прочим, не мы одни тихо и ненавязчиво тормозим на земле технический прогресс. Со стороны земных обитателей имеет место встречный, если так можно выразиться, процесс... Гаудин вам никогда не рассказывал историю с железобетоном?

— Нет, — угрюмо сказал Сварог.

— Жаль, поучительная история... Лет восемьдесят назад один земной умелец, архитектор, самостоятельно и в одиночку додумался до изобретения бетона. Это не столь уж сложно даже при земном уровне науки и техники. Бетон — не компьютер. Очень быстро он сделал следующий шаг — бетон с железной арматурой. Железобетон. Подлинная революция в строительстве... с одним многозначительным дополнением. Строить дома и крепости, конечно же, стало бы гораздо легче, быстрее и дешевле... но при этих условиях очень быстро обратились бы в нищету и полнейшее ничтожество многие члены Сословия Циркуля, инженеры и архитекторы, которым поздно было бы переучиваться. В полнейший упадок пришли бы кое-какие цеха Золотых гильдий... Так вот, мы ни в коей мере не причастны к бесследному исчезновению талантливого изобретателя, надо полагать, не умевшего просчитывать последствия и держать язык за зубами. Там, на земле, сами управились. О том, что такой изобретатель когда-то жил, а потом пропал без вести вместе со всеми своими записями, расчетами и первыми образцами, наши агенты узнали чисто случайно, через полсотни лет после его пропажи, когда сын одного каменных дел мастера решил на смертном одре исповедаться — и рассказал, чему был свидетелем в юности... Так-то.

— Что же, выхода нет вовсе?

— Я не хочу в это верить, — сквозь зубы произнес канцлер. — Не хочу. Мы будем его искать... Постараемся найти. Я вам все это рассказал еще и для того, чтобы удержаться от скоропалительных решений. Чтобы вы поняли, сколь серьезны стоящие перед нами проблемы. Перед нами. Потому что жить вам здесь, в этом мире. А человек вы чертовски энергичный... и поэтому выгоднее будет не примитивно убирать вас, а познакомиться со всеми сложностями, тупиками и проблемами. Благо вы еще и умны. Я хочу, чтобы вы поняли, насколько хрупок и во многом не познан наш мир, чтобы не рубили сторяча...

Он говорил проникновенно и дружелюбно, в его голосе звучало искреннее расположение. Забыть бы еще, что перед Сварогом — изощреннейший политик... Воспользовавшись паузой, Сварог продолжал невинным тоном, таким, чтобы при необходимости все сказанное можно было обернуть в шутку:

— ...чтобы я понял одну простую и важную истину: по сути, если смотреть в самый корень, Небесная империя не столь уж благостна, благополучна, могуча и перспективна, чтобы пытаться захватить над ней власть... Верно?

Ожидаемого возмущения не последовало: канцлер смотрел на него бесстрастно и устало. Молчание затягивалось.

— Простите, я не дипломат, да и политик никакой... — сказал Сварог. — Ну, а все-таки? Не подозреваете ли вы меня в стремлении захватить власть над Империей?

— Я вынужден допускать именно такое развитие событий как теоретическую вероятность. Можно допустить, что когда-нибудь эта идея обоснуется у вас в голове.

— Да зачем мне? — искренне сказал Сварог. — Простите за откровенность, но мне вовсе не улыбается править полусотней тысяч спесивых бездельников, среди которых, вот чудо, все же затесалась пара тысяч тех, кто занимается реальным делом... Мне было бы невероятно скучно.

— Я ведь не утверждал, что вы питаете такие планы, — спокойно сказал канцлер. — Речь идет о теоретической вероятности. Как знать, возможно, вам однажды покажется, что именно вы сможете что-то сделать лучше. С этого, знаете ли, и начинается... В вас есть что-то от идеалиста, не отрицайте. Только идеалист отправился бы с принцессой Делией в Три Королевства. И вы не отказались от власти над ними, хотя это и сулит одни лишь хлопоты...

— Я только хотел...

— Предотвратить неизбежную войну, обязательно разгоревшуюся бы в случае, если Три Королевства окажутся бес-

хозными, — кивнул канцлер. — И вы не хотели оставить столь сложную и опасную игрушку, как Хелльстад, на произвол судьбы. То есть считали, что сделаете лучше. То, о чем я и говорил. Вы сами-то можете поручиться, что вам через энное количество лет не захочется ради чьего-то очередного блага взвалить на себя новые хлопоты? Вот видите... Поймите меня правильно. Легко просчитать нахального властолюбца, авантюриста, стремящегося к власти ради власти и тех благ, что из обладания ею вытекают. Таков, например, ваш добрый знакомый герцог Орк. Именно оттого, что в глубинной сути своей он не более чем примитивный властолюбец, как раз и не способен причинить с е р ь е з н о г о вреда. Его интриги и замыслы не блещут умом и новизной, а потому расстроить их крайне легко. А с идеалистами вроде вас обстоит гораздо труднее. Потому что решительно невозможно предсказать, когда и где в вас вспыхнет желание спасти человечество...

— Но ведь кое-что мне удалось сделать? — спросил Сварог.

— Это-то меня и настораживает, — признался канцлер. — Идеалист, которому удаются опасные и сложные предприятия, опаснее вдвойне...

Акбар смотрел на него сумрачно и сосредоточенно, словно прикидывал, каков канцлер на вкус и стоит ли тратить усилия, чтобы это выяснить.

— И почему вы с такими настроениями до сих пор не воткнули мне в спину что-нибудь острое? — сказал Сварог.

— Я уже подробно объяснил, почему.

— Ну ладно, — сказал Сварог. — Тогда позвольте и мне кое-что вам объяснить. Есть одна серьезнейшая причина... точнее, препятствие на пути к короне Империи. Это очаровательное препятствие зовут Яна. Вы правы, нельзя заранее предсказать, что придет человеку в голову через год, два, десять... Однако одно я вам могу предсказать не хуже Таверо: я никогда ничего не сделаю ей во вред. Ясно вам?

— Подоплека? — холодным тоном привыкшего ко всему врача спросил канцлер. — Некие отцовские чувства или сексуальные побуждения?

— Быть может, все сразу, — сказал Сварог. — Быть может... И еще что-то, что не выразить словами. У меня никогда не было детей... и я никогда не встречал такой девушки. Какое-то шальное сочетание ума, взбалмошности и прелести, голова порой кружится...

— А что, если в этом и заключается выход?

— В чем? — искренне не понял Сварог.

— Поженить вас, — с непроницаемым лицом пояснил канцлер. — Чем не решение проблемы? Впервые эта идея пришла в голову Гаудину, по размышлении я увидел в ней рациональное зерно... Почему бы и нет? В самом деле, идеальный выход. Одним махом расправляемся с массой сложностей, тревог и противоречий.

— Ох, и светлая у вас башка... — раскланялся Сварог.

— Вы же сами признались, что она вам нравится?

— Она мне чертовски нравится, — сказал Сварог. («Какого черта, что я несу, почему так с ним откровенен?» — мелькнуло в голове). — Но и ее мнением не мешало бы поинтересоваться...

— Ну, особых сложностей я здесь не вижу, — сказал канцлер. — Два опытных и умных взрослых человека, объединенные общими целями и задачами, без труда могли бы разработать эффективный план и претворить его в жизнь. Если задаться целью непременно соединить вас брачными узами, основанными на...

У него медленно отвалилась челюсть. Застывший взгляд уперся во что-то за спиной Сварога, а тот в приливе некоего озарения уже знал, кого увидит, повернув голову...

Так оно и оказалось. Неведомо откуда возникшая Яна стояла в нескольких шагах от стола, скрестив руки на груди. Акбар радостно гавкнул в знак приветствия.

— Возможно, кто-то заявит, господа мои, что я вульгарно подслушивала, — промолвила она столь ледяным тоном, что Сварогу почудился иней в углах библиотеки. — Однако среди прочего я слышала, как некий государственный муж подробно и аргументированно объяснял, что монархи стоят выше вульгарных эмоций, морали и этики. Ведь это вы говорили, герцог? Так что, милорды, прошу считать, что я всего лишь руководствовалась высшими государственными интересами. Монарх никогда не подслушивает — он о с в е д о м л я е т с я об умонастроениях и жизненных планах подданных...

— Герцог, я и понятия не имел... — еле выговорил Сварог, чувствуя, как кровь бросилась в лицо. — Чем угодно клянусь...

— Верю, — сказал канцлер, таращась куда-то в пространство отрешенным взором. — Мне следовало прежде всего установить, кому принадлежит тот брагант, что стоял у парадной лестницы, п р о с л у ш а т ь примыкающие покои...

— Ваши планы касательно моего замужества, герцог, изящны и прагматичны, — медленно продолжала Яна. — Однако о них я хотела бы поговорить в самую последнюю очередь... а то и не говорить вовсе. Во многих романах пишется, что ста-

реюющие мужчины обожают играть в свах для молодежи... — медленно, с издевкой цедила она слова. — Не будем об этом. Есть более серьезные темы для разговора... — Она сделала неувловимое движение пальцами, и та самая злосчастная справка, которой канцлер так поразил Сварога, сама порхнула ей в руку, хотя канцлер чисто машинально и пытался перехватить бумагу на лету. — Интереснейший документ, — сказала Яна, продекламировала нараспев: — Стариков... детей... реестр состоящих на службе... Почему вы этого никогда не показывали мне?

Это были уже не шутки. Кончились шутки. Юная императрица была разъярена всерьез. Глаза потемнели от гнева, они были теперь цвета тяжелой грозовой тучи, и что-то во взгляде, физически ощутимое, давящее, свирепое заставило волосы Сварога шевелиться, а мелкие предметы на столе — подпрыгивать с глухим дребезжанием и стуком. Вряд ли Сварогу мерещилось — в библиотеке и в самом деле потемнело, воздух казался густым, тяжелым, щекочущим горло, словно перечный настой...

Должно быть, на Сварога эта неведомая сила действовала не столь уж сильно, — а вот канцлеру досталось сполна. Он не сам поднялся из тяжелого кресла — та же сила приподняла его, как марионетку, взметывая его волосы будто порывами ветра, дувшего со всех сторон сразу, заставляя гирлянду орденов колыхаться со звоном. От золотого шитья на канцлерском мундире взвились невесомые облачка — это на глазах истаявали галуны, рассыпаясь золотой пылью. Акбар, сам не способный к какой бы то ни было магии, но безошибочно чувствовавший ее присутствие, осторожненько попятился в угол — и шерсть на нем вдруг встала дыбом, как иглы на дикобразе, бедного пса зацепила самым краешком эта рванувшаяся на свободу сила, энергия, некая древняя магия...

Потом показалось, что канцлера чуточку о т п у с т и л о.

— Ну, и что вы мне скажете? — звенящим голосом выпалила Яна.

— Ваше величество, — промолвил канцлер почти спокойно. — Все цифры, содержащиеся в этой справке, абсолютно все, вам не единожды докладывались, они присутствуют во множестве поданных вам документов, вы давно знакомы с точнейшими статистическими данными...

— В р а з б и в к у докладывались, — оборвала Яна. — Раздерганные на три десятка сводок, отчетов и меморандумов, утопленные во множестве другой цифири, заполняющей об-

ширные доклады и толстые тома... А мне нужна была именно та к а я бумага — краткая и шокирующая. Следовало, чтобы вы мне объяснили с помощью такой вот коротенькой справочки, какая перед нами разверзлась пропасть. Так, как в три минуты растолковали это лорду Сварогу. В этом ваш долг канцлера и заключался. Что вы молчите? Я вам приказываю немедленно объясниться!

Библиотека медленно возвращалась в прежний вид — опала вздыбленная шерсть на Акбаре, так и не покинувшем благоразумно своего дальнего угла, посветлело, чернильницы и прочие старинные безделушки больше не выплывали, как пьяные матросы, воздух казался обычным. Прилив неконтролируемой ярости, надо полагать, миновал. Вот только канцлерский мундир так и не вернулся к прежнему состоянию — он словно бы подвергся атаке полчищ диковинной моли, питавшейся исключительно золотой канителью...

— Хорошо, ваше императорское величество, — сказал канцлер с отчаянным видом человека, поставившего на карту все, что только возможно в этой жизни, а то и саму жизнь. — Попытаюсь объясниться... Дело в том, что я считал — и до сих пор так считаю, — что вы еще не достигли того рубежа, за которым человек — а в особенности монарх — может именоваться по-настоящему взрослым, способным принимать взрослые решения. И пока этот рубеж вами не пройден, я полагал своим долгом беречь вас от некоторых сложностей нашего бытия. К некоторым истинам человека — и в особенности, повторяю, монарха — следует подводить постепенно и осторожно. В противном случае чересчур уж велик риск, что монарх примет неверные решения. Я всего лишь выполнял то, что обещал вашему отцу...

— Его действительно отравили? — вопрос прозвучал, как резкий хлопок хлыста.

«Даже так?! — охнул про себя Сварог. — Вот даже как?! И ведь ни одна живая душа не заикнулась...»

— Вопрос спорный...

— Да или нет? — почти крикнула Яна.

— Я не стал бы с порога отмечать столь печальное предположение, в пользу которого свидетельствуют некоторые обстоятельства и странности...

— То есть — да? — Из потемневших глаз Яны вновь ударило нечто, не имевшее вида и названия, морозившее кровь в жилах. — Вы и от э т о г о знания меня оберегали? Глупенькую, наивную, маленькую девочку? А тем временем составлялись

вот такие бумаги и «Черная благодать» развивалась у вас под носом, прямо в Келл Инире...

— Мною руководило лишь стремление к благу империи и вашему личному...

Сварог был неплохо защищен от здешних магических штук, но Яна владела чем-то, в ы л а м ы в а в ш и м с я из этого установления. Он вновь ощутил, как волосы ему взметает порыв странного ветра, видел, как сгущается полумрак в библиотеке, как в этом вязком полумраке вспыхивают странные м е д л е н н ы е искры, как бумаги на столе разлетаются, шурша и свиваясь.

Все это ничуть не направлено против него, его задело лишь краешком налетевшей грозы, но легче от этого не стало...

Потому что он видел лицо Яны, побелевшее, неумолимое. Она рассвирепела не на шутку. Выпала редкая возможность самолично лицезреть во всей сомнительной красе классический приступ неудержимого монаршего гнева — когда дозволено все и нет тормозов, когда с плеч падают головы и в щепки разлетаются кресла под высшими сановниками, когда сама История, споткнувшись, с грохотом рушится на скаку, как подстреленный конный рыцарь в доспехах...

И понимал — если нечто непоправимое и не произойдет, то п р о з в у ч и т. А это одно и то же, разница, право, тут невелика...

Вокруг уже все плыло, деформировалось, сплеталось в сплошной клубок дергавшихся теней, пронизанных порывами ледяного ветра, — и посреди этого хаоса льдисто светилось белоснежное, ставшее маской лицо Яны с темно-синими провалами глаз.

Сварог шагнул вперед, заслоняя остолебеневшего канцлера и, чувствуя, как на лицо ему все сильнее давит что-то невидимое, тугое, недоброе, почти крикнул:

— Ваше величество, мы в моем замке, и этот человек — мой гость!

Ошупью, бесцеремонно нашел ее запястья и стиснул что было сил. От пальцев к локтям метнулся словно бы разряд электрического тока, но он не разжал рук, пытаясь с л о м а т ь взглядом это невидимое, напиравшее, свирепое...

И вдруг все кончилось, будто повернули выключатель. Яна поникла, опустила веки, ее тонкие запястья дрогнули, и Сварог торопливо разжал пальцы. Отступил на полшага. В углу жалобно поскуливал Акбар.

Сварог знал, что победил. Он и сам не мог бы объяснить, что опустил в ход, чем заслонился — да и от чего заслонял канцлера, не вполне понимал, но твердо был уверен, что выиграл непонятную схватку. «Что со мной происходит такое?» — подумал он растерянно. Хелльстадская корона всему виной или что-то другое?

— Интересно, что мне теперь с вами сделать, господин канцлер? — спросила Яна.

Голос звучал неприязненно, сердито, сварливо — но гроза рассеялась, молнии угасли.

— Все, что будет угодно вашему величеству, — смиреннейше сообщил канцлер.

— Я подумаю, — пообещала она зловеще, задрала подбородок. — А теперь, хотя это и прозвучит посягательством на хозяйские права лорда Сварога, я бы вас попросила удалиться. — Она шагнула вперед, взяла Сварога под руку и откровенно прильнула к нему. — Будьте учтивым человеком, не мешайте даме, собравшейся провести вечер в обществе любовника...

Выражение лица его светлости канцлера описать словами было решительно невозможно. Сварог подозревал, что его собственная физиономия выглядит столь же неопишимо. Яна тем временем склонила голову ему на плечо и своим ангельским голоском сказала:

— И если я услышу, ваша светлость, что вы против него что-то замышляете... Вот тогда вас никто и ничто на этом свете не спасет... Что же вы стоите? Я вас более не задерживаю, можете вернуться к государственным делам, которые вы решаете с таким изяществом и блеском...

— Да, конечно, разумеется... — пробормотал канцлер.

Неловко поклонился, не сводя со Сварога ошарашенного взора, спиной вперед двинулся к двери, уже в полнейшей растерянности наткнулся на нее спиной, нашарил ручку, повернул, исчез с глаз...

ДЕРЕВНЯ С ДОСТОПРИМЕЧА- ТЕЛЬНОСТЯМИ

— Ну и зачем? — с укором спросил Сварог, когда дверь за канцлером надежно закрылась. На столе, правда, осталась его забытая впопыхах шляпа с пышнейшим белым пером, но вряд ли канцлер за ней вернется, даже если вспомнит.

— Что — зачем? — невинно взглянула отодвинувшаяся от него Яна.

— Выдумки насчет любовника.

— Вполне обдуманное коварство, — пожала она плечами. — Урона для девичьей репутации не будет никакого, он все равно ни с кем столь ошеломительной новостью не поделится. А вот тебе будет гораздо безопаснее жить. Будучи уверен, что ты мой любовник, он поостережется против тебя что-нибудь замышлять.

— Значит, ты его...

— Да оставляю я его в прежней должности, успокойся... Ты на его место не хочешь, и кого в таком случае назначить, я решительно не представляю. Буду утешать себя тем, что Дирмед — зло известное и привычное. — Она, поморщившись, повертела руками, разглядывая запястья. — Останутся синяки, вот, уже пятна проступили... Надо же было так стиснуть...

— Я вот подумал почему-то о том, что розга — все же не самое бесполезное изобретение человечества...

— Вот уж нет, любезный граф, — лучезарно улыбнулась Яна. — Снова озабочены моим воспитанием? Хвала небесам, я уже в том возрасте, когда пороть девушку — не метод вос-

питания, а самое натуральное извращение... — Она поморщилась. — Действительно, синяки останутся.

— Прости, — осторожно сказал Сварог. — Но у меня было впечатление, что вот-вот случится нечто жуткое...

— И правильное было представление, — подтвердила она сердито. — На меня иногда... накатывает. Нечто вроде эпилепсии у землян, только в основе какая-то старая магия. Сама толком не умею этим управлять... Наследственность, знаешь ли. Могла и размазать по ближайшей стеночке в виде фрески под старину... — Она пытливо посмотрела на Сварога. — А ты, выходит, умеешь э т о гасить...

— Боюсь, мы в равном положении, — признался Сварог. — Я тоже не представляю, как это у меня получается.

— Интересно, у тебя в роду не было ли в незапамятные времена...

И она замолчала, чуть ли даже не испуганно.

— Керуани? — сказал Сварог.

— Интересно, откуда ты знаешь про Керуани? — воззрилась на него Яна в полнейшем недоумении. — Неужели на земле просветили? Это, вообще-то, считается одной из самых засекреченных тайн прошлого...

— Ты, наверное, забыла, — сказал Сварог. — Это ведь я пришел к письму в мундире навигатора, в отеле...

— Какое письмо?!

Яна смотрела на него с искренним недоумением. «Так-так-так, — подумал Сварог сердито, — что же, ей и про то, что я нашел в отеле, не доложили? Ай да Гаудин! Похоже, среди господ сановников прямо-таки соревнование идет: кто надежнее оградит юную императрицу от сложностей и загадок бытия...»

— То письмо, что написала навигатору Горонеро его подруга, — выговорил он помимо воли, хотя собирался, твердо собирался замять эту скользкую тему.

«Да что с языком нынче такое? Как шнурок развязался...»

— Решительно не понимаю, о чем ты, — пожала плечами Яна.

На счастье Сварога, ее мысли внезапно приняли иное направление. Яна задумчиво прошла по комнате, обходя упавшие со стола бумаги, а когда обернулась, на лице играло беззаботное лукавство:

— Значит, милорд, вы решительно отказались на мне жениться? Это в чем-то даже и оскорбительно... Можете вы внятно объяснить, почему отказались от первой красавицы Империи?

И снова непонятная откровенность себя проявила — он совсем было собрался отделаться вежливой, пристойной шуткой, но как бы со стороны услышал собственный голос:

— Быть может, оттого, что опасаясь лишних сложностей. Мне их и без того хватает. С Марой гораздо проще, идеальное сочетание боевого товарища и верной подруги, не отягощенное сложностями... А тот, кто окажется с т о б о й в одной постели, чует мое сердце, кроме несказанного удовольствия обретет еще и ворох нешуточных сложностей... — Он хлопнул себя кулаком по губам и прямо-таки взвыл: — Да что со мной такое?

— Сказать? — прищурилась Яна. И, медленно покачивая указательным пальцем, не без удовольствия продекламировала:

— Шальное сочетание ума, взбалмошности и прелести, от которого кружится голова... Что ж, за этот порыв искренности тебе многое можно простить...

— Это все — ты? — предположил Сварог.

— Ох! — вздохнула Яна, закатив глаза. — Я, кажется, не давала оснований подозревать себя в столь низком коварстве... Я тебе сейчас объясню. — У нее прорезался исполненный удовлетворенного превосходства тон строгой учительницы, объясняющей карапузу элементарные истины. — И ты поймешь, насколько неопытен — да, до сих пор... Посмотрим...

Она взяла со стола забытую канцлером шляпу, поднесла к носу роскошное белое перо, принялась и удовлетворенно кивнула:

— Ну, разумеется... Полюбуйся.

Пальцами левой руки прочертила над пером какую-то нехитрую фигуру — и перо превратилось в невероятно красивый мираж, сотканный из синего сияния, переливавшийся разными оттенками, походивший на неземной цветок.

— Порошок из корней синего сивьянского лотоса, измельченный в тончайшую пыль, — будничным тоном пояснила Яна. — Надлежащий церемониальный взмах шляпой — и пыль распространяется по комнате, ты ее вдохнул незаметно для себя... Таковы уж, милорд, свойства этого порошка, что человек, его вдохнувший, начинает отвечать чистейшую правду, о чем бы его ни спрашивали. Он просто не может лгать.

— Но ведь я умею определять яды!

— Да это не яд! — таким тоном, словно показала язык, объяснила Яна. — Яд — это то, что вредит организму, вызывает болезнь или смерть... Понятна тебе казуистика? Говорение правды не наносит человеку п р я м о г о вреда — исключи-

тельно косвенный в виде жизненных последствий. А это уже по другому ведомству...

— Значит, он...

— Дошло, наконец! Конечно. Это и называется «подпустить лотоса». Защититься можно с помощью простейшего заклинания... но ты-то его не знаешь, а? Интересное зелье, правда? Лотос этот на Сильване растет в жутко недоступных болотах, где-то на краю земли, но все равно десятки авантюристов пытаются его добывать, потому что при продаже из-под полы он идет даже не на вес золота — на вес алмаза. Представляешь области применения? Полиция, тайные службы, ревнивые мужья и так далее, и так далее... У тебя на лице написано сейчас столь искреннее расположение к герцогу... Пренебреги. Сам виноват — тебе следует получше изучить нравы и приемчики господ сановников... С точки зрения государственных интересов, о которых герцог так печется, ничего страшного не произошло — он всего лишь вызвал тебя на откровенность. Да и мне было интересно послушать, что ты обо мне думаешь, — сама бы никогда не решилась на такую пакость... Не красней. Теперь ясно, что тебе можно безоговорочно верить, а это немало...

Она помрачнела, теперь-то видно, что в прежней веселости было много напускного. У Сварога язык чесался спросить, как же все-таки обстояло дело с ее отцом, — но лишь законченный скот мог бы сейчас об этом заикнуться. Нужно продумать, к кому можно подкатиться со столь деликатными расспросами, — пожалуй, к кому-нибудь из старцев Геральдической коллегии, когда они в очередной раз нагрянут в гости и упьются до изумления...

Яна тем временем опустила в кресло и рассеянно постукивала пальцами по широкому резному подлокотнику. Лицо у нее стало сумрачное — прошла игривая бравада, вернулись сложности бытия... Сварог ее прекрасно понимал.

— Послушай, — сказал он тихо. — Если я могу чем-то...

— Можешь, — вскинула она голову, оборвав на середине фразы. — Покажи мне Хелльстад. Или хотя бы твой тамошний замок, о котором ходит столько обширных и дурацких сказок... Ну что ты в лице переменялся? Неужели все мужчины и вправду одинаковы — обещаете звезды с неба, а в пустяковой конкретной просьбе отказываете моментально... Это ведь абсолютно безопасно, как я понимаю. И замок сейчас как раз над Хелльстадом?

— Скорее уж над границей Хелльстада и Пограничья, — поправил Сварог машинально. — Примерно так...

— А какая разница? Ну, что же ты? Время не такое уж позднее, едва стемнело...

— Ну хорошо, — кивнул он. — Возьмем виману...

— А вот это совершенно не нужно, — оживилась Яна. — Сам поймешь.

Она вскочила, нахлобучила шляпу и одним движением пальца заставила лежащий на соседнем кресле обширный плащ взмыть в воздух и закутать ее до пят.

Сварог вздохнул, нахлобучил королевскую митру и после недолгого размышления взял топор — в Хелльстаде полезно носить вместо королевского посоха именно Доран-ан-Тег, как-никак кроме совершенно покорных его воле обитателей-подданных там извоили проживать существа разной степени разумности, но объединенные одной нехитрой жизненной установкой: чихали они с высокой колокольни и на прежнего короля, и, соответственно, на нынешнего. Особой опасности они пока не представляли, но с их наличием следовало считаться...

За дверью, как и ожидалось, бдил верный Макред, в струнку вытянувшийся при виде хозяина и его «гостя», которого дворецкому не полагалось узнавать.

— Я ненадолго и недалеко, Макред, — сказал Сварог с освоенной им аристократической небрежностью. — В Хелльстад.

— Как будет угодно милорду, — ответил Макред своей обычной универсальной формулой.

Сварог вышел на парадное крыльцо, приостановился, ожидая, что будет делать Яна. Она спустилась с широкой лестницы первой, уверенно направилась мимо своего браганта, мимо вековых дубов, мимо дома для слуг. Сварог шагал следом, держа топор небрежно, словно чемодан.

— И далее? — спросил он, когда Яна остановилась перед невысокой ажурной оградкой, высотой человеку всего-то по колено, за которой начинался обрыв — и бескрайнее небо, в котором замок парил которую тысячу лет.

— Давай руку, — сказала она спокойно, и Сварог послушно сжал ее узкую ладошку. — Нам примерно в том направлении? Прыгаем.

И, преспокойно встав ногой на оградку, оттолкнулась от нее, взлетев над темной бездной. Сварог, не удивившись и не запоздав, прыгнул следом.

Ни малейшего страха он не ощутил — сработали десантные рефлексы, из-под ног привычно исчезла твердь земная, и воздух принял его. Судя по встречному ветру, они опускались до-

вольно медленно, почти со скоростью плывущего под куполом парашютиста. Сначала на них надвинулись снизу темные облака, потом, очень скоро, внизу распахнулась освещенная половинкой Юпитера-Семела ночная земля, темные пространства с редкими, мерцающими кое-где огоньками. Слева Сварог увидел широкую гладь Итела с лунной дорожкой на воде и крохотным одиноким корабликом — судя по всему, это плыли куда-то отчаянные обитатели Пограничья, и вряд ли с законопослушными намерениями.

Они опускались не отвесно, а по широкой дуге. Сварог взглянул на Яну, и она ответила рассеянной улыбкой, ветерок развеивал ее волосы, юное лицо казалось незнакомым и загадочным.

Потом он ощутил в сознании краткий, неопишуемый обычными словами толчок — и понял, что летит над Хелльстадом. Опять-таки не укладывавшимся в слова призывом вызвал Вентордеран. Далеко впереди вспыхнуло радужное сияние, многоцветное и яркое. Сварог указал на него Яне, она понятиливо кивнула, повернулась всем телом в ту сторону, увлекая за собой Сварога.

Приземление получилось не в пример более мягким, чем это обычно бывает с парашютистами, — никакого толчка, только что они летели сквозь ночную тьму, снижаясь, и вдруг оказались на твердой земле.

— Между прочим, ты и сам все это должен уметь, — сказала Яна. — Только не озабочился обучиться... Как красиво!

Вентордеран наплывал на них, озаренный радужным сиянием, круглые башни и крытые галереи, крутые крыши и затейливые флюгера — все светилось мягко переливавшимися полосами мягкого, разноцветного, не резавшего глаза огня. Плавно и медленно откинулась парадная лестница.

— Прошу, ваше величество, — сказал Сварог.

Яна приостановилась:

— Это же не просто замок... Он живой и неживой...

— Ну да, — сказал Сварог буднично. — Я это давно почувствовал, в первую же встречу, но до сих пор не пойму, что он такое. Одно знаю: он ко мне **р а с п о л о ж е н**, хотя и не могу выразить словами, в чем это заключается...

Они впрямь не в первый уже раз ощущал, как замок его **п р и в е т с т в у е т**, как накрывает с головой приятная теплая волна, как укутывает всего, с ног до головы, далеко вокруг простираясь, исходящее от загадочного, как бы живого строения облако радости от встречи с хозяином, готовности служить верно...

Безусловно, ему хотелось произвести впечатление на Яну, а потому в длинном высоком коридоре, сечением напоминавшем перевернутый колокол, выстроились в две шеренги золотые болваны-слуги, над головой парила птица-мажордом, сверкавшая радугой самоцветов.

Однако на императрицу, скорее всего, производила впечатление не эта чуточка аляповатая роскошь, доставшаяся в наследство от не грешившего высокими эстетическими запросами покойного короля — Келл Инир был, пожалуй что, пышнее и богаче, — а сам замок, сам Хелльстад. Притихшая, она шагала в ногу со Сварогом, беззастенчиво вертя головой, пожирая взглядом окружающее. Тихонько сказала:

— А здесь совсем не страшно...

— Это же не пещера людоеда, — сказал Сварог. — Это — уютное королевское обиталище. Впрочем, и за стенами нет ничего особенно уж страшного. Несколько реликтовых чудовищ, на которых у меня еще не было времени взглянуть, огромный кусок курортной местности, сохранившийся после Шторма в полной неприкосновенности, самые обычные равнины, леса и горы...

— А эти... крохотульки?

— Мы пока что не нашли входа в пещеру, — досадливо сказал Сварог. — Как ни бился мой управитель со здешними механическими чудесами. Мой покойный предшественник, такое впечатление, и не стремился узнать о них побольше, отчего-то сохраняя осторожный нейтралитет. Ничего, — усмехнулся он, чувствуя, как лицо вновь сводит злой гримасой. — Когда-нибудь я их непременно отыщу, и мы кое за что крепенько поквитаемся...

В тронном зале их ждал мэтр Лагфельд, подневольный управитель замка, — особо, впрочем, не тяготившийся своей подневольностью. Цинично рассуждая, куда ему было податься? В большой мир, где за четыреста с лишним лет перемерли все его знавшие и даже их правнуки? Богатейшая библиотека замка держала его здесь получше любых кандалов. Сварог и сам давно порывался исследовать книжные полки, но где взять время, особенно теперь?

— За время вашего отсутствия ничего особенного не произошло, государь, — сказал он Сварогу, с любопытством косясь на Яну. — Искатели кладов и приключений пытались проникнуть в наши пределы трижды. Всякий раз, в соответствии с вашими приказами, были выставлены без урона для жизни и здоровья. Неподалеку от Озерной Страны снова болтался

конный гном, на сей раз я засек место, где он скрылся под землей, туда посланы Золотые Шмели, и утром я буду знать, как обстоят дела...

— Когда ваши Шмели найдут, наконец... — сказал Сварог.

— Я ищу, государь, честное слово!

— Верю, — сказал Сварог. — Ладно, будем надеяться, что повезет все же... Позвольте вам представить... (Тонкие пальчики Яны многозначительно стиснули его запястье)... мою юную знакомую, пожелавшую осмотреть замок.

— К вашим услугам, госпожа моя, — поклонился мэтр Лагфель. — Быть может, показать вам королевскую сокровищницу? Или залы с древними произведениями искусства?

— Позвольте, я сама осмотрюсь, — вежливо, но непреклонно сказала Яна, озираясь.

Лагфель взглянул на Сварога. Тот опустил веки. Управитель послушно отступил на два шага, замер в выжидательной готовности.

Яна, заложив руки на спину, повернулась на каблуках. Кажется, ее нисколько не интересовали ни трон, словно вырезанный из одного куска янтаря, ни черные сундуки в золотых узорах и самоцветах, ни сводчатый потолок, усыпанный красными камнями, словно бы повторявшими созвездия ночного неба неизвестной планеты.

Она уверенно направилась к сооружению, больше всего напоминавшему груды черных и фиолетовых шаров, отчего-то не рассыпавшихся согласно закону всемирного тяготения, а слипшихся подобно виноградной грозди высотой в три человеческих роста.

Сварог двинулся следом, а рядом с ним почтительно семенил мэтр Лагфель, с навыком опытного музейного смотрителя пустившийся в объяснения:

— Надобно вам знать, юная дама, что это сооружение являет собою как хранилище определенных знаний, так и некий центр управления многими, так сказать, аспектами и областями жизни нашей страны...

— Можно потрогать? — спросила Яна, не оборачиваясь, держа ладонь возле фиолетового шара, состоявшего под прозрачной оболочкой из множества шариков помельче, а те — из скопища вовсе уж крохотных, и так далее, до предела, за которым человеческий взгляд бессилен.

— Разумеется, это не опасно...

Она осторожно прикоснулась кончиками пальцев к фиолетовой поверхности, гладкой, блестящей и теплой, как янтарь,

который долго сжимали в руке. Погладила безукоризненный шар.

Сварог с сожалением подумал, что так и не нашел времени пока изучить это устройство — хотя понадобилось бы совсем немного времени, учитывая некоторые способности, коими он владел.

— Можно посмотреть, как это работает? — спросила Яна.

Мэтр Лагефель вновь вопросительно воззрился на Сварога, и Сварог вновь легонько кивнул. Управитель легонько коснулся пальцами фиолетового шара, отмеченного бледно-золотистым значком. Десятка три шаров плавно разлетелись в стороны, словно на невидимых рычагах, повисли в прихотливом беспорядке, открыв проем в рост человека, а за ними, внутри, лениво колыхавшиеся струи белого тумана — всего-навсего, как Сварог уже знал, нечто вроде двери, открывавшейся с помощью довольно простенькой руны. Каковую Лагефель тут же и нацертил в воздухе.

Туман моментально рассеялся, открыв небольшое помещение в форме цилиндра с янтарно-желтой поверхностью (стены сплошь покрыты неярко светившимися алыми, синими и зелеными квадратами с загадочными знаками, буквами алфавитов Аугел и Даранг, рунами и цифрами). Свободно разместиться там мог лишь один человек — ну разумеется, личная королевская игрушка, рассчитанная на одну персону, как рассчитан на одного любой королевский трон. Разумеется, у иных королей есть и супруги-королевы, но предшественник Сварога таковой не обладал. Да и в случае с венценосной супружеской парой трон все равно не бывает двухместным — для каждого ставится свой, отдельный.

Сварог лениво думал об этих неведомо почему пришедших в голову глупостях, пока Яна, деликатно просунув внутрь голову, разглядывала пульт управления. Наконец она, не оборачиваясь, констатировала:

— Но ведь это, получается, обычный компьютер?

Лагефель удивленно воззрился на Сварога. Тот тихонько сказал:

— Эта юная дама разбирается в сложной технике, мэтр...

— Разумеется, — поклонился в спину Яне Лагефель. — Можно, конечно, назвать это устройство самым обычным компьютером... вот только задачи он решает не вполне обычные, поскольку его содержимое и возможности касаются исключительно того, что свойственно лишь Хелльстаду...

— Хотите сказать, что таких компьютеров нет и там? — спросила Яна и, так же стоя к ним спиной, показала указательным пальцем вверх.

Лагелефель ее понял. И твердо сказал:

— Могу вас заверить — т а к о г о нет и за облаками. Они там не умеют многого из того, на что способен наш государь, владелец сего устройства...

— В опалу когда-нибудь попадете за беззастенчивую лесть, — шепнул ему на ухо Сварог.

— Мне думается, государь, красивых девушек просто необходимо п о р а ж а т ь, — таким же деликатным шепотом ответил Лагелефель. — И потом, я совершенно прав в своих утверждениях... Не так ли?

— Можно мне что-нибудь нажать? — спросила Яна.

После неизбежного обмена взглядами Лагелефель пожал плечами:

— Только под моим наблюдением, юная дама. Если позволите, я буду стоять у вас за спиной...

Сварог тоже придвинулся к проему, и они с мэтром стояли плечом к плечу в немного неудобной позе.

— Просто прикоснуться пальцем? — спросила Яна.

— Да, — сказал Лагелефель, внимательно смотревший через ее плечо. — Быть может, вам будет интересно совершить своего рода путешествие по Хелльстаду с помощью системы наблюдения? Здесь есть прекрасные уголки, где еще до Шторма отдыхали наши предки, там стоят сохранившиеся с той поры здания... Или вы пожелаете взглянуть на здешних чудищ? То, что сейчас ночь, не имеет никакого значения...

Яна прервала его:

— А что означает этот значок?

— Отсюда открываются пути опять-таки к путешествиям... но совершаемым уже самим человеком. Оттуда ведут коридоры в самые разные места на Таларе, и не только...

— Можно нажать?

— Пожалуйста...

Яна прикоснулась кончиком указательного пальца к алому квадрату с буквой «ро». Вертикальный участок стены перед ней, полоса шириной в локоть, от пола до потолка, вмиг покрылась россыпью новых знаков, букв и цифр. Пальцы Яны запорхали посреди этой абракадабры — слишком быстро, слишком уверенно, так что они оба спохватились не сразу... Новая россыпь разноцветной абракадабры, еще одна, мэтр Лагелефель, побуж-

даемый толчком Сварога, подался вперед, пытаясь мимо Яны протиснуться в тесный «стакан»...

И охнул, согнувшись, схватившись за живот, так, в скрюченном положении, и вывалившись спиной вперед Сварогу под ноги. Яна, азартно манипулировавшая со светящимися знаками, крикнула:

— Не мешайте, граф! Это безопасно...

— Опять? — рявкнул Сварог, у которого ее капризы сидели в печенках. — Я и сам не разбираюсь...

— Зато я разбираюсь, — отрезала Яна. — Не мешайте!

Лагефель, коего юная императрица столь решительно и безжалостно обезвредила не самым хитрым приемом рукопашного боя, постанывал на полу. Бесцеремонно ухватив его за жесткий, шитый золотом воротник, оттащив в сторону, Сварог ринулся вперед, твердо решив так же выгащить за шиворот юную сумасбродку наружу и с максимальной дипломатией объяснить ей, как положено вести себя в гостях юным особам, пусть даже коронованным...

Он опоздал на какой-то миг. На месте покрытой знаками полосы вдруг образовалось словно бы окно в иной мир — там стоял ясный солнечный день, там, совсем близко к проему, росли зеленые деревья с толстыми стволами и доносился пронзительный крик какой-то птицы. Яна решительно сделала единственный шаг — и сразу оказалась на той стороне, под деревом, отскочив от проема подальше, обернулась со спокойным, даже веселым лицом, махнула Сварогу:

— Я ненадолго, правда!

И тут же загадочный проем исчез, вновь появилась янтарного цвета стена с россыпью иероглифов. Сварог остался стоять, разинув рот.

Весь ужас происшедшего доходил до него медленно — словно неспешно нагревался на слабом огне кирпич, — но все же он понял вскоре свое идиотское и печальное положение: императрица Четырех Миров, Высокая Госпожа Небес исчезла неведомо где, черт знает куда заброшенная компьютером Хелльстада, — быть может, к нашему миру тот кусочек леса не имел никакого отношения. Одна. Неведомо где. И ведь что-то она знала, знала! Вполне осмысленно, целеустремленно искала что-то...

— Мэтр, вашу мать! — рявкнул он так, что эхо рванулось носиться по залу, отскакивая от колонн и стен.

Лагефель, страдальчески кривясь, пытался подняться на ноги. Тем временем Сварогу пришел в голову более простой

выход — и он, одним рывком оказавшись внутри янтарного стакана, положил на стену ладони, стгоряча даванув на нее так, будто собирался проломить...

Вложенное ему полтора года назад в голову умение не подвело и теперь — отныне он з н а л, как управлять королевским компьютером. Однако особого облегчения это не принесло, поскольку оставались кое-какие сложности...

Он оказался в положении человека, умеющего управлять автомобилем, но решительно ничего не знавшего о том, что таится под капотом. Нажав несколько светящихся квадратов, вышел на нужную базу данных. Компьютер прилежно сообщил, что предыдущий пользователь прошел через «тоннель даудва» и оказался прямиком в «ответвлении энчери-три-пять» — какая точность, мать вашу за ногу! — «второй ветви» «этажа Лореш».

Вот так. С одной стороны, Сварог получил исчерпывающую информацию. С другой же... Он понятия не имел, что из себя представляют все эти этажи, ветки и прочие сучья... Оказалось, в очередной раз, впрочем, что это сугубо разные вещи — «знать» и «уметь управлять»...

— Мэтр!!!

Лагелефель, охая и постанывая, пытался деликатненько просунуться внутрь так, чтобы не задеть повелителя. Без всяких церемоний Сварог посторонился, схватил управителя за плечо и дернул внутрь. Теперь «стакан» напоминал обычный советский автобус в час пик.

— Что это все значит? — крикнул Сварог яростно. — Вот эти все ветки и этажи?

Он еще раз, для вящей наглядности, вызвал на стену весь путь, проделанный Яной по недрам компьютера.

— Она прошла через дверь и закрыла ее за собой...

— Э т о я понимаю, кот ты ученый! — заорал Сварог. — Куда она прошла? Куда делась? Разнесу тут все, мать твою!

— Это проход в соседний мир... нет, не в мир... мир — это ведь целая планета, целая вселенная... а эти места словно бы кусочки... небольшие комнатки, примыкающие к главному зданию...

— Заводи, что ли?

— Да, некоторые используют именно эту терминологию, например, именно так они именуются в трактате...

— К черту трактаты! — рычал Сварог. — Подотришь трактатами! Это, выходит, какая-то Заводь?

— Да, государь...

— Так, — сказал Сварог, обретя холодную ясность мышления. В конце концов, ничего ж у т к о г о пока что не произошло. — Я сейчас открою дверь, а ты присматривай, чтобы она случайно не закрылась...

— Случайно она закрыться не может...

— Все равно присматривай, — сказал Сварог.

Протиснулся мимо управителя, набрав предварительно все нужные коды, схватил прислоненный к стене топор и вернулся в «стакан», где уже зиял проем. Тот же солнечный день, те же деревья, вот только птица больше не орала — видимо, Яна ее спугнула...

Сварог выскочил на ту сторону. По инерции пробежал пару шагов вперед, огляделся. Зрелище было, мягко скажем, не вполне обычное: посреди мирного пейзажа, зеленого редколесья — деревья очень походили на сосны, хотя иголки выглядели иначе — торчал проем в другой мир, словно вырезанный магическим ножом аккуратно и четко, в этом проеме виднелись янтарные поверхности в разноцветной каббалистике символов и растерянная физиономия мэтра Лагеделя.

Ну, а дальше-то что? Земля, поросшая густой зеленой травкой, среди которой там и сям виднелись тугие бурые шляпки грибов, не сохранила никаких следов. Куда Яна отправилась, в какую сторону, определить невозможно. Если только ты не куперовский индейский следопыт — а к ним Сварог вовсе не принадлежал. Как он ни рылся в памяти, перебирая всю магическую чепуху — ну, и не такую уж чепуху, — которую ему тут натыкали в голову, не нашел ничего, способного сейчас помочь. Если и были на свете заклинания, превращавшие человека в Кожаного Чулка или Чингачгука, Сварог таковыми не владел...

Он пробежал в одну сторону, в другую. Куда ни глянь — тихий, мирный лес. Деревья, трава и грибы. Покойные лесные запахи и тишина. Тупик.

Вить хотелось от дикой безнадёжности ситуации. Вить, вить, что-то это напоминает, какие-то ассоциации проявляются... Ну конечно же, болван ты этакий!

Он бегом вернулся назад, в «стакан», мимоходом крикнув оторопело посторонившемуся Лагеделю: «Ничего не трогать, пусть так все и остается!», опрометью выскочил из тронного зала. И понесся к выходу по широким коридорам, уворачиваясь от торчавших там и сям золотых истуканов, уронив беломраморную скульптуру, с грохотом разлетевшуюся в куски у него за спиной.

Оказавшись у парадного входа, набрал в рот побольше воздуха и шумно его выдохнул, мысленно издав пронзительный свист. Собственно, это и не свист был, а... К черту такие ученые тонкости, не до них сейчас!

В нескольких шагах от замка ночная тьма еще более сгустилась — на земле сидел огромный хелльстадский пес, случайный, оказавшийся ближе всех. Одно из тех созданий, что, к счастью, безоговорочно выполняли любой приказ своего короля...

Через несколько секунд Сварог уже мчался обратно в тронный зал, а по пятам за ним бесшумно несло черное чудовище с лошадь размером. Еще издали Сварог отчаянно замахал мэтру — да уйди ты с дороги, мать твою так! Лагefeldь ошалевшим зайцем выскочил наружу, Сварог ворвался внутрь, как ураган, проскочил на ту сторону — и, когда пес встал с ним рядом на жесткой земле неведомого мира, приказал ему: «Ищи!» Конечно, опять-таки мысленно.

Огромный черный зверь пригнул голову, шумно принялся — и вскоре, обрадованно рывкнув, трусцой припустил по лесу. Сварог двинулся следом, зорко оглядываясь, но так и не усмотрев пока что никаких чудищ, черных магов, лесных разбойников и прочих опасностей. Они двигались по самому обычному лесу, потом оказались на самой обычной прогалине, вновь углубились в самый обычный лес...

Так они отмахали с пол-лиги — впереди, держа нос над самой землей, трусил пес, следом двигался Сварог. Он, наконец, обнаружил первое о т л и ч и е здешнего мира — несмотря на то, что вокруг, как и было первоначально подмечено, стоял ясный солнечный день, на небе не было солнца. А также луны, звезд и прочих небесных тел. Откуда брался свет, непонятно. Ну и хрен с ним, не это главное...

Выйдя из леса, они оказались возле неширокой дороги, тянувшейся из-за горизонта к высокому округлому холму. Судя по узким колеям, навозу и отпечаткам копыт, по ней ездили исключительно экипажи, приводившиеся в движение животными. Впрочем, это ни о чем еще не говорило — в иных уголках покинутой Сварогом Земли вполне мирно уживались и запряженные лошадьми телеги, и сверкающие лимузины с двигателями внутреннего сгорания...

Пес свернул направо, к холму, они двигались теперь по обочине дороги. Оказавшись на вершине зеленого холма, Сварог быстренько огляделся. Там, куда они направлялись, дорога снова сворачивала в лес. По сторонам, насколько хватало взгляда, простирались то леса, то открытые пространства — причем

некоторые из них походили на посе́вы, что опять-таки говорило о присутствии человека... или, по крайней мере, неких существ, умеющих возделывать землю и сеять на ней что-то. В конце концов, мохнатые Крошки-Огородники, выращивавшие в Хелльстаде «мясные» тыквы, вообще не были людьми...

Они спустились с холма, миновали неширокий лесок. Пес уверенно шел по следу... но Сварог остановил его. Следовало осмотреться. Начинались обитаемые места...

Слева, урдах в двухстах от дороги, расположилась самая натуральная деревенька — полсотни домов, довольно неказистых, дощатых и бревенчатых, с конусообразными крышами. Отсюда можно было рассмотреть, как меж ними спокойно, неспешно передвигаются некие фигуры — ходившие на двух конечностях, вроде бы похожие на людей. Донеслось что-то вроде коровьего мычания и собачьего бреха. К добру подобные этнографические наблюдения или к худу?

А вот справа, буквально в двух шагах от дороги, расположилось длинное каменное строение. Вывеска на нем была непонятной — на почерневшей доске с полдюжины загадочных знаков, измалеванных белой краской давным-давно и уже порядком осыпавшихся, — но этот дом с покосившейся крышей более всего напоминал самую обычную придорожную корчму. Коновязь слева от входа, к которой привязаны три низеньких мохнатых лошаденки, запряженных в четырехколесные телеги, не особенно и отличавшиеся от таларских. Изнутри, через распахнутые окошки, слышны разговоры — вроде бы на понятном языке...

Решительно потянув за тронутое ржавчиной кованое кольцо, Сварог распахнул противно завизжавшую низкую дверь и вошел. Точно, корчма. Не из роскошных. Столы и табуреты из грубых плах, пол давно не метен, запахи недвусмысленно свидетельствуют, что мясо тут лежалое, а капусту готовили на не самом лучшем кухонном жиру, уже не единожды участвовавшем в процессе. И тем не менее именно э т и незатейливые бытовые детали вкупе с уже подмеченными позволяли думать, что вокруг — не какие-то там края вампиров или волшебные страны, черт-те кем населенные, а нормальные, в общем, места, где живут нормальные, в общем, люди.

Те экземпляров шесть-семь, что за столами хлебали варево из грубых глиняных мисок, запивая какой-то сивухой из грубых оловянных стаканов, от людей почти не отличались. Уши у них, правда, были несколько иной формы, совсем круглые и без мочек, волосы странного пепельного цвета, неуловимо

чу ж о го, а носы что-то чересчур уж маленькие, сущие пугови, но все же у них больше общего с каким-нибудь таларским землеробом, чем с ямурлакским вампиром... Одежда неза-тейлива, однообразна — этакая посконная роба, уж никак не баре...

На Сварога взглянули мельком — и продолжали хлебать да запивать. Лишь хозяин, лысоватый пузан в кожаном жилете на голое тело, вышел из-за стойки, присмотрелся более внима-тельно, особенное внимание уделив топору.

— Чво ваша мысль жалают? — спросил он громко и, по-жалуй что, почтительно. — Услужить можм, чем угодно будит вашей мысли, едой, пытьем, али там прочиго...

Сварог его, в общем, понимал — тот же язык, только здоро-во исковерканный.

— Здесь не проходила девушка в мужской одежде? — спро-сил он внятно, ломая голову, как бы исковеркать слова так, что-бы стало понятнее. — В черном костюме, синеглазая?

— Про што ваша мысль толкуит? — почесал в затылке хо-зяин. — Девышки в мыжской отешти не бывают, прилишные, я в виду имею. Девышке в жескей отеште хотить полошено.

— Значит, не заходила она сюда? — настаивал Сварог. — И мимо не проходила? Девушка в мужской одежде?

Тут один из сидевших за столом лицом к окну завопил так, словно кто-то спрятавшийся под столом попытался его охоло-стить и в этот самый момент уже залез в штаны жуткими кле-щами. На его вопль обернулись остальные — и дружно подхва-тили, вскочив, обливая себя варевом из перевернутых мисок, опрокидывая табуреты, тыча пальцами в окно.

Там, за окном, ничего из ряда вон выходящего не наблюда-лось — всего-навсего черный гарм, хелльстадский пес разме-ром с лошадь, заглядывал в оконце, шумно сопя, для чего ему пришлось наклонить голову так, что отлично просматривался весь его немаленький рост.

Однако, судя по бурной реакции здешних пейзан, гармов они никогда в жизни не видели и увиденное привело их отнюдь не в восторг, а в самый что ни на есть панический настрой. Не сговариваясь, они шумным табунком кинулись за стойку, пы-таясь спрятаться за ней всем скопом.

Трактирщик обычно — существо более развитое, нежели простые крестьяне, ничего толком в этой жизни не видевшие и слаще репы яства не едавшие. Однако и здешний хозяин поддался панике, за стойкой, правда, прятаться не стал — да там и не повернуться было, — но шустро присел, загородив-

шись опрокинутым столом, и тоже орал благим матом, выставляя перед собой неведомо откуда выхваченный мясницкий ножище.

Ясно было, что эта компания ни к черту не годится в качестве собеседников и источника полезной информации. От души плюнув на пол — судя по виду, привычный к такому обращению, — Сварог повернулся и вышел, стараясь не зацепить серебряной митрой низкую притолоку. Вновь приказал псу: «Ищи!» — и быстро зашагал за ним следом, еще какое-то время слыша, как в корчме орут на разные голоса что-то вовсе уж несуразное и непонятное.

Они достигли места, где дорога раздваивалась: накатанная тележными колесами и изрытая копытами, вонявшая навозом колея сворачивала влево, а вправо уходила узенькая тропа, заросшая высокой, по колено, травой. На самой развилке стоял серый каменный столб в полтора человеческих роста, обхватом в добрую сосну. На нем красовался глубоко выбитый знак, по виду довольно древний, но прекрасно сохранившийся как раз из-за этой своей глубины. У Сварога он опять-таки не вызвал никаких ассоциаций и воспоминаний.

Пес решительно свернул на заросшую тропу. Сварог следом. Тропа прихотливыми извивами петляла по лесу, уходила под уклон, все ниже и ниже, а лес густел и густел, выглядел все более негостеприимным, нехоженым.

Правда, никакой опасной лесной живности пока что не обреталось в непосредственной близости — иначе пес учуял бы. Он вдруг резко остановился, так что Сварог чуть не налетел на него, поднял голову, прядая огромными ушами, вытянувшись в струнку, глухо, kloкочуще заворчал. Шерсть у него на загривке встала дыбом, верхняя губа дергалась, обнажая белоснежные клыки.

Что-то там, впереди, ему очень не нравилось... У Сварога прошел по спине холодок нехорошего предчувствия. Он крепче стиснул топор, поудобнее перехватил древко.

И явственно расслышал впереди, совсем неподалеку, отчаянный женский визг — и еще какие-то громкие звуки, ни на что знакомое не похожие, но показавшиеся омерзительными, чужими, опасными...

Бросился вниз, не колеблясь и не рассуждая, — чересчур уж низка вероятность того, что здесь, в глуши, куда дорога давным-давно заросла, оказались одновременно две девицы, зовущие на помощь заполошным визгом...

Пес топал следом, жарко дыша в затылок. Сварог с трудом затормозил, еле удержал равновесие, взрывая каблуками траву.

Внизу, в ложбине, он увидел небольшое озерцо, почти идеальный круг диаметром уардов в двадцать. Деревья подступали к нему вплотную, повсюду над темной водой свисали беловатые корни.

А в воде творилось нечто невообразимое. Хаотичное мельтешение чего-то живого, подвижного, многочисленного, всплески и веера брызг — все это никак не складывалось поначалу в понятную картину. Лишь через несколько томительно долгих мгновений он смог сообразить, что же видит, и то после того, как взгляд зацепился за человеческую фигурку, оказавшуюся почти в центре этого безобразия...

Яна отчаянно билась, то выскакивая над водой по колени, то погружаясь по шею, а то и ухая с головой. Черный камзол превратился в лохмотья, шляпы не видно, золотые волосы намокли и спутались. Зеленые кольчатые щупальца, взметавшиеся вокруг нее, бешено плясавшие в воздухе, молотившие по воде, как плети, словно бы не прикреплены к какому-то телу — как Сварог ни тарашился, казалось, щупальца растут сами по себе, из дна, как водоросли, отовсюду, жуткой чашбой.

Он замер, чувствуя, как волосы встают дыбом под королевской митрой. Каким-то непонятным способом Яна защищалась, как могла, и временами успешно — стоило ей взметнуть перед лицом скрещенные запястья с растопыренными пальцами, как вокруг нее, судя по дерганьям щупалец, возникало нечто невидимое, упругое, сильное, расшвыривавшее эту зеленую мерзость, гнувшее ее, как порывы ветра — траву. Но что-то не ладилось — то ли девушка теряла силы, то ли щупальца как-то находили лазейки и слабые места в невидимой подвижной броне. Они смыкались все теснее и теснее, временами Сварог уже не мог рассмотреть за их переплетением Яну. Слева над водой, за спиной Яны, вдруг медленно поднялось со дна что-то полукруглое, огромное, шишковатое, выбросившее на толстых отростках с десятков самых натуральных глаз, желтых, с черными кошачьими зрачками...

Мимо Сварога бесшумно пронеслось длинное черное тело, ухнуло в воду, взметнув мириады тяжелых брызг, — пес, уловив невысказанный приказ хозяина, ринулся в бой. При дьявольском проворстве гармов и их умении на секунды словно бы выпадать из нашей системы ощущений, оборачиваясь бесплотной полосой тумана... Зеленой твари придется туго...

Жаль, что тварь об этом не имела ни малейшего понятия! После первых бесцельных мельтешений и дерганий вокруг нового врага зеленые щупальца целеустремленно сомкнулись, раздался громкий, истощный визг гибнущего зверя — и в щели этого омерзительного кокона струями ударила алая кровь, щупальца разомкнулись, взлетели какие-то черно-багровые кло- чья, уже неузнаваемые...

Издав сдавленное рычание, в котором не было ничего чело- веческого, Сварог решился действовать. Уж если так быстро и бесславно погиб пес, то ему самому, сунься он в воду, оторвут голову еще проворнее — а подходящих заклинаний в памяти не отыскать, и есть только один выход... А Яну уже не видно за переплетением щупалец!

Почти не размахиваясь, он метнул топор в ту сторону, где вздымалась над водой шишковатая, усеянная желтыми бур- калами башка. Оставалось надеяться лишь, что Доран-ан-Тег, до сих пор во многом загадка, вещь в себе, не подведет и на сей раз...

И вновь в воздухе упруго, шелестяще просвистел туман- ный круг, украшенный алым кольцом, колыхнулся, лег гори- зонтально, врезался в воду... В следующий миг озеро словно вспикпело, превратилось в бурлящий, клопочущий ад. Уже не различить было, где взбаламученная вода, а где щупальца, в разных местах взлетали фонтаны зеленой жидкости, непонят- ные ошметки и клочки, вода, казалось, закипает, словно со дна ударил гейзер...

Увидев мелькнувшее посреди этого шумного безумия бе- лое пятно, Сварог прыгнул в ту сторону, выхватив меч. Тут же оказался по пояс в липкой взбаламученной воде, глаза залило, ноги по щиколотку ушли в ил. Наступая на что-то дергавшееся, подвижное, живое, наугад отмахиваясь клин- ком от возникавших перед ним щупалец и ухитрившись- таки рассечь пополам парочку, он упрямо пробивался в ту сторону, где над водой то пропадала, то вновь появлялась белая рубашка Яны. В одном можно быть уверенным: что бы ни творилось вокруг, хозяина топор не заденет, как ни раз- бушеввался...

Что-то ухватило его за ногу под водой, нахально и цепко. Сжав рукоять меча обеими руками, он наугад вогнал клинок, сверху вниз. Попал — тварь отцепилась... Вокруг все пенилось, бурлило и клокотало. Сварог упрямо продвигался вперед, вре- менами оступаясь и шумно падая в воду с головой — вода по- пала в рот, и вкус был неописуемо мерзким, — а вокруг летели

брызги, ошметки, тугой свист рассекаемого воздуха слышался со всех сторон...

Отчаянным рывком он преодолел разделявшее их расстояние — Яна опять исчезла под водой, но теперь Сварог ее отчетливо видел слезившимися глазами, да и вокруг стало гораздо спокойнее, тише. Присел на корточки, выпустив меч, обеими руками нашарил человеческое тело, рывком вздернул девушку над водой и, взвалив на плечо, поволок к берегу, взметывая при каждом шаге тучу брызг. Она оказалась отнюдь не хрупкой тростиночкой, но он не выпускал, тащил, поднявшись над водой по бедра, по колени, по щиколотки...

Понатужившись в последнем усилии, ухитрившись не поскользнуться на мокрой грязи у берега, вытащил Яну на сухое место, пронес еще несколько шагов и опустил на траву лицом вверх. От ее камзола остался лишь воротник, с которого свисало несколько полосок бархата, рубашка из тончайшего полотна превратилась в клочья, и взору открылись пленительные картины — сейчас, в этот миг, волновавшие не больше, чем трава под ногами. Усевшись — почти упав — рядом с ней, Сварог оглянулся, шумно отдуваясь, выхаркивая остатки воды.

С обитателем озера произошли необратимые перемены — как всегда бывало там, где поработал на совесть Доран-ан-Тег. На воде — превратившейся скорее в неопишуемое месиво — сплошным слоем колыхались отвратительные куски. Мгновением позже топор по изящной дуге взмыл из воды, подлетел к Сварогу и шлепнулся в траву совсем рядом, только руку протяни.

Яна дернулась, издала нечто, напоминавшее сдавленный кашель. Сообразив, в чем тут дело, Сварог бесцеремонно перевалил ее лицом вниз, подпер ей живот коленом, нажал — и ее долго, шумно, обильно рвало жидкой зеленоватой гадостью. Когда окончательно прекратились спазмы и малопривлекательные коронованным особам звуки, Сварог некоторое время все же подождал. Убедившись, что процесс вроде бы прекратился, вновь перевернул ее пузом вверх, нашарил в кармане мокрый носовой платок — с монограммой и графской короной, ясное дело, — вытер девчонке рот и лицо. Она уже тарашилась довольно осмысленно, хотя до сих пор отчаянно и звучно икала. Порвал бы своими руками, как Тузик грелку, дура, взбалмошная сопляшка без царя в голове...

Длиннющие мокрые ресницы отчаянно затрепетали — очулась настолько, что осознала себя голой по пояс. Возвращаются женские рефлексы мирного времени вроде стыдливо-

сти — ага, оклемалась, зар-раза, ручками прикрывает мокрые прелести — ну совсем хорошо, и не блюет больше, и в себя пришла...

Стянув с себя мокрый кафтан, отвернувшись, Сварог швырнул его девушке, грубо рывкнул:

— Прикройся, странница по неведомым дорожкам!

Опустившись затылком в жесткую траву, блаженно вытянулся, достал двумя пальцами из воздуха зажженную сигарету и жадно втянул дым. Стояла совершеннейшая тишина, в просветы меж верхушками похожих на сосны деревьев проглядывало ясное небо, почти такое же голубое, как над Таларом, — хотя и наличествовал в этой синеве некий различимый глазом и н о й оттенок...

— Это чудовищная ошибка... — слышался над головой неуверенный голосок Яны, и она вновь закашлялась.

— Вот именно, — сказал он, не меняя позы. — Чудовищная ошибка природы. По имени Яна-Алентевита. У природы тоже иногда бывают приступы безумия, и тогда она творит нечто вроде тебя... Убил бы дуру своими руками...

Отшвырнул окурок, смачно плюнул и направился к озеру. Минут пять побродив по колено в вонючем липком месиве, пару раз погрузившись по шею впустую, все же отыскал меч, отряхнул его от всего налипшего и бросил в ножны.

Когда он вернулся на берег, Яна уже сидела, обеими руками придерживая на груди его камзол, на вид вполне здоровая и оклемавшаяся. Она попыталась, правда, принять смущенный и пристыженный вид, но в голосе слышалась прежняя беззаботность:

— Кто же знал, что здесь окажется эта тварь вместо...

Беззаботность эта и вывела окончательно Сварога из себя. Искушение было очень уж велико, а другого такого случая могло и не выпасть за всю оставшуюся жизнь...

Она и пискнуть не успела, когда Сварог надел на нее, вмиг выкрутив руки и завалив физиономией в траву. Удерживая ее за запястья левой — она так растерялась, что не сообразила пустить в ход какие-нибудь магические штучки, — правой расстегнул тяжелую пряжку и вытащил из петель ремень, стряхнул с него ножны с мечом. Завернул ей камзол на голову, на глазок отмерил должную длину ремня, намотал остальное на кулак. Размахнулся с превеликим наслаждением, бормоча:

— И никакое это не извращение, а запоздавшее воспитание...

После первого удара, звонкого, хлесткого, Яна завопила — но Сварога уже ничто не могло остановить.

Вспоминая классика: эх, взлетали батоги посреди весны! И уж точно — с отяжечкой... Сварог трудился, как бездушный механизм, обрабатывая широким кожаным ремнем парочку округлостей, к которым совсем иным образом мечтали подступить светские хлыщи.

Опомнился, когда она в голос заплакала. Досадливо pokrutil головой, отбросил ремень, охваченный вернувшейся жалостью, поднял ее из травы. Уткнувшись ему в грудь, Яна самозабвенно рыдала. Выплакавшись окончательно, затихла.

— И плевать мне, — сказал он потерянно. — Хоть в опалу, хоть на Сильвану, хоть на плаху головой...

— Дурак! — горько всхлипнула она. — Дурак, скотина, больно как, позор какой...

— Какого пса из-за тебя погубил, горе ты мое... — отрешенно сказал Сварог, пропустив мимо ушей ее дальнейшую тираду — любопытно, где она ухитрилась послушаться словечек, не красивших и ронерского драгуна?

— Убила бы своими руками... — прохлюпала Яна.

— Это потом, — безжалостно сказал Сварог. — Давай-ка убираться отсюда побыстрее. Тут, как выяснилось, люди живут, а в такой глухомани, где бы она ни располагалась, нравы одинаково незатейливые — не любят тут таких странных чужаков...

И пошел вперед, не оглядываясь. Краешком глаза подметил, что Яна все же потащилась следом, ворча, ругаясь под нос и в десятый раз озвучивая нехитрую истину — мол, в жизни ее так не оскорбляли, она еще припомнит и непременно отомстит...

Ну вот, накаркал. На открытом месте, возле серого каменного столба с непонятным иероглифом, толпилось человек двадцать землепашцев, возглавляемых пузатым трактирщиком. Сбившись в кучку, они ошетинились разнообразными сельскохозяйственными орудиями производства сплошь мирного назначения — вилы, грабли, оглобли, косы...

Сварог мимоходом подумал, что здешние места, очень похоже, давненько не видали ни войн, ни мятежей, иначе эти колхозники непременно прихватили бы что-то более пригодное для боя. Даже ни единого топора не видно, а вот на Таларе пахотные мужики первым делом похватали бы топоры...

Не замедляя шага, он шел прямо на толпу, нехорошо улыбаясь и помахивая топором. Землепашцы заскучали и стали

потихоньку пятиться. Трактирщик, пытаясь вдохнуть хотя бы малую толику боевого духа в свое присмирившее войнство, заорал, потрясая давешним мясницким тесаком:

— Непырядок тварите! К управителю пжалте, он вас свидет на суд гаспадину быррону! Ходёют всяки, парадок булгачат, без их скоко жили...

— Милый! — проникновенно и ласково сказал Сварог, надвигаясь. — Да живите вы и дальше без нас, кто ж вам мешает? Уйди с дороги, голопузый, пока я не вздумал по деревне погулять, здешних девок попутать...

Тщательно примерившись, он без замаха рубанул по толстому каменному столбу. Доран-ан-Тег исправно снес его верхнюю треть с непонятным знаком, Сварог вовремя отскочил, и неподъемный камень тяжело грянулся оземь.

Вот тут незатейливых селян проняло по-настоящему. Аж с лица спали. Закрепляя успех, Сварог взмахнул топором и заревел тремя медведями:

— Р-разбейсь, корявые! Поубиваю, мать вашу, и фамилий не спрошу!

Нестройный боевой порядок рассыпался окончательно — сбивая друг друга с ног, бросая вилы и дрекольё, крестьяне порскнули кто куда. Дольше всех продержался трактирщик, но и он, когда Сварог придвинулся вплотную, громко айкнул, отпрыгнул спиной вперед и припустил в лес. В три секунды поляна очистилась, только в лесу хрустели ветки и удалялись испуганные крики.

Завидев неподалеку низенькую мохнатую лошадку, запряженную в старую телегу, Сварог, не раздумывая, сорвал вожжи с ветки, прыгнул на служившую облучком доску, прямо-таки отполированную широким крестьянским задом, повернулся и крикнул Яне:

— Давай поживее!

Она кое-как забралась, шипя сквозь зубы от боли в подвергшихся обработке местах. Намотав вожжи на кулак, Сварог привстал, набрал побольше воздуха в грудь и испустил залихватский волчий вой, как его в свое время научили лихие молодцы в ронерском пограничье.

И угадал правильно — волчий вой определенно вызвал у лошадки не самые приятные ассоциации, надо полагать, некое подобие волков имелось и здесь... Страхнув сонную одурь, коняшка взяла с места в галоп. Судя по звукам за спиной, Яну немилосердно швыряло во все стороны, пока не догадалась переползти вперед и обеими руками уцепиться за Сварога.

Он стоял на телеге, хлеща лошадку и понукая ее волчьим воем. Следовало торопиться. Судя по краткой речи трактирщика, здесь имелся свой «гаспадин быррон», а значит, вместо не привыкших к серьезной драке крестьян могли нагрянуть какие-нибудь стражники, умевшие обращаться с оружием. Особой опасности они не представляли, но вряд ли отвязались бы без хорошей драки, а посторонних увечить решительно ни к чему, они-то в чем виноваты?

Обратный путь они проделали, таким образом, гораздо быстрее. Лошадка была ухоженная и домчала быстро. Увидев впереди проем, откуда выглядывал обеспокоенный мэтр Лагфельд, Сварог натянул вожжи. Оглянулся. Так и есть: довольно далеко меж деревьями мелькали трое верховых, что было силы нахлестывавшие высоких коней, ничуть не похожих на крестьянских, и на головах у них, точно, красовались шлемы, а на поясах болтались мечи...

Спрыгнув и подхватив Яну, Сварог оборвал с парадных штанов чеканную золотую бляшку и засунул ее под сиденье — в качестве компенсации неведомому владельцу телеги. Во всех известных ему мирах прекрасно знали, что такое золото, и относились к нему должным образом, так что и здесь, скорее всего, неожиданному подарку найдут применение...

Дверь в таинственную Заводь закрылась за их спинами. Яна пошатнулась, Сварог вовремя ее подхватил.

— Ванну, — прошептала она мечтательно. — Постель чистую, вина и отдыха... На ногах не держусь...

— Распорядитесь, мэтр, — угрюмо сказал Сварог.

...Остановившись перед дверью, он деликатно постучал и вошел. С порога сказал безразличным светским тоном:

— Мой управитель сказал, что вы желаете меня видеть, ваше величество...

— Подойди сюда и присядь, — сказала Яна самым обыкновенным, разве что чуточку сварливым голосом. — Мы так и не закончили разговор, который начали еще наверху, в твоём замке...

Сварог пылливо присмотрелся к ней — что ж, судя по тону, ему не сегодня отрубят голову и не сегодня сошлют... Яна лежала на животе, укутанная в пышнейшие покрывала, неведомо по какому образцу сотворенные Вентордераном. Они были в одной из самых роскошных спален замка — повсюду золото, колонны из цельных самоцветов, хрусталь тончайшей работы, высокие зеркала и мозаики. Сварог эту комнату не любил, в

противоположность покойному предшественнику, и, когда бывал здесь, ночевать устраивался в другом крыле, в более скромных покоях.

— Я совершенно не могу лежать на спине, — хмуро сообщила Яна.

— Это бывает, — сказал Сварог, в глубине души ни о чем не сожалевший. — Ничего, скоро пройдет.

— Никогда больше не смей так со мной поступать.

— Я ни за что не буду просить прощения, — сказал Сварог, стараясь все же не задираться. — Не сдержался, да... Ты хоть понимаешь, что едва не погибла? Если бы я не прихватил с собой топор, погибли бы оба — я все равно полез бы за тобой туда... Сгинули бы, и никто ничего не узнал бы... Ты о б я з а н а вести себя, как взрослая, ты же императрица...

Яна — чистейше вымытая в десяти пенных эликсирах, свежая, причесанная и ни в чем, похоже, особенно не раскаивавшаяся, потупила, конечно, глаза в наигранном смирении — но у Сварога осталось стойкое убеждение, что и это печальное приключение ее ничему не научило. И дело тут не в балованности — соплячь её возраста попросту не осознает, что такое смерть. Не понимает, как такое может случиться — весь мир останется, но тебя не будет... И ничего тут не поделаешь, господа мои...

— Знаешь, — сказала Яна с искренним удивлением. — На эту тварь почти не действовало все, что я пустила в ход...

— Это ведь, насколько я понимаю, другой мир, — сказал Сварог язвительно. — И законы природы, законы магии там совсем другие. Это-то мне успели вдолбить в голову — с какими сложностями сопряжено порой пользование магией, когда речь идет об и н ы х пространствах... По-моему, и тебе должны были давно поведать нечто подобное... Зачем тебя вообще туда понесло? У меня возникла шальная мысль, что ты з н а л а, куда идешь... Как такое может быть?

— А вот и может... — сказала Яна. — Есть одна старинная книга — «Записки кавалера Андермата о его достопримечательных странствиях». Написана около тысячи лет назад. На земле она, по-моему, не сохранилась, но у меня в библиотеке есть экземпляр... Там, по моему глубокому убеждению — да и специалисты то же говорят, — главным образом пересказаны древние мифы, но попадаются и загадки посерьезнее. В одной из глав целая страница заполнена таинственными символами, которые, по уверению автора, открывают дорогу к месту, где в лесном озере обитает существо, хранящее все знания о нашем

мире — с начала времен и до нынешнего дня. Совсем недавно один мой хороший знакомый предположил, что эти загадочные знаки — не более чем символы определенных компьютерных операций. Он увлекается компьютерами, просто гений... И, между прочим, три знака из полутора десятков в точности повторяют те, что используются в н а ш и х компьютерах... Теперь понимаешь? Когда я оказалась у пульта управления, набрала те три знака — и загорелись о с т а л ь н ы е, те, что начерчены в книге Андермата. Я пошла дальше — и увидела все те же символы... Ясно тебе? Оказалось, это не миф, а чистая правда. Там, за «дверью», я произнесла заклинание из книги — и у в и д е л а путь к озеру, как и писал Андермат... Представь себя на моем месте. Кто же знал, что вместо обладателя всех знаний о нашем мире из озера поднимется такая тварь...

— Интересно, — медленно сказал Сварог. — Хотя я в толк не возьму, как твой кавалер ухитрился привести в своей книге одну из здешних компьютерных программ, открывающую дорогу в одну из Заводей... Что он сам-то об этом пишет?

— Напускает тумана. Кто-то ему поведал об этих знаках при обстоятельствах, которые он пока что не может раскрыть...

— Загадочка, — сказал Сварог. — Тысячу лет назад, говоришь? Надо будет расспросить управителя...

— Ну, теперь ты понимаешь, что я чувствовала? Все знания о нашем мире... В с е. Что бы ты делал на моем месте?

Пожалуй, на ее месте Сварог тоже сунулся бы к озеру — но не стал заявлять об этом вслух из педагогических соображений, чтобы не зачеркивать недавно проведенную воспитательную работу. Он по размышлению ограничился тем, что неопределенно пожал плечами. Подумав, сказал:

— Знаешь ли... Уж если строить шальные гипотезы, то можно и предположить, что эта тварь как раз и б ы л а тем самым хранителем знания. Только не расположена была делиться своими знаниями с каждым встречным-поперечным, в точности так, как иные сказочные персонажи вроде Темного Коня или Бабки-Лопотуньи. Предпочитала держать знания при себе, а путников попросту жрать...

— Ты серьезно?

— Откуда я знаю? — пожал плечами Сварог. — Ее уже не спросишь, топор поработал качественно. Но почему бы и нет? — Он старательно уводил разговор от недавнего печального инцидента, потому что юная императрица при каждом порывистом движении морщилась, страдальчески кривила губы. — Нигде не сказано, что хранители знаний должны

иметь пленительный облик. По легендам, гораздо чаще бывает как раз наоборот. Что там писал твой кавалер тысячу лет назад о м е х а н и з м е получения знаний у хозяина озера?

— А вот об этом он как раз ничего и не писал! — воскликнула Яна. — Описывал дорогу, символы, и не более того...

— Чует мое сердце, что сам там не был, — сказал Сварог. — Потому и жив остался, книжки мог сочинять... А вообще... Как нас учат легенды, имеющие иногда привычку оборачиваться реальностью, частенько бывают некие у с л о в и я. Темный Конь, насколько я помню, возникнув перед незадачливым путником, с некоторыми их категориями не общается изначально — он сразу затаптывает косоглазых, первых сыновей в семье, мужей вдов... кажется, еще снохачей и сапожников. Интересный подбор, кстати. Один прохиндей в Равене мне клялся-божился, что видел Темного Коня... Ну вот, а всем остальным, кого сразу не прикончит, эта чертова лошадка принимается задавать загадки, и тут уж как повезет. А Бабка-Лопотунья вообще привечает лишь тех, кто успел породить на свет девочек. Другими словами, нельзя исключать, что был некий пароль или условие — ну, как с легендой о Безумном Часовщике: в его владения следует входить босиком, иначе сразу конец...

— Ты серьезно все это говоришь?

— Не знаю, честное слово, — сказал Сварог. — Расслабляюсь умом, наверное, после столь бурно проведенного путешествия...

— Как бы мне телом расслабиться? — ехидно поинтересовалась Яна, морщась при очередной попытке повернуться набок. — Скажи, как опытный палач и садист, скоро это пройдет?

— Пожалуй, — осторожно ответил Сварог, понятия не имевший, как быстро проходят последствия доброй порки у подобного оранжерейного цветочка.

— Великие Небеса, а завтра к обеду мне нужно будет, кровь из носу, принимать сивьянских послов, что характерно, с и д я на троне...

Сварог опустил глаза. Сейчас, когда бурные приключения остались позади и он ощущал некий конфуз, хуже всего было, что она не разобиделась так уж смертельно. Насколько проще было бы собрать узелок и с посыпанной пеплом главою топтать себе в опалу, в изгнание, в ссылку...

— Ладно, давай закончим разговор, — сказала Яна к его великому облегчению. — Мне почему-то так и казалось, что ты не примешь канцлерского кресла. У меня был заготовлен и другой вариант. Кажется, гораздо более для тебя подходящий...

Она подняла руку, прошептала что-то, извлекла из воздуха — на сей раз с некоторым, вполне заметным усилием — белый свиток. Протянула Сварогу. Предупредила:

— Только не думай, что этот документ родился в результате очередного взбалмошного... экспромта. Я многое обдумала.

Сварог пробежал глазами недлинный текст, половину которого, как водится, занимали титулы императрицы и стандартные формулировки. Сим указом, датированным сегодняшним — точнее, уже вчерашним — числом, на лорда Сварога, графа Гэйра, отныне возлагались обязанности начальника девятого стола Императорского Кабинета. Любая должность в Кабинете считалась весьма почетной, однако...

— А чем этот стол занимается? — спросил он недоуменно.

— Собственно говоря, его еще не существует, — сказала Яна. — С ним обстоит в точности так, как с твоими королевствами, — есть начальник и печать. И все. Ну, а что касемо занятий... По моей задумке, это должна быть новая секретная служба.

— Очень мило, — оторопело сказал Сварог. — А чем же я все-таки должен буду заниматься?

— Это ты сам определишь по ходу дела, — твердо сказала Яна. — Я тебя ни в чем не ограничиваю. Любые земные загадки, тайны, секреты, заговоры, представляющие опасность для престола Империи. И тому подобное. Ты примерно представляешь уже, каков круг обязанностей Гаудина. То же самое — а также все, что тебе покажется заслуживающим внимания.

— Представляю, с каким восторгом это воспримет Гаудин...

— Вот уж его чувства меня не интересуют ни в малейшей степени, — сказала Яна со взрослой жесткостью. — Перед тем, как подписать эту бумагу, я запросила справку о тайных службах земных королей. И моментально наткнулась на многозначительную закономерность: практически в каждой державе таковых служб не с к о л ь к о. Да, они конкурируют, а иногда и откровенно враждуют, но именно оттого, что их несколько, ни одна не в состоянии захватить монополию на информацию, на истину... И король никогда не пойдет на поводу у какой-то одной конторы, поскольку всегда может с помощью других перепроверить что-то, подстраховаться... Неужели тебе такая мысль кажется очередной детской выдумкой?

— Ни в коем случае, — сказал Сварог. — Все правильно, в общем...

— Вот видишь! У меня есть только восьмой департамент. Отец мирился с таким положением вещей, но мне, как пока-

зали иные события последних недель, пора что-то менять... Я не хочу, чтобы Гаудин решал, о чем мне следует знать, а о чем — нет. Нужна подстраховка. Безусловно, он примет новшества без всякого энтузиазма... но кого это волнует? Не станете же вы, в конце концов, воевать в открытую? Будут кое-какие трения... Ну и что? Речь идет о государственных интересах. — Она слишком энергично пошевелилась на постели, и вновь личико перекопилось гримасой боли. — Помнится, не далее как сегодня вечером ты говорил, что готов сделать для меня все что угодно... А когда потребовались реальные дела... Итак?

Повесив голову, Сварог тяжело вздохнул.

— Я могу расценивать этот стон как согласие? — немедленно спросила Яна.

— Пожалуй...

— Это не ответ, а уловка судейского крючка.

— Я согласен, — сказал Сварог.

— Твое слово?

— Мое слово.

— Поздравляю, — кивнула Яна. — Не забудь указ, с этой минуты ты — официальный начальник стола.

— А люди? — тоскливо спросил Сварог. — Кадры? Штат? Техника?

— Что до техники — подумай сам, что тебе нужно. Все получишь незамедлительно. С людьми гораздо хуже. Мне их просто неоткуда взять. Неужели забыл документик, который тебе показывал канцлер? Используй землян, тут тебе гарантирована полная свобода рук. Впрочем, у меня есть три кандидатуры... Помнишь лорда Брагерта?

— Конечно.

— Гаудин его все-таки выгнал — за какую-то очередную лихую авантюру. Милорд Гаудин может себе позволить кого-то выгонять, а вот мы с тобой не имеем права пренебрегать любым кандидатом. Вполне может случиться, что тебе понадобится именно лихой авантюрист.

— Ну, если только в этом качестве... — покрутил головой Сварог. — Он, вообще-то, толковый парень...

— А колдунью Грельфи помнишь?

— Еще бы.

— Вот тебе и ученый консультант, — решительно сказала Яна. — Она в последнее время ведет себя как-то странно, просится жить на землю, чего-то не договаривает... А ведь она, между прочим, — великий знаток всевозможных позабытых тайн.

— Что же Гаудин ее не использовал?

— У них что-то не сложилось, — сказала Яна. — В подробностях старуха скупа. Ну, а с тобой, быть может, и сработается... По крайней мере, когда я с ней такую возможность обговаривала, она не согласилась сразу, но и не отказалась, обещала подумать, а это, заверяю тебя, кое о чем говорит. В особенности если учесть, что она тоже видит Багряную Звезду... Поговори с ней хотя бы, не забудет тебя.

— Хорошо.

— Есть еще один человек, — сказала Яна. — Граф Элкон.

— Что-то я его не помню...

— Мой ровесник. Из «ближнего круга». Между прочим, это как раз он наткнулся на книгу Андермата. Ты с ним у меня пару раз встречался. Помнишь, вы говорили об игре в «пятнашку»?

— А, ну да... — добросовестно припомнил Сварог. — Значит, это он и был... Вихрастый такой юнец, ради выпендрежа носит очки, которые ему совершенно не нужны...

— Не ради выпендрежа, а в подражание земным книжникам, — энергично поправила Яна. — Он очень интересуется всевозможными земными тайнами. Пять лет назад ухитрился сбежать на землю и прожить там неделю, прежде чем его отыскали. Единственный из наших мальчишек, кому такое предприятие удалось...

— Как так?

— Вообще-то, десять раз подумаешь, прежде чем брать на работу эдакого шустрика... — сказал Сварог.

— Ну, тогда он был на пять лет моложе... Ты не о том думаешь. Я же сказала, он — единственный из наших мальчишек, кому удалось сбежать на землю. Это означает, что он еще пять лет назад сумел обхитрить серьезнейшую аппаратуру наблюдения и контроля, неделю скрываться от всего восьмого департамента... Это меняет дело?

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Это и есть, значит, твой компьютерный гений? Интересно, сможет ли он...

— Залезть в некоторые базы данных? — с понимающей улыбкой подхватила Яна. — Закрытые для всех остальных? Не сомневайся. Может. Сама убедилась.

— Что ж, вполне возможно, и пригодится...

— А самое интересное я приберегла напоследок, — прищурилась Яна. — Элкон уже вполне законно, с моего разрешения, проучился год в Латеранском университете — опять-таки, понятно, под земной легендой. Вернулся три месяца назад. Так вот, он своими глазами видел ночью в Латеране... — она сде-

лала эффектную паузу, — подводную лодку, на которой были крохотные, с мизинец, человечки. Тогда ему никто не поверил, и я тоже, но потом, после твоей встречи с крохотульками где-то в этих местах... Кстати, Гаудин к нему всерьез присматривается. Но ты его интересуешь больше.

— Хорошо, ты меня убедила, — кивнул Сварог. — Побеседуем... Тебе, наверное, надо выспаться? Поздно уже, а завтра еще нужно засветло вернуться назад... Как мы это сделаем, кстати?

— Точно так, как прибыли сюда, только в обратном направлении. С помощью твоей штуковины переместимся куда-нибудь за границы Хелльстада, а там будет совсем просто: беру тебя за руку — и в з м ы в а е м. Здесь это опять-таки не действует, я уже пробовала... Пригаси, пожалуйста, свет. Я не вижу ничего, похожего на светильники...

— Ну, это просто, — сказал Сварог.

Описал двумя пальцами в воздухе несложную фигуру — и яркий свет померк, лишь неподалеку от постели остался висеть в воздухе небольшой шар, весь состоявший из тусклого свечения, нечто вроде ночника.

— Спокойной ночи, — раздался в полумраке спокойный голосок Яны, лишенный и тени неприязни.

— Спокойной ночи, — отозвался Сварог и тихо вышел.

Побрел к своей спальне по золотистому коридору с причудливым переплетением черных арабесок на стенах. Что ж, все закончилось благополучно, она не только не затаила обиды, но даже одарила новым назначением...

Он резко остановился, словно налетев на стену. Хлопнул себя кулаком по лбу, не удержавшись, воскликнул вслух:

— Ну и болван!

Только теперь до него дошло, что он в очередной раз стал жертвой утонченного женского коварства.

При других обстоятельствах он если и не отказался бы от нового назначения, то постарался бы выпросить побольше времени на раздумья, а там, смотришь, проблема отпадет сама собой. Но теперь, когда Яна так откровенно страдала от боли, отказывать было неудобно, он чувствовал себя виноватым за то, что устроил безжалостную экзекуцию...

Меж тем клятая девчонка то ли давно уже излечила себя сама от всех последствий качественной порки, либо проделала это сейчас, когда он покинул спальню. В Хелльстаде не работают лишь те заклинания ларов, что обращены в о в н е, но сохраняют силу другие, касающиеся с а м о г о человека, вла-

деющего ими. Она преспокойно сотворила на его глазах указ о назначении, пусть и с некоторой заминкой. Без сомнения, могла и в три секунды вылечить себя, справиться с гораздо более серьезными ранами, нежели исхлестанная добротным кожаным ремнем задница...

Чтобы проверить догадку незамедлительно, он сильно ца-рапнул мякоть большого пальца левой руки острым шпёнком пряжки. И провел над пораненным местом ладонью, бормоча слабенкое лечебное заклинание.

Царапина затянулась мгновенно, все прекрасно действует... Сварог выругался про себя, крутя головой.

Но ничего уже не изменишь, увы. С какими глазами он завтра откажется от честного слова? И думать нечего. Что ж, примите поздравления, новоявленный глава новехонькой, с иголочки, тайной службы Империи. Службы, у которой имеются лишь ее начальник и казенная печать, — а всем остальным предстоит обрастать по ходу дела.

Ну что ж, сам виноват. Не вспомнил вовремя, что коварство — высокое искусство, коему женщины обучаются еще в колыбели, и возраст тут совершенно ни при чем.

Глава 6

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ

— И ты ее не приголубил, хочешь сказать? — спросила Мара с искренним недоумением, даже возмущением.

Она сидела на низком столе, забравшись на него с сапогами, вся в пыли и засохшей грязи, уставшая, но довольная жизнью, — два дня с отрядом конников выслеживала какую-то банду, имевшую наглость вторгнуться в пределы Готара и крепко пограбить в трех деревнях. В конце концов агрессоров она вычислила, прижала к реке, разбила в пух и прах, а пленных живописно развесила на вековых деревьях. Так что настроение у нее было превосходнейшее и откровенно игривое.

— Это как-никак императрица, — сказал Сварог наставительно, зная заранее, что ни такой тон, ни такие аргументы на нее не подействуют.

Так и оказалось. Мара громко фыркнула:

— Фу-ты ну-ты, этикетки гнуты... Между прочим, это в первую очередь красивая молодая девка. Могу спорить, давненько уже втихомолочку жаждет, чтобы ей прилежно заправили «сладкий корешок». Зря она вокруг тебя вертится, что ли? Или ты решил, что ее привлекают твои таланты государственного мужа? На твоём месте я бы эту куклу уложила хотя бы из лекционёрского тщеславия... Изволите ли видеть, девка заявляется к нему в гости, дрыхнет в его спальне, а он, как дурак, в другой конец замка спать шлепает...

— Милая моя, — сказал Сварог рассеянно. — Меня порой убивает даже не твой непроходимый цинизм, а полнейшее отсутствие ревности...

В самом деле, чего не было, того не было. Амурные похождения Сварога на стороне ее ничуть не волновали, а когда к нему в замок с определенными целями наведывались светские красотки, Мара имела обыкновение, встав за спиной очередной гостью, с помощью нехитрых драгунских жестов показывать, что следует делать, — вдруг он сам, болезненный, не догадается... При всем при том сама она считала долгом хранить Сварогу верность — так что ситуация сложилась, мягко говоря, нестандартная.

— Я как-то пыталась тебя ревновать, — сообщила Мара. — Но так и не поняла, как это делается и зачем это нужно, все равно ко мне вернешься. Куда мне от тебя деться? После того, как с такой изощренностью совратил меня на пароходе...

— Я? Тебя? — удивился он. — Мне помнится, обстояло как раз наоборот...

— Ты просто забыл, — безмятежно отмахнулась Мара. — Стыдно тебе вспоминать, как обольщал юное и невинное создание... Нет, правда, почему ты ее не приглубил?

— У меня неотложные государственные дела, — сказал Сварог металлическим голосом. — И вообще, нечего залезать с ногами на стол, я на нем важные бумаги раскладываю...

Вот такой тон она прекрасно понимала. Спрыгнула со стола, подчеркнуто лихо отдала честь и покладисто улетучилась, звеня шпорами. Оставшись один, Сварог никакими государственными делами заниматься не стал — за полным отсутствием таковых на данный момент, — а вышел на балкон и с удовольствием обозрел бывшее сонное захолустье, где жизнь уже второй месяц била ключом.

Население Готара с трехсот человек увеличилось вдесятеро. Городишко превратился в одну огромную строительную площадку — едва прослышав о приличных заработках и грандиозных планах по перестройке столицы, неведомо откуда явились артели гильдейских строителей и даже парочка инженеров с неплохими рекомендательными письмами. Замок в два счета привели в порядок, украсили и благоустроили, хотя он до сих пор отчаянно вонял высыхающей краской, штукатуркой и свежим деревом.

Как-то незаметно образовалась своя полиция, с самым натуральным министром во главе. Министр этот, нестарый прохвост благообразного облика, совсем недавно был начальником полиции в захолустном городишке ронерского пограничья, через который проходил один из торговых трактов. Как водится, проезжих купцов частенько стригли в свою пользу и полиция,

и городские власти — дело, в принципе, житейское, и в купеческих расчетах на этот вид убытков давно отведен соответствующий процент...

Плохо только, что отдаленность от столиц и провинциальная патриархальщина со временем притупляют чувство меры... Опытный полицейский стригаль и не заметил, как заигрался. Хапнул чересчур много, да вдобавок с кем-то не поделился. Обиженные, добравшись до столицы, подняли шум, дошло до короля, и Конгер в благих целях борьбы с коррупцией приказал мздоимца повесить. Тот едва успел улизнуть в чем был и, добравшись до Пограничья, попал Маре на глаза. Поскольку выбирать было не из чего, Сварог по размышлении определил беглеца в министры полиции, предварительно напугав как следует и наглядно доказав, что врать ему бессмысленно. Самое пикантное, что этот обормот и в самом деле умел работать — созданная им в кратчайшие сроки, на пустом месте полиция довольно успешно ловила воров, карманников и прочий разбойный люд. На окраине, у большой дороги, уже стояла парочка виселиц, где смиренхонько покачивались любители чужого добра, — Сварог с ходу согласился со своим новоиспеченным министром полиции в том, что постройка тюрьмы — дело дорогое и хлопотное, и его вполне можно отложить на более благополучные времена, пока что ограничившись самыми радикальными мерами.

Теми же ударными темпами формировалась и армия. Прибились самые настоящие гвардейские офицеры, числом двое, один из Харлана, второй аж из Снольдера, в капитанских чинах. Харланец вдрызг проигрался в карты, после чего непринужденно запустил руки в полковую казну — но ухитрился проиграть и казенные суммы, после чего оставалось только улепетывать побыстрее и подальше. Снольдерского капитана на спешное дезертирство из родной державы подвигли чуточку более благородные причины — будучи застигнутым своим же полковником с молодой супругой последнего, он в ходе стихийно возникшей дуэли ухитрился продырявить отца-командира насмерть, а поскольку тот был родным братом кого-то из королевских фаворитов, капитан не стал полагаться на милость судьбы и ударился в бег.

Поразмыслив, Сварог зачислил обоих на службу в прежних чинах. Казна, и военная в том числе, хранилась у него под надежными заклинаниями, а моральный облик Мары тревог не вызывал — скорее уж сама продырявит бравого капитана насмерть в случае непотребных поползновений.

Вообще-то, оба дезертира дело знали. Они набрали сотни полторы рекрутов из безземельных крестьянских парней и бродяг помоложе и муштровали так, что и Сварог при всем желании не мог бы усмотреть промахов. Вот и сейчас харланец гонял неподалеку от замка десятка три пентюхов, не умевших распознать, где у них правая нога, а где левая, поскольку отроду не задумывались над такими тонкостями. Что ж, средство на сей предмет было придумано в незапамятные времена... Если прислушаться, ветерок доносил старательное рыканье капитана:

— Р-рыба — колбаса, р-рыба — колбаса, р-рыба — колбаса! Шевелись, босоногая команда, это вам не гусаков сношать на тяткином подворье! Р-рыба — колбаса, р-рыба — колбаса!

Рекруты старательно взметали пыль босыми ногами — к левой у каждого был привязан кус колбасы, а к правой — речная рыба. Судя по опыту других держав, незатейливый метод должен был себя оправдать через пару недель.

Кроме того, на прошлой неделе в Свароговых владениях вдруг объявился отряд Вольных Топоров, числом около восьмидесяти. Это уже был народ посерьезнее и поопытнее, не чета собранным с бору по сосенке крестьянским дуболомам и пойманым на большой дороге молодым бродягам, которым министр полиции с душевной улыбкой предлагал нехитрый выбор: либо сплясать с Конопляной Тетушкой, либо отслужить срок в армии Его величества короля Хелльстада, и прочая, и прочая. Командир Топоров оказался старым знакомым Шедариса, сослался на его рекомендацию и, едва Сварог убедился, что хмурый усач со шрамом на роже не врет, тут же зачислил всех на службу.

Как-то незаметно приросли и чиновничеством — опять-таки, как нетрудно догадаться, все поголовно представители этого славного племени были вынуждены покинуть родные места после таких упущений и прегрешений, за которые им вряд ли удалось бы отделаться простым позорным увольнением с «волчьей головой».

Да, вот именно, господа мои! Сварог с превеликим удивлением обнаружил, что на Таларе «волчий билет» был отнюдь не фигуральным выражением. Здесь крупно проштрафившемуся чиновнику, когда выгоняли его со службы, шлепали в документы печать с изображением волчьей головы. После чего обладатель документа мог распрощаться с государственной службой навсегда. Легко догадаться, что этот продувной народец, пристроенный Сварогом к бумажной работе, отнюдь не являл

собой образец честности и благонравия — но где прикажете взять других? Хлопот они, в общем, не доставляли — после того, как двух, про штрафившихся уже здесь, министр полиции с санкции Сварога отправил на те самые нехитрые плотницкие сооружения, что неразрывно связаны с искусством веревочных дел мастеров...

В общем, за все это время Сварог утвердил штук двадцать смертных приговоров. И никак нельзя сказать, будто он после этого взмечивался в холодном поту по ночам. Ничего подобного. И отправленные его волей на виселицу покойники по ночам не приходили стенать под дверью.

Ничего тут не поделать. Молодая столица была слишком уж хрупким сооружением, вроде тончайшей стеклянной вазы, какие выдувают мурранские мастера. Когда-нибудь в далеком светлом будущем, когда наладится нормальное течение жизни и появятся все необходимые государственные институты, можно будет и перейти к нормальной практике, завести суды, адвокатов и тюрьмы с двухразовым питанием. Пока же не было других средств сохранить дисциплину, навести порядок и приучить народишко к соблюдению законов. Единственным средством надежного убеждения — и предостережения нестойким — оставалась Конопляная Тетушка. В конце концов, если смотреть в корень и дойти до самой сути, он тщательно проверял всякий смертный приговор — и был уверен, что невиновного никогда не вздернут. Никто не принуждал, рассуждая философски, того косоглазого болвана выворачивать в темном закутке карманы припозднившихся земляков, двух бродяг харланского происхождения — двинуть крестьянину дубиной по голове и увести его лошадь, а чиновника — нагло добиваться благосклонности смазливой вдовушки в обмен на составление документа, который он и так по долгу службы обязан был ей выдать.

Так что Сварог не чувствовал ровным счетом никаких угрызений совести. Какие там детинушки кровавые в глазах...

Главная головная боль у него была — ходоки, они же просители, рвавшиеся либо стать его подданными, либо осчастливить чертежами хитроумных устройств.

Они шли нескончаемой вереницей — младшие сыновья дворянских фамилий, оставшиеся и без поместий, и без службы, крестьяне свободные и беглые (неуклюже прикидывавшиеся свободными), отставные солдаты, не нашедшие применения своим талантам на гражданке (или просто решившие поискать счастья на новом месте), обнищавшие ремесленники, списан-

ные с кораблей моряки, дезертиры, недоучившиеся студенты, разорившиеся купцы, воры и разбойнички, решившие вдруг завязать, откровенные авантюристы с чертежами местностей, где зарыты богатейшие клады, состарившиеся пираты и романтические юнцы-школяры, безработные мастеровые...

Кое-кого моментально пристраивали к делу. Искателей вольной жизни либо загоняли в армию, либо вышибали за границу со строгим наказом во второй раз не попадаться. Проще всего было с теми, кто просил землицы на территории Трех Королевств, — эти большей частью были народом степенным, прибывали с женами и детишками, скудным скарбом и даже с кошками. Их, предварительно проинструктировав насчет трудности предприятия, снабжали толикой денег, кое-каким сельхозинвентарем и переправляли на тот берег Итела. Часто попадались соискатели земельных владений, предъявлявшие ветхие бумаги, неопровержимо свидетельствовавшие, что их предки как раз и обитали некогда в Трех Королевствах. Однако очень быстро министр полиции разнюхал, что некая тайная мастерская в Снольдере, оперативно откликаясь на требования текущего момента, переключилась с поддельных дворянских грамот, патентов на чин и векселей на эти самые «старинные» бумаги. Сначала Сварог рассвирепел было, но по зрелом размышлении подумал: а какая, собственно, разница? Пусть себе поднимают землицу, если им охота. Если получится — из них выйдут оседлые, степенные подданные. Если сбегут, убоявшись трудностей, — министр полиции забреет их в армию или выпихнет за границу. Все равно свободных земель в Трех Королевствах было столько, что подпольные граверы, мастера фальшаков, могут невозбранно трудиться еще лет сто...

Особую категорию составляли непризнанные изобретатели и прожектеры, предлагавшие то красиво вычерченные эскизы вечных двигателей, то волшебные эликсиры самого разного предназначения — от вызывавших невидимость до умиривавших ярость сварливых тещ, а также рассказывавшие о своих встречах со всевозможными мифическими созданиями и вымогавшие на поимку таковых щедрые денежные авансы.

С этими Сварог разбирался лично. Впрочем, их поток поредел значительно после того, как были введены некоторые новшества: изобретатель вечного двигателя давал подписку, что ознакомлен с законом, согласно которому он будет повешен, если сработанный по его чертежам вечный двигатель не проработает хотя бы часа; авторы волшебных эликсиров должны были испытывать их на самих себе. И так далее. Поскучневшие

проектеры отныне значительно реже дарили Сварога своими откровениями и эпохальными выдумками.

Гораздо неприятнее были другие новости...

К нему уже две недели потоком шли сообщения о том, что лоранцы во множестве высаживаются на побережье, судя по начатому строительству, собираются обосноваться там всерьез, причем речь идет не о каких-то одиночках-авантюристах. Судя по размаху и количеству задействованных кораблей, это не самодеятельность, а настоящая долгосрочная программа, которую претворяет в жизнь королева Лорана.

Как принято меж коронованными особами, Сварог отправил ей вежливое послание, где в дипломатических выражениях напоминал, что речь идет, собственно, о принадлежащих ему землях, на коих он пользуется всеми правами монарха. (Послание составлял самый настоящий дипломат — департаментский секретарь снольдерского министерства иностранных дел, вынужденный спешно покинуть отчизну после того, как выяснилось, что он продал сопредельной державе кое-какие секретные документы своего ведомства.)

Как принято меж коронованными особами, лоранская королева ответила не менее вежливым посланием, составленным в столь же изящном стиле высокой дипломатии, ни в чем не отступавшем от канонов. Однако за обтекаемыми формулировками без труда читались насмешка и категорическое нежелание пойти навстречу законным требованиям собрата-монарха. Королева, во-первых, напоминала, что значительная часть земель, известных ныне под собирательным названием Три Королевства, когда-то, до нашествия Глаз Сатаны, принадлежала Лорану, так что она, собственно говоря, лишь восстанавливает историческую справедливость. Во-вторых, Ее величество мягко уточняла: по имеющимся в ее распоряжении данным, «брат мой, король Сварог» располагает на сегодняшний день ничтожно малым количеством подданных, что-то около пяти тысяч, а со столь ничтожными людскими ресурсами ему не освоить Три Королевства и через сто лет. По этой причине его новоявленная венценосная сестра и решила пойти навстречу законным требованиям своих подданных и восстановить нормальную жизнь на землях, все равно остающихся бесхозными.

Экс-дипломат в два счета, со ссылками на многочисленные параграфы международного права, доказал Сварогу, что его венценосная сестрица откровенно лукавит, поскольку те самые земли были когда-то брошены лоранцами, с них выведены войска, удалена администрация и символы королевской власти.

Правда, легче оттого, что на стороне Сварога было международное право, отнюдь не стало, поскольку законные права ни черта не стоят, если нет вооруженной силы, способной как-то их отстаивать.

Перед ним было два пути: либо жаловаться императрице, либо начинать войну. Первое казалось унижительным, а на второе его карликовая армия из роты Вольных Топоров и пары сотен не обученных толком рекрутов была решительно неспособна. Так что оставалось помалкивать, стиснув зубы.

В Лоран инкогнито отправился Брагерт — добывать точную информацию, подкупать и плести заговоры. Сварог верил, что парень справится. По натуре своей Брагерт органически не годился в аналитики и кропотливые исследователи: он был рожден для того, чтобы проникать куда-то переодетым и под чужой личиной, драться на мечах, влипать в авантюры, покупать и продавать секреты, устраивать заговоры, плести захватывающие интриги. Гаудину он в этом качестве оказался не нужен, а вот Сварогу, наоборот, именно такой сорвиголова и необходим...

Взглянув на часы, Сварог встрепенулся, вернулся в комнату, взял со стола массивный колокольчик и встряхнул им как следует. Тут же вошла Мара, уже успевшая переодеться и принять ванну, в ответ на невысказанный вопрос кивнула:

— Сверху сообщают, что парень появится через полчаса. А бабулька уже в замке, сидит с Карахом, чешут языки насчет старых времен и страшных тайн. По-моему, они друг другу определенно приглянулись...

— Понятно, — сказал Сварог. — А что это ты в придворный мундир влезла и ордена нацепила?

Мара прищурилась:

— Этот высокородный обормот, который должен прибыть, должен с самого начала понять, кто есть кто. Когда я с ним связывалась по видео — и переодеться еще не успела после о х о т ы, — он меня назвал «девочкой» и попросил позвать «кого-то из доверенных людей графа Гэйра». Я ему, конечно, объяснила ситуацию в меру своих скромных возможностей, но он все равно держался заносчиво. Ничего, я с него спесь собою...

— Ага, — сказал Сварог. — Ордена, мундир, золоченый меч... Знаешь, что я тебе посоветую? Иди-ка ты скинь все это, надень платишко покороче и пооткрытее да сыграй роковую женщину. Так ты его гораздо быстрее смутишь, поверь моему циничному опыту. Парень совсем зеленый, купится...

— Ты серьезно?

— Совершенно.

— А сам-то? Как новогодняя елка...

— Я — король при исполнении.

— А я — первый министр.

— Ты меня, конечно, прости, — сказал Сварог, — но сочетание всей этой мишуры и не особенно взрослого личика в данном случае производит впечатление чуточку комическое... Здешний народ тебя уже видел в деле, он-то и не подумает тебе вслед хихикать, а вот для свежего человека... Иди-иди. Я серьезно.

Мара вышла, недовольно вертя головой. Оставшись в одиночестве, Сварог подошел к зеркалу, поправил многочисленные ордена — в том числе, о парадоксы дипломатии, и высший лоранский. Так уж здесь было заведено, каждый король присылает свежее испеченному коллеге свои высшие регалии.

Он посчитал необходимым встретить будущего юного сотрудника при полном параде — чтобы юнец сразу понял: обстановка насквозь официальная, и делами здесь занимаются сугубо серьезными. А учитывая, что парнишка, несмотря на все свое вольнодумство и авантюризм, все же потомственный лар, кое-какие каноны должен был всосать с молоком матери...

Сварог щеголял сейчас в новом мундире, черном, обильно украшенном алыми кружевами и густыми рядами бриллиантовых пуговиц, нашитых где только возможно. Да, мы теперь — лейб-гвардия, изволите ли знать... Чтобы к новоявленному столоначальнику Императорского Кабинета с самого начала отнеслись со всей серьезностью, Яна присвоила ему звание капрала Бриллиантовых Пикинеров. Чин не такой уж малый, как может показаться людям, незнакомым с заоблачными порядками: полковником у Бриллиантовых Пикинеров числится сама императрица, пикинерские капитаны, соответственно, согласно табели о рангах, равны гвардейским генералам, лейтенанты — полковникам, а капралы, как легко догадаться — капитанам гвардии. Так что для бывшего лейтенанта Яшмовых Мушкетеров это по всем статьям было чистейшей воды повышение...

Поправив орденские цепи, ленты и кронги, он вышел в коридор, где бдительно и абсолютно неподвижно стоял усатый Вольный Топор. Кивнув ему, Сварог свернул за угол, спустился по короткой лестнице и вошел в первую же дверь.

Карах сидел на столе, печально держа в лапках гланский орден Чертополоха. Собственно, этот словесный оборот никак не отражал истинного положения вещей. Орден был как раз

в рост Караха, серенький домовый мог спрятаться за ним, как за старинным щитом, а вот носить никак не мог, равно как и прочие высшие знаки отличия, пожалованные ему как главе Королевского Кабинета по строгому дипломатическому протоколу...

— Не переживай, — сказал Сварог. — Чутьочку разгребусь с делами, закажу для тебя копии поменьше, чтобы мог носить, как все нормальные министры... Здравствуйте, почтенная! Как добрались?

— Без хлопот и приключений, — кратко ответствовала колдунья Грельфи.

Старуха нисколько не изменилась с тех пор, как они виделись в первый и последний раз, полтора года назад: крючкова-тый нос, длинный подбородок, волосатые бородавки, глубокие морщины, умный и пронзительный взгляд, неизменно вызы-вавший у Сварога ассоциации с оптическим прицелом.

— Что же ты натворил, ваше королевское обормотство... — сказала она сварливым басом.

— А что такое?

— Одна-единственная подруга была на земле — и ту загнал в гроб.

Сварог вспомнил бабу-гусятницу, бабу Паколета. И вновь ощутил укор совести — он ничего не мог сделать тогда для нее, ничем не успел помочь, он попросту и предполагать не мог, что им подвернулась у б и й с т в е н н а я тайна...

— Ладно, ты тут взглядом пол не буравь, все равно не про-вертишь, это даже я не умею, — фыркнула ведьма. — Это я так, светлый король, ворчу по привычке. Дураку ясно: коли уж она взялась тебе помогать, значит, сама так хотела... Так уж было на облаках написано, и ничего тут не поделать... Значит, будем вместе работать?

— Если вы не прочь, — сказал Сварог. — Правда, я пока так и не представляю толком, в чем будет заключаться ваша рабо-та... Ну, это мы определим по ходу дела. А где ваш обаятель-ный котик, который умеет орать с неподражаемой гнусностью?

— Здесь уже. И вещички перевезла.

— Да, я помню, у вас была масса интересных вещичек, — сказал Сварог светски. — Черепа, чучела каких-то уродов...

— Кому чучела, а кому необходимый магический инвен-тарь, учено говоря, — проворчала старуха. — Ты что такой ве-селый, твое величество? Прибаутками так и сыпешь...

— Дела идут нормально, — пожал плечами Сварог. — Ни-чего пока что не случилось, а это уже плюс...

— Ну ладно, зубоскаль дальше, — покачала головой Грельфи. — Только скажи этой своей рыжей вертихвостке, чтобы она мне в спину не фыркала. А то устрою что-нибудь вроде ночной почесухи, света белого не взвидит...

— Не обращайтесь на нее внимания, я вас душевно прошу, — серьезно сказал Сварог. — По большому счету, дитё дитём, только и умеет, что качественно убивать людей, а этим искусством никого особенно не удивишь в наши суровые времена... Вы же мудрая дама...

— Никакая я тебе не дама, — сварливо отозвалась старуха. — Нашел даму... Ладно, пренебрежем... Ты хоть знаешь, что по Готару болтается добрая дюжина шпионов? Самых настоящих шпионов из всех без исключения стран?

— Точно не знал, но мы с министром полиции такой оборот дела предвидели давно, — серьезно сказал Сварог. — Ничего удивительного. Ясно было, как день, что к нам рано или поздно начнут засылать шпионов. Пусть себе шныряют, дело житейское. Наладим со временем контрразведку, начнем, как положено, кого вылавливать, кого перевербовывать и перекупать...

— Это-то ладно. Только кроме ж и т е й с к и х шпионов у тебя завелась парочка субъектов погнуснее...

— Так-так-так... — сказал Сварог, посерьезнев. — Что, неужели «Черная благодать»?

— Угадал, проницательный мой...

— Я их пока что не ч у я л...

— Ай-ай-ай! Он их, видите ли, не чуял... Прости на дерзком слове, твое величество, мы здесь все свои, так что давай уж без церемоний... Хотя ты и король Хелльстада, любезный мой, это тебе особого мастерства не прибавило. Почуешь всякую нечисть не раньше, чем заклинания пробормочешь, да нужно еще, чтобы нечисть болталась поблизости, сама на глаза лезла... У м е н я, голубчик, школа другая, старая, настоящая... Только огляделась — и сразу вижу: ага, вон тот и тот, живут там-то и там-то...

— Так за чем же дело стало? — энергично сказал Сварог. — Сейчас вызову полдюжины Топоров, и вы обоих быстренько возьмете... Я правильно рассуждаю?

— Ну вот, наконец-то заговорил, как серьезный человек... Только дай мне с ними сначала поговорить, я им объясню, что следует надеть на шею, что положить в сапог и как бить обухом по тени, если что...

— Вам и карты в руки, — сказал Сварог. — А что вы думаете про юного графа Элкона? Насколько он будет нам полезен, и выйдет ли из него толк?

— Присмотримся еще, — осторожно сказала старуха. — В деле проверим, жизни поучим... исключительно способный парнишка. И в том, что касается компьютеров, и в овладении кое-какими искусствами. Вот бы кого в ученики, но не получится — чувствует моя душа, у нас и так будет забот полон рот... В общем, пока что — сопляк сопляком, в точности как твоя рыжая. Но ежели его грамотно вести по жизни...

— Это уже кое-что, — кивнул Сварог.

В дверь деликатно поскреблись. Слуга просунул внутрь голову и деловым шепотом сообщил:

— Государь, ожидаемый вами гость прибыл...

— Пойду поговорю, — сказал Сварог. — Карах, вызови командира Топоров и отдай от моего имени все необходимые приказы. Эту парочку нужно безотлагательно брать, только «Черной благодати» мне тут и не хватало для полного счастья... Успехов!

Он поднялся этажом выше и без стука вошел в кабинет Мары. Сразу увидел, что к его рекомендациям она отнеслась серьезно, но, конечно же, не удержалась от импровизаций... Она сидела в золоченом кресле, положив ногу на ногу, что при коротенькой юбочке выглядело весьма фривольно, и, обстреливая сидевшего напротив собеседника целыми залпами кокетливых взглядов, светским тоном вопрошала:

— Вам не кажется, любезный граф, что эротические циклы сонетов Нолонга Агана, особенно «Нимфы источника» и «Лесная переключка», на сегодняшний день устарели совершенно? Для своего времени они были шокирующим откровением, но сегодня, право же, смешно читать тексты, весь вызов которых заключается в примитивном наборе нехитрых сценок, представлявших Агану верхом неприличия? Кого сегодня могут поразить смелостью картинки вроде той, когда юный егерь «обнажает белоснежную грудь пастушки» или «совлекает платье с девственных бедер»? Не правда ли, это устарело по сравнению с современными видеосериалами?

У юнца предательски пунцовели уши, Сварог видел, как он старательно блуждает взглядом по комнате, избегая смотреть на то, что открывали коротенькая юбка и смелый вырез. Сварог понял, что нужно немедленно прийти на помощь.

— Граф Элкон? — спросил он деловым тоном. — Рад с вами познакомиться. Вы, я вижу, не скучаете?

— Ну что вы! — Парнишка неловко встал. — Графиня была так любезна, что взялась посвящать меня в сокровищницу старинной поэзии...

— Да, разумеется... — сказал Сварог. — Графиня, вот кстати... Вы опять бросили свою любимую куклу прямо на лестнице...

Мара рассерженно уставилась на него, но Сварог стойко выдержал взгляд боевой подруги — он вовсе не просил ее смущать парня настолько...

— Садитесь, — сказал он гостю. — Вынужден попросить всех присутствующих перейти к более скучным материям, нежели эротические сонеты. Итак, вы уже познакомились... Прекрасно. Надеюсь, подружитесь.

Он откровенно разглядывал навязанного ему сотрудника. Парень как парень — худощавый, вихрастый, в тонких золотых очках. Действительно, именно такие и носят книжники. Стекла, конечно, простые, зато солидности прибавляет, на земле очки испокон веку считаются атрибутом учености, неофициальной эмблемой Сословия Совы...

— Графиня, друг мой, — мягко сказал Сварог. — Примите позу, более приличествующую серьезному совещанию... (Мара поджала губы, но прекословить вслух не стала, села нормально и глазки строить перестала.) У вас какие-то вопросы, граф?

— Ну, собственно... Я так и не знаю, что вы решили на мой счет...

— Будем считать, что вы уже зачислены на службу, — сказал Сварог. — У нас интересная служба — даже я сам пока что не знаю, чем она будет заниматься завтра, да и состоит она всего из троих бравых служак, включая вас... Давайте для начала выясним, как к вам обращаться. Граф? По имени?

— Можно и по имени, разумеется! Я, в свою очередь...

— Знаете, Элкон, — задумчиво сказал Сварог. — Так уж повелось, что мои ближайшие соратники в неофициальной обстановке именуют меня «командир». Ничего не имеете против, если мы вас попросим не нарушать традицию?

— Конечно! — обрадованно воскликнул юнец. — Я очень рад... Мне почему-то казалось, что вы ко мне будете настроены весьма даже неприязненно...

— Почему? — искренне удивился Сварог.

— Понимаете ли... командир... Я на свой счет особых иллюзий не питаю. И не собираюсь что-то из себя с т р о и т ь. Ну да, ничего еще не достиг, ничего серьезного не совершил. Одни

амбиции и большое желание сворачивать какие-то горы... Не самая лучшая находка для человека вроде вас, успевшего кое-что в этой жизни совершить... Вам ведь нужны... люди серьезные. Только... Если человеку не дают шанса что-то сделать, как можно определить, что из него получится? Вот так... Словом, я решил, что вы ко мне скверно отнесетесь из-за...

— Из-за того, что вас мне навязали?

— Ну да.

— Глупости, Элкон, — сказал Сварог. Парнишка начинал ему нравиться. — Никто вас не навязывал. Будьте уверены, я нашел бы способ избавиться от навязанного... Я просто подумал: а вдруг из вас и в самом деле выйдет толк? Будем вас пробовать в деле. От вас потребуется одно — дисциплина.

— Да, я понимаю...

— Вот и отлично. Если толк выйдет, то что ж... А если нет — это быстро выяснится. Говорят, вы неплохо разбираетесь в компьютерах?

Парнишка вздернул подбородок:

— Да вот смею думать...

— В базы данных восьмого департамента забраться сможете?

— Первый и Второй Круги я уже проходил не единожды, — сказал Элкон гордо. — Бывал и в Серебряной Ограде. С Крепостью обстоит чуточку сложнее, но я обязательно ее взломаю. Что до...

— Стоп! — поднял ладонь Сварог. — Сначала объясните кратенько, о чем вообще идет речь...

В течение следующих трех-четырех минут он выслушал краткую, толковую и чрезвычайно полезную лекцию о базах данных восьмого департамента: три уровня сложности, по восходящей, структура, содержимое, методы связи с Главным информаторием, взломанные коды, рабочие наработки по одолению тех, что пока не поддаются. Все было изложено так доступно, что Сварог разобрался в предмете без всякого труда и почти не переспрашивал в особо трудных местах. Ради одной этой беседы стоило вытаскивать парнишку на землю...

— Любопытно, — сказал он искренне. — И что же, никто прежде не пытался...

— Чисто по-дилетантски, — сказал Элкон с таким выражением лица, что сразу становилось ясно: себя-то он дилетантом не считает ни в коем случае. — Отдельные любители, от нечего делать, из озорства...

— Из озорства... — как эхо, повторил Сварог. — А вы, значит, друг мой, свое поведение озорством не считаете? В таком случае, чем же?

Парнишка ненадолго задумался. Вскинул голову:

— Мне давно уже кажется, что многое у нас делается не так. Упущено что-то важное, некоторые организации закоснели и озабочены лишь поддержанием существующего порядка вещей... Я и сам не могу объяснить точно, но мне кажется, что многое можно сделать лучше... Вы считаете, что у меня непомерные амбиции?

— Как знать... — задумчиво сказал Сварог. — Я сам потому тут и сижу, что показалось однажды, будто многое могу сделать лучше именно я. Тут главное, чтобы эти амбиции принесли реальную пользу... Сердце мне вещует, что вы нам подходите, Элкон. Мы сами чуточку авантюристы и одержимые амбициями нахалы, особенно эта рыжая особа, с которой, хочу верить, вы сработаетесь. Я слышал, вы несколько лет назад сбежали на землю. И мне показалось, что вы уже тогда проявили завидную целеустремленность — это была не просто экскурсия, а четко проработанный план, а? Зачем вам это понадобилось?

— Меня интересовали — и теперь интересуют — земные книжники, — сказал Элкон. — Полагаю, на земле от нас до сих пор ухитряются очень многое скрывать, за что я их несколько не упрекаю... Но ведь не мог же я заявиться к ним в своем истинном обличье, они бы моментально замкнулись...

— Вот это правильно, — кивнул Сварог. — У меня есть некоторый опыт общения с книжниками. Так просто к ним в доверие не войдешь...

— Совершенно верно, командир. Я хотел врасти. Стать земным студентом, ненавязчиво и целеустремленно сблизиться с нужными людьми... Больше всего меня, конечно, занимало Медовое Урочище. Никогда о нем не слышали?

— К стыду своему... — признался Сварог. — Не могу я пока что объять необъятное, сами понимаете.

— Это место находится в пределах Каталаунского хребта, на границе Ронеро и одного из Вольных Маноров. Урочище это, со всех сторон стиснутое горами, в длину занимает около двадцати лиг, а в ширину — примерно пять. Там еще со времен Шторма обосновались пчелы. Дикие. Особенно крупные и злые. Их там миллионы, командир. Все урочище — один сплошной пчельник. Последние пять тысяч лет человеческая нога туда не ступала, даже у восьмого департамента что-то не сложилось. Меж тем многие легенды настойчиво твердят,

что там скрыто Нечто... Никто не знает, что именно. Однако назойливо подчеркивается, что речь идет о чем-то большем, нежели примитивный клад или даже затерянный город. Там что-то, оставшееся от прошлого, от времен до Шторма. Ведьма Грельфи тоже так считает. Я как-то был у нее с императрицей, мы познакомились и неожиданно пришлось друг другу по душе. Пробуем подходить к проблемам и загадкам с разных сторон — она знает древнюю магию, а я хорошо владею компьютерами. Пытаемся придумать нечто, совместившее бы оба подхода...

— Это не менее интересно, — сказал Сварог. — Но мы о ваших с Грельфи совместных изысканиях поговорим попозже, когда выдастся свободное время... Меня сейчас гораздо больше интересуют ваши латеранские наблюдения. Что там было с подводной лодкой?

— Да просто я ее видел собственными глазами, — сказал Элкон. — Это случилось полгода назад, в районе... Вы не бывали в Латеране?

— Нет пока.

— Вот, посмотрите. — Элкон выдернул из воздуха карту, начерченную от руки. — Я сам перерисовывал из старого земного атласа... Вот тут, в лиге от города, Ител разделяется на несколько рукавов, которые потом опять смыкаются, — но на определенном протяжении образовалось десятка два островков, которые местные называют Речная Россыпь. Там довольно безлюдно, укоренилось стойкое убеждение, что места эти небезопасны. Никто не помнит, почему, слишком уж давно сложилось это убеждение, опасных зверей там, во всяком случае, нет, и не слышно, чтобы в последние годы с кем-то там приключилась беда. Но горожане все равно туда не ходят, я имею в виду...

— Взрослых, солидных, степенных, а? — хмыкнул Сварог. — А вот те, кто помоложе...

Элкон улыбнулся в ответ:

— Ага... Те, кто помоложе, туда как раз забираются втайне от родных. Ходят легенды, что там зарыты клады... И потом, побывать там, принести оттуда речную гальку особого вида — очень престижно, я бы сказал, придает вес и уважение среди сверстников и... девушек. И уж тем более для уважающего себя студента Латеранского университета просто немислимо показаться в приличном обществе без ожерелья или браслета из этих камешков. Они в других местах отчего-то не встречаются. — Элкон полез в карман и продемонстрировал (в пер-

вую очередь Маре) нечто вроде ожерелья из дюжины синих с красными и желтыми прожилками камешков, и в самом деле довольно красивых. — С научной точки зрения, конечно, нет никакой загадки — в тех местах выходит на поверхность жила этого самого минерала с длиннейшим научным названием... но не в том дело. Главное, есть давние, сложившиеся традиции. Я их хотел соблюсти, как вы, должно быть, понимаете, имелись причины...

— Причина, надо полагать, была красивая? — бесцеремонно вмешалась Мара.

— Весьма, графиня, — ответил Элкон моментально. — Ничуть не хуже вас...

«Осваивается парень, — одобрительно подумал Сварог. — Вон и уши уже не красные...»

Неторопливо прохаживаясь по комнате, он мимоходом взглянул в низкое окно, почти бойницу, выходящее на внутренний двор. Появилась старуха Грельфи, шагавшая весьма даже браво для своих лет, без всякой клюки, одетая скромной, небогатой горожанкой. За ней целеустремленно топали пятеро рослых молодых людей, тоже обычные, ничем не примечательные на вид «градские обыватели». В руках и на поясах у них не было оружия, но что-то под одеждой было, конечно, укрыто.

«Чует мое сердце, что особого толку от этого не будет, — подумал Сварог, уже набравшийся кое-какого опыта в борьбе с „Черной благодатью“. — Опять, в который раз, сграбастают парочку пешек, от которых даже пыткой ничего не добьешься, серьезных тайн не вытрясешь, поскольку и не посвящены они в серьезные тайны. Если только живыми возьмут, если только они опять языки себе не пооткусывают, отравы не глотнут. Редко случаются удачи — как тогда в Равене, когда Конгеру удалось изловить парочку крупных рыбин...»

— В общем, я отправился туда ночью, — продолжал Элкон, уставясь на Мару с некоторым вызовом. — Так почти все делают. Днем может появиться конная полиция — Речная Россыпь считается принадлежащей к Королевскому парку, и доступ туда посторонним ограничен... Хотя Королевский парк начинается лигах в трех... Короче говоря, принято ходить туда ночью. Протока была шириной уардов в сто. В ту ночь стоял туман, знаете, стелился полосами, время от времени проглядывала вода, а потом опять наплывала мгла... Я как раз наломал полные карманы «узорчиков», хотел отправляться восвояси, и тут... Я их видел-то всего минуты две, потом туман снова сгустился... По реке плыла подводная лодка, совершенно такая,

как на снимках и фильмах, показывавших жизнь до Шторма. Сейчас у нас нет подводных лодок, но до Шторма их было множество... В точности такая. Только длиной она была уардов в десять, не больше, и на палубе стояли крохотные человечки, с мизинец. Я их отчетливо видел, ночь была лунная, среди тумана образовалась прогалина, и минуты две я на них таращился, благо субмарина двигалась очень медленно... Честно вам признаюсь, я испугался. Это не походило ни на что известное. Подумал даже потом, что это мираж из прошлых времен, призрак, Блуждающий Образ... Но императрица мне рассказала о вашей с ними стычке в Хельстаде. Тот человечек тоже говорил что-то о подводных лодках?

— Вот именно, — кивнул Сварог. — Он, конечно, бредил перед смертью, но бред этот неопровержимым образом свидетельствовал, что умирающему прекрасно знакомы термины «подводная лодка» и даже «торпедная атака»... Никакой это был не мираж.

— Теперь-то и я не сомневаюсь. Я искал в информатории, подключался к базам и восьмого департамента, и некоторых коллегий... Ничего. Вполне может оказаться, что-то такое и есть, но я искал неправильно, не те вопросы ставил... Не знаю. Гораздо интереснее косвенные следы... Вы знакомы с системой глобального наблюдения, созданной восьмым департаментом?

— В самых общих чертах, — вынужден был признать Сварог.

— А я изучил ее вдумчиво. Так вот, да будет вам известно, командир: эта система включает в себя устройства, которые занимаются исключительно надзором за проявлениями магии... и визуальным наблюдением. И все. У нас, оказывается, попросту нет службы наблюдения за эфиром. Это-то понятно, впрочем, ни на Таларе, ни на Сильване нет з е м н ы х радиостанций... И все равно для очистки совести им следовало бы время от времени прослушивать и эфир... — Он замолчал, уставился на Сварога с некоторой обидой: — Бьюсь об заклад, вы сейчас подумали что-то вроде: «Твоего совета не спросили, сопляк...»

Сварог, подумав, признался:

— Ну, не в таких уничижительных выражениях, конечно... но что-то вроде этого я и в самом деле подумал. В конце концов, там служат неплохие профессионалы...

Элкон моментально отпарировал:

— Эти неплохие профессионалы работают по канонам тысячелетней давности. Косность мышления, знаете ли. Они за

тысячелетия п р и в ы к л и к мысли, что на земле нет радиопередатчиков, а следовательно, нечего и работать в э т о м направлении... Я, когда меня заставили покинуть Латерану дражайшие родители, не успокоился. Собрал кое-какую аппаратуру, не столь уж сложную. Мой старший брат работает в Магистерииуме, он помог...

Парнишка замолчал, уставился на Сварога с видом фокусника, взявшегося за покрывало на клетке, в которой минуту назад был натуральный лев, а сейчас, после произнесенных вслух волшебных слов, должно появиться, надо думать, нечто удивительное и совершенно на льва не похожее, красивая девушка, скажем, или стая голубей.

— Ну, давайте, любезный, — усмехнулся Сварог. — Удивляйте нас, темных...

Элкон сказал с расстановкой:

— За эти полгода аппаратура с е м н а д ц а т ь раз перехватывала и записывала ч у ж и е передачи. Кто-то на земле, пусть и очень редко, с опаской, но пользуется радио. Короткие передачи в УКВ-диапазоне, зашифрованные с помощью довольно сложного ключа. Я до сих пор ни одной не расшифровал. А это означает, что у ч у ж и х есть свои, не менее сложные, быть может, компьютеры.

— Обмен короткими шифровками меж лодками и базой... — задумчиво произнес Сварог. — Меж двумя лодками...

— А я о чем говорю! — торжествующе воскликнул Элкон. — О н и существуют и пользуются радио! К сожалению, я не могу пока их запеленговать — тут нужна аппаратура, которую в домашних условиях все же не собрать, чересчур сложная и громоздкая, даже при нашем уровне техники. Тут нужны усилия государственной службы...

— Я понял намек, — кивнул Сварог. — Если у вас, любезный мой, будут отнюдь не любительские возможности за спиной, можете выйти на конкретный результат?

— Надо поработать...

— Bravo, — сказал Сварог. — Я бы насторожился, пообещай вы решить проблему одним махом, на счет «раз»... Значит, кое-какое представление о сложностях серьезной и вдумчивой работы у вас уже имеется... А это хорошо. В таком случае, не будем тянуть. Отправляйтесь на соседний этаж, там увидите дверь, украшенную надписью «Королевский Кабинет». За дверью помещается серое и ушастое создание, печально сидящее на столе в окружении доброй полудюжины орденов. Это домовой по имени Карах... а кроме того, барон и заведующий

Кабинетом. Познакомьтесь с ним, попросите подыскать вам подходящую комнату. И, не откладывая, садитесь за работу. Напишите мне подробный меморандум: какой вы видите гипотетическую службу радиоперехвата. Причем, учтите, если технику мы вправе запрашивать любую, с людьми обстоит гораздо сложнее. Наше свежее испеченное учреждение, несмотря на всю его солидность и патронаж императрицы, страдает от жесточайшего кадрового голода... Ну, и о секретности забывать не стоит. В общем, вы поняли, надеюсь... Ступайте.

Элкон встал. И, уже направляясь к двери, обернулся. Совсем другим тоном спросил:

— А можно будет когда-нибудь посмотреть Доран-ан-Тег? И вашу собаку? И...

— И в Хелльстаде побываете, — понятно кивнул Сварог, пряча улыбку, — сейчас перед ним стоял самый обычный мальчишка, робко просивший «потрогать настоящий пистолет». — Будет время... Идите.

Когда дверь закрылась за новым перспективным сотрудником, Сварог повернулся к Маре:

— По-моему, приобретение неплохое.

— Да вроде бы, — кивнула Мара. — Вот только, готова бить-ся об заклад, этот компьютерный гений живую женщину еще в руках не держал. Точно тебе говорю.

— Опять ты...

— Я, между прочим, серьезно, — сказала Мара без улыбки. — Коли уж этот парнишечка будет заниматься серьезными делами в компании серьезных людей, ему нужно срочно повзрослеть во всех смыслах. Зачем нам юнцы, мающиеся неудовлетворенными желаниями? Нам нужны люди опытные, все стороны жизни познавшие.

— Что-то в этом есть... — подумав, кивнул Сварог.

— Ну, это я организую, — деловито сказала Мара. — Есть тут в замке одна деваха из новых горничных, в меру смазливая, в меру легкомысленная. Объясню ей задачу, подкину золотишка — и она в два счета из него хваткого мужика сделает, пискнуть не успеет. Девственники, равно как и девственницы, в нашем многотрудном ремесле категорически противопоказаны, поскольку...

В дверь осторожненько постучали. Сварог крикнул:

— Войдите!

Слуга, не переступая за порог, тихонечко доложил:

— Государь, к вам просится господин департаментский секретарь.

— Давай его сюда, — кивнул Сварог. — Надо полагать, какие-то иностранные новости...

Вошел помянутый секретарь — тот, что покинул родные места после неудачной торговли секретными документами, сравнительно молодой человек с ранними залысынами. Двигался он плавно и неспешно, говорил всегда тихо, редко поднимая глаза, — почти образец опытного дипломата, несуетливого в жестах и словах. Сварог пока что не торопился возводить его в министры — и оттого, что не хотел чрезмерно баловать своих сподвижников с изрядно подпачканной репутацией (министр полиции был исключением, такова уж его многотрудная служба, шеф полиции должен внушать к себе почтение еще и пышным титулом), и по другим причинам, гораздо более пикантным...

Ограничился Сварог тем, что, как и в случае с гвардионцами, позволил своему дипломату именоваться прежним титулом.

— Проходите, господин департаментский секретарь, — сказал он весело. — Что там у нас новенького на ниве международных отношений?

Беглый дипломат держался странно и был на себя не похож — глаза бегали, а руки явственно тряслись. «С похмелья он, что ли? — подумал Сварог. — Вроде бы особо не закладывал...»

Вошедший вдруг пал на колени самым натуральным образом и, глядя на Сварога снизу вверх, с испуганным, отчаянным лицом воззвал:

— Государь, позвольте покаяться!

— Ну, валяйте... — не без интереса сказал Сварог, тут же прикинув про себя: если это белая горячка, нужно, не затягивая, кликнуть лакеев, пусть вяжут...

— Государь, я — шпион... Это все ложь — насчет продажи секретных документов и бегства. Меня к вам послал седьмой коллегий министрства иностранных дел, наша заграничная разведка...

— Тьфу ты, — поскущел Сварог. — Так это мне известно, любезный. Я, правда, не знал в точности, на какую из секретных служб имеете честь трудиться, но что вы мне врете насчет своих мнимых прегрешений, знал с самого начала, когда мы с вами впервые говорили... Умею я такие вещи, знаете ли... Что же мне теперь с вами делать? Обманом вы вкрались в доверие моей королевской милости, змею я, выходит, на груди пригрел, натурального патентованного шпиёна...

Он нисколько не сердился — а на что, собственно? Человек подневольный, ему дали задание, он и пошел. В конце концов, не «Черная благодать» заслала, а обыкновенная сопредельная разведка, дело, как неоднократно подчеркивалось, житейское. И, между прочим, открывает простор для комбинаций.

Мара раздумчиво сказала:

— Вообще-то, на крайней справа виселице, кажется, крюк свободный есть. А если и нет, то сучьев достаточно. Я утречком у реки с дюжину обормотов развесила — так там еще места хватит на сотню таких вот...

По лицу коленопреклоненного шпиона ползли крупные капли пота, его трясло.

— До чего же вы все-таки милое и ласковое создание, графиня, — сказал Сварог. — Душою отдыхаешь, на вас гляючи... Ну почему сразу вешать? Приличный человек, разведчик, не карманник какой-нибудь... К тому же сам пришел с повинной... вот, кстати, любезный! Мне решительно непонятно, что это на вас нашло. Встаньте с коленок, садитесь к столу и рассказывайте. Вешать вас никто не будет, графиня Сантор просто шутит по присущей ей жизнерадостности... В крайнем случае перевербуем, всего и делов. Ну-ну, вставайте и садитесь. Я серьезно. Дипломат у меня один-единственный, не вешать же его по столь пустяковой причине, только потому, что он, изволите ли видеть, шпион...

Секретарь присел к столу, деликатно уютившись на краешке стула. Он немного оправился, но все еще, похоже, ждал подвоха.

— Да не тряситесь вы! — поморщился Сварог. — Я говорю серьезно. Никто вас не вздернет. Только, если уж пошел откровенный разговор, извольте объяснить, что вас, голубь мой, сподвигло покаяться.

— Мне приказало начальство, — признался незадачливый шпион, сидя навытяжку. — Мой непосредственный начальник — граф Раган, заведующий седьмым коллегиямом. Вы с ним когда-то встречались в Равене...

— Как же, помню, — кивнул Сварог. — Неглупый человек и весьма целеустремленный... Продолжайте.

— Сегодня утром я получил письмо... Мне предписывается вам открыться... и сообщить, что граф Раган вас уверяет в искреннем к вам расположении. В случае, если вы когда-либо пожелаете установить с ним... какие-то неофициальные отношения, мне поручено служить посредником.

— Ага, — подумав, кивнул Сварог. — Это он таким образом вас подстраховывает, чтобы я сгоряча вас не вздернул... Ну что же, он о вас определенным образом заботится... Продолжайте.

— Это все, государь, шифровка была короткой... Я выполнил все предписанное...

— Интересно, — сказал Сварог. — Ох, как интересно... Это король ему приказал или граф действует по собственной инициативе?

— Не могу знать, ваше величество! — по-солдатски отчеканил дипломат. — Я — человек маленький, в такие тонкости не посвящен.

«Ох, как интересно, — повторил про себя Сварог. — И совершенно непонятно, как расценить столь дружеский жест. Откровенно протягивают руку на дружбу, а? Что же им все-таки нужно? Раган уже однажды открытым текстом высказал, что им нужно. Там, в Равене. Три Королевства им нужны. У них — избыток населения и недостаток пахотных земель, истощаются рудники, цены растут, да к тому же король у них, мягко говоря, государственным умом не блещет, по достоверным сведениям из надежных источников, ничем, кроме балеринок из Королевского театра, и не интересуется, и, что еще хуже, в фаворитах у него такие же ничтожества, не нашлось своего кардинала Ришелье... Что же они замышляют, а? Отрубите мне голову, но, похоже, наконец-то началась самая что ни на есть высокая политика... Дела...»

— Ну ладно... — сказал он, чтобы не затягивать паузу. — Итак, я вас простил, оставайтесь в прежней должности, будем ждать дальнейшего развития событий. Ваш начальник рассчитал все правильно: вас нельзя вешать хотя бы из чистого любопытства — кто знает, для чего со мной хочет установить... неофициальные отношения граф Раган, человек в королевстве не последний... Ну что же... У вас ко мне только это?

— Нет, государь, — возразил чуточку воспрянувший духом дипломат. — Есть несколько сообщений. По достоверным сведениям, сегодня в Чедире собрались все вольные ярлы Пограничья: князь Рут, князь Инес, ярлы Стенима и Галевина, Баррадина и Канира. По предварительным данным, речь пойдет об одном-единственном вопросе: как им относиться к возникновению вашего государства на месте Готара. В окружении сразу трех ярлов есть люди седьмого коллегиума, так что вскорости мы будем знать точно, о чем шла речь и что они там решали...

— Вот видишь? — повернулся Сварог к Маре. — Крайне полезный человек, хотя и шпион. А тебе сразу вешать...

— Я чисто теоретически рассуждала. В целях воздействия, чтобы меньше запырлялся...

— А он и не запырлялся, — сказал Сварог. — Тут все обстоит гораздо интереснее, кажется, начинается большая политика... Что еще?

— Лоранская королева отправила в Харлан одного из своих особо доверенных дворян. Харлану предлагается союз, направленный против вас, великому герцогу обещают изрядный кусок Трех Королевств. Однако он отказался...

— Ничего удивительного, — жестко усмехнулся Сварог. — В отличие от лоранской королевы, герцог меня однажды видел в очень серьезном деле и прекрасно представляет, на что я способен, ежели меня, простую душу, всерьез рассердить... Еще?

— С утра ко мне явился гланский посол. Ночью приплыл корабль с его земляками. Очень похоже, некая делегация... которая хочет встретиться с вами неофициально. Посол не сказал ничего конкретного... но у меня осталось впечатление, что он настроен крайне серьезно. Обеспокоен и взволнован. Мне думается, вам следует их незамедлительно принять... Мой человек был на пристани. Хотя они и кутались в плащи, он по некоторым деталям легко определил, что в составе делегации самое малое трое глэрдов — это их высший титул, соответствующий князю или герцогу. Такие люди не предпримут столь дальнее странствие по пустякам... С ними монах из какого-то Братства.

— Что еще?

— Это все...

— Ну что же... — сказал Сварог. — Отправляйтесь к послу и скажите, что я готов их принять. Совершенно неофициально. Мне это только на руку, поскольку при нашем кадровом голоде у нас до сих пор не набралось достаточно опытного народа, чтобы устроить официальный королевский прием, черт знает как смотримся на фоне сопредельных держав... Разумеется, мои ближайшие соратники тоже будут присутствовать. Ну, живенько! Одна нога здесь, другая там!

Едва помилованный двурушник вылетел за дверь, Сварог повернулся к Маре:

— Быстренько приведи себя в подобающий вид. Мундир и все ордена.

Мара злопамятно сощурилась:

— А как насчет чуточку комического сочетания всей этой мишуры и полудетского личика?

— Тут другой случай, — терпеливо сказал Сварог. — У них в Глане порядки старинные, молодежь раненько взрослой ста-

новится. Я читал кое-что... И м ты чрезмерно юной не покажешься.

— Ага. Особенно если покажу кое-что с мечом...

— Я тебя умоляю! — поморщился Сварог. — Не вздумай что-то такое выкидывать. Я-то к тебе уже привык, а вот сторонние люди... Нам пора становиться респектабельными — особенно теперь, когда вокруг нас заваривается самая натуральная большая политика...

— Я все понимаю, ваше величество, — сказала Мара смиренно. — Изю всех сил постараюсь соответствовать...

ЛЮДИ В ЮБКАХ, НО НЕ ЖЕНЩИНЫ

Среди множества загадок, которые обожают загадывать друг другу таларские детишки, есть одна, рассчитанная на все уж сопливых карапузов: «Люди в юбках, но не женщины — это кто?» Самые маленькие еще теряются, зато ребяенок постарше ответит браво, не задумываясь: «Тоже мне! Гланцы, конечно!»

Так уж исторически сложилось, что гланцы вместо штанов носят юбки, пусть и не вполне похожие на женские. Обычай этот идет с незапамятных времен, по слухам и туманным легендам, существовал еще до Шторма. Сварогу и прежде доводилось встречаться с гланскими гвардейцами, так что он ничуть не удивился, когда к нему в полукруглый зал чинно вошли вереницей семеро крайне живописных субъектов: в ослепительно белых рубашках, прошитых золотой нитью, жилетах из медвежьей шкуры мехом наружу, ярких беретях с пышными перьями, кожаных сапогах, с мечами и кинжалами на широких поясах — и при всем при том в коротких, выше колен, шерстяных юбках, красных, синих и черных, в разноцветную клетку. На шее у каждого красовалась массивная золотая цепь с овальным медальоном, украшенным изображением оскалившейся медвежьей головы, — действительно, глэрды, как на подбор — высшее дворянство. За ними показался широкоплечий мрачный монах в коричневой рясе. На поясе у него кроме длинного скрамасака в железных ножнах висели символы Братства святого Роха, прекрасно Сварогу знакомые: серебряный клевер-

трилистник, бронзовая фигурка коня и вырезанный из дерева сжатый кулак. Судя по тому, что именно он оказался в составе делегации вместе с семью глэрдами, это был не простой боевой монах, а кто-то из немаленького начальства.

Сварог, как и полагалось, церемонно выслушал имена:

— Глэрд Даглас, глэрд Баглю, глэрд Маки... смиренный брат Фергас...

Появившийся последним гланский посол, хотя и был лицом донельзя официальным, хотя и носил на шее золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха (что свидетельствовало о его титуле глэва, аналогичном маркизу, барону или графу), вел себя тише воды, ниже травы, словно юный кадет в компании усыпанных боевыми орденами полковников. Он уселся на самое дальнее от Сварога и самое близкое к двери кресло с таким видом, словно был допущен сюда из милости и боялся при малейшей оплошности быть вышвырнутым за дверь.

Меж тем Сварог при прежних встречах успел убедиться, что человек это самолюбивый и гордый. Такое его поведение могло свидетельствовать об одном: члены делегации были настолько уважаемы и влиятельны в Глане, что гордецу-дипломату поневоле пришлось стушеваться и обернуться образцом скромности...

Живописные усачи средних лет и почтенные седовласые старцы степенно рассаживались, одергивая юбки совершенно другими, не женскими движениями. Сварог вспомнил, что цвет и клетки на юбках означают принадлежность к тому или иному клану. И всерьез задумался: а не есть ли это каким-то чудом отразившийся в параллельном мире, словно в зеркале, призрак Шотландии? Очень уж похожи иные детали...

— Рад вас приветствовать, господа мои, — сказал он вежливо, без лишней чопорности, неуместной на таком вот неофициальном приеме. — Надеюсь, плавание было безопасным и приятным... Позвольте представить моих министров: графиня Сантор и барон Карах. Тайн от них у меня нет...

Он с любопытством следил за реакцией визитеров. И остался чуточку разочарован: они без малейших эмоций смотрели на рыжую девчонку в раззолоченном мундире и примостившегося на широком подлокотнике Сварогова кресла серенького домового, ради такого случая надевшего через плечо черную с белым ленту гланского ордена Пещерного Медведя (будем надеяться, гланских сановников такое зрелище не оскорбит...).

Правда, самый старший из них, тот, что звался глэрд Даглас, мимолетно улыбнулся:

— Ваше величество, когда мы посылали орденские знаки вашим министрам, мы и не предполагали, что один из них — не человек.

— Надеюсь, это не вызовет никаких... недоразумений?

— О, что вы, государь... Существа таковые нам давно и прекрасно известны, доказали свой ум и полезность... хотя я никогда не подумал бы, что одному из них удастся дослужиться до столь высоких постов и заслужить титулы... Надо полагать, по заслугам, — поторопился он добавить. И добавил, обращаясь к Караху:

— Ваши... соплеменники, барон, без сомнения, услышав об этом, будут горды...

Покосившись на Караха, Сварог заметил, что домовый прямо-таки заерзал от любопытства — он давненько уже пытался узнать, где же все-таки на Таларе обитают его ушедшие из Ямурлака собратья. Но новоявленный барон и министр был достаточно дисциплинирован, чтобы встреть, прежде чем закончится протокольная часть...

— Быть может, вина, господа мои? — предложил Сварог по долгу хозяина.

— С вашего позволения, государь, мы пока что откажемся, — ответил за всех Даглас. — Нам хотелось бы перейти прямо к делу, если вы не имеете ничего против...

— Не имею, — кивнул Сварог.

«А они напряжены, — отметил он спокойно. — Сидят как на иголках. Особенно парочка самых молодых, да и старики, как ни владеют собой, волнуются...»

— Перед вами, государь, — выборные, отряженные для высокой миссии на Совете кланов, — сказал Даглас. — Можно смело говорить, что нам даны все необходимые полномочия, и мы вправе делать самые ответственные заявления... Если желаете, мы можем предъявить составленный по всем правилам и удостоверенный личными печатями глав кланов документ...

Он сделал движение рукой, словно собирался открыть висевший на поясе кошель из черной козлиной шкуры.

Сварог предупредил его попытку, решительно протянув руку, — он вспомнил, что усомниться в честном слове дворянина повсеместно означает нанести тому смертельное оскорбление, а уж что касается патриархально помещанных на чести гланцев...

— Не трудитесь, глэрд. Мне достаточно вашего слова.

— Я польщен, государь, что вы так говорите, — величественно кивнул старик. — Я буду краток. Мы, выбранные главами кланов, явились сюда, чтобы предложить вам корону королевства Глан — со всеми правами и обязанностями, вытекающими из владения таковою...

Что немного странно и немного смешно, но Сварог не ощутил ни особого волнения, ни особого удивления. Сам поразился такой бесчувственности — как-никак момент был историческим, что ни говори.

И тем не менее... В душе ничто не колыхнулось. А немногие мысли, приходившие на ум, были, вот стыдобушка, напрочь лишены эмоций, лирики и романтики. Вполне деловито, холодно он калькулировал в уме: «Короли там никогда не были самодержцами, вечно приходилось править с оглядкой на старые традиции и „мнение кланов“, а уж мятежей и возмущений на каждый век писаной истории приходилось столько, что иному государству хватило бы на тысячелетие... С другой стороны — это как-никак с т р а н а. Несколько полков полного состава, множество вооруженного народа, сызмальства приученного владеть оружием. При нужде из них можно составить ополчение, не уступающее иным регулярным полкам соседей. Несколько военных кораблей морского плавания, крепости, университет, серебряные прииски... По сравнению с нынешней своей „державой“ — сущий клад...»

Неужели эти мысли означали, что он помаленьку становится н а с т о я щ и м монархом, выше всего ставящим пресловутые — а почему, собственно, пресловутые? — государственные интересы? С гланцами можно всерьез прищемить хвост этой наглой молодой красотке, лоранской королеве, можно отправить в Три Королевства тысяч двадцать народу...

— Я понимаю, государь, что наша страна — не самое ценное приобретение, — продолжал Даглас. — Земли скудны, враг силен, жители вольнолюбивы и строптивы... И тем не менее мы решили обратиться именно к вам. Король после несчастного случая на охоте не проживет долго, он еще цепляется за жизнь, но лекари не дают ни малейшей надежды. Мы больше всего боимся, что после его кончины начнется, как уже не раз случалось, война кланов. Нет достаточно авторитетного и сильного претендента, сумевшего бы устроить всех. А вот вы нам представляетесь именно такой кандидатурой... Вы, наверное, сами не отдаете себе в том отчета, но вы извест-

ны на континенте больше, чем вам думается. После вашего похода в Три Королевства, после завоевания вами Хелльстада вы стали чересчур заметной фигурой... И уж во всяком случае тем, против кого остерегутся бунтовать иные наши мятежные вельможи. Мы хорошо и долго изучали настроения людей, собирали мнения, прислушивались к разговорам... да что там, откровенно признаюсь, разослали множество тайных агентов, и после их подробных донесений я могу говорить со всей уверенностью — вы будете сидеть на троне к р е п к о. Мы, со своей стороны, приложим все силы, чтобы стать вам надежной опорой.

— Простите, глэрд, а вы хорошо обдумали мою кандидатуру? — спросил Сварог. — Признаюсь сразу: характер у меня не из легких, я ни за что не соглашусь с ролью чисто декоративной фигуры. — Глядя в глаза седоусому старику, он продолжал внятно и жестко: — Может оказаться так, что я потребую беспрекословного повиновения и найду способы его добиться...

— Мы к этому готовы, государь.

— Ваше величество... — заговорил вдруг монах, и судя по тому, как раскрывший было рот Даглас так и не произнес ни слова, Сварог понял, что человек в коричневой рясе здесь равный среди равных, если не более. — Со своей стороны, могу вам гарантировать полную и безоговорочную поддержку Братства. Каковое, как многим прекрасно известно (казалось, он обращает эти слова не к Сварогу, а к семерке глэрдов), распространяет свою деятельность на весь континент, и по зову братьев из одной страны на помощь всегда готовы прийти остальные. Я не хвастаю, государь, я говорю о реальном положении дел — Братство не знает границ... Вам доводилось уже встречаться с нашими братьями — и они о вас очень высокого мнения. Не считите за дерзость, но мы, как могли и как умели, постарались вас изучить. Вы уже показали себя как борец с известным Злом. И я вас прошу вновь вступить в борьбу. На нас движется Горрот. Многое из того, что было против нас пущено в ход, относится к т о м у, кого вы ненавидите не менее нашего. При взятии горротцами крепости Корромир...

— Возможно, вас это удивит, но я знаком с этой историей, — мягко прервал Сварог. — Мне пришлось даже наблюдать...

— Тем лучше, ваше величество. В таком случае вы даже лучше представляете себе угрозу, чем мне казалось поначалу... У нас нет доказательств, позволивших бы апеллировать к императорскому трону. Однако от этого ситуация не стала менее грозной. Против нас выступила Тьма. И вы кажетесь нам един-

ственным, кто способен ее остановить. Если вы готовы взвалить на себя эту ношу...

— Согласен, — сказал Сварог.

И услышал единодушный вздох облегчения. «Мало мне было своих забот? — подумал он с усталой обреченностью. — А впрочем, как знать, вдруг да выгода и окажется взаимной...»

— Мы немедленно свяжемся с Советом, — сказал Даглас, изо всех сил стараясь не улыбаться во весь рот. — Кстати... Известно ли вам, государь, что ваши далекие предки обитали в Глане еще до Шторма? Значительно ранее Шторма?

— Я слышал краем уха, — кивнул Сварог.

— Сохранились даже остатки одного из ваших замков — конечно, за семь тысяч лет от него осталось совсем немного... Ваши предки тогда звались не Гэйры, а Гайры.

— А что случилось с королем? — спросил Сварог.

— Лошадь понесла и ударила его головой о сук.

— Печально, — сказал Сварог из чистой вежливости, чтобы только не молчать.

— Это еще не самое печальное, государь, — сказал монах. — Печальнее всего то, что за полтора года с королевской фамилией произошло череда столь же трагических и на первый взгляд вызванных совершенно естественными причинами умертвий. Сначала вдовствующая королева-мать, женщина вполне крепкая, почувствовала головокружение на крутой лестнице, упала и сломала шею. Потом младший брат короля утонул всего в полулиге от берега — лодка отчего-то перевернулась при ясной погоде и полном отсутствии волнения на море. Юноша был отличным пловцом, но тут отчего-то оплошал, и волны выбросили на берег труп без признаков насильственной смерти, а двух моряков так и не нашли. Через месяц смирные лошади, запряженные в карету дяди короля, отчего-то понесли, бросились с обрыва, прежде чем кто-нибудь успел выпрыгнуть, и все, кто сидел в карете, погибли. В деревянном летнем дворце, где остановилась супруга короля, внезапно полыхнул странный пожар, никто даже не успел выскочить, в том числе, понятно, и ее величество. (Сварог тут же наострил уши, но благоразумно промолчал.) Дочь короля, уже совершеннолетняя по нашим меркам девица, была зарублена средь бела дня в королевском замке внезапно спятившим стражником. Малолетний сын короля умер в результате опять-таки несчастного случая — в его комнате обвалились рыцарские доспехи аккурат в тот момент, когда мальчик стоял рядом и разглядывал их. Теперь несчастье с самим королем... За полтора года некая сила покончила со

всеми законными претендентами на престол. Возможно, мы вам покажемся излишне подозрительными, но никто из нас не верит в роковую цепь случайностей... хотя прямых доказательств обратного у нас тоже нет. Мы просто знаем, к о м у выгодна эта чередка смертей...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Зачислите-ка и меня в ряды излишне подозрительных, право же, ничего не имею против... Быть может, настало время для вина, господа?

— Пожалуй, — кивнул Даглас.

ХОЛМЫ ПОД НЕБОМ

Высокий каурый жеребец Мары поравнялся с ним, и боевая подруга шепотом поинтересовалась:

— Интересно, каково оно — в юбке ходить?

Не поворачивая головы, с истинно королевским величием Сварог ответил:

— Надо вам сказать, гланфортесса, что юбкой эту деталь одежды именуют люди несведущие. На деле же никакая это не юбка, а мужской тартан.

— Ну, а все-таки?

— В этом есть свои выгоды, — сказал Сварог как ни в чем не бывало. — Одеваться проще. Когда случается боевая тревога, в штаны порою и не запрыгнешь спросонья в три-то секунды... Очень, понимаешь ли, рационально.

— Ну да, я так и подумала, — кивнула она с непроницаемым лицом, встряхнула рыжей гривой, перетянутой дворянской повязкой с золотыми цветами чертополоха, присвистнула, подняла коня в галоп и помчалась по луговине, описывая широкую дугу.

Сварог же ехал чинно, как и полагалось королю, — выпрямившись в седле, крепко держа широкие черные поводья, вышитые тем же чертополохом и золотыми медвежьими головами. За его правым плечом знаменосец торжественно вез старинный королевский штандарт — окованный золотом огромный череп пещерного медведя на длинном шесте, позванивавший замысловатыми висюльками. Вокруг, охватив

широким, надежным кольцом, скакали с каменными лицами молодые дворяне из Медвежьей Сотни — королевской лейб-гвардии, народ отчаянный, сплошь безземельные и безденежные младшие сыновья. С кем с кем, а уж с ними Мара моментально нашла общий язык, поскольку в Глане с его бедноватой патриархальностью амазонки были отнюдь не редкостью, даже в Медвежьей Сотне их насчитывалось десятка полтора. Вот Элкону пришлось потруднее — ездить верхом он почти не умел, как и владеть мечом, а тех, перед кем он мог бы похвастать виртуозностью в обращении с компьютером, в стране попросту не имелось (впрочем, как и в прочих державах континента). Отношение к книжникам в Глане было, конечно, уважительным, но и с долей легкого пренебрежения — по старинке тут жили, по прадедовским традициям, согласно коим выживание зависело в первую очередь от оружия, а уж в последней степени — от покрытых типографскими значками или чернильными строками листов бумаги. Признаться, в этом была своя сермяжная правда: маловато в этой бедной стране возможностей для серьезного книжника, не развернешься...

Впрочем, судя по виду, парнишка не комплексовал. Сварог уже дознался тишком о причинах столь горделивого вида — та самая беспутная горняшка, подученная Марой, сумела-таки быстренько внушить юному вундеркинду, что он и в других отношениях весьма неплох. Так что на лице Сварогова «министра науки» откровенно играла удовлетворенная мужская гордость. Ну и ладненько, Мара права, от сотрудищков с комплексами толку не добьешься...

Сам Сварог втихомолку отдыхал душой. В отличие от Готара, где буквально все пришлось строить на голом месте, здесь от него и не требовали впрягаться в работу подобно могучему ломуловому жеребцу ялмарской породы. За неделю, предшествовавшую сегодняшней коронации, так и не нашлось, собственно, серьезных дел, достойных приложения королевской десницы. Разумеется, он изучил и подмахнул множество бумаг, но это была рутина, связанная со сменой монарха, и не более того. Длилась она всего-то день-два, а потом наступило затишье.

Страна жила и работала, как нехитрый, но надежный механизм. Как успел понять Сварог, авторитетный король здесь исполнял главным образом роль пожарной команды, в чьих услугах решительно не нуждаются, пока нигде не запылывает и стоит тишь, гладь да божья благодать. И это его на данном этапе полностью устраивало — он не ощущал в себе б е с ц е л ь н о

го реформаторского зуда, желания крушить и перестраивать ради самого процесса. Свою идею о переселении части гланцев в Три Королевства он, понятно, не оставил, но план этого нештучного мероприятия взялся уже разрабатывать по его приказу глэрд Таварош, толковый, по отзывам, министр, при здешней управленческой незамысловатости свободно управлявшийся и с финансами, и с мореплаванием, и с земледелием, да много с чем еще. А самому Сварогу, судя по деликатным, но достаточно твердым намекам, предстояло вскоре сосредоточиться на более приличествующем гланскому королю занятии: как следует намять холку горротцам, захватившим кроме крепости Корромир еще и все Заречье.

К этой идее он отнесся с превеликой охотой и по вдумчивом размышлении собирался применить против Стахора Горротского его же оружие: средства войны, мягко скажем, нетривиальные, зато впрямую не нарушавшие правил. Коли уж Стахору было угодно развлекаться с живыми зажигательными бомбами в облике обычных дворняг, пусть не плачется, если сам столкнется с неприятными сюрпризами... Проще говоря, Сварог намеревался приволочь из Хелльстада парочку глорхов, исполинских змеюк с некоторыми зачатками интеллекта, и, не мудрствуя лукаво, запустить их в Заречье с приказом особо не церемониться с попавшимися на пути горротцами.

Даже если Стахор после такой диверсии начнет жаловаться и забрасывать императрицу челобитными (хотя, по слухам, горротский король до таких пошлостей опускаться не любит), все обойдется. К нечистой силе глорхи не относятся, это не более чем исполинские змеюки, пусть и обладающие кое-какими с т р а н н о в а т ы м и способностями. Элкон, по просьбе Сварога как следует покопавшийся в земных законах, вскоре прибежал с торжествующим видом и заявил: согласно таким-то и таким-то параграфам известных уложений, глорхов вполне можно провести по бумагам как «боевых животных, выдрессированных соответствующим образом и относящихся к истари обитающим на Таларе либо Сильване видам». Свароговы змеюки этим требованиям отвечали как нельзя лучше: во-первых, несомненные животные, не люди и не демоны, а во-вторых, обитают уж настолько истари... Так что Стахора ждали неприятные сюрпризы. Планами своими Сварог пока поделился лишь с привезенной им сюда троицей верных сподвижников, но гланцам эта затея, надо полагать, придется по вкусу... И поделом Стахору, сам виноват, нечего баловаться с сомнительными изобретениями непонятного пока происхождения...

Ехавший впереди глэрд Даглас свернул с тракта на узкую тропу. Кавалькада повернула следом, и они еще с полчаса ехали среди невысоких, поросших лесом холмов, пока не оказались перед продолговатым бугром, увенчивавшимся грудой обомшелых камней. Кое-где они были разворочены, очищены от мха, в двух местах выкопаны неглубокие ямы.

Медвежья Сотня рассыпалась, надежно оцепив окрестности. Сам Сварог к неустанному его бережению, порой переходившему все границы бдительности, относился чуть насмешливо, но вот его сановники настаивали именно на таких неусыпных предосторожностях, открытым текстом напоминая о трагедии королевской фамилии, за полтора года странным образом пресекавшейся начисто.

Сварог подчинился — и не стал им говорить, что сам он пока что не ощущал, как ни старался порой, присутствия какой бы то ни было черной магии в опасной близости. Он хорошо знал, что ему на это ответили бы Даглас, Таварош или ведавший здешними спецслужбами Баглю: что во всех прошлых не-взгодах, постигших всю без исключения венценосную семью, знающие люди тоже не усмотрели ни малейших проявлений черной магии.

Неплохо было бы вытащить сюда старуху Грельфи, но она сейчас разбирается со взятыми живьем шпионами «Черной благодати», и что-то там у нее затянулось...

Даглас вытянул руку в черной замшевой перчатке:

— Извольте полюбопытствовать, мой король. Это и есть замок Гайров, стоявший здесь более семи тысяч лет назад. Вон там, у остатков главной башни, мои люди раскопали плиту с высеченным гербом...

Бросив поводья подскочившему телохранителю, Сварог спрыгнул на землю, одернул черный в желто-красную клетку тартан и вразвалочку зашагал к груде камней. Оказалось, что под юбку здесь надевали добротные суконные портки длиной чуть ли не до колен, так что с верховой ездой никаких хлопот не возникало. А привыкнуть к тартану оказалось нетрудно: что поделать, король обязан чтить традиции...

Он стоял, опираясь на древко Доран-ан-Теге, задумчиво глядя на бесформенную кучу почти сросшихся с землей камней и добросовестно пытался пробудить в душе хоть какие-то чувства. Ничего не получалось. На расчищенной шербоатой плите и в самом деле легко узнавался герб Гэйров — скачущий конь и меч, высеченные глубоко, неуклюже. Он понимал, что все так и есть, что здесь когда-то обитали его отдаленнейшие предки,

— не специально же для него соорудили древние развалины, здешние глэрды отнюдь не ангелы, но все же не стали бы опускаться до такого...

И все равно ничто не ворохнулось в душе. Слишком много времени прошло. Семь тысяч лет — срок, не вполне и вмещающийся в сознание. Сохранись какие-нибудь портреты, изображения, документы, было бы проще п р о н и к н у т ь с я, а так... Продолговатая груда заросших черно-зеленым мхом камней, уже ничем почти и не напоминавших рыцарский замок, справа проглядывает нечто похожее на примитивную лестницу, в ямах виднеются бурые черепки, впору повторить вслед за святым Рохом, на склоне лет написавшим «Размышления о движении и покое»: «Все, чего ни коснись, хоть ненадолго, да пребывает в покое однажды, и только Время движется неустанно, увлекая за собой даже то, что считается олицетворением покоя...»

Не было ни Времени, ни Вечности — только груда замшелых камней, переживших и долгие тысячелетия покоя, и Шторм, их полную противоположность.

Неизвестно отчего хмураясь, он вернулся к поджидавшим его в отдалении спутникам, взял поводья у телохранителя и рывком взмыл в седло. Медвежья Сотня торопливо сомкнула кольцо, а перед глазами у Сварога на миг вновь встала непонятная и тягостная картина, навещавшая и прежде: странный зал в черно-красных тонах, высокие окна и плоские золотые чаши на столе, и полное одиночество, и смертельная тоска...

Отгоняя это неведомо почему привязавшееся видение, он тряхнул головой и подхлестнул горячего коня. Свита галопом понеслась вслед, гремя оружием и звеня трензелями.

...Еще часа через полтора они подъехали к гребню холма, перевалили через него и стали спускаться в долину, напоминавшую огромный амфитеатр, разве что без скамеек. Она была весьма обширной, не менее трех лиг в диаметре, почти посередине зеленели три округлых высоких холма. И повсюду по склонам, куда ни глянь, стояли люди, пешие и конные, в молчании и строгом порядке, в праздничных одеждах. Их было, пожалуй что, несколько тысяч. Со всей страны собрались — главы кланов и простые дворяне, землепашцы, мастеровые и моряки, книжники и инженеры. Отдельной пестрой кучкой стояли иностранные послы — Сварог их сразу высмотрел, во-первых, по церемониальным выпелам соответствующих держав, во-вторых, по штанам. Прах побери эти вековые традиции... Но ничего не поделаешь. Коронация есть коронация.

Подъехавший стремя в стремя Даглас сочувственно шепнул:
— Старинные обычаи, мой король, увы...

И, спешившись, сам принял у него поводья. Обреченно вздохнув, Сварог положил топор на траву и, перехватив насмешливый взгляд Мары, преспокойно отвернулся. И направился в гордом одиночестве на вершину самого высокого холма — по неширокой тропинке, окружавшей его спиралью.

На вершине дул легонький ветерок, всадники и пешие казались крохотными, как шахматные фигурки. Навстречу Сварогу, оживившись, двинулись три древних старухи — в простых черных платьях с вышитыми на груди медвежьими головами, седые космы перехвачены широкими повязками из серебряной нити. Морщинистые лица вроде бы светились искренним доброжелательством, но дряхлость их навевала неприкрытую тоску, напоминая о неумолимо текущем времени, не знающем остановок и покоя. Смертельно не хотелось когда-нибудь и самому стать таким же, подпираться корявой клюкой и шамкать беззубо. Как бы исхитриться и помереть в относительно расцвете лет, в каком-нибудь жарком бою, в бездумной сече?

— С прибытием, мой светлый король, — проговорила передняя старуха и поклонилась ему не так уж низко. Должно быть, дело тут было не в отсутствии должной почтительности, а в чисто физических возможностях. Пожалуй что, поклонится земно — так и не разогнется потом, церемонию испортит...

— Приветствую вас, хранительницы земли, — гладко ответствовал Сварог, как учили.

Поначалу, узнав о процедуре здешней коронации, он насторожился — не влипнуть бы ненароком в какой-нибудь языческий ритуал, от которого потом не отмоешься, но мрачный брат Фергас его опасения развеял в два счета, пояснив, что речь идет всего-навсего о возникшем в полузабытые времена безобидном обычае, не имевшем ничего общего с поклонением поганым идолищам. Новоиспеченный король припадает к Матушке-Земле, всего-то и дел, ни кровавых жертв, ни молений черт знает каким силам...

Старуха, казавшаяся высохшей и бесплотной, как большая бабочка из гербария, приступила к делу незамедлительно:

— Раздевайся, твое величество. Люди ждут.

— Совсем? — поежился Сварог.

— А ты как думал? Ты не топчись, не топчись, нас ничем таким уже не удивишь ни в каких смыслах, повидали на своем веку и не такие диковины... Да какие это диковины, если прикинуть...

Вздохнув, Сварог принялся снимать с шеи в первую очередь тяжелые орденские цепи. Среди высших регалий сопредельных держав уже не было гланского ордена Чертополоха, который пришлось снять сразу, едва он согласился занять здешний престол. Так уж было на Таларе заведено — ни один земной король (да и императрица тоже) никогда не носит орденов собственного государства, поскольку он и так распоряжается всеми наградами, как полновластный хозяин, достаивает и лишает. По размышлении Сварог признал в этом не только определенную логику, но и сермяжную правду...

— Ты одежонку-то на землю клади, клади, — не отставала старуха. — Вешалок тут нету. Трава чистая, не украдет никто, кому тут красть, сам подумай...

Косясь на далеких зрителей, Сварог стягивал последнее. Ну, в конце концов, подозрных труб ни у кого из зрителей нет, тут вам не театр с балеринами, так что придется перетерпеть, в конце концов, это не стриптиз, а ответственнейшая церемония, где никому не придет в голову скалить зубы, за исключением Мары, но ее отсюда и не рассмотреть вовсе...

Оставшись голым, как Адам до грехопадения — лишь с нагательным крестиком на шее, единственным предметом, оставшимся от его прошлой жизни, Сварог зябко поежился. Ветерок был не столь уж и пронзительным, но голому человеку и под таким неуютно.

— А это у тебя что? — узрела старуха, тыча сухим пальцем в крестик.

— А этого ты, бабушка, не трожь, — сказал Сварог решительно. — Не твоего ума дело.

— Ох уж, так и не моего... Один ты умный и хочешь правильно жить... Ладно, ложись уж, твое величество... — проговорила старуха и подтолкнула его в спину легоньким кулачком.

Его уже проинструктировали заранее, как именно следует ложиться, — и Сварог опустил в траву лицом вниз, раскинув руки, приник лицом к земле. Мягкая трава щеки не щекотала, пахла дикой свежестью. Где-то рядом, чуть ли не над самым ухом, послышался отчаянный скрежет кремня по кресалу, потом потянуло дымком. Ну вот, теперь отлежаться, пока не догорит запаленная главной старухой лучина (в старину, когда часов еще не было, именно так время и отмеряли), и можно спускаться с холма, чтобы получить, наконец, корону и стать стопроцентным королем...

В следующий миг с ним произошло что-то непонятное, неотвратимо могучее...

Словно мощный порыв ветра пронизал насквозь ставшее бесплотным, как туман, тело, ворвался в мозг, промчался меж ребрами и вырвался из спины навстречу небу, но этот ураган был не холодным, а приятно теплым, всепроникающим, растворившим на миг в чем-то, чему названия не было изначально...

Сварог то ли растворился в чем-то необозримом, то ли оказался переполнен целой Вселенной, стянувшейся в то место, что занимал в пространстве он сам. Перед глазами, в голове с нереальной быстротой мелькали картины и образы. Несмотря на молниеносность их мельтешения, несмотря на то, что они ни разу не повторились, он каким-то чудом ухитрялся их различать, видеть четко — и поросший высокой травой берег тихой реки, и сухую, потрескавшуюся землю, забывшую о дожде, и скачущих по полю коней, и яростно рычавшего у скалы пещерного медведя... Мириады пейзажей щедрой и бесплодной земли, мириады животных и птиц — проходили с к в о з ь его сознание, он был везде и нигде, по всей планете сразу, летел под облаками и полз среди высоких кустов... А потом через сознание рванулись потоком вовсе уж непонятные образы: то kloкочущий огонь, то тьма в прожилках непонятного свечения, над головой повисла невероятная тяжесть камня — а в следующий миг он стал бездонной водой, видения и образы стали мешать друг другу, сливаясь в неостановимое падение неведомо куда, к необозримым, но отчего-то вовсе не пугавшим глубинам...

Когда он пришел в себя и слабо заворочался, почувствовал все тот же д и к и й аромат мятой травы, льющуюся на лицо воду. Жалобно охнул, пытаясь понять, на каком он свете и е с ь ли он вообще. Руки-ноги шевелились по его хотению, всем телом ощущалась твердость земли, а уж когда над головой раздалась затейливая матерная тирада, абсолютно несовместимая с высокой торжественностью момента, он и вовсе почувствовал себя прежним, обитателем нашей грешной земли.

Разлепив глаза и присмотревшись, он убедился, что ругается главная старуха, стоявшая над ним на коленях, — вычурно, громко и самозабвенно, на зависть пьяным драгунам и пиратским боцманам. Вторая осторожненько лила ему на лицо холодную воду из выдолбленной сухой тыковки, а третья просто стояла, разинув рот так, что любой внимательный наблюдатель мог бы убедиться, что у нее осталось всего четыре зуба, да к тому же половина из них — одно название. Лица у всех были настолько ошарашенными, что Сварог, несмотря на страшную

слабость во всем теле и полную пустоту в голове, все же сообразил: что-то пошло наперекосяк, в совершенно неожиданном для них направлении...

Выпустив последнюю матерную руладу, старуха чуть отодвинулась от него, глядя, пожалуй что, со страхом:

— Светлый король, простите дуру старую, что с вами говорила неподобающе, как с простым каким венценосцем... Вы что стоите, безмозглые? Одежду его величеству, живенько, что он, своими руками должен все с земли поднимать? Я кому!!!

Две ее товарки со всей скоростью, на которую были способны, кинулись за одеждой. Сварог пошевелился, поняв, что чувствует себя вовсе не так скверно, как только что казалось, осторожно встал на колени, а там, приободрившись, и выпрямился во весь рост. Из долины доносился рев волюнок — здешняя церемониальная музыка особо торжественных случаев, для человека непривычного сравнимая с добрым ударом по морде. Главная старуха с небывалым проворством кувыркнулась ему в ноги. Сварог растерянно наклонился над ней:

— К чему такие церемонии?

— И не уговаривайте, светлый король, не встану... — отозвалась старуха в почтительном испуге.

Первая заповедь истинного короля — ничему не удивляться и всегда настоять на своем... Сварог, подпустив металла в голос, отчеканил:

— Приказываю встать! Что за глупости...

Старуха поднялась, помогая себе корявой палкой. Две других уже стояли рядышком, держа на вытянутых руках одежду и регалии. Руки у них явственно тряслись.

— В чем дело? — спросил Сварог. — Вроде шло, как обычно...

— Вот то-то, светлый король, что совсем даже необычно... — промолвила старуха, все еще испуганно моргая. — Тут на моей памяти побывало восемь королей, но не припомню я ничего похожего, да и прошлые хранительницы никогда ни о чем подобном не заикались. С тех самых пор, как стоит королевство, случая не было, чтобы король с Матушкой-Землей о б н я л с я по-настоящему... Обычай и обычай... Полежал себе, пока лучина горит, и пошел корону на башку напяливать... А с вами вон как обернулось... По-настоящему. Мать-Земля к вам так п р и н и к л а, что даже я почуяла, мышь ничтожная, пыль под ветром... Такое, болтают, случалось только в старые времена, до Шторма, когда и люди были другими, и не отвернулась от них Мать-Земля... Ох, и непростой вы человек, ваше светлое величество...

Она вновь попыталась бухнуться на колени, Сварог едва ее удержал, — и принялся торопливо одеваться, чувствуя себя почему-то неловко, словно тем, что оказался не та к и м, испортил привычную церемонию. Пожал плечами:

— И что теперь? Что все это должно означать?

— Не знаю, светлый король, — покаянно откликнулась старуха. — Уж простите дуру темную, но не знаю я, да и никто, наверное, не знает, забыли начисто... Кто ж знал, что однажды все выйдет по-настоящему, что Мать-Земля всерьез о т з о в е т с я... Ох, большие дела вам на роду написаны, коли Матушка изволила отличить от прочих и выказать благоволение... Извольте с холма спуститься, корону принять...

Поправив тяжелые золотые цепи, Сварог стал спускаться прежней дорогой, опять-таки не чувствуя ничего, кроме смущения, неловкости и даже, пожалуй, откровенной тоски, — вновь столкнулся с чем-то непонятным, однако имевшим к нему самое прямое отношение. Мало было сложностей, тайн и сюрпризов...

Поджидавший его Даглас, стоявший впереди шеренги молчаливых глэрдов, шагнул навстречу, обеими руками протягивая корону с зубцами в виде цветков чертополоха и трилистников клевера. Подхватив ее, Сварог возложил золотой обруч себе на голову так, чтобы огромный желтый алмаз Индари, как и положено, оказался над переносицей (это было не труднее, чем надевать фуражку, помогли армейские рефлексy). Старуха тем временем самозабвенно шептала что-то Дагласу на ухо. И седоусый глэрд вдруг осунулся лицом, отступил на шаг, растерянно пробормотав:

— Мой король... Да что же это... В с е р ь е з?

На его лице читался благоговейный страх и нешуточное почтение. И Сварог, вновь мысливший насквозь циничными категориями уже приобретшего кое-какой опыт государственного мужа, подумал: а ведь управляться с ними теперь будет гораздо легче, вон как подобрались, чуть ли не по стойке «смирно». Что бы это ни было там, наверху, но авторитета ему оно прибавило вмиг и несказанно.

Приветственные крики из тысяч глоток раздались со всех сторон, так что Сварогу захотелось зажать уши. Однако он все же расслышал, как Даглас негромко распорядился, поманив юного телохранителя:

— Так и объявите народу: что э т о случилось всерьез...

Оказавшаяся рядом Мара спросила со всей юной непосредственностью:

— Что там такое стряслось, что они все забежали?

Сварог тихонько ответил:

— Сам не пойму, но подозреваю, что-то эпохальное.

— Вечно ты во что-нибудь да ввяжешься, — хмыкнула боевая подруга. — Стыдно с тобой на люди выйти...

Сварог с несказанным удовольствием отвесил ей легонький подзатыльник и, не поворачивая головы, спросил:

— Ты-то что-нибудь понял?

— Подумать надо, — отозвался сидевший на старом месте, в капюшоне плаща, Карах. — Тут сразу и не разберешься...

Глава 9

КОРОЛЬ, ЦЕНИТЕЛЬ ИСКУССТВ

— **С** незапамятных времен считается, что планета живая, — говорил Карах, удобно устроившись на столе напротив Сварога. — Только не так, как люди, мы и животные, иначе как-то. Говорят еще, что она умеет думать и рассуждать, — опять-таки не так, как те, кто на ней живет. А некоторые набирались смелости утверждать, что остальные планеты тоже живые.

— Ну, я тоже что-то такое слышал мельком, — сказал Сварог. — И что отсюда следует?

— Откуда я знаю? — сказал Карах. — Давным-давно, ходят такие слухи, с планетой умели **р а з г о в а р и в а т ь** — и такие, как вы, и такие, как я. Только это было так давно, что никто и не помнит, как все было и что для этого нужно. Может, она от тебя хотела что-то? Вроде бы картины вроде тех, что ты описываешь, должны какое-то чувство выражать — смотря о чем идет речь, радость там или печаль...

— Нет, — сказал Сварог. — Добросовестно пытался все припомнить, но точно тебе говорю: не было там никаких эмоций вроде радости или печали. Я просто видел и ощущал кучу странных вещей. И все... Старухи сами в растерянности, они ничем не могут помочь — всего-навсего обслуживали некий обычай, состояли при нем, как привратники при доме. Где бы нам найти понимающего человека? Э т о с таким размахом прошло, так меня затянуло, что, режьте мне голову, м е л о ч ь ю оказаться никак не может. Вас бы туда, чтобы прочувствовали...

— Пусть Элкон пошарит по базам, — предложила Мара. — Для чего мы его на службе держим?

Вихрастый раскланялся с ней самым вежливым образом:

— Госпожа гланфортесса, при всем вашем уме и очаровании вы, простите на худом слове, малосведущи в компьютерах и информатике. Мало уметь ими пользоваться, надо знать еще некоторые тонкости. Искать можно все, что угодно... но объясните вы мне, что именно искать? Я просто-напросто не знаю, какую форму и л и р о в к у применить. «Земля как живое существо», казалось бы... Я попробовал. И ничего не нашел. Под этим определением в глобальной сети ничего нет. Я допускаю, что грандиозный массив информации может упасть нам в руки после первого же нажатия клавиши... но не раньше, чем мы отыщем его точное определение. Понимаете?

— А ведь урезал он тебя, — сказал Сварог удовлетворенно. — Не правда ли, госпожа графиня, любительница скоропалительных решений?

Крыть ей было нечем, но Мара по своей всегдашней привычке не собиралась сдаваться просто так. Пробормотала:

— Вот что делают с юными книжными червями объятия смазливых служанок... А ведь неделю назад на коленки на мои боялся посмотреть... Сделала я тебя взрослым на свою голову...

— Привыкайте, Элкон, — сказал Сварог, заметив, что парень все же чуточку запунцовел по старой памяти. — Привыкайте к этой непринужденной, творческой и веселой атмосфере, что царит на наших дружеских посиделках... Таков уж стиль нашей команды.

— Я понимаю, — ответил Элкон, судя по тону, приготовивший хорошую острую шпильку. — Некоторая агрессивность госпожи гланфортессы вызвана, мне думается, тем, что здесь она оказалась, откровенно говоря, не у дел. Подходящего занятия для нее что-то не находится, разве что на коне живописно скакать, красуясь перед градскими обывателями...

— А на мечях со мной не хочешь попробовать? — поинтересовалась Мара. — На деревянных, не бойся... Три схватки по семь минут, а? Синяков наставляю... А то возьмусь тебя очаровывать, чтобы терзался потом бесплодными мечтаниями... Думаешь, не умею? Я хотя и верная любовница, но, как любая женщина, чаровать посторонних мужиков умею...

— Люблю я вас, — сказал Сварог растроганно. — Какой вы у меня дружный, спаянный, спевшийся отряд... Как вы все обожаете друг перед другом выпендриваться... С вами и жить веселее, право слово. Только что же вы, такие остроумные и

язвительные, не можете помочь своему командиру и королю, когда у него возникла настоящая надобность разобраться с очередной тайной? Что приуныли? Чует мое сердце, придется мне в очередной раз самому справляться. А у меня вон прошения нерассмотренными лежат, целых три штуки...

Он придвинул к себе три свитка — два из них перевязаны простыми веревочками, завязанными узлом, третий обернут трехцветной тесьмой цветов какого-то клана, скрепленной сургучной печатью.

Ну вот, на двенадцатый день его пребывания здесь наконец-то заработало устройство прямой связи с народом — в стену королевского замка была вделана бронзовая медвежья башка с разинутой пастью, куда невозбранно позволялось опускать челобитные, жалобы и прошения. Башка была соединена наклонной трубой с ящиком, ключ от которого имелся только у его величества, — приспособление простейшее, но дававшее определенный шанс, что народные чаяния и просьбы минуют канцелярские лабиринты...

— Итак... — сказал Сварог, распарывая кинжалом веревочки и шелковую тесьму. — Что же нам пишут... Некий глэв по имени Анегас вот уже одиннадцать лет обивает пороги Военной канцелярии с чертежами изобретенного им «секретного пороха», который срабатывает только в гланских мушкетах, а ежели попадет в руки к врагу, то ни за что не вспыхнет... Ох, чует мое сердце, что если за одиннадцать лет изобретением благородного глэва так и не заинтересовались военные, то не стоит оно выведенного яйца. Вообще, «чертежи пороха» — это звучит, наталкивает на мысль, что к изобретателю лекарей надо отправить... А вообще, нужно посмотреть. Для очистки совести. Так... Купец Дандоро нашел серебряную руду в Амелоенском урочище, о чем спешит сообщить... Понятия не имею, где у нас такое урочище, но это вам не «чертежи пороха» — дело полезное... И, наконец, прошение от некоего юного художника, который... ах, еще и оскорбление действием...

У входа мелодично прозвенел гонг — кто-то с той стороны двери, хоть и обладал правом свободного доступа, все же не вломился, как деревенщина, а деликатно давал знать о себе. Не глядя, Сварог на ощупь отыскал под столешницей бронзовую завитушку и нажал, отчего за дверью звякнул колокольчик, давая позволение.

Вошел глэрд Таварош, седой и подвижный, с неизменным кожаным мешком для бумаг под мышкой. Лицо у него было

какое-то странное — выражение его точному определению не поддавалось.

— Плохие новости? — спросил Сварог, на всякий случай сначала предположив худшее по свойственному ему оптимизму.

— Как сказать, мой король... — Таварош пребывал в некоторой растерянности. — Только что пришли донесения с границы... Горротцы уходят из Корромира.

— Что? — поразился Сварог. — С а м и?

— Да, мой король. Мало того, они очищают Заречье. Разведчики клянутся, что видели своими глазами, как они сворачивают лагерь, уходят колоннами, увозят пушки и обозы... В Корромире их, собственно, уже нет, горротский флаг спущен, крепость выглядит совершенно пустой, они даже не стали ничего разрушать напоследок или жечь... Глэрд Даглас приказал нашей коннице переправляться в Заречье и двигаться следом до границы, не ввязываясь в стычки...

— И правильно, — сказал Сварог. — Ничего не пойму. Ну да, я написал Стахору письмо. Мягко укорял его за вторжение в мое королевство, вроде бы ничем не спровоцированное. И в достаточно дипломатических выражениях намекал, что могу принять ответные меры, которые его неприятно удивят... Не мог же он испугаться парочки туманных намеков? Не тот человек...

— Да уж, с вашего позволения... — кивнул Таварош. — Стахору всегда была свойственна чрезмерная уверенность в себе...

— Не поверю, что он испугался, — покачал головой Сварог. — Лоранцы в схожей ситуации нагло высаживали десанты на мои земли... где и до сих пор пребывают. У меня попросту не было сил, чтобы дать им сдачи надлежащим образом. И Стахор не мог не знать о том, что творится на побережье Трех Королевств... Почему же он с е й ч а с покорно отступил после одного-единственного, обычного письма? Задумал что-то, а?

— Наверняка. Но что именно, я не могу догадаться...

— Вы не одиноки, глэрд, — сердито сказал Сварог. — Что ж, остается ждать дальнейшего развития событий, потому что мы все равно не додумаемся, в чем тут фокус... — Он задумчиво посмотрел на тартан Тавароша, синий в белую и черную клетку, и тут его осенило. Цвета те же самые, что на стягивавшей прошение тесьме. — Послушайте, глэрд... Не знаком ли вам некий молодой художник по имени Аркас, и не из вашего ли он клана? У меня тут лежит его прошение, в котором он жалу-

ется на косность королевских сановников и их невежественное равнодушие...

— Медведь-прародитель! — воскликнул Таварош и всплеснул руками, едва не выронив мешок. — Он и до вас добрался... Ну конечно, как я не подумал сначала... А впрочем, что можно поделывать с «медвежьей пастью»...

— В чем там дело? — спросил Сварог. — Очень эмоциональное письмо, знаете ли. Молодой человек жалуется, что нигде не может найти поддержки и управы на злобных критиканов...

— Государь мой! — твердо сказал Таварош, справившись с минутным смятением. — Этот тип и в самом деле принадлежит к моему клану, о чем я горько сожалею... Смею вас заверить, я — человек достаточно широких взглядов и прекрасно понимаю, что искусство имеет право на существование, а то и на субсидии государства... Однако денег из казны я ему не дам! Казните меня, не дам!

— Ну что вы, успокойтесь, — сказал Сварог. — Может, ему не так уж много и нужно? Как-никак собирается основать Академию высокого художества, как он пишет. Насколько я знаю, никакой Академии художества в Глане нет, быть может, стоит...

— Государь! — отчеканил Таварош. — Если вы прикажете, я выдам из казны любые деньги на любые проекты... Только не посмотреть ли сначала вам самому на эти его художества? С тех пор, как он вернулся из Равены, я об этой Академии слышу по пять раз на дню — он племянник моей супруги, двери дома так просто не закроешь... Может быть, я слишком старомоден, но от этих художеств у меня порою ум за разум заходит!

— Почему?

— Потому что я этих художеств не понимаю, — признался Таварош. — Если в мире действительно что-то перевернулось и то, что он малюет, и в самом деле признается художеством, то нам, старикам, пора в гроб... Я вовсе не противник живописи, государь, у меня дома висят и семейные портреты, и пейзаж с ивами, и пейзаж с кораблем, и батальные полотна... Но Аркаса я бы за его мазню в каменоломни отправил! Дороги мостить! Чтобы не позорил уважаемое семейство! Я вполне серьезно, мой король!

— Ну что же, — сказал Сварог. — Вообще-то, королям согласно правилам хорошего тона положено быть ценителями и покровителями искусств... Распорядитесь-ка доставить во дворец и вашего родственника, и картины. У меня все равно нет никаких серьезных дел, давайте-ка ненадолго посвятим себя искусству...

...Он вошел в высокий сводчатый зал в сопровождении Тавароша, Мары и сидевшего у нее на плече Караха (Элкон с контрабандно протасненным сюда компьютером заперся в своих покоях, дабы подключиться к системе восьмого департамента и своими глазами увидеть, что происходит в Заречье). Вдоль стены уже было расставлено десятка два полотен, и возле них в претенциозной позе — этакая смесь скромности и творческой гордости — стоял пухлощекий молодой человек примечательного облика. На нем, правда, был тартан геральдической расцветки — но его комически дополняли блуза из грубого полотна, в какой, Сварог помнил, ходили ронерские маляры, высокий колпак из белого шелка, расписанный яркими полосами и зигзагами. Вместо золотой дворянской цепи на шее красовалась серебряная, и на ней висел медальон с изображением мифологической птицы Сирий — символ Сословия свободных искусств и творческого вдохновения. Такие Сварог уже видел, но они всегда были довольно скромных размеров, а не с тарелку величиной.

— Вот в таком виде он по столице и шляется, — шепотом наядбедничал Таварош. — Не пойми что. Супруга глаза выпала, знакомые злословят... Каменоломни и не таких перевоспитывали...

— Ну, бросьте, — так же шепотом ответил Сварог. — Творческие люди — народ особый, стоящий выше глупых условностей, а потому...

Он замолчал. Он увидел картины — и содрогнулся. За спиной громко фыркнула Мара. Подойдя поближе и присмотревшись гораздо внимательнее, Сварог громко произнес в пространство:

— Это что, какая-то шутка?

— Государь! — укоризненным, вальяжным тоном отозвался мастер кисти. — Я бы не осмелился шутить с высоким искусством...

Сварог оторопело пялился на холсты. Разноцветные кляксы, широкие полосы, загогулины и зигзаги, лихие мазки шириной в ладонь, дикое сочетание колеров...

— Позвольте, юноша! — поднял он бровь. — Не могу назвать себя тонким знатоком живописи, но должен же быть сюжет и смысл... Что касается этого, — он указал на одно из полотен, — такое впечатление, будто вы краску с завязанными глазами из ведерок выплескивали...

— Государь! — вскричал пухлощекий в совершеннейшем восторге. — Я восхищен вами! С первого же взгляда вы без-

ошибочно определили творческий метод, коим создавалось именно это полотно! — Он свысока глянул на остолбеневшего Тавароша. — Дядюшка, вам бы следовало поучиться у его величества, подлинного знатока искусства. Государь, я счастлив обрести в вашем лице...

— Погодите, погодите, — оборвал Сварог. — У вас что, все... в таком вот стиле и направлении?

— Государь! — с чувством сказал молодой человек. — Простите за похвальбу, но именно я могу считаться творцом этого направления! В основе всякого художественного произведения лежит взгляд творца на окружающий мир. Полотна, на которые вы благосклонно обратили ваше высокое внимание, как раз и являются отражением моего взгляда на мир, моего понимания мира. Я так вижу! И стремлюсь не следовать рабски устаревшим канонам, предписывающим тупо добиваться сходства, сюжета и смысла. Главная задача художника — отразить свое видение мира! Полтора года, государь! Полтора года я обиваю пороги тупых бюрократов и закосневших консерваторов, требуя совершенно ничтожных сумм на организацию Академии высокого художества, но ответом были лишь насмешки невежд... Смею думать, что теперь в вашем лице...

Он разливался соловьем, тыча испачканным красками указательным пальцем в испачканные краской холсты. Сварог мрачно слушал, прикидывая, сколько же угроблено красок и холста, которым можно было найти и полезное применение, — рубашку сшить, вывеску наклеивать. Таварош скривился, как от зубной боли. Сварог всерьез опасался, что он вот-вот шарахнет родственничка по голове своим тяжелым мешком с бумагами. По углам зала стояли, как статуи, телохранители с протазанами — им-то не полагалось показывать какие бы то ни было эмоции и чувства, что бы ни творилось вокруг. Даже Мара притихла, не в силах придумать с ходу убойную шуточку.

«В дурдом его, что ли? — угрюмо подумал Сварог. — Интересно, а есть ли здесь дурдом? Как-то не успел выяснить, кто ж знал, что понадобится...»

И тут его осенило. Он даже ослабил от удовольствия. И шелкнул пальцами, громко приказав:

— Карандаш и бумагу! Живо!

За спиной послышался тихий топоток, энергичное перешептывание дворцовых лакеев. Буквально через полминуты кто-то, возникнув за спиной Сварога, почтительно протянул ему большой лист белейшей бумаги и остро заточенный карандаш.

Сварог отмахнулся:

— Это не мне. Отдайте этому господину... Любезный мэтр, не будете ли вы столь любезны нарисовать мне лошадку? Обыкновенную лошадку?

Пухлощекий художник уставился на него изумленно и тупо. Растерянно вертел в руках бумагу.

— Король приказывает, — сказал Сварог с садистским наслаждением.

— Король приказывает, ты слышал? — обрадованно поддержал глэрд Таварош, еще ничего не понявший, но заметно воодушевившийся.

Художник коснулся бумаги остро заточенным грифелем, провел несколько линий. Уронил руки, понурил голову. Едва слышным шепотом сообщил:

— Не получится...

— А почему? — безжалостным голосом коронного прокурора наседал Сварог. — Не умеете, а? Отвечайте, когда вас король спрашивает!

— Отвечать, когда спрашивает его величество! — заорал сияющий Таварош.

— Так не умеете? — спросил Сварог ласковее. — Я правильно понял?

— Не умею, ваше величество, — кивнул художник, не поднимая глаз.

— А домик нарисовать сумеете?

— Нет...

— Кошечку? — не отставал Сварог. — Птичку? Собачку? Уличный фонарь? Вывеску для трактирщика? Что молчите? Выходит, вы умеете только э т о малевать? — показал он на испачканные холсты. — Ну вот, с вами кое-что проясняется...

— В каменоломни на годик, — в полный голос сказал Таварош. — У нас не одного шалопаю таким вот творческим методом воспитали... Государь...

— Ну что вы, право, — сказал Сварог. — Не хотите же вы, чтобы наша держава приобрела среди соседей дурную славу места, где творческих людей отправляют в каменоломни за то, что у них есть свое видение мира... Эй, там, кто-нибудь! Походного казначея сюда.

За спиной опять по-мышинному тихо забегали лакеи. Вскоре в зале появился походный казначей, а в дворцовом просторечии «ходячий кошелек» — здоровенный детина, у которого на поясе висел тяжеленный кожаный кошель с отделениями для золота, серебра и меди. Согласно этикету, ему полагалось

всюду сопровождать короля — на случай, если его величество пожелает оказать кому-то высокую милость в виде незамедлительной денежной награды.

— Подойдите сюда, — кивнул Сварог перепуганному художнику. — Подставьте-ка подол этого вашего балахона...

Запустил руки в кошель и высыпал в подол добрую пригоршню золотых монет. Прежде чем художник сумел что-то сообразить, громко распорядился:

— Секретаря сюда. С гербовой бумагой для королевских указов. Доставить этого субъекта на границы государства и разрешить беспрепятственно убраться, куда только пожелает. Назначить пенсион такого размера, чтобы хватило на скромную жизнь. И записать накрепко: если когда-нибудь окажется на территории моего королевства, будет незамедлительно повешен. Одним словом, баниция с веревкой. Сформулируйте сами, как полагается... Такова моя воля, — добавил он обязательную формулу. — Малую королевскую печать. С ее приложением указ вступает в силу. Все.

Откуда-то из-за спины выскочили два молодца в алых кафтанах дворцовой стражи, привычно ухватили художника за локти, вздернули на воздух и бегом протащили к выходу, прежде чем он успел сообразить, что происходит. Следом поспешил секретарь, на ходу посыпавший чернила песком из поясной песочницы.

Таварош смотрел на Сварога восхищенно и преданно. Мара тихонько поаплодировала.

— Правим как получается, — скромно сказал Сварог.

Недоуменно повернул голову, услышав шаги, каким в королевском дворце звучать, вообще-то, не полагалось (если только не сам король изволит так грохотать сапожищами), — быстрые, тяжелые, бесцеремонные. Поймав его взгляд, Мара передвинулась так, чтобы заслонить его, опустила руку к мечу.

Вошел глэрд Даглас, в высоких сапогах для верховой езды, он был покрыт пылью и грязью, на голове тускло поблескивал рокантон, а грудь стягивала кираса.

— Плохие новости, государь, — выдохнул он вместе со сгустком пыли (который успел подхватить ладонью). — Неподалеку отсюда, всего в десяти лигах от столицы, — мятеж. В замке Барраль убит королевский пристав, они заперли ворота и отказались подчиниться положенному троекратному увещеванию, самый натуральный мятеж против престола. Конница выступит через несколько минут...

— Это — против меня? — спокойно спросил Сварог.

— Возможно, и не л и ч н о против вас, государь. Однако мятеж против престола следует гасить в зародыше. Вы всего вторую неделю на троне, необходимо железной рукой...

— Кто? — спросил Сварог.

— Какая-то девица, — хрипло сказал Даглас, откашливаясь. — Только что введенная в права юная наследница.

— Вот как? — уже привычно поднял бровь Сварог уже привычным жестом. — А почему не седой прожженный интриган? Это было бы обыденнее, понятнее...

— Право, не знаю, — сердито сказал Даглас. — Не о том надо думать.

— Верно, — кивнул Сварог. — Моего коня к воротам. Медвежью Сотню в седла. Вы, любезный глэрд, в последнее время что-то очень уж часто отдаете приказы от моего имени...

— Государь, вы же не можете сами...

— Это противоречит этикету?

— Нет, что вы. Но...

— Хотите чеканную историческую фразу? — спросил Сварог холодно. — Я могу все, что хочу, — и хочу все, что могу. Не шедевр изящной словесности, уж не взывайте, но что поделать, какая на ум пришла, иные короли за всю свою жизнь так и не родили ни единой простенькой исторической фразы... На коней, господа мои, на коней!

Он сделал столь резкий и красноречивый жест монаршей десницей, что господа глэрды выскочили в дверь впереди своего короля. Впрочем, в обстановке мятежа и сопутствующей сумятицы это не было столь уж вопиющим нарушением этикета.

«Быть может, и нечего мне там делать, возле замка, — думал Сварог. — Но пора мягко и ненавязчиво поставить их на место — то бишь решительно построить. Что-то у них стало входить в привычку отдавать приказы от моего имени. Нет уж, привыкнуть они должны к противоположной мысли: если король чего-то возжелал, по его желанию и случится. А в общем, судя по первым наблюдениям, что в Пограничье, что здесь королевское ремесло немногим отличается от работы какого-нибудь капитана из той, п р о ш л о й жизни, которому досталась раздолбайская рота. Механизмы наведения порядка чертовски похожи...»

Приотстав, он удержал Мару за жесткий воротник камзола:

— У тебя как сложились отношения с Медвежьей Сотней?

— Нормально, — сказала боевая подруга. — Они тут в некоторых отношениях люди незатейливые. Лишь бы ты умел работать мечом. Если тебя за это умение уважают, совершенно

неважно, сколько тебе годочков стукнуло и что именно у тебя пониже пупа расположено. А что?

— Держи ушки на макушке, — распорядился Сварог. — Я, знаешь ли, твердо решил при малейшей к тому возможности научить их правильно репку чистить...

На обширном замковом дворе шла деловитая суета — строилась в «кабанью голову» Медвежья Сотня, к крыльцу вели покрытого попоной с геральдическими эмблемами Сварогова коня, бегали взад-вперед с ужасно озабоченным и ретивым видом и те, кто имел прямое отношение к предстоящему походу, и те, кто нахально воспользовался моментом, дабы попасться монарху на глаза в облике воплощенного усердия. Трое монахов под предводительством брата Фергаса вынырнули из-за угла с таким видом, что и не нужно было их спрашивать, куда собрались.

В довершение сумятицы в ворота влетел на заморенном коне гонец — на его белоснежной некогда накидке еще можно было рассмотреть сквозь толстый слой пыли и грязи черное солнце с горротского флага. Коня подхватили под уздцы, гонца бегом повели к Сварогу. Он, как положено, упал перед Сварогом на левое колено, протягивая засургученный пакет. Через его голову Сварог посмотрел на тяжело водившего боками коня — нет, среди свисавших с седла прапорцов не было клетчатого, красно-белого, значит, об объявлении войны речь не идет.

Приняв пакет из рук гонца, он согласно традиции махнул «ходячему кошельку», чтобы о т с ы п а л скававшему день и ночь вестнику. Гонец, не думая пока что о презренном металле, отошел к стене, расстегнул грязные штаны и с величайшим облегчением принялся на нее мочиться — поскольку прежде у него не было времени. Все смотрели на него понимающе и не препятствовали — гонец был в своем праве.

Сунув пакет за голенище, Сварог взлетел в седло, дал коню шпоры и взмахнул кожаной перчаткой.

По дороге, когда на длинном и ровном отрезке дороги кони шли спокойной рысью, он извлек пакет, сорвал печати, раскрошив их в пыль, прочитал короткое послание. Король Стахор в весьма вежливых, даже изысканных выражениях извинялся перед своим «братом и добрым соседом» за досадное недоразумение, то есть за «прискорбные события» у замка Корромир и в Заречье, «невольнo повлекшие непонимание и рознь». Сообщал, что «повинные в том лица» уже понесли должное наказание, и он искренне надеется, что брат и добрый сосед, король

Сварог, известный своей мудростью и хладнокровием, сохранил с ним самые сердечные отношения.

Как Сварог ни вчитывался, не мог нигде усмотреть и тени тонкой иронии — не говоря уж о грубой. И это было чуть ли не загадочнее всего: по точным сведениям, Стахор дорожил своей репутацией остро- слова и во всякое свое послание коронованным собратьям что-нибудь этакое вворачивал...

Глава 10

ДЕВУШКА ИЗ ЗАМКА БАРРАЛЬ

— **Г**лэрд Даглас, — сказал Сварог, опуская подзорную трубу, — а вам не кажется ли, что наши люди чуточку переусердствовали?

— Ничуть, мой король, — без промедления ответил Даглас. — Мятеж в данном случае опасен не своими реальными воплощениями, а чисто символическим смыслом, вкладываемым в это понятие. Первый мятеж против трона в ваше царствование. От того, как мы на этоотреагируем, многое зависит...

С сомнением пожав плечами, Сварог осматривал местность уже без трубы, невооруженным глазом. Он был не на шутку разочарован. Судя по воплям и суматохе, сопровождавшим неприятное известие, замок Барраль показался ему заранееэтакой могучей твердыней, источником нешуточной и реальной опасности. Действительность же оказалась намного прозаичнее. Далеко впереди, в лиге от них, стоял небольшой замок из темно-коричневого песчаника, старинной постройки, сразу видно, — по сути, квадрат со стороной уардов в тридцать, четыре башни по углам, пятая, главная, не так уж и высока. Классическое обиталище небогатого дворянина, распространяющего права сюзерена на две-три деревушки и пару овечьих отар (земля в полночном Глане очень уж бесплодная, и ее практически не пахут, отдавая предпочтение овцам, маленьким горным коровам и лошадям).

— Вон там и там — принадлежащие замку деревни? — показал он трубой.

— Да, мой король, — поклонился глэрд этих мест, чьим васалом как раз и была взбунтовавшаяся нахалка. — Собственно, вы отсюда видите все владения Баррала — две деревни, долина, с правой стороны — примыкающие к морскому берегу земли... Посконники сбежались в замок, деревни пусты...

Сварог покосился на него и промолчал. Чем-то ему определенно не нравился глэрд Рейт — то ли узкими губами и вечно ускользающим взглядом, то ли навязчивым подобострастием. Он простер свою неприязнь настолько, что на всякий случай, частью от нечего делать, п р о в е р и л здешнего властелина всеми доступными методами, оставшимися незаметными для окружающих, но не обнаружил ни малейших следов нечистой силы, чернокнижья либо причастности к «Черной радуге».

Две деревни. Горсточка крестьян, пастухи, немногочисленная замковая челядь — в таком вот скудном и убогом хозяйстве слуг не так уж много, ораву не прокормишь... Не столь уж великий подвиг им предстоит, если вдуматься...

Словно отвечая на его мысли, Даглас пояснил, делая скупые жесты рукой в кожаной перчатке:

— Это, конечно, не отнимет много времени. Наши мушкетеры уже во-он на той горушке. Видите? Она господствует над замком. В старые времена, когда не было огненного боя, бессмысленно было бы посылать туда лучников — стрелы все равно не долетят. Однако мушкет прекрасно достанет. Когда все начнется, они будут простреливать и двор и стены почти на всем их протяжении. Пушки подвезут не позднее, чем через полчаса. Ворота ветхие, не рассчитаны на отпор ядрам. Все кончится еще до заката...

«Ну да, — подумал Сварог, оглядываясь на стройные ряды конных гвардейцев, успевших перед штурмом пропустить пару добрых чарок здешней можжевеловой водки. — И начнется резня. Никто, чует моя душа, не станет останавливать раззадоренных вояк — нужно же показать, что при новом царствовании с мятежниками шутить не намерены... Чего ей, дурихе, не сиделось спокойно?»

— А почему, собственно, мятеж начался? — спросил он, оборачиваясь к хозяину здешних мест.

— Невероятно злокозненная семейка, мой король! — воскликнул глэрд Рейт в приступе неподдельной злости. — Что

ее отец, что дядя, что она сама — волчонок кашку не кушает, как у нас говорят... Их никогда, пока были живы, не поймали на контрабанде, но мы-то знаем, что это за корабли ложились в дрейф неподалеку от берега, что за тюки на шлюпках переправляли под покровом ночи... А эта паршивка еще и черно книжьем балуется. Точно вам говорю, ваше величество! Один человек, совершенно надежный, видел у нее не что-нибудь — «Книгу ночных трав», а это уж, надо вам сказать, то еще чтение... Брат Фергас не даст соврать...

— «Книга ночных трав» — и в самом деле чернокнижный трактат, — спокойно сказал монах. — Одного я до сих пор не уяснил, любезный глэрд: почему вы, прекрасно зная о ее неподобающих ночных занятиях, тем не менее настойчиво пытались устроить ее брак с вашим племянником?

— Я? Ну да... Но кто же знал? Как только мне стало известно, я отменил обручение по всем правилам...

— Мне говорили иначе, — обронил монах.

Он как-то странно смотрел на Сварога — совершенно непонятный взгляд, то ли безмолвный призыв, то ли предостережение... У Сварога понемногу стало складываться убеждение, что монах знает больше, чем говорит, хотя по каким-то своим причинам не хочет (или не может?) высказываться открыто.

— Интересно, кто это вам такое говорил?! — с неприятными, визгливыми нотками в голосе воскликнул глэрд.

— Люди, — кратко ответил монах.

«А ведь он волнуется, этот Рейт, — подумал Сварог. — Ему неуютно, он нервничает все сильнее... Во что это меня опять путывают?»

— Вы что вообще хотите сказать, святой брат? — сварливо спросил Рейт. — Вы куда клоните?

— Мне просто кажется странным, что юная благонравная девица взбунтовалась ни с того ни с сего, — спокойно ответил монах. — И не нашлось рядом никого, кто подсказал бы ей: предприятие затеяно безнадежнейшее...

Сварогу тоже начинала казаться странной вся эта история. Что-то за всем этим крылось. Он еще раз оглянулся на конные шеренги — сотни четыре, не меньше, — на клубившуюся вдали пыль (это на тракте показались упряжки с пушками), на застывшее лицо монаха. Рейт ухитрился так и не встретиться с ним взглядом.

— Как погиб пристав? — спросил вдруг Сварог. — Это ведь он там лежит? — кивнул он в сторону покрытого дерюгой длинного предмета, лежавшего на траве уардах в пятидесяти.

— Совершенно верно, мой король, — поклонился Рейт. — Гвардейцы нашли его в опустевшей деревне и привезли сюда...

— Обыщите тело, — распорядился Сварог.

Он и сам не представлял толком, для чего отдал этот приказ, — похоже, просто-напросто хотел посмотреть, как поведет себя Рейт, столкнувшись с чем-то, чего решительно не понимает. Иногда такие приемчики приводят к поразительным результатам — это ему еще в Равене втолковывал барон Гинкар, покойный мастер полицейского сыска...

Властный жест глэрда Баглю — и двое субъектов в темных камзолах, вооруженные, но без дворянских цепей, направились к покойнику.

— Ваше величество... — Рейт сделал непроизвольное движение, словно хотел загородить им дорогу конем, но в последнюю секунду опомнился. — К чему это?

— Вы подвергаете сомнению поступки короля? — спокойно спросил Сварог.

— О, что вы... Я просто... Простите...

Он замолчал, утирая со лба пот. А ведь прав был покойный Гинкар — иногда такие штучки приводят к интереснейшим результатам. Что он засуетился, собственно? Подумаешь, обыщут труп...

Клубившаяся за пушками пыль приближалась. Сварог в упор смотрел на глэрда Рейта, а тот ерзал в седле, смахивал пот все чаще и чаще...

Человек в темном камзоле, кланяясь, подошел вплотную к коню Сварога, показал содержимое своей шляпы:

— Связка ключей, государь, какая-то бечевка, яблоко, огарок свечи, кошелек... Прикажете открыть? — Он положил шляпу наземь и проворно высыпал содержимое замшевого мешочка себе на ладонь. — Ровно двенадцать золотых...

Ничего еще не понимая, но нюхом ухватив н а п р а в л е н и е, Сварог обернулся к Баглю:

— Я в таких вещах не разбираюсь... Это нормальная сумма для кошелька королевского пристава из сельского захолустья?

Покрутив головой в задумчивости, Баглю протянул:

— Я бы сказал, мой король, что сумма совершенно ненормальная. Полугодовое жалованье пристава — они в деньгах не

купаются... Безгрешных слуг в этом мире не найти, будь это в городе или более богатых краях. Я бы рискнул предположить с уверенностью, что пристав только что хапнул взятку, — монетка к монетке, новенькие, о д н о м о м е н т н о полученные, нет сомнений... Вот только в местах вроде Барраля столь жирных взяток не дают — по причине скудости. Взятки в таком вот захолустье дают в лучшем случае серебром, а главным образом овечьим сыром, сеном и окороками...

— Может быть, покойный просто получил жалованье? — спросил Сварог, любуясь струйками пота на челе Рейта.

Баглю решительно мотнул головой:

— Жалованье им платят помесечно, и не золотом, а серебром...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Возможно, нашему приставу для каких-то своих житейских надобностей потребовалось золото, и он обменял на него в столице свои сбережения... но отчего же так нервничает глэрд Рейт? — и уставился на вышешпоименованного. — Итак, отчего вы на глазах бледнеете, любезный?

— В-вам показалось...

— А вы никогда не слышали, что у меня есть безошибочные методы выявлять ложь? — лениво спросил Сварог. — Взять! — рывкнул он внезапно.

Он так ничего и не понял, но видел, что Рейт врет...

Двое молодцов из Медвежьей Сотни в единый конский мах оказались по бокам глэрда, выхватили из ножен палаш, выдернули из-за пояса кинжал и два пистолета.

— Снимите его с коня, отведите в сторону и ждите дальнейших приказаний, — распорядился Сварог. — Баглю, вам ничего не кажется странным в происходящем?

— Возможно, мой король... — осторожно ответил тот. — Но я пока что не представляю, за что тут можно ухватиться...

— Я тоже, — кивнул Сварог. — А потому... Всем оставаться на месте. Я сам поеду в Барраль и попытаюсь выяснить, отчего они вдруг решили взбунтоваться... — Он двинул коня на ближайшего телохранителя. — Дайте дорогу, глэв!

Юноша растерянно отъехал... но наперерез решительно бросился командир Медвежьей Сотни, долговязый и костлявый глэрд Макол, загородил дорогу своим гнедым с видом героя рыцарского романа, отважно кинувшегося в бой с великаном:

— Мой король! Я обязан беречь вас, и мой долг...

Сварогу он не нравился с первых дней — во-первых, зануда, во-вторых, забота о монархе явно переросла в мелочную опеку. Никакой гибкости, зато апломб выше головы...

Натянув поводья так, что его черный Дракон присел на задние ноги, Сварог рывкнул от всей души:

— Глэрд Макол, я лишаю вас должности за неповиновение королю! Гланфортесса Сантор, ко мне! Примите командование над Медвежьей Сотней, такова моя воля!

Макол открыл было рот... Сварог смотрел на него хмуро и внимательно, постукивая пальцами затянутой в перчатку руки по обуху укрепленного у седла Доран-ан-Тера. Громко поинтересовался:

— Глэрд, вам понятны последствия?

Рядом уже приплясывал, звенел трензелями горячий жеребчик Мары, недвусмысленно положившей руку на эфес палаша. Бросив через плечо быстрый взгляд на всадников из Медвежьей Сотни, Сварог что-то не заметил на лицах особого протеста — Макол всех достал своим занудством.

Подъехавший Даглас, старательно сохраняя на лице невозмутимость, тихонечко сказал:

— Государь, позвольте на правах старшего по возрасту...

— Господа глэрды, — громко сказал Сварог, тщательно подпустив в голос металла. — Не вынуждайте меня гневаться... Гланфортесса!

Кивок Маре, ее властный жест — и конные телохранители, подчиняясь новому командиру, сомкнули вокруг них кольцо, руки лежали на эфесах палашей и рукоятях пистолетов, усадые и безусые физиономии не выражали ничего, кроме холодной решимости исполнить любой приказ. С ликованием в душе Сварог понял, что выиграл. Стоявшие в отдалении гвардейцы так и не поняли, что же произошло внутри кольца телохранителей, зато оба высокородных глэрда, судя по поскуцневшим лицам, прекрасно помнили иные здешние установления. Вздумай они протестовать в голос, чему-то препятствовать — выйдет даже не мятеж, а «неповиновение пред лицом короля», еще более чреватое. За последнее об них, наплевав на знатность, могут по первому же кивку короля положить шеей на ближайший пенек да и смахнуть голову к чертовой матери, не утруждаясь затяжным судопроизводством... Гланские патриархальные законы — палка о двух концах: иные из них идут на пользу исключительно дворянской

вольнице, зато другие, наоборот, дают нешуточные преимущества как раз королю...

— Возвращайтесь к войскам, глэрд, — сказал Дагласу Сварог. — И прикажите им оставаться в строю, пока я не вернусь. Ни единого выстрела, вам понятно?

— Вас там убьют... — понурясь, сказал Даглас, уже окончательно сломленный.

— Вы знаете, это многие пытались сделать, — сказал Сварог. — Не чета этой соплячке в Баррале. А вот не получилось, поди ж ты...

Он кивнул печальному сподвижнику и пришпорил коня. Коротким галопом помчался по равнине, прямо к воротам Баррала. Замок рос на глазах, теперь Сварог мог рассмотреть, что на всем протяжении стены над зубцами торчат головы. Над перекрытием ворот развевалось уже знакомое Сварогу по прежним странствиям знамя: три узких алых выпела, три черных, три белых. Девчонка объявила рокош по всем правилам...

Стрела, мелькнув меж зубцами, воткнулась в землю уардах в десяти перед конем, и Дракон, храпя, мотнул головой.

Спохватившись, Сварог натянул поводья, спрыгнул на землю — для него самого стрелы и прочий метательный хлам были абсолютно безопасны, но не стоило подвергать риску коня... Он достал из седельной сумки острый железный костыль с кольцом, в два счета продел в него поводья, забил костыль каблуком в землю. Достал топор и, вскинув его на плечо, не спеша направился к воротам замка.

В него полетели еще две стрелы — эти были направлены верной рукой, не то что первая, достигли цели. Однако, как легко догадаться, некая неведомая сила (о природе которой сам Сварог до сих пор имел довольно смутное представление) отшвырнула их в стороны. На стене раздалось громкое удивленное оханье — кто-то не сдержал эмоций.

Когда до ворот осталось не более десяти уардов, Сварог остановился, оперся на топор привычным жестом и, задрав голову, стал разглядывать собравшихся. Он не заметил на лицах особой ненависти, но настроены они были решительно, сразу видно. Те самые патриархальные традиции, конечно, предписывавшие крестьянам вставать грудью за своего хозяина, даже если ему стукнуло в башку поднять мятеж против короля...

Кто-то смелый, размахнувшись, метнул в него извечное оружие мятежных землепашцев: вертикально укрепленную на древке косу. С ней, ясен день, произошло то же, что со стрелами.

— Орлы, да бросьте вы баловать! — крикнул Сварог злобно. — Ну не действует на меня это, точно вам говорю! Зачем инструмент портить, он денег стоит...

— Вы кто такой, ваша милость? — настороженно спросил бросивший косу здоровенный детина в белой овечьей безрукавке мехом наружу.

— Здешний король, обормот! — незамедлительно отозвался Сварог. — Пора бы и в лицо признавать, в двух шагах от столыцы обитаете, простота!

На стене перешептывались, тыча в него пальцами по крестьянской привычке. Сварог терпеливо ждал, пуская дым — последнее обстоятельство, точнее, извлеченная из воздуха сигарета, вновь стало темой для пересудов.

— А что надо-то? — наконец крикнул хозяин косы.

— Сопли подбери, косматый! — гаркнул Сварог. — Хозяйку лучше позови! Буду я тут с тобой языком чесать...

Как в таких случаях бывает, теперь на стене похохатывали над обладателем белой безрукавки. Внезапно они почтительно шарахнулись в стороны — меж щербатыми зубцами появилась девушка в великоватой ей кирасе и нахлобученном на нос рокантоне. И то и другое, надо полагать, досталось ей по наследству от родственников мужского пола, и у нее не нашлось денег, чтобы подогнать доспех по своим размерам.

Она привычным движением сдвинула шлем на затылок и, глядя на незваного гостя без всякого дружелюбия, крикнула:

— Что вам нужно?

— Милая, я — здешний король, — сказал Сварог. — И пришел для переговоров...

— Никаких переговоров! — оборвала она решительно. — Убирайтесь!

— Эй, белобрыся! — крикнул Сварог. — Я все-таки король, и, между прочим, именно этой державы!

— Провалитесь вы вместе с державой! — посоветовало белобрысое создание. — Я в мятеже! Делайте со мной, что хотите, но за этого скота я не выйду!

— А кто тебя принуждает?

— Вы, кто же еще!

— Тут какая-то ошибка, — сказал Сварог. — В жизни никого не принуждал выходить замуж, и не собираюсь!

— Брешете в глаза, а еще король! — отрезало юное создание в отцовских доспехах. — Убирайтесь к лешему, пока живы!

Эта бесцельная перебранка могла продолжаться до бесконечности, и если у Дагласа или кого-то еще не выдержат нервы, все полетит к чертям, Мара в одиночку может и не воспрепятствовать... Пора было переходить к решительным действиям. Выплюнув окурок, Сварог решительно взял топор обеими руками и двинулся к воротам — из потемневшего от времени дерева, густо окованного тронутыми ржавчиной железными полосами. В самом деле, пушки вынесли бы их в два счета...

Кажется, ему на голову пытались бросать со стен всякую дрянь — по сторонам что-то такое падало. Но Сварог, не обращая внимания на пустяки, ожесточенно рубил. В шесть ударов он проделал в древних воротах достаточный для торжественного вступления короля проем. И вступил.

В дальнем конце небольшого дворика, отгороженные жердями, блеяли столпившиеся овцы. Со стен по выщербленной каменной лестнице, отчаянно топоча, неслись взбудораженные земляпашцы, потрясая своими нехитрыми орудиями. Впереди всех бежала белобрысая, догадавшаяся сбросить належавший ей на глаза рокантон. Так, ничего особенного — конопатая девчонка, розовощекая и крепенькая, типичная сельская жительница, выросшая на молоке и свежем воздухе. И уж определенно с характером, тут и гадать нечего...

Орущая толпа все же остановилась в нескольких шагах — никому не хотелось лезть в пекло поперед батьки. Они вопили и делали угрожающие выпады топорами и вилами, но никто не спешил в заводицы. Отступив к стене, чтобы ему не зашли ненароком за спину, Сварог зорко следил за ближайшими острыми предметами — он не боялся ничего, летящего в воздухе, но нечто острое в руках того, кто нанес бы удар, могло отправить Сварога к праотцам с тем же успехом, что и просто го смертного... Перекрывая гомон, он крикнул:

— Гланфортецца, неужели вы собираетесь поступить против правил чести?

Он не зря штудировал перед сном толстые тома с описанием наиболее типичных — и, что важнее, до сих пор бывших в ходу — гланских обычаев. Благородной особе, вызванной на поединок другой благородной особой, настрого запрещается

прибегать к помощи посторонних, а уж тем более своих же собственных крестьян.

Чтобы не осталось никаких неясностей, он громко пояснил:

— Я вас вызываю на честный бой, гланфортесса! По всем правилам!

— Все назад! — завопила она так звонко, что у Сварога заложило уши. — Бросьте оружие!

Сварог осклабился — девчонка свято блюла традиции. Что ж, к лучшему...

Толпа отхлынула, бросая свое дреколье. Девчонка зорко следила, чтобы это проделали все, орала на замешкавшихся, тыча в их сторону мечом. Наконец во дворике образовалось изрядное пустое пространство, а все посторонние сбились в кучу у стены, овечьего загона и главной башни.

— Начинайте, — вежливо поклонился Сварог.

— Провалитесь вы! — огрызнулась белобрысая, бросаясь на него с занесенным мечом.

Легко и привычно уклонившись, Сварог коротким взмахом топора снес ее клинок у самого эфеса. Она не сразу сообразила, что произошло, с маху остановилась, какое-то время (в течение коего Сварог мог десять раз снести ей башку) недоуменно разглядывала то, что осталось у нее в руке, и, отшвырнув бесполезный обрубок, выдохнула с детской обидой:

— Это нечестно!

— Почему вдруг? — пожал плечами Сварог. — Это же не магия, просто топор такой... Хотите продолжать?

Заполошно оглянувшись, она подхватила с земли крестьянский топор, бросилась на Сварога, яростно закусив губу...

Доран-ан-Тег, рассекши воздух, отрубил верхнюю часть древка вместе с лезвием. На сей раз девчонка среагировала на утрату оружия гораздо быстрее: без замешательства выхватила из-за голенища кинжал и кинулась в атаку, что с ее стороны было исключительно жестом отчаяния.

Выпустив древко топора, Сварог поймал ее руку, взял на прием, подсек и опрокинул белобрысую скандалистку на землю. По толпе пронесся шумный вздох, но никто не двинулся с места.

— Ну как? — спросил Сварог, присев над ней на корточки и все еще удерживая выкрученную за спину руку. — Помоему, поединок закончен, и вам остается подчиниться победителю...

— Это нечестно, — яростно прошептала она, уткнувшись щекой в каменистую утоптанную землю. — У вас же Доран-ан-Тег...

— А разве касаясь него есть какие-то запреты? — спросил Сварог тоном опытного крючоктворца. — Что-то я не слышал ни о каких запретах... Итак?

— Отпустите.

— А волшебное слово?

— Признаю себя побежденной, — нехотя пробурчала она.

— Громче, — безжалостно сказал Сварог. — Чтобы ваши вассалы слышали и вели себя соответственно...

Закусив губы в бессильной ярости, она долго сопела, надеясь, наверное, на одно из тех чудес, что спасают в подобных ситуациях героев рыцарских романов, — появится в сиянии и блеске мудрая фея-крестная, выпрыгнет из-под земли горный гном или нагрянет на крылатом коне рыцарь-избавитель. Сварог терпеливо ждал, когда она сообразит, наконец, что жизнь все же отличается чуточку от рыцарских романов.

Наконец она смирилась, крикнула во весь голос:

— Я побеждена! Ясно вам?

Сварог мог бы поклясться, что пронесшийся по толпе гомон вполне заслуживает эпитета «облегченный». Традиция традицией, верность верностью, а все-таки все это против здоровой крестьянской натуры — запирается в замке и сидеть там в осаде, пока твой сюзерен из-за каких-то непонятных тонкостей жизни дерется с королем...

Теперь все было в порядке. Нечего бояться вил в спину. Сварог поднялся с корточек и помог встать ей. Девчонка стояла перед ним, уронив руки, повесив буйну головушку. Не поднимая глаз, сказала:

— Воля ваша, рубите голову, только я за него все равно не пойду...

— За племянника глэрда Рейта?

Она кивнула.

— Ну, коли уж наше общение всецело подчинено рыцарским правилам, вы обязаны верить честному слову короля, гланфортесса, — сказал Сварог. — Так вот, я вам даю слово, что не собираюсь вас принуждать выходить замуж. Ни за рекомого племянника, ни за кого-то еще. Откровенно вам признаюсь, глэрд Рейт на меня произвел самое скверное впечатление, и сейчас он, строго говоря, находится под арестом. И самое лучшее тому доказательство — это то, что я, как болван, дерусь тут

с вами на топорах, как будто у меня нет более важных дел. То, что здесь я один, а не орава осаждающих с пушками...

Белобрысая вскинула глаза, полные внезапно вспыхнувшей надежды:

— Почему же вы тогда прислали мне повеление?

— По-моему, тут определенно какое-то недоразумение, — сказал Сварог мягко. Смушенно фыркнул: — Я за последние дни подписал кучу бумаг, доставшихся от прежнего царствования, вполне возможно, среди них и затесалась какая-то, вызвавшая... гм, непонимание и все последующие события... Мы можем с вами где-нибудь сесть и спокойно поговорить? Честное слово, я не припомню никаких бумаг, которые бы вас касались... Я подмахнул такую груду, три секретаря подсовывали охапками...

— Как же так можно? — сказала она укоризненно. — Вы же король, прибежище справедливости...

«Так и есть, — подумал Сварог сконфуженно. — Определенно читает на ночь рыцарские романы, как моя Мара, — там именно такие словеса встречаются...»

— Король, знаете ли, тоже человек... — сказал он осторожно. — Давайте договоримся: мы забудем обо всех этих играх в победителей и побежденных, вы пригласите меня в замок, и мы все спокойно обсудим. Если была допущена какая-то несправедливость, обещаю ее исправить...

— Вы не врете насчет Рейта? — бухнула она и тут же покраснела до кончиков ушей. — Что я несу, дура... Прошу вас, ваше величество, такая честь! Мой замок в полном вашем распоряжении! — Она гордо выпрямилась и махнула наблюдавшим издали вассалам. — Живо, стелите ковер! Несите из подвала вина! Его величество изволит посетить замок!

Судя по лицам добрых поселян, они были окончательно сбиты с толку столь замысловатым коловращением жизни. Однако несколько из них, похожие на слуг, шустро кинулись выполнять приказ. Остальные вразброд заорали нечто приветственное, подбрасывая в воздух шапки.

— Уберите прежде всего бунтарский флаг со стены, — мягко посоветовал Сварог. — При нынешних обстоятельствах он там уже совершенно и не к месту... Кто у вас тут посмышленнее? Подзовите его сюда. — Он достал из кошелья на поясе все необходимые принадлежности, набросал несколько строк, припечатал перстнем и протянул листок босоногому парню, и впрямь носившему на лице некоторые признаки смышле-

ности. Спohватившись, добавил золотой. — Бегите, юноша, туда, где верховой держит мое знамя. Знаете, как оно выглядит? Прекрасно. Отдайте бумагу рыжей девушке в красном берете, на гнедом коне, она там одна такая, ошибиться нельзя. Живенько!

— Прошу вас, ваше величество! — сделала широкий жест белобрысая мятежница.

— Как вас зовут? — спросил Сварог. — Мы так оживленно общались, что не успели познакомиться...

— Меня зовут Миала... гланфортесса Кернан.

— Рад познакомиться, — сказал Сварог. — Ну, меня вы уже знаете...

Слуги и в самом деле вытащили длинный потертый ковер, спеша и мешая друг другу, расстелили перед входом в небольшой каменный домик, прилепившийся к главной башне. Вассалы все так же орали, нестройно и оглушительно, старательно подбрасывая шапки. Чтобы не выходить из образа и не портить картину, Сварог отвечал подданным «милостивым наклоном головы», как это именуется, искренне надеясь, что у него получается, как надлежит.

Двухэтажный каменный домик, старинный и ветхий, отличался сразу бросающейся в глаза честной бедностью. Белобрысая хозяйка поначалу краснела по всякому поводу — провалившаяся половица, лукошко с котятками на лавке, продранный гобелен, за который неспешно убралась толстая мышь, но Сварог притворялся, что ничего не замечает, и она понемногу успокоилась.

Как и полагается в любом уважающем себя замке, здесь имелся главный зал, где хозяева, смотря по обстоятельствам, то бражничали с гостями, то устраивали заговоры, то играли свадьбы. Мебель пришла в ветхость, фамильные портреты потемнели и стали неразличимыми, но на хозяйском столе, как полагалось, стояла массивная серебряная солонка, а стены были увешаны богатейшей коллекцией оружия (имевшего в большинстве своем, правда, чисто музейное значение). Хозяйка остановилась, отчаянно пытаясь вспомнить соответствующие правила. Смущенно пожала плечами:

— Кажется, я должна поднести вам ломоть хлеба, посыпанный солью на восемь сторон света... Или нет...

— Откровенно вам признаюсь, я тоже новичок в этих делах, — сказал Сварог, поставив топор к столу. — Поскольку посторонних тут нет, давайте пренебрежем строгим этикетом.

Помнится, когда король — на охоте, скажем, или там застигнутый дождем — заходит в чей-то замок, от сторон не требуется очень уж строгое соблюдение этикета... Садитесь.

И, подавая ей пример, придвинул рассохшееся кресло с едва видневшимся на спинке гербом. Она уселась рядом.

— Да снимите вы кирасу, — сказал Сварог. — Давайте я вам помогу расстегнуть пряжки... Вот так.

В приоткрытую дверь заглянула чья-то испуганная физиономия, скрылась, и к столу вереницей двинулось четверо слуг, неся разнокалиберные блюда — золотое, два почерневших серебряных и простое деревянное. Стол украсился жареной курицей, накропанной головкой сыра, копченой бараниной и здоровенным жбаном вина. Все та же честная бедность, хлеб, конечно, привозной, вон как его мало, как тонко нарезан, на золотом блюде выложен. Сами обычно простецкие лепешки жуют, надо думать, ну да, проходя через комнаты, видел в углу каменную зернотерку...

Чтобы не обижать напряженно уставившуюся на него хозяйку, Сварог пожевал хлеба с сыром и баранины. Вино неожиданно оказалось отменным. Белобрысая хозяйка тоже справилась со своей оловянной чаркой не хуже иного мужчины.

— Итак... — сказал Сварог. — С чего бы начать... Где здесь, собственно говоря, начало... Вы-то сами как думаете?

Она задумчиво повертела оловянную чарку с выпуклыми изображениями диких кабанов и оленей. Вскинула глаза:

— Я должна была выйти замуж за племянника глэрда Рейта... Они так решили с отцом, когда отец еще был жив, а я была совсем маленькая. Отец был его вассалом...

— А вы-то сами хотели?

— Как сказать, ваше величество... — сказала она со взрослой рассудительностью. — Нужно как-то устраивать жизнь... Вы же видите, замок — одно название, стены скоро обрушатся, рассыпалось все... Хозяйство убогое, одни овцы. Было три рыбацких баркаса, только два в прошлом году попали в шторм, а третий продали за долги. Ну вот... А он ничего, собой недурен и обходителен, глэрд Рейт обещал нам построить дом в столице, выделить земли за Кошачьим ручьем — там заливные дуга, отличные сенокосы, даже ячмень сеют. И прибыльная мельница, куда ездит вся округа. У нас здесь, в глуши — ведь чистая глушь, хоть от столицы всего-то десяток лиг, — на такие вещи смотрят просто, по-крестьянски...

«И тем не менее рыцарские романы ты почитывала, лапочка, — подумал Сварог. — Вон, целая полка...»

— Вам это, наверное, кажется чем-то низким?

— Ну что вы, — сказал Сварог. — Я не всегда был королем. Жизнь есть жизнь, и ее надо как-то устраивать...

— Рада, что вы понимаете, Ваше величество, — продолжала ободренная девица, личико которой пунцовело уже не только от здорового природного румянца, но и от доброго вина. — Не урод и не старик, в конце-то концов, стерпит, как известно, и слюбится, а там и дети пойдут... У меня еще до свадьбы с деньгами стало получше — глэрд Рейт договорился с какими-то корабельщиками, сдал им мой кусок побережья в аренду, они нормально платили, я две овчарни подновила, сыроварню новую поставила, слуг придела... Надобно вам знать, ваше величество, что в здешних местах к морскому берегу можно попасть без помех только через мои земли. В обе стороны — кручи и обрывы... Очень мне помог глэрд с корабельщиками...

«Контрабанда? — подумал Сварог. — И этот скот девчонке собственные грешки приписал? Нет, не похоже что-то. Для мало-мальски серьезной контрабанды гланское побережье малопривлекательно по причине бедности здешнего народа. С е р ь е з н а я контрабанда идет по реке Рон, почти на всем своем протяжении протекающей через Вольные Маноры, чьи не избалованные большими доходами владельцы и „удобный флаг“ с радостью предоставят, и таможенные печати шлепнут, не утруждая себя вдумчивым досмотром груза. Тот жалкий ручеек контрабанды, что течет с гланского морского побережья в глубь страны, так же патриархален и незатейлив, как сама эта страна, — сукно, водка, дешевые кружева... Глэрд Рейт — человек зажиточный, ему нет ни смысла, ни выгоды связываться со столь убогим предприятием. Тут что-то другое... Что?»

— И похоже было, что все сладится, — рассказывала девушка, подливая вина ему и себе. — Мы уже начали гулять об руку по округе, он меня возил в танцевальный зал в столицу — как жених, все честь честью...

Сварог ей не мешал — пусть обвыкнет, выговорится, сама придет к сути. Главное, она не врала, он это знал совершенно точно. Ни разу стоявшее вокруг ее фигурки желтое сияние, вызванное кое-какими заклинаниями, не подернулось серыми кляксами. И он преспокойно слушал — в кои-то веки довелось

посидеть с самым обыкновенным человеком, не шпионом, не лукавым царедворцем, не черным магом...

— А потом, месяца три назад, — она потупилась, — начал он, ваше величество, ко мне всерьез подступать, как с ножом к горлу, насчет того, чтобы не дожидаться церемонии, а уже теперь малость побаловать, как законный муж с законной женой... Я, государь, не какая-то там кисейная недотрога, готова кое-что парню позволить, в особенности законному жениху, но такой уж душой меня мама воспитала, в традициях рода и в дворянской чести. После свадьбы — со всем нашим пылом и прилежанием, а вот допрежь — погодите, господин жених... Одно дело, когда парень руки распускает, это даже как-то и положено, только вот насчет сеновала — уж извините... А он разгорелся, так и норовит уложить, где ни попадя...

Сварог присмотрелся к ней внимательнее. До холеных светских красавиц ей, конечно, далеко, но девочка была все же приятная, ладненькая и симпатичная, так что легко понять томящегося жениха, вынужденного ограничивать себя доступными служанками...

— Все руки ему отбила, — хихикнула хозяйка замка. — А потом, когда надоело баталии вести что ни день, приставила кинжал к животу и пригрозила зарезать... Он тогда стал меня сбивать с пути истинного уже не руками, а подарками и обещаниями. Сначала дарил брошки-колечки, только толку от этого было мало, вот он и начал меня завлекать разными таинственными намеками — мол, я и не представляю, за кого замуж иду, они с дядей не просто богачи, а сидят на тропинке в далекие загадочные миры... как бы хозяева единственного постоянного двора на бойком тракте, понимаете? Все, кто оттуда идет, мимо них пройти никак не могут, а потому платят им дань — и снова, когда обратно идут.

— Врал, наверное, — сказал Сварог, подначивая ее. — Чего ни придумаешь, чтобы от такой красавицы своего добиться...

— Скажете тоже! — махнула она на него рукой, совершенно освоившись. — Не красавица, а сплошные конопушки... Да нет, не врал! Я сама поначалу думала, что врет, но он подарки делать стал... Я таких никогда и не видела. Вот представьте себе: самый обыкновенный стеклянный шар, с кулак... Капаете на него капельку воды — там, наверху, есть особая вмятинка — и он всю ночь до рассвета светился почище лампы! Я его пастухам отдала, овцы как раз окотились, а керосин жечь на-

кладно... Он в деревне сейчас, в овчарне. Или — самая вроде бы обыкновенная сковородка, только без ручки и с толстым дном. Если повернуть на ней особый шпенек, она сама печет, что хочешь — и без огня, и без масла... Она у меня в кухне сейчас, хотите, покажу?

— Потом, — сказал Сварог. — Я и так верю.

— Вот вы — король, повидали мир, людей... а кое-кто у нас говорит, что вы и вовсе лар... Видели вы такие штуки?

— Не доводилось, — искренне сказал Сварог. — Похожее что-то видел, но вот в точности таких... Нет. Это не отсюда.

— Ну, и мне в конце концов пришлось признать, что он мне нисколько не врет. Что там и в самом деле какие-то непонятные тропинки неведомо куда... И когда он опять стал приставать, я поставила вопрос ребром: пусть он мне покажет этих чужаков, — в ней вновь проглянула истовая любительница рыцарских романов с их поразительными и ужасными чудесами. — Торговались мы до одури, как перекупщики на ярмарке, я уж вам и не буду рассказывать, ваше величество, какого озорства он с меня за это потребовал, — ну да ладно, от этого девушки не убудет, пришлось согласиться, меня уже любопытство разбирало, как чесотка... Короче, ночью он меня провел в замок. У глэрда и не замок, строго говоря, одно название — ни стен, ни башен, дворец дворцом, так что пробраться туда черным ходом вовсе даже нетрудно... Спрятались мы под лестницей в большом зале, дождались часа... мамочки мои! — Она передернулась. — Не соврал! Висит на стене преогромное зеркало, от пола до потолка, сначала было самое обычное, а потом по нему огоньки забегали, все гуще и гуще, из зеркала туман поплыл, заволок все, улетучился неведомо куда — и стало видно, что это уже не зеркало, а как бы туннель в скале, у нас есть такой неподалеку... Светится изнутри, и идут оттуда какие-то... в плащи с капюшонами закутаны, ни рук не видно, ни лиц, одни плащи, походка какая-то неправильная, не такая, дерганая... — Она привстала и прошлась, переваливаясь, добросовестно пытаясь передать неправильность походки. — Тюки несут, длинные свертки, ведут ящерицу, длиннющую, вроде морского гривастого крокодила, а у нее на спине тоже куча тюков привязана... А глэрд Рейт стоит себе возле рамы, как ни в чем не бывало, словно он с ними сто лет знаком, сто жбанов вместе выпили, кланяется да ручкой делает, и они ему кивают, уроды, шеей дергают, словно череп на палке наклонили... И стук, словно когтями

по полу брякают... — Она театрально, с размаху шлепнула себя по лбу. — Кое-как я оттуда убралась, ноги не гнулись. Уж в тот вечер, когда провожал в замок, этот обормот меня лапал, как хотел, а потом, в лесочке, прислонил к дереву, и распрощалась я со своей невинностью без особого барахтания, потому что от страха была, как вареная, пошевелиться не могла, перед глазами стояли эти чудилы в капюшонах с их нелюдской походочкой...

Сварог давно уже слушал внимательно и цепко, позабыв кивать и поддакивать, нехорошо сузив глаза. Она не врала, ни словечка не врала...

— Оклемалась я только у себя в спальне, — продолжала девчонка охотно. — И поняла, насколько влипла. Невинности, конечно, жалко, ну да все равно с ней расставаться бы пришлось... Хуже другое. Вы, наверное, государь, и не знаете, но в нашей державе испокон веков бытует такое мнение, что ничего доброго из зеркала выйти не может. Даже поговорка такая есть: «Чтоб к тебе ночью из зеркала гости нагрянули!», и поговорки есть вроде «Хуже, чем из зеркала вылезший...». Откуда это пошло и на чем основано, я не знаю, только с малолетства помню, как пастухи рассказывали страшные сказки про зеркала, зазеркальные омерзительные страны, про чудовищ, что оттуда вылазят, кровь пьют и порчу наводят... И вот — нате вам! Оказалось, что выходить мне замуж за самого натурального з е р к а л ь щ и к а! И не знаю, как до утра досидела, оба зеркала у себя в спальне завесила, чтобы ненароком не вылезли... На рассвете осторожненько посоветовалась со старым Грегуром — он у отца был вместо оруженосца, а потом, по дряхлости, за дворецкого, в молодости поехал по свету, даже на Сильване бывал, видывал виды... Он мне и сказал твердо: барышня, не связывайся! Душу погубишь! Ничего, мол, доброго из зеркал выйти не может...

— И тогда... — сказал Сварог.

— И тогда я ему написала, что разрываю обручение — хоть оно и с записью...

— Как это? — искренне не понял Сварог.

— Так у нас заведено, государь. Есть просто обручение, его еще можно отменить, совсем даже легко, но после простого обручения происходит другое, уже серьезнее, с клятвенной записью в шнурованной книге королевского нотариуса нашей губернии, и вот оно-то имеет почти такую же силу, как законный брак, отказаться от него по простому капризу никак нельзя.

И глэрд, и королевский пристав тебя заставят, как миленькую, и будут правы по закону. Вообще-то, правило полезное, оно для того и придумано, чтобы к браку относились серьезно и никому не было кривды... только в таких вот случаях, вроде моего, оборачивается скверной стороной. Потому я вместе с письмом глэрд уотослала и прошение вашей королевской милости — написала, что у меня есть веские причины идти против установлений, что жених мой, как и его дядя, — завзятый чернокнижник, и в семью к ним я ни за что не пойду... Только от вас пришло распоряжение оставить все по-прежнему... Так и написано: «Оставить в прежнем состоянии». И ваша подпись. Хотите, покажу? Вот оно у меня, в холстинку завернуто...

Обнаружив свою несомненную подпись на листке бумаги с Малой королевской печатью, прищипленном к прошению с помощью засургученной булавки, Сварог смущенно опустил глаза. Сказал виновато:

— Я же говорил — секретари подносили вороха бумаг... Скорее всего, я твоего прошения и не видел вовсе, а видел сделанный писцами экстракт на две строчки, с пометкой заведующего канцелярией. Согласуясь с этой пометкой, я и подмахнул...

— Как же так можно, ваше величество...

Сварог поерзал на шатком стуле. Не стоило посвящать ее в запутанные дебри бюрократии, причудливые странствия бумаг, резолюций и пометок, способных надолго ошарашить человека неподготовленного...

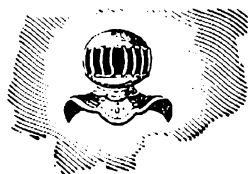
— На другой день прискакал королевский пристав, то есть ваш, — сказала девушка. — Вся округа знает, что он у глэрда на полном содержании, с потрохами, душой и телом... Велел мне нынче же готовиться к свадьбе. Я так понимаю, жених мой проболтался дяде. Убить меня они опасались, вот и решили быстренько устроить свадьбу, чтоб обезопаситься на будущее. По нашим законам, будет вам известно, супруги друг против друга свидетельствовать не могут, их показания изначально в расчет не принимаются... Я, конечно, взвилась, у меня кровь отцовская, буйная. А его, должно быть, крепенько настропалили, чтобы без меня не возвращался. Врезал мне по шее — до сих пор больно, — обозвал непристойным словом и заорал, чтобы я собиралась в три минуты, иначе он меня за волосы притащит... Он даже и не дворянин вовсе, из градских обывателей выслужился... Мои вассалы его сгоряча приложили пастушьим посохом по темечку — всего-то разок, зато на совесть, он и не

дрыгался почти, душа вылетела, как пробка из бутылки... И ничего мне больше не оставалось, кроме как поднимать мятеж... Одна была надежда — что на суде вашей милости все же дадут объясниться, а там — как знать...

Сварог грустно покривил губы. Конечно, мятежников, объявивших рокош по всем правилам, не полагается вешать на месте, их непременно должен судить Высокий Суд Королевской Скамьи... если выживут при штурме. Десять против одного за то, что успевшая принять водочки гвардия, разгоряченная боевым азартом и разъяренная неизбежными потерями, с ходу порубила бы в капусту всех, до кого смогла бы дотянуться клинками, как оно частенько и случается. В общем, глэрд Рейт рассчитал все почти безошибочно, и шансы выиграть у него были: Сварог мог и не поехать к замку. А глэрд мог лично принять участие в штурме — он же сюзерен здешних мест, это, в конце концов, его обязанность — и уж нашел бы случай дотянуться до девчонки, даже уцелей она при штурме... Неглупо.

— Собирайся, — решительно сказал он, вставая. — Побеседую я по душам с твоим глэрдом, так, что надолго запомнит...

Глава 11

ОТРАЖЕНИЕ ЗОЛОТА

...**В** сводчатом подвале, расположенном значительно ниже уровня земли, было душно и темно — на стене, воткнутый в ржавую железную державку, чадил и потрескивал одинокий смоляной факел. Здоровенный одноглазый субъект самого неприятного облика, стоя лицом к присутствующим, ворочал железные прутья, раскалявшиеся на углях в продолговатом железном же ящике, столь невозмутимо и буднично, словно готовил шашлык, а не пытошные орудия. Из одежды на нем имелась лишь короткая кожаная юбка. Его подручный, столь же здоровенный и неприятный — вот только у этого оба глаза были целы, — громко ругал третьего, должно быть, самого младшего по должности:

— Ты что принес, орясина? Тебя за чем посылали? — Он встряхнул лязгнувший мешочек. — Подноготные гвозди тоненькие, как бабские шпильки, они ж на самом виду лежат, под клешнями для откусывания яиц... А ты мне что приволок? Гвозди для забивания в задницу. Думать надо, иначе всю жизнь так и будешь гвозди мастерам подавать... Посмотри на постояльца, дубина! Жирноват постоялец, в такой заднице любой гвоздь увязнет, такому первым делом нужно под ногти заколотить, еще до того, как железом погрели... Паш-шел! Чтобы вихрем мне принес подноготные! Да смотри, клещи не перепутай! Как они выглядят, которыми яйца откусывают?

— Оне широкие... — робко отозвался подручный.

— Хотя чего-то в башке задержалось! Правильно, золотце! Вот под ними и лежит мешочек с подноготниками... Бегом, чтоб подошвы горели!

Подручный, гремя гвоздями в мешочке, ошалело выскочил в низенькую дверцу. Сварог, сидевший на низкой неструганой лавке, обеими руками ослабил застёжки кружевного воротника. Глянул в сторону — там, надёжно привязанный к вбитым в кирпичную кладку железным костылям, с кляпом во рту помещался глэрд Рейт, не обремененный одеждой вовсе. Судя по его белому лицу, текущим вперемешку со струйками пота слезам, гримасам и выкаченными из орбит глазам, устремленным на раскалявшиеся понемногу прутья, благородному господину было немного не по себе. Однако Сварог не чувствовал к нему ни малейшей жалости — и, откровенно говоря, ничуть не тяготился здешней обстановкой. Одно из тех житейских дел, которыми королям, увы, приходится порою заниматься...

Глэрд Баглю, заложив руки за спину, вышагивал по подвалу из конца в конец, его породистое лицо пылало нешуточным охотничьим азартом. Печать профессии, знаете ли: будь ты трижды герцогом из невероятной древнего рода, многолетние труды по управлению секретной службой накладывают свой отпечаток. Сейчас он был на т р о п е — и, как хороший охотничий пес, трепетал от возбуждения.

Палач, ухватив рукой в толстой перчатке холодный конец раскаленного прута, поднял его над углями. Довольно хмыкнул: прут раскалился так качественно, что напоминал уже не железо, а прозрачный столбик багрового, невыносимо жаркого пламени... Судя по звукам, Рейт обмочился самым позорным образом.

— Сразу железом погладим или сначала подноготные прикажете, ваша милость? — буркнул палач. — Где этот болван провалился...

Взглядом поманив глэрда, Сварог вышел с ним в соседнее помещение, столь же сводчатое и душное. Там со вбитого в потолок кольца свисали толстые ремни, на лавках и просто на полу навалом лежали всевозможные замысловатые штуки, способные сделать пессимистом любого.

— Послушайте, Баглю... — тихонько сказал Сварог. — А он, часом, не сдохнет? Он и так-то ни жив ни мертв... Может, начнете с племянника?

Баглю загадочно усмехнулся:

— Мой король, вы, уж простите, плохо разбираетесь в тонкостях нашего неприглядного ремесла... Во-первых, означен-

ный племянник — здоровенный детина и отнюдь не трус, с ним было бы гораздо больше возни. Во-вторых, главой предприятия является как раз дядя. В-третьих же... Вам следует глубже изучить законы и уложения собственного королевства. В случае, если преступник не был взят с поличным, если следствие не располагает неопровержимыми уликами, пытку можно применять лишь в том случае, если на то дадут письменное разрешение четырнадцать присяжных королевского суда, равных обвиняемому по положению, титулу, званию, сословию... Как показывает опыт, присяжные опять-таки требуют доказательств и улик... Конечно, вы как король можете отринуть законы и повелеть пытать по вашему высокому желанию... но к чему вам репутация тирана? Увы, у нас нет ни малейших улик. Вы сами видели то зеркало — оно ничем не отличается от других... Если из него и в самом деле в урочный час полезут какие-то твари, этот час надо еще знать, дожждаться его... В замке мы не нашли никаких с т р а н н ы х предметов, никаких следов нечистой силы или черной магии...

— Но отчего же вы в таком случае...

— Государь, — проникновенно сказал Баглю. — Милейший Рейт — не из храбрецов. Ручаюсь, у него сейчас вылетели из головы все юридические тонкости, вы же видели, как его коржит...

— Ах, вот оно что... — с ухмылкой сказал Сварог. — Ну, тогда следует ковать железо, пока горячо...

— Именно это я имел в виду, государь.

— Пойдемте, — сказал Сварог. — Пока не опомнился, сукин кот, и не начал вопить о своих правах... Я постараюсь вам не мешать, милейший Баглю.

— Наоборот, ваше величество! — живо воскликнул Баглю. — Было бы просто прекрасно, если бы вы... Я не осмелюсь предложить своему государю соучаствовать в нашем треклятом ремесле, однако... Вы решили, он пришел в такое отчаяние от того, что испугался меня? Лестно, конечно, для моей скромной персоны, но на деле, будь я здесь один, он быстренько справился бы с собою, вспомнил о своих законных правах, о том, что я, по сути, такой же глэрд, и не более того... Он в а с боится, понимаете? Простите за правду, но за вами после всех ваших приключений тянется шлейф грозной загадочности. Никто ничего не знает толком. Публике известны лишь результаты ваших свершений — и народная молва, по-моему, совершенно справедливо, расцвечивает известное ей домыслами и пересудами, подозревая, что на поверхности лишь вершина, а есть

еще могучие корни, пребывающие во мраке... Я и сам так думаю, извините на вольном слове, потому что давно занимаюсь этой грязной работой и хорошо представляю, сколько остается под землей. Что же тогда говорить о фантазии толпы? Одним словом, это вы его ввергаете в смертельный ужас...

— Ну что ж, — сказал Сварог. — При такой сволочи и в палатах состоять как-то не зазорно... Пойдемте.

Они вернулись в помещение, где в углу мрачно сидел брат Фергас, невозмутимый главный палач позванивал раскаленными прутьями, а прикрепленный к костылям глэрд Рейт дошел до крайней степени слабодушия, о чем недвусмысленно свидетельствовал распространившийся по подвалу запах, поневоле заставивший Сварога закрыть нос платком.

Он все же превозмог себя, подошел почти вплотную и, зловеще уставясь на пронзительно пахнущего Рейта, с расстановкой спросил:

— Вы, сдается мне, решили, что надолго обосновались в этом неуютном местечке? Глупости, Рейт. Это глэрд Баглю, человек романтической натуры, полагает, что нет на свете ничего страшнее железок, которыми забавляется вон тот хмурый дядька... Да полноте, вы еще не бывали в гостях у меня в Хелльстаде, незнакомы с тамошними милыми созданными, которые нормальному человеку и в страшном сне не привидятся... Вот именно, глэрд. К чему мне здесь, в Глане, репутация тирана и зверя, безжалостно пытающего титулованных дворян? Я вас нынче же заберу к себе в Хелльстад, там вы быстренько поймете, что такое настоящее узилище и настоящие ужасы. И никто не станет требовать у меня отчета — ну какие в Хелльстаде, к лешему, присяжные? Я там и без них обхожусь. И косточек не найдут...

Решив, что затягивать удовольствие дальше неразумно — чего доброго, помрет с перепугу, — сделал одноглазому многозначительный жест. Тот, поняв его совершенно правильно, бесшумно приблизился и двумя мощными пальцами выдернул изо рта Рейта добротный многоразовый кляп из кожаного мешочка с пенькой.

Какое-то время глэрд остороженько закрывал рот, медленно возвращая в нормальное состояние сведенные судорогой мышцы лица. Потом, косноязычно шевеля языком и пуская слюни, пролепетал:

— Ва... ва...

Сварог терпеливо ждал, когда родится что-то более осмысленное.

— Ва-ва-ваше влеи...

— Ну да, — сказал Сварог. — Это я, мое величество. Полновластный король здешней державы. А вы, милейший, — лукавый, злокозненный подданный, который едва не погубил невинного человека, да вдобавок, что гораздо тяжелее, связался с неведомой нечистой силой, выползающей из зеркал без всякого дозволения таможни и пограничной стражи... Что же, прикажете вас кормить пряниками и придворные звания жаловать? Плохо вы меня знаете... Обращению с публикой вроде вас я учился у моего соседа и брата Конгера Ужасного, а у него, должен вам сказать, если разоблаченного куманька нечистой силы сжигают на костре, тот считает, что ему крупно повезло, — потому что иные помирают долгонько...

— Государь! — отчаянно возопил Рейт. — Чем угодно клянусь: они к нечистой силе не имеют никакого отношения! Я — слабый человек, поддавшийся соблазну, что есть, то есть, но не настолько я не дорожу жизнью и душою, чтобы связываться с нечистым! Спросите брата Фергаса, он ведь наверняка с вами был в моем замке! Он и странные, верно, только не имеют они ничего общего с нечистой силой!

Брат Фергас, вовсе не настроенный разрушать столь успешно протекавшее дознание, уперся в него тяжелым взглядом и молчал, явно не собираясь выступать в роли адвоката.

— Интересно, откуда мне знать, правду вы говорите или опять врете по своему подлому обыкновению? — спросил Сварог хмуро. — Тебя, мерзавца, спасет лишь полная откровенность. Как только начнешь врать или вилать...

— Ваше величество! — истово воскликнул Рейт. — Располагайте мною, умоляю!

Сделав вид, что пребывает в задумчивости, Сварог старательно нахмурился, подперев чело рукой, потом поднял голову и громко распорядился:

— Эй, кто-нибудь! Отвяжите его и дайте какую-нибудь дерюгу, чтобы не оскорблял нашего королевского взора столь отвратным видом. Только сначала хорошенько вытрите его чем-нибудь, чтобы я мог свободно вздохнуть...

Он был доволен собой — изъяснялся в добротном стиле тех самых рыцарских романов, к которым приистрастилась Мара, а сам он их лишь пролистывал перед сном, чтобы заснуть наверняка.

Палач с помощниками отвязали благородного глэрда, привычно облили его водой из бадейки, обтерли ветошью, наки-

нули на плечи какую-то драную холстину и, подчиняясь жесту Сварога, выпихнули в соседнее помещение.

— Садитесь уж, — сказал Сварог, указывая на широкую лавку. Однако глэрд шарахнулся от предлагаемой мебели, как черт от лаdana. Присмотревшись, Сварог понял причину: снабженная воротами и кольцами скамья была явно предназначена для следственных действий вроде растягивания. Дрожа, кутаясь в рванину, глэрд отодвинулся в уголок, подальше от длинных щипцов, воронок и прочих интересных приспособлений, уселся там на корточки, легонько постукивая зубами. Сварог, не чинясь, уселся на помянутую скамью. Там же поместились Баглю с монахом, а главный палач встал над допрашиваемым, хмуро пояснив:

— Оне иной раз норовят башку об стену разбить, чтоб, значит, ноги сделать от правосудия...

— Ну что вы, друг мой, — сказал Сварог почти весело. — Наш благородный глэрд, я уверен, любит жизнь во всех ее приятных проявлениях и ни за что не станет добровольно ее укорачивать... Но вы все равно стойте, где стоите. В самом деле, мало ли... Итак?

— Я их не звал! — сообщил Рейт, ежась. — Отроду не занимался чернокнижьем, и в замке у меня вы ничего подобного не найдете!

— Мы и не нашли, — сказал Сварог. — Вот только у меня есть подозрение, что это еще более запутывает дело...

— Ну что вы, государь! Все просто! Вернее, это теперь кажется простым и привычным, а сначала я испугался насмерть... вернее, не испугался, а удивился, потому что тогда, два года назад, они не сами показались, начали подбрасывать золото... Зеркало висело в замке с незапамятных времен, и никогда за ним не замечалось никакой чертовщины...

Сопя и хлюпая, стеная и ежась, он попытался было углубиться в исторические изыскания, повествуя о заслугах своих предков и себя лично перед предшествующими гланскими королями, но Сварог эти поползновения пресек моментально и безжалостно, прикрикнув ледяным тоном:

— Предками тут не заслонишься. А передо мной у тебя заслуг нет, одни прегрешения. Без лирики мне, а то сюда уложу! — похлопал он ладонью по пытошной скамье. — И подрасти помогу, а то что-то ты у нас коротковат...

Под чадающим факелом бесшумно примостился писец, нацелил карандаш на бумагу с ловкостью человека, привыкшего споро работать и в столь неприятных условиях. Тяжко

вздыхая, глэрд Рейт стал описывать историю своего морального падения, попутно предаваясь самобичеванию и выдавая всех, кого только мог вспомнить и припутать.

Как многое в нашей жизни, эти события развернулись совершенно неожиданно. В одно прекрасное утро озадаченный дворецкий сообщил хозяину, что с большим семейным зеркалом в «доспешной зале» происходит какая-то чертовщина. Прибыв на место происшествия, хозяин собственными глазами убедился, что сказано, пожалуй, слишком мягко. Зеркало, как ему испокон веков и полагалось, исправно отражало все одушевленные существа и все неодушевленные предметы — вот только на той стороне лежал у самой рамы желтый предмет размером с кулак, которого на этой стороне не было. Здесь его не было, а там он был.

Призванные в качестве независимых свидетелей племянник глэрда и двое доверенных слуг с ходу констатировали, что ни хозяину замка, ни дворецкому вовсе не чудится, — желтый предмет, словно бы металлический, а формой больше всего напоминающий полушарие, и в самом деле лежит на той стороне при полном отсутствии его аналога на этой.

Воцарилось тягостное недоумение. Все гипотезы, на какие только хватало взбудораженной фантазии, не поддавались проверке экспериментальным путем, поскольку никто представления не имел, как попасть в Зазеркалье. Очень быстро сами собой на ум пришли древние легенды и жуткие рассказы о неведомых зазеркальных обитателях и их несомненной связи с тем, кого негоже поминать к ночи, — да и среди белого дня произносить это имечко неуютно.

Племянник, как человек юный и вольнодумный, стоял на том, что из зеркала вовсе не обязательно приходят одни напасти, — есть и легенды прямо противоположные, хотя их гораздо меньше. Дворецкий, как человек старого закала, видел тут в первую очередь происки нечистого. Глэрд колебался меж двумя крайностями, а слуг, в общем, особо и не привлекали к дискуссии.

В конце концов послали в деревню за Кривым Маком — старикашкой вредным, хвастливым и пьющим, но все-таки обладавшим кое-какими несомненными способностями колдуна и чертозная, в чем давно убедилось поколения три крестьян, да и благородных дворян. Прибыв на место, Мак первым делом сожрал бараний бок и насосался глэрдова лучшего пива от пуза, долго чванился и расписывал свои подвиги, потом все же взялся за дело, побуждаемый частью звоном золота под носом,

частью угрозами стереть в порошок и подвести под стародавнюю, но до сих пор официально не отмененную статью закона «о предрезостных ведунах». Мак завонял весь первый этаж, сжигая какие-то сушеные корешки и зелья, изрисовал дубовый паркет углем и мелом, забодал всех громкими невразумительными заклинаниями, но все же в итоге твердо заверил, что никакой нечистой силы он тут не зрит. Не зрит, и все тут, хоть ты тресни. Посоветовавшись, ему поверили — субъект, конечно, был своеобразный, но, по устоявшемуся мнению всей округи, дело свое знал и профессиональной репутацией дорожил. Страхи рассеялись, недоумение осталось.

На другой день, утречком, благодаря налаженной дворецким сети внутризамкового стукачества, был вовремя изобличен и задержан один из двух посвященных слуг, пытавшийся покинуть замок с тем самым желтым предметом в кармане. После парочки затрещин и угрозы без всякого суда сгноить в подземелье он признался, что на рассвете обнаружил эту штуку уже на э той стороне и беззастенчиво прибрал к рукам, потому что по весу эта загадочная хреновина больше всего напоминала то ли золоченый свинец, то ли золото.

Слугу заперли в подвал и снова послали за Маком, приказав подать из кухни пиво и бараний бок. Часа два провозившись с загадочной находкой, начадив и на шумев не меньше, чем в прошлый раз, Кривой не обнаружил связи ни с черной магией, ни с нечистой силой. Тогда глэрд, севши на коня и поскакавши в столицу — а столица та была недалеко от села, — явился к знакомому ювелиру, которого знал давно и мог на него полагаться.

Ювелир, затратив вдесятеро меньше времени, чем Мак, с помощью сугубо профессиональных методов изучил предмет и заверил, что они имеют дело со слитком чистейшего золота, чья стоимость... Глэрд не велел ему продолжать — он и сам отлично разбирался, сколько может стоить слиток высокопробного золота величиной с мужской кулак. Сумма получалась приличная даже для вполне зажиточного глэрда.

Таким образом, в головоломной загадке моментально обнаружились и приятные стороны. В ту же ночь глэрд Рейт, его племянник и верный дворецкий, погасив все лампы, зашли в «доспешной зале», на всякий случай вооружившись до зубов и прихватив все отыскивавшиеся в замке божественные книги, числом полторы (не часто, увы, в сем замке обращались к писаниям святых мудрецов и полторы-то еле наскребли...).

Примерно за полчаса до полуночи зеркало, насколько удалось рассмотреть в лунном свете, помутнело, покрылось странными огоньками, мерцающими и кружащими, минут через несколько все они погасли, а туман рассеялся — и по ту сторону зеркала обнаружилась непонятная фигура, укутанная в балахон с капюшоном, освещенная слабым источником света так, чтобы ее было видно. В нее едва не пальнули сторяча, но опомнились — кто, кроме этого создания, мог положить сюда золото? Чистейшее и на приличную сумму?

Неприятным голосом, не вполне похожим на человеческий — глэрд особо отмечал это обстоятельство, хотя и не мог объяснить, в чем же отличия, — фигура вполне членораздельно и внятно попросила их не пугаться, заявив, что является существом из плоти и крови, не имеющим ничего общего с нечистой силой, и намерена заключить взаимовыгодное соглашение вроде торгового, а в знак серьезности своих намерений и дружелюбия уже выплатило маленький задаток.

Слово «задаток» глэрду весьма понравилось, а еще больше привлекало то, что слиток золота величиной с кулак существо небрежно поименовало «маленьким». Перспективы открывались интереснейшие. Расхрабрившись, глэрд велел спутникам убрать подальше оружие, загадочного гостя в балахоне пригласил выйти из зеркала, присесть за стол, как принято меж благородными людьми, и обсудить все по-деловому, а не на ногах, подобно продающим корову простолюдинам. Гость вышел, предупредив предварительно, что он на той стороне не один, и в случае какого-нибудь коварства за него отомстят молниеносно и надежно. (Что, между прочим, свидетельствовало о некоторой осведомленности существа о человеческой природе и психологии.) Глэрд и не помышлял о каких-то коварных ходах: дело было не только в золоте, он слишком хорошо понимал уже, что создания, способные забросить на нашу сторону из Зазеркалья слиток золота, могут, пожалуй что, набросать оттуда и каких-нибудь зажигательных снарядов в самый неожиданный момент. Да и разглядел уже, что зеркальное стекло исчезло начисто, что на т о й стороне нет уже отражения зала, зато в полумраке шевелятся смутные фигуры, направив в их сторону дула и жерла.

Уселись тут же, в зале. Глэрд так и не видел ни лица гостя, ни хотя бы кончика пальца, но тот, по крайней мере, мог сидеть, как человек, а изъяснялся вполне вразумительно, лексикон его был богат, речь — гладка. По размышлении глэрд вынужден был признать, что, не видя собеседника, а лишь слыша,

принял бы его за обыкновенного образованного человека, а то и дворянина. То, что голос загадочного гостя был скрипучим и каким-то не так и м, картину не портило — в конце концов, глэв Гюсан, которому искусные лекари вставили серебряную трубку в развороченную картечью на войне глотку, хрипел и скрипел при каждом слове не в пример диковиннее, а вот поди ж ты, привыкли и научились понимать...

Вскоре выяснилось, что незнакомец в балахоне — своего рода купец, но не простой, а высокопоставленный, что-то вроде старшины Сословия Мер и Весов, если переводить на привычные мерки, а с подобным купеческим сановником и дворянину сидеть за одним столом не зазорно. И дело его опять-таки насквозь знакомое: означенный субъект «по ряду причин, излагать которые было бы слишком долго и сложно», намеревался проложить через «доспешную залу» глэрда нечто вроде торгового маршрута, за что, конечно же, готов был платить владельцу данного места, как принято в цивилизованном обществе. По его заверениям, место, откуда он вышел, было не какой-то там магической страной или обиталищем нечестивых демонов, а обыкновенным миром, таким же, как Талар или Сильвана, но расположенном в пространстве так заковыристо, что он, гость, и сам толком не понимает, как это можно объяснить обыкновенными человеческими словами, поскольку, к тому же, не обременен особой книжной ученостью, предпочитая торговые дела.

Глэрд и сам не особенно требовал научных объяснений — его гораздо больше интересовали материальные вопросы. Он быстренько смекнул: очень похоже на то, что какие-либо другие зеркала загадочного гостя не устраивают, что именно это, в замке, ему позарез необходимо. Как с Кантарийским перевалом: нет в округе другого места, где было бы так удобно проложить большую дорогу, нет, хоть ты тресни, и тому, кто вознамерился бы сделать крюк, пришлось бы отмахать добрых две сотни лиг. Вот и платят купцы соответствующую пошлину благородному глэву, на чьих родовых землях помянутый перевал расположен, кряхтят, жалуются, но платят, никуда ведь не денешься, поедешь в обход — еще больше затратишь...

С э т о й точки зрения глэрд и повел дальнейшую беседу. Существо в балахоне мысли Рейта уловило моментально — и весь последующий разговор представлял собою банальнейший торг. Глэрд боялся продешевить, а существо, хоть и издавало звуки, вполне соответствующие кряхтению, хоть и порывалось пару раз, совершенно как опытный таларский купец, убраться

ся восвояси, но все же не очень торопилось, подтверждая тем самым первоначальные догадки глэрда, что особого выбора у загадочного гостя-то и нет. После демонстративных вскакиваний и прощаний, после торга и взаимных обвинений в чрезмерной алчности дело все же начало понемногу налаживаться. К рассвету ударили по рукам — чисто в переносном смысле, поскольку конечностей гостя глэрд так и не увидел, о чем не особенно и сожалел: а зачем, собственно? Какая разница, как выглядит конечность, протягивающая тебе золото?

И по тропе двинулись караваны... В течение двух лет деловые партнеры с той стороны появлялись из зеркала строго по своему расписанию — один раз в одиннадцать дней, которое не нарушили ни разу. Число путешественников, наоборот, не было чем-то незыблемым и неизменным: как правило, от семи до десяти, а иногда с ними были один-два тяжело навьюченных ящера. Всякий раз они успевали от заката до рассвета проделать путь со своей поклажей от замка глэрда до морского берега и обратно (иногда кто-то из них уплывал с грузом на корабле, иногда — нет). Поскольку маршрут этот пролегал по землям глэрда и его вассала, малолетней глан-фортессы, где чужие появлялись крайне редко (а ночью и свои не болтались под звездным небом), тайну удавалось хранить надежно.

Откуда взялся корабль, на котором увозили грузы, глэрд не имел представления. Ему просто сообщили, что корабль придет, и посоветовали арендовать у юной дворянки единственный подходящий для импровизированной пристани участок на многие мили побережья. (Сам он, обдумав все, высказал предположение, что стал не первым и не единственным из таларских жителей, кто наладил с «балахонщиками» торговые дела.) Как же иначе, если на корабле были самые натуральные люди?

Разумеется, пришлось как следует поработать со слугами. Им преподнесли версию, которая никого не удивила, потому что не несла в себе ничего нового и необычного: его светлость тоже решил в конце концов заняться контрабандой. В пограничных местностях, так уж истари повелось, отношение к контрабанде незатейливое и насквозь житейское — как у крестьян к севу или выпасу овец...

Следить, ясно дело, приходилось недреманно. За эти два года с жизнью распрощались пятеро слуг — кто по пьянке наговорил в деревенской корчме лишнего, кто чересчур уж нагло потребовал увеличения платы за молчание, а один вообще собирался, как

честный подданный его величества, донести в полицию. От бы-
т и е из нашего мира всех пятерых было обставлено столь про-
думанно, что никто ничего не заподозрил. По тем же причи-
нам пришлось, пусть и с болью душевной, р а с с т а т ь с я с
Кривым Маком, каковой тоже начал звонить языком на всех
углах, а в силу непредсказуемости характера старикашки лю-
бые заключенные с ним договоренности были вилами на воде
писаны. Пряча глаза и проронив слезинку, глэрд поведал, что
ни у кого так и не возникло мыслей, будто смерть седого чер-
тозная вовсе не была следствием неумеренного потребления
спиртного.

Легко догадаться, что глэрд сгорал от любопытства, пытаясь
выяснить, что же лежит в загадочных тюках и ящиках, но ни-
как не мог до них добраться, все его предложения о помощи в
переноске решительно отвергались. Где-то через год, когда вза-
имовыгодные отношения устоялись и окрепли, он все же по-
ставил вопрос ребром, заявив: как он может быть уверен, что
его не обманывают с выплатами пошлины, если не знает, что
в мешках? И пригрозил разорвать прежние договоренности в
одностороннем порядке.

Вновь состоялся разговор по душам — если точнее, откро-
венная сvara, но, как и рассчитывал хозяин замка, более под-
ходящего маршрута у его зазеркальных друзей, похоже, не
имелось. Ему показали содержимое нескольких тюков по его
выбору, но, вот незадача, подавляющее большинство обнару-
жившихся там предметов настолько не походили на что-то из-
вестное, что об истинном их предназначении глэрд просто не
мог догадаться (как и сам Сварог, добросовестно выслушавший
длиннейшие, но не ставшие от этого понятными описания).
Лишь некоторые вещички вроде уже конфискованных людьми
Баглю у пастухов «водяной лампы» и «волшебной сковород-
ки» оказалось возможным приспособить к повседневным нуж-
дам (как и полдюжины других, найденных в замке опять-таки
ищейками Баглю). Глэрду они были не столь уж и необходи-
мы, но из чистого стяжательства он требовал присовокупить
их к обычной плате.

Будущее казалось безоблачным — «зазеркальщики» пока
что не собирались искать новый маршрут либо отказываться
от старого, после брака племянника с хозяйкой замка Барраль
ее земли должны были самым естественным образом соеди-
ниться с глэровыми (и побережье в том числе), купленный с
душой и потрохами королевский пристав, со своей стороны,
обеспечивал тайну и безопасность...

Беда, как водится, грянула неожиданно. Слабым звеном в цепочке оказался родной племянник, кровиночка, сволочь этакая. Кто же мог предположить и просчитать заранее, что он, пылая плотскими желаниями, устроит невесте экскурсию с демонстрацией кое-каких диковинок? Отправить паршивца следом за Кривым Маком и ненадежными слугами не поднималась рука — кроме племянничка, у вдового и бездетного глэрда других наследников не было, земли при другом раскладе отошли бы короне как выморочные, а герб был бы принародно перевернут, что означало пресечение рода. Пришлось помиловать обормота, измочалив, правда, об него арапник, — и ускорить свадьбу, насколько возможно. В Барраль был отправлен продажный пристав... Последствия известны.

...Сварог долго вдыхал полной грудью свежий вечерний воздух, казавшийся невероятно сладким после подвальной духоты, пропитанной дерьмом, копотью и грехами человеческими. Потом задумчиво сказал:

— Он не врал, я уверен. Вполне возможно, о чем-то я попросу не спросил, но любое вранье я бы выявил... В самом деле, это никак не похоже на нечистую силу...

— Решительно не похоже, — кивнув головой, подтвердил брат Фергас. — Ни малейших следов мы не выявили. Что ж, так легче...

— Рейту они говорили, что таскают свою поклажу из одного не на шенского мира в другой... — протянул Сварог. — Но вы правы, милейший Баглю: пользоваться нашим миром без нашего дозволения — по меньшей мере бестактно. А по большому счету, это вульгарнейшее нарушение наших законов. И отвечать должен по всей строгости.

— Никуда они от нас уже не денутся, — мстительно поведал Баглю. — Замок занят гвардейцами, всех без исключения причастных мы перехватили и посадили под замок. День следующего визита знаем точно. Уж я их встречу... Не смотрите так, государь, я не собираюсь, словно глупый юнец, бросаться с голыми руками на эти их жерла. Дадим им выйти и тихонечко сграбастаем на полпути к морю. А тот корабль никуда не денется, наши корветы перехватят. Вообще-то, ваше величество, о подобных случаях я должен незамедлительно ставить в известность Канцелярию земных дел, ее восьмой департамент...

Сварог спокойно сказал:

— Но ведь вам известно, что совсем недавно ее величеству императрице было угодно распорядиться о создании еще одной конторы, чей глава стоит выше милорда Гаудина?

— Разумеется... господин капрал Небесной лейб-гвардии!

— Так-то, — сказал Сварог. — То, о чем восьмой департамент не знает, ему и не повредит... Я дам вам людей, вооруженных кое-чем посерьезнее мушкетов. Опасаюсь, у этих созданий под балахонами может оказаться и оружие... Одного я не пойму: почему никто в округе не заметил выючных я щ е р о в? Создания в балахонах еще могли в ночном мраке сойти за людей, но ящеры-то?

— Ваше величество... — легонько усмехнулся Баглю. — Вы, должно быть, невнимательно читали ученые книги о гланской фауне... У нас еще водятся горные вараны, нигде на континенте их уже не осталось, вымерли, а у нас тысячи две осталось. Есть умельцы, которые приучают пойманных совсем крохотными детенышей и к плугу, и к выюку. Так что здесь нет никакой загадки: их ящеры очень похожи на горных варанов, только и всего...

Он неотрывно следил за каретой с занавешенными окнами, стоявшей у входа в подвал. Вывели глэрда Рейта, закутанного в плащ с опущенным капюшоном, затолкали внутрь, стражники вскочили на запятки — и карета тронулась.

— Езжайте, милейший Баглю, — сказал Сварог. — Я же вижу, вы сгораєте от нетерпения продолжить разговор, вытряхнуть из него все остальное... Езжайте.

Баглю с видимым облегчением поклонился, бросился к своему коню, взлетел в седло и поскакал вслед за каретой, уже свернувшей к главным воротам королевского замка. Сварог медленно зашагал по брусчатке бок о бок с монахом. Поодаль маячил слуга, но приближаться опасался, полагая не без резона, что его величество поглощен важнейшими государственными делами.

— Как же вы проморгали... — произнес Сварог.

— Потому и проморгали, что это нечто насквозь житейское, — задумчиво сказал брат Фергас. — Не имеющее отношения к потустороннему, к магии... И ведь не только мы проморгали... А в общем... Наши Братства не всемогущи, государь. Конечно, досужие языки нам приписывают нешуточное могущество и обладание некими страшными тайнами, но признаюсь, ваше величество, в этом все же много от сказок. Нет ни особого могущества, ни каких-то тайн. Просто-напросто мы старые и опытные о х о т н и к и — вот и все... Боремся с Тьмой,

как умеем. А упорство и решительность, увы, не всегда замечают могущество... Тот же случай, что и с вами, уж простите за дерзость. Вам тоже присуща решимость и упорство, но они не делают вас всемогущим...

— Да уж, к великому моему сожалению... — сказал Сварог печально. — Нужно нам с вами как-нибудь выбрать время и обстоятельно поговорить по душам, причем я буду выступать не в роли короля, а в качестве главы той самой конторы, о которой мы говорили с Баглю... Меня беспокоит Горрот... даже не сам Горрот, а то, что внешне там все благополучно, все в рамках имперских законов и установлений — но, я уверен, есть и о б о р о т н а я сторона.

— Полностью с вами согласен, — кивнул брат Фергас. — Не примите за лесть, государь, но вы нашли отличную формулировку. Полная открытость и благолепие — и некое потайное дно, как в старинных шкатулках.

— Значит, вы...

— Мы ничего не можем выяснить, — сказал монах. — Те, кто оттуда возвращаются, не могут выяснить ничего... конкретного. Другие бесследно пропадают, и мы опять-таки не в состоянии отыскать следов. Или улики. О, никто не создает помех деятельности Братства — но люди исчезают, словно тают в воздухе...

— А что, если пойти на него войной? — размышлял вслух Сварог. — Повод найти нетрудно, никого не удивит даже отсутствие повода — когда это оно считалось препятствием к развязыванию войны?

— Для серьезной войны у Глана не хватит сил. Вам ведь нужна не очередная пограничная стычка, а полный разгром Горрота и его захват?

— Желательно бы, — кивнул Сварог.

— У Глана на это никогда не найдется сил. Впрочем, как и у Горрота в отношении нас.

— Союзников бы нам, — сказал Сварог мечтательно. — Коалицию с Ронеро или Снольдером... Попробовать, что ли?

— Ронеро не до нас, — подумав, сказал монах. — Конгер умирает, ему остались считанные дни. А законного, признанного всеми наследника нет — только внебрачная дочь и около двадцати королевских родственников, в большинстве своем людишек пустых и никчемных. В Снольдере обстановка еще унылее — там есть совершенно никчемный король, но нет сильных министров, имевших бы вес... Никакой коалиции нам в обозримом будущем не сколотить. Наши Братства не в состоянии выступить в чистом поле против армий...

— Бог ты мой, — в сердцах сказал Сварог. — Я, конечно, и раньше предполагал, что быть королем непросто, но только теперь понял, как это тягостно. Точно знаешь, что хочешь, что нужно сделать, — и отчетливо видишь, что сделать не в силах ничего...

Они понемногу приближались к королевскому дворцу — не столь уж большому зданию старинной постройки, с узенькими окнами и навесными башенками-машикулями, задуманному в первую очередь как рубеж обороны, а не средоточие комфорта. Откровенно говоря, почти спартанская простота сего обиталища Сварогу не очень так уж и нравилась, он был уже чуточку избалован небесной роскошью.

Возле узкого высокого крыльца — опять-таки идеально приспособленного для долгой обороны — стояла Мара в компании нескольких телохранителей. Слуга так и тащился следом, то порываясь подойти, то робко отступая.

— Вам нужно беречься, государь, — сказал монах бесстрастно. — Эта неожиданная вежливость Стахора — я об оставлении им Заречья и Корромира — меня беспокоит даже больше, чем какой-то откровенно враждебный акт...

— Меня тоже, признаться, — серьезно сказал Сварог. — Но вот от ч е г о прикажете беречься, святой брат? Не знаете? И я не знаю... Положительно, этому болвану что-то от меня нужно!

Он приостановился и жестом приказал тащившемуся по пятам слуге подойти.

Тот, кланяясь, как подобает, тихо сообщил:

— Государь, в столицу прибыл ваш младший брат...

— Вы что-то путаете, любезный, — сказал Сварог почти весело. — Нет у меня братьев и не было... — И тут же спохватился. — Тьфу ты, я и не подумал... Конечно же, младший брат... Харланский герцог или кто-то из Вольных Маноров?

Старательно пуча глаза и держа руки по швам, слуга доложил:

— Несколько часов назад в столицу на купеческом корабле приплыл король Арира из Вольных Маноров — под вымышленным именем, в сопровождении кого-то из своих баронов, тоже путешествующего инкогнито. Оказавшись в столице, король открыл свое подлинное имя и заявил, что хочет с вами увидеться по конфиденциальному делу... Глэрд Таварош ждет распоряжений... Он говорит, что король настоящий...

— Интересно, какого черта ему от меня нужно? — в недоумении спросил Сварог. И, не стесняясь нарушать этикет пе-

ред лицом подданных, размашисто хлопнул себя по лбу. — Я с сегодняшними событиями забыл все на свете... Бони!

— Именно так, государь. Король Арира Бони Скатур Дерс Первый. Подлинное имя барона мне неизвестно, его так и не называли...

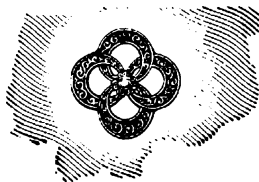
— Ничего, я и сам знаю, — нетерпеливо сказал Сварог, улыбаясь. — Готов биться об заклад, барона зовут Паколет... Ноги в руки, любезный! Марш на кухню, и пусть повара наготовят столько, чтобы хватило на целый платунг голодных драгун! И бочоночек из погреба, из з а в е т н о г о отделения! Ну, не стой столбом! Чтоб подошвы горели!

Слуга, оскальзываясь, кинулся прочь — к поварне.

— Добрые знакомые? — спросил монах.

— Друзья, — сказал Сварог, все еще улыбаясь. — А у меня не так уж много друзей... Простите, святой брат, я вас оставляю...

Уверенно стуча каблуками по древней брусчатке, он быстро зашагал к Маре, на ходу прикидывая, как проще и незаметнее всего улизнуть из замка.

Глава 12

МЕЖДУ НАМИ, КОРОЛЯМИ

Оказалось, незаметно покинуть древние стены — предприятие самое нехитрое... Мара как командир королевских телохранителей, уже была посвящена в эту тайну, более того, располагала двумя комплектами ключей: своим и личным королевским. Нужно было спуститься в подвал под домиком для стражи у ворот, там, в самом дальнем углу, отпереть низенькую дверцу, спуститься на дюжину ступенек, пройти уардовсто по сводчатому туннелю, выложенному не пропускающим сырости «жабым камнем», снова преодолеть дюжину ступенек, но уже вверх, — и оказаться в небольшом домике по ту сторону площади, отделявшей королевский дворец от прочих городских строений. Хозяином домика по традиции был отставной гвардеец, надежный и семью семь раз проверенный. За четырехста лет существования подземного хода пользовались им часто — одни гланские короли, подобно Гарун аль-Рашиду, любили прогуляться по своей столице в облике простого прохожего, другие искали за пределами замка любовных приключений, третьи плели какие-то интриги там, где у стен нет ушей... Но задуман и построен был потайной ход в первую очередь не для пустых забав, а с чисто утилитарными целями: чтобы монарх в случае такой необходимости мог бы спастись от убийц. Гланские патриархальные традиции наложили свой отпечаток и на эту область жизни: в отличие от иных держав, где частенько заставляли свергнутых королей подписать бумагу об отречении, после чего все же сохраняли жизнь в ка-

ком-нибудь отдаленном замке, гланские заговорщики не разменивались на столь пошлое бумаготворчество, предпочитая попросту и без затей проткнуть короля чем-нибудь острым, чтобы, чего доброго, не сбежал потом из заточения и не отомстил по всей строгости. Шутки шутками, а Баглю рассказывал Сварогу о двух королях и одной королеве, которым этот ход спас жизнь, что за четыре столетия в замке были убиты семеро самодержцев, которым не дали возможности добежать до спального подвала...

Отчасти и по этой причине замок Клойн (с которого некогда и взяла начало одноименная столица) Сварогу как-то сразу не пришелся по вкусу. Не особенно и приятно обитать в замке, где имеются пять комнат и две лестницы, некогда запятнанные кровью твоих злодейски загубленных предшественников. (Что интересно, ни один из них отчего-то так и не появился впоследствии в виде призрака. Но это ничуть не повлияло на отношение Сварога к неудобной каменной громаде.)

Вот купленный Марой дом примерно в полулиге от замка — совсем другое дело. Там никого никогда не убивали, там было тесновато, но уютно, а главное, можно обходиться без кучи положенных по этикету постельных, чашников и прочих холоуев, с утра до вечера болтавшихся за дверью то королевской спальни, то королевского кабинета...

Сварог стоял за портьерой, пока замковые слуги расставляли на столе привезенные с королевской кухни яства, вкатывали тот самый заветный бочонок. Слышал только, как Мара покрывала:

— Громоздите, громоздите! Чтобы стол ломился! Бочонок поставьте просто так, пробку я как-нибудь и сама вышибу! А то знаю я, как в таких случаях бочонки наполовину пустеют...

— Госпожа гланфортесса... — послышался укоризненный тенорок третьего помощника главного королевского кухаря. — Вот уж воистину беспочвенное обвинение...

— Знаю я, — безжалостно ответила Мара. — Оглянуться не успеешь, как ополовините. Кто на пиру в честь коронации печеного фазана под поллой унес прямо с блюда? Не я вами заведую, обедалы-опивалы, а то наплакались бы вы у меня... Все выложили? Вот и шагайте восвояси, да пригласите сюда тех двух господ...

Когда захлопнулась дверь, Сварог вышел из своего укрытия, оглядел стол, как положено, ломившийся от массивных золотых блюд, кубков, чеканных мисок, поставцов и чаш. Стол

невыносимо заманчиво благоухал тушеным, пареным, пряженым, ставленным и верченым — да вдобавок свою лепту вносили горы фруктов, сладостей и заедок. Несмотря на вороватость, кухари и их подручные свое дело знали — за таким столом и в самом деле не стыдно одному королю принять другого.

Мара присвистнула сквозь зубы:

— Одну копченую рыбу все-таки ухитрились спереть, прохвосты. Хорошо помню, что их было семь, «благоприятное число», а теперь не более чем шесть...

— Не придирайся, — сказал Сварог. — Между прочим, они о тебе то же самое думают — что ты под шумок, пользуясь служебным положением, кормишь своих гостей с королевского стола... А что еще им думать, коли они не знают, что я тут?

И повернулся к двери, чувствуя, как рот сам собой растягивается в улыбке. Дружелюбно рывкнул:

— Ну, что встали, обормоты? Почему никто на шею не бросается? Не к чужим приехали!

Первым вошел Бони — такой же здоровенный, вот только румянца в лице что-то поубавилось, да над ремнем явственно выпирал живот. Двигавшийся следом Паколет тоже мало напоминал уже прежнего тощего недокормыша — щеки у него лоснились, фигура приобрела этакую сытую округлость, разве что редкие кошачьи усики остались прежними. Оба и двигались как-то иначе — осанисто, вальяжно, степенно.

— Ну что вы в дверях торчите?! — нетерпеливо воскликнул Сварог, делая шаг вперед.

— Кто ж вас знает, ваше величество, — осторожно сказал Бони, неторопливо продвигаясь к нему. — Вы, говорят, заматерели, не счесть титулов с орденами, Небесным Престолом отмечены... Полезешь по старой памяти ручкаться, позору не оберешься...

— Болваном был, болваном и остался, — сказал Сварог беззлобно, крепко обнял его, похлопал по спине, потом тем же способом приветствовал Паколета. Отстранился, внимательно их оглядел. — Ребятки, а ведь вы, провалиться мне на этом месте, здорово жирком обросли...

— И не говори, командир, — уныло сказал Бони прежним, естественным тоном, моментально заставившим вспомнить старые доблестные времена (не столь уж и старые, впрочем, всего-то полгода промелькнуло). — Чего уж нас щадить, скажи попросту: салом заплываете, кабаны... Святая правда. — Он звучно похлопал себя пониже ремня. — Эвона, бурдюк топырится, чтоб ему... Привет, рыжая! — обернулся он к Маре. —

Волосья отрастила, похорошела-подросла, оружием увешана, как встарь... Много народу поубивала, пока не виделись?

— Мне хватит, — скромно ответила Мара.

— То-то мы, пока шли, видели — из каждой канавы ноги торчат, сразу на тебя и подумали...

— Трепло деревенское, — с достоинством ответила Мара.

— Увы, рыжая, увы... — ответил Бони с той же неприкрытой грустью. — Давно уж не деревенское, а вполне даже королевское. Ты не смотри, что я корону дома на гвозде оставил, — мы нынче тоже настоящие короли, хоть и младшие братья б о л ь ш е н ь к и х... А это кто? — Он подошел к Элкону, обошел его кругом, как столб, критически оглядывая. — В очечках, надо же...

В мгновение ока он сграбастал юнца поперек талии, оторвал от пола и ловко крутанул на триста шестьдесят градусов, так, что пятки молодого лара на секунду оказались направленными в потолок. Ухитрившись при этом не уронить у него с носа очки, поставил назад, поцокал языком:

— Хлипковат. Надо полагать, он у тебя, командир, по ученой части?

Элкон сердито поджал губы, но грубость стерпел, вежливо раскланялся:

— Совершенно справедливо извоили заметить, милейший, по ученой главным образом...

— Ну, ничего, дело полезное, — благодушно сказал Бони. — Я вон тоже научился читать не только по-печатному, но и по-писаному, и даже, командир, не поверишь, писать умею! Почти что без ошибок. А если мне на ошибку какая въедливая зараза укажет, я уже не конфузюсь, а спокойно отвечаю: мол, своим королевским указом велел намеренно изменить эту, как ее... орфографию и в данный текущий момент как раз по этой новой орфографии и пишу... — Он похлопал Элкона по плечу. — Молодец, держись командира. У командира редкостный талант выводить в люди всех, кто ему вовремя подвернется под руку и найдет в себе достаточно ума, чтобы встать под знамена, в ряды, так сказать... Вот посмотри на меня, кто я был в прошлом году? Беглый мятежник без гроша в кармане, без документов, без цели в жизни... А теперь? Натуральный король, с подданными, с дворцом, с фаворитками, чтоб их черти взяли... А этот вот хмырь, — показал он через плечо большим пальцем на ухмылявшегося во весь рот Паколета, — и вовсе в Равене кошельки тырил, курей воровал по окраинам. Зато теперь — фу-ты, ну-ты! — ронер-

ский маркиз и арирский барон, поместье у него, замок с башенками, вассалы шапки ломают, орденами звенит... А все почему? Потому что вовремя догадался в ногу маршировать за командиром...

— Все это весьма познавательно, — как ни в чем не бывало поклонился Элкон. — Однако я и без ваших поучений успел понять, что лорд Сварог — личность незауряднейшая.

— А он у тебя с гонором, командир, — фыркнул Бони. — Если еще и не дурак, далеко пойдет... Так-так-так... — сказал он, подошел к столу и, не обращая внимания на заманчиво благоухающие яства, уставился на Караха, примостившегося на широкой спинке дубового стула. — Чтоб меня об сарай шваркнуло! Натуральный домовой! И в орденах весь, надо же... Отроду не слышал про домовых при орденах, даже с простенькой медальюшкой, по-моему, ни одного не было...

Карах, тоже уже обучившийся придворным политесам, вежливо ответил:

— Между прочим, любезный король, я имел честь сопроводить командир у в опаснейших предприятиях, пока вы у себя в деревне гусей пасли...

— Вот уж чего сроду не делал, — беззлобно ответил Бони. — У нас в Скатуре гусей не было. Гуртовщиком был, это точно, не отрицаю, да это ж не позор... Значит, это тоже сподвижник? Ну, в таком случае — наше нижайшее! Командир в сподвижники кого попало не выберет — вон, один я чего стою... Писанный балладный персонаж. Вы чего так скептически ухмыляетесь, господин в очечках? Про меня, чтобы вы знали, самый настоящий поэт самую настоящую поэму пишет, самым что ни на есть стихослагательным манером — то ли блямбом, то ли холерой, не помню точно... В пяти частях, с восхвалительным прологом и прославительным эпилогом. Точно вам говорю, настоящий поэт, из Сословия Свободных Искусств, в трех университетах учился, книжки печатал. Я его не уговаривал, сам из Ронеро приблизился...

— И жрет у тебя на поварне, поди, за троих? — невинным голоском поинтересовалась Мара. — И вино хлещет за четверых, и золотишко у тебя тянет?

— Не без этого, — чуть смущенно сознался Бони. — А что поделать? Приличный король должен покровительствовать искусствам, это везде написано. Мой придворный стихоплет хоть поэмы пишет и репутацию ценителя искусств мне создает, а просто придворные, все эти там камергеры и кухмистеры, за те же денежки только милости выпрашивают и золотые вилки

с солонками со стола прут на каждом обеде... Повесил одного с вилок в зубах, так, ты думаешь, помогло и перевоспитало? Хрена с два! Хоть к столу солонки приколачивай, право слово...

— Вот, кстати, о столе, — спохватился Сварог. — Что же мы стоим, как монументы? Прошу к столу! От души награждали!

К его некоторому удивлению, долгожданные и радовавшие душу гости уселись за стол определенно нехотя, восторгаясь его роскошью и обилием, такое впечатление, исключительно для того, чтобы не обидеть радушного хозяина. Бони лениво пожевал ломтик фаршированной креветками форели. Паколет равнодушно, будто повинность исполнял, отломил крыло у каплуна, плававшего в сложнейшем соусе «семь обжор»... Помнивший их аппетит Сварог поначалу недоумевал про себя, потом спросил прямо:

— Зажрались, ребятки, в королях и баронах?

— Вот то-то и оно, командир... — печально отвечивал Бони, вороша вилок салат с таким видом, словно перед ним была отрав. — Зажрались, зажирили, брюхи ходить мешают... Не было б на свете вина, жизнь и вовсе смысл бы потеряла... — Он поднял сверкнувший неограниченными самоцветами кубок и решительно осушил его до дна. — Что бы мы делали, бедные короли, без доброго винца... Между нами, королями, командир, — кто же знал, что жизнь наша королевская такая паскудная...

— Правда? — серьезно спросил Сварог.

— Святая правда, — не менее серьезно ответил Бони, приканчивая второй кубок вместимостью не менее чем в полторы бутылки. Щеки у него моментально покраснели прежним деревенским румянцем. — Ты у нас, конечно, дело другое — у тебя, как ни крути, держава на с т о я щ а я. У тебя и войны в заправдашние, как у больших, и дворянские мятежи, я краем уха уже слышал, солидные, и армия, и университет, и все такое... А вот знал бы ты, какая это дыра — Вольный Манор! — Его разбирало на глазах. — Неопишутая дырища! Чтoб ей провалиться со мной вместе! Чтoб только дырка на географической карте осталась!

Мара, насмешливо наблюдавшая за ним, не преминула тут же вмешаться:

— Насколько я помню, никто тебя на арирский престол силком не тащил, в спину оглоблей не подталкивал...

Вопреки обыкновению, Бони не огрызнулся и не отшутился. Сказал печально:

— Ну что, сваял дурака. С тобой не бывало, что ли? Отомстить этому гаду, Арсару, конечно, следовало, но вот за каким чертом я на освободившийся престол влез, сам толком не пойму. Такая уж была обстановка — воинство мое подзуживало, бароны в пояс кланялись, корону трясущимися ручками протягивали... Вспомнил я сказки и баллады да подумал: отчего бы нет? В сказках, господа мои, brave герой навсегда, спихнувши или прикончивши коварного тирана, сам на трон садится. Вот я и сел, дубина. Сначала повелел отыскать уцелевших скатурцев, чтобы облагодетельствовать, — земляки как-никак. Нашли человек двадцать. Душевного разговора о старых временах не получилось — в пояс кланяются, признавать боятся, два часа поил, да так и не разговорил толком. И понял я, что возврата к прошлому нет, особенно когда от прошлого остались одни головешки. Ну, отсыпал им золотишка да отправил восвояси. И сижу себе дальше на престоле, как дурак, правлю помаленьку. Вот именно, что помаленьку: где ж в нашей глуши развернешься? От нечего делать пошел воевать с соседом — у меня в соседях князь Велембан, совершеннейшая скотина, ободрал всех, как охотник белку, невест из-под венца утаскивает, половину земель в Балонге заложил... И что? Он, когда услышал, что мы идем на его столицу, собрал казну во व्यюки и с самой доверенной челядью ускакал в изгнание, как миленький. — Бони невольно приосанился. — Это оттого, командир, что кое-какие слухи о наших славных свершениях под твоим мужественным руководством и до нашей глуши уже докатились, уж прости за прямоту, но и я в лучах твоей нешуточной славы иногда купаюсь... Репутация образовалась... Ну, что делать? Не вышло войны. Присоединил я его княжество к моему Ариру по праву ваганума и вернулся домой, как идиот, ни разу даже мечом никто не махнул... Подданные триумфальную встречу устроили, поэт мой впереди шагает и оды декламирует, — а меня тошнит от всего от этого...

Паколет, тоже успевший разделаться с парочкой кубков, громко хихикнул:

— Ты еще Расскажи, как они тебе почетные титулы преподнесли...

— Молчал бы ты, баронская морда... — печально отмахнулся Бони. — Ну да, точно, преподнесли. Собиратель Земель, Победоносный Воитель, еще как-то там... Подхалимы собрались мою конную статую на площади возводить, но тут уж я из себя вышел, рывкнул так, что без команды разбежались, а скульптор, для этой угодливой цели ими за большие

деньги из Ронеро выписанный, с перепугу так из дворца припустил, что за границей только и остановился... Сижу, правлю дальше. Бароны на цыпочках ходят, самому кусок до рта донести не дают. Я даже мечтал, чтобы устроили они, наконец, какой-нибудь заговор — все-таки развлечение, да и можно их потом на воротах развешать... Да разве от них дождешься? Пятки мне чесать на ночь готовы, доченок в фаворитки наперегонки так и подсовывают... — Он покосился на Элкона. — Ты, отрок, уши пока заткни, тебе еще рано про баб слушать...

Элкон преспокойно ответил:

— Могу вас заверить, ваше величество, что мои познания в этом предмете отнюдь не теоретические.

— Ну, тогда слушай, — махнул рукой Бони. На его щекастом, сытом лице отобразилось нешуточное страдание. — А эти доченьки — особая статья и новая печаль. Не успеет из-под тебя вылезти, зараза, начинает зудеть: мол, нельзя ли папеньке прирезать угодий? Или золотую цепь пожаловать? Или в камергеры произвести? Да вдобавок каждая в законные королевы рвется. Однажды подрались — ну, была картина! Бродячий цирк такой комедии не урежет! Одним словом, командир, вспоминаю я наши с тобой странствия и от тоски чуть подушку не грызу: как мы от погони бегали, под кустами спали и жрали что попало, как в Хелльстаде со страху писались, как с демонами в Трех Королевствах хлестались... — Его голос достиг высот пафосной мечтательности. — И под смертью ходили что ни день, и по воздуху летали, и по воде улепетывали, весь мир на нас шел войной... Вот была жизнь! Вот когда человеком себя чувствовал!

— Взял бы да и отрекся, — насмешливо посоветовала Мара.

— Не могу, — уныло признался Бони. — Духу не хватает. Крестьянская натура не позволяет — коли уж тебе досталось хозяйство, из рук его не выпускай... На этот счет есть какое-то ученое словечко, что-то насчет репы, — реплекс вроде бы... Реплекс у меня такой...

— А у тебя? — поинтересовалась Мара, с подначкой глядя на Паколета.

— А мне его бросать неудобно, — столь же печально, как только что его коронованный сюзерен, признался Паколет. — Как он один останется со всей этой сволочью? У меня то же самое, командир: жизнь не в жизнь... Бони меня по великодушию своему пожаловал в бароны — когда свергали короля Арсара, кого-то из баронов по ходу дела пристукнули, и остались

бесхозные земли... Только радости от этого никакой. Походил я гоголем ровно месяц — потом надоело. Не умею я этого — пиры устраивать, с соседями-олухами на охоту ездить, вассалов судить по выходным дням в самой что ни на есть торжественной обстановке, управителивы книги проверять, воровство выискивая... Осточертело.

В горницу тихонько проскользнула старуха Грельфи. Увидев, что на нее обратили внимание, замахала сухонькими ручками:

— Не беспокойтесь, светлый король, я где-нибудь с краешку примошусь, корочку пожую и водичкой запью...

Однако, усевшись за стол, наложила себе на золотую тарелку немало вкусных кусочков и в кубок наплескала отнюдь не родниковой водички. Встретив взгляд Сварога, непритворно вздохнула:

— Умаялась, государь. Весь замок облазила от подвалов до крыши, а уж зеркало три часа изучала, попробовала на нем все, что только умею... И сквозь решето на него смотрела, и семь иголок раскладывала, и на птичье крыло ворожила...

— И что с ним, с зеркалом? — жадно спросил Сварог.

— Откровенно тебе скажу, государь, — не понимаю... Ничего даже отдаленно похожего прежде не видела, в жизни не сталкивалась. — Грельфи выглядела не на шутку удрученной и усталой. — Что-то я за этим зеркалом увидела, знать бы только — что... Поначалу решила, что это Древние Дороги — нет, шалишь, совсем другое что-то... Заводь, думаю. Опять нет, никакая не Заводь. И уж никак не Соседняя Страница. Там какая-то Б е з д н а, светлый король. — Она произнесла последнее слово, выделяя и чеканя каждую букву. — Вот и все, что я углядела. Насквозь непонятная мне Бездна, жутко мне от нее, холодом на меня от нее дует... Но ихний Кривой Мак был прав, и монах тоже, — зеркало это, Бездна эта не имеет отношения ни к черной магии, ни к нечистому. Просто Бездна... — Она пожала плечами в тщетных попытках облечь в четкие человеческие слова непонятные ей самой образы. — Насквозь мне непонятная. Подержать бы тех, в балахонах, что из нее вылезают, за шкурку, в глаза посмотреть, «серебряным трезубцем» попытать... Или, скажем, «четырьмя углами»...

— Вы это о чем? — жадно спросил Бони.

— Да так... — скупой ответил Сварог, потому что хвастаться было нечем. — Очередная напасть, лезет тут из одного зеркала непонятно кто и непонятно откуда...

— Видал? — Бони отнюдь не по-королевски подтолкнул Паколета локтем. — Живут же люди! Я так понимаю, командир, у тебя вроде намечается очередное рискованное предприятие?

— Насчет риска пока не знаю, — честно признался Сварог. — Но загадочка серьезная и пакостная, чует мое сердце...

— Командир! — вкрадчиво сказал Бони. — А не найдется ли у тебя по старой памяти местечка в рядах? Для нас обоих? Ты не смотри, что у меня брюхо отросло, — поболтаться по бездорожью недельку-другую, сухим куском питаюсь, оно и пропадет...

Паколет торопливо закивал:

— Да уж понятно, для обоих. Куда тебя одного отпускать, деревенщину...

— Мне мест в рядах не жалко, — сказал Сварог. — Ряды, честно признаюсь, настолько редки, что тоска берет. Вот только... Вы хорошо подумали, ребята? Сейчас вы как-никак при недостатке и покое...

— А кто ж его знал, что достаток с покоем — такое дерьмо! — треснул по столу кулачищем захмелевший Бони. — Это поначалу, не знаяши, думается, что лучше собственной поварни и парчовой одежды ничего на свете нет. А приобвыкнешься — и тоска берет. Я, командир, сплошная деревенщина, как точно подметил этот хмырь с воровским прошлым. Однако ж успел врубиться в одну нехитрую истину: с тобой человеком себя чувствуешь. А не долбаным королем с засиженного трона. И дерешься, что характерно, за что-то путное. Вот тебе и весь сказ. Ты не думай, я тебе и трезвым то же самое повторю. Задолбало меня это королевство, спасу нет. Если...

У двери мелодично забренчал колокольчик. Кивнув Маре, чтобы подошла, Сварог быстренько облокотился на стол, закрыл лицо ладонью, сдвинув на ухо широкий гланский берет. Теперь, с закрытым лицом, он как нельзя лучше напоминал захмелевшего гуляку, к которому вошедший не особенно и будет приглядываться.

Он так и не расслышал, о чем говорила Мара с пришедшим, — Бони громогласно принялся, загибая палец за пальцем, перечислять все неудобства королевского положения, пропади оно пропадом, в синий прах и вперехлест через колодец по лешачьей матери... Тем временем Грельфи, умиленно расслабившись лицом, выпрашивала Паколета о его покойной бабке, своей бывлой подруге, — и голосина у нее тоже не напоминал мышинный писк.

Наконец Мара вернулась — с совершенно спокойным лицом, значит, никаких новых хлопот пока что не предвиделось, — уселась на свое место и тихонько сообщила Сварогу:

— В замок только что приехал граф Грелор из Ронеро, уверяет, что он — чрезвычайный и тайный посол короля. Верительная грамота имеется. Ты ему нужен прямо-таки незамедлительно. Говорит, что знаком с тобой.

— Граф Грелор? — проворчал Сварог, перебирая в памяти всех своих титулованных знакомых, которых к нынешнему времени уже набралось немерено. — Что-то такое в голове вертится... — И звонко хлопнул себя по лбу, по королевскому челу. — Ну я болван! Впрочем, титулом он пользовался так редко... Орлы! — рявкнул он. — А ну-ка, минутку внимания! К нам Леверлин приехал!

— Я ж говорю — судьба! — ухнул Бони. — Стягивается поменьшку старая гвардия, неспроста! Зови его сюда, у нас еще полбочонка осталось...

— В самом деле, — сказал Сварог Маре. — Пошли за ним человека, пусть едет сюда, к старым друзьям. Вряд ли он за это время стал настолько спесив, чтобы непременно требовать приема во дворце, да и посол-то он — тайный. Посол, надо же. Помнится мне, всякая государственная служба была ему решительно...

Он растерянно замолчал. Глухой удар, могучий, тяжелый, сотряс землю, казалось, совсем рядом, во дворике, куда завели коней. И тут же кони, прекрасно было слышно, тревожно заржали, загремели подковами по брусчатке. Посуда на столе — массивная, литого золота — подпрыгнула, как живая, жареный каплун, словно бы твердо решив избежать королевских и дворянских желудков, полетел со стола на пол.

— Эт-то чего такое? — громко осведомился Бони. — Меня на стуле так и подкинуло, а я ж не пушинка... Землетрясение?

— Не знаю, — пожал плечами Сварог. — Если верить знающим людям, давненько у меня в королевстве не случалось землетрясений...

Он подошел к окну, повернул вниз медную вычурную ручку и потянул на себя низкую старинную раму с забранными в свинцовый переплет круглыми стеклышками. Высунулся наружу, в ночную прохладу.

Судя по звукам, вокруг разгоралась самая настоящая паника. Сразу в нескольких местах, и далеко, и где-то совсем рядом, послышались многоголосые крики, испуганные и громкие,

по мостовой грохотали копыта — кто-то опростелу пронесся верхом, кто-то бежал возле дома на противоположной стороне улицы, размахивая горящим фонарем. Еще верховые, еще бегущие... Во мраке, слабо освещаемом лишь парочкой тусклых фонарей, вырывавших из темноты то чье-то насмерть перепуганное лицо, то лошадиный круп, то блеск огня на лезвии меча, метались конные и пешие, недоуменно перекликаясь, и пешие шарахались от конных, а конные сами не знали, куда им скакать...

Сварог отпрянул — совсем рядом, перед самым лицом мелькнуло широкое лезвие туфы в руке промчавшегося под окном всадника.

— Да куда ж ты! — заорал ему вслед кто-то под окном, едва не размазанный по стене мчавшейся лошадью.

Показалось, что все же настала, наконец, некая упорядоченность — и шаги бегущих, и грохот копыт потянулись в одном направлении, в сторону дворца. Высунувшись из окна вновь, Сварог перевесился через широкий подоконник и наугад гаркнул в темноту:

— Эй, что там творится?

Снизу ответил перепуганный женский голос:

— Ко дворцу все спешат, сударь! Кричали только что: дворец, мол, развалился! Короля убило, Матушка-Медведица! Каменьем так и завалило, рассыпался дворец!

Кажется, ей что-то ответил мужской голос, более рассудительно. Сварог уже не слушал — махнув Маре, бежал вниз по узенькой крутой лестнице. Оказавшись в небольшом внутреннем дворике, где все еще бились и ржали кони, сорвал со столбика поводья, вскочил в седло и, круто развернув храпевшего Дракона, вылетел в ворота, успев пригнуть голову, чтобы не треснуться лбом о низкую каменную арку. Оказавшись на улице, поскакал к дворцу.

Едва только свернул за угол, увидел воду — она текла навстречу во всю ширину улицы, покрыв брусчатку пальца на два, в ней отражались уличные фонари и факелы, всадники, поднимая брызги, неслись к площади, и туда же бежали пешие, хлюпая подошвами.

Бросив беглый взгляд через плечо — его догоняла Мара с двумя телохранителями, — Сварог дал коню шенкеля. Дракон рванул вперед в ореоле сверкающих брызг. Отчаянным усилием Сварога ухитрился обогнать телохранитель и, мчась на голову впереди, закричал:

— Дорогу королю! Королю дорогу!

Подействовало: пешие и конные раздались в стороны, слышались крики:

— Король! Король! — И кто-то заорал вовсе уж истошно: — Жив его величество! Жив!

Сварог вынесся на площадь, натянул поводья. Горячий жеребец взмыл на дыбы, но Сварог его мигом успокоил. Застыл в седле, словно собственная конная статуя, уронив поводья на луку седла, оторопело таращился на залитую янтарно-желтым сиянием ночного светила площадь — Семел-Юпитер как раз выглянул из-за туч.

Он не узнавал собственного замка, покинутого пару часов назад. Над стенами больше не возвышались башни и крыши — да и сами стены стали ниже на добрую треть, с них исчезли все до единой башни, машикули и зубцы. Из дыры на месте ворот шумно вырывался поток воды — толстенной струей, словно кровь из рассеченной артерии. И со стен текла вода, переливаясь через них на всем протяжении. Справа вдруг с грохотом обвалился кусок, несколько скрепленных прочным цементом валунов, — и в образовавшуюся неровную брешь тут же хлынул поток. Какое, к черту, трясение земли... но что это, боже правый?!

Вода лилась из замка могуче, неостановимо, словно там бил чудовищный фонтан. Дракон приплясывал, звонко лязгая подковами по мокрой брусчатке. Вокруг Сварога росла толпа конных и пеших, но никто не осмелился переступить некую границу, сделать хотя бы шаг навстречу неведомо откуда взявшейся воде.

Сварог присмотрелся: нет, не показалось. Там и сям в лениво струившейся воде билась рыбы, большие и маленькие, еще какая-то мелкая живность вроде крабов...

Неподалеку от него, впереди, на ноги с трудом поднялись несколько человек, шатаясь, побрели подальше от замка, по колено в воде, то и дело оглядываясь, ускоряя шаг, насколько удавалось. На них не было сухой нитки — но Сварог узнал гвардейскую форму, черные в золотую клетку юбки. Только один из них был в штанах, а следовательно, чужеземец.

В следующий миг Сварог его узнал, спрыгнул с седла — Мара успела подхватить повод, — кинулся навстречу, подхватил:

— Живой?!

— Да вроде бы, — с трудом ворочая языком, прохрипел Леверлин. — Порядочки ваши спасли — пока читали документы, пока искали дворецкого... Еще бы минутка — и проехал бы в ворота... А там, похоже, уже никого живого... Вода с неба рухнула, словно само небо...

— Точно так, ваше величество, — слабым голосом поддержал мокрехонький гвардеец, невежливо опершийся на Сварога, словно на придорожный столб. — Вода вдруг обрушилась с неба, сплошным потоком, одной великанской каплей, прямехонько во дворец, во двор, стены рушились, как картонные, хлопотало, хрустело...

Его молодое безусое лицо все еще было белым от ужаса, он вдруг задергался и тоненько застонал на одной ноте, отворачивая лицо от разрушенного замка. Кто-то, выдвинувшись из толпы, решительно оторвал его от Сварога и повел в сторону, еще человек пять, гремя оружием, торопливо обступили Сварога, заслоняя неведомо от какой опасности, шлепали по воде копыта и совсем рядом послышался напряженный, но спокойный и властный голос глэрда Баглю:

— Расступитесь, леший вас задеря! Дорогу королю, дорогу! — Подъехал вплотную. — Ваше величество, умоляю вас, немедленно уезжайте отсюда! Господин посол? Вы живы?

— Кажется, — ответил мокрый как мышь Леверлин, оглядывая себя. — Даже королевские грамоты целы, только мокрехоньки...

...В комнате Мариного домика почти ничего и не изменилось — разве что добавились Леверлин с Баглю да легкомысленное настроение как рукой сняло. Бони ухитрился чуточку протрезветь, но после некоторого колебания вновь наполнил кубок.

Баглю, меривший шагами комнату из конца в конец, ударил перчаткой по ладони:

— К а п л я, ваше величество! Обыкновенная капля. Только диаметром уардов в сотню. Я еще не все донесения собрал, но и того, что известно, хватит... Капля, понимаете? Человек десять в порту и в городе видели, как со стороны моря плыла такая «круглая туча», как остановилась над замком, а потом, словно по команде, обрушилась вниз потоком... В замке уцелели человек пять, а погибло не менее семидесяти...

Сварог угрюмо молчал. Не было надобности просить разъяснений. Все было ясно и так. Великанская капля воды диаме-

тром уардов в сто должна весить сотни, тысячи ластов. Когда эта масса, внезапно освобожденная, обрушилась на дворец, строения и стены рухнули, словно спичечный коробок под ударом кулака, давя и погребая все живое...

По спине судорогой прошел запоздалый холодок страха. Не покинь он замка украдкой, вполне мог оказаться среди погибших. Он мог дышать под водой не хуже, чем на воздухе, упавшая на голову балка и даже валун не причинили бы ни малейшего вреда, но вот, согласно законам магии, точнее, исключениям из них, обрушившаяся на него стена (в том случае, если бы имела соприкосновение с землей) раздавила бы в два счета, как самого обычного смертного... Не появившись Бони с Паколетом, он остался бы в замке и преспокойно отправился спать в старинную королевскую опочивальню с ее дурацким балдахином на витых столбах и рыцарскими доспехами по стенам...

— Что-то не слыхивала я про такую магию, — нарушила общее молчание старуха Грельфи. — Чего-чего, а такое вот нашествие с неба, будь оно магической природы, почуяла бы заранее и, уж будьте уверены, упредила б...

— Это Стахор, — убежденно сказал Баглю, оскалясь в подобии злой улыбки. — Это все он... Он и вас не оставит в покое, мой король... Вот вам ответ, отчего они так сговорчиво очистили Заречье, ушли из Корромира... Это Стахор!

— А доказательства? — устало спросил Сварог.

— Кому же больше? — взвился Баглю. — Кому по силам так о е устроить? То у него дворняги вспыхивают, как зажигательные бомбы, то из моря взлетает капля размером со скалу... Это точно была морская вода, я своими глазами видел рыбу. Морская форель, треска, ракушки, крабы... Водоросли, что в реке не растут... Это Стахор!

— Хорошо, — сказал Сварог, уставясь в пол. — Хотя у нас и нет никаких доказательств, будем считать, что это — штучки Стахора. Для простоты и пущего душевного спокойствия. Ну, и что дальше? Что мы в этой ситуации способны предпринять? Скажет мне кто-нибудь?

Как и следовало ожидать, ответом ему было общее молчание — кто отвернулся, кто в стену уставился. Только Карах в конце концов отважился встретить:

— Что-то я такое слышал в детстве, похожее, но так давно и вскользь... Толком и не припомню.

— Вот и помалкивай, — хмуро бросила Мара. — Может, мне этого скота попросту прикончить? Попроюсь в Горрот, найду способ подойти к нему вплотную — а дальше будет совсем просто...

— Возможно, гланфортесса, я и одобрил бы этот план, — подумав, сказал Баглю. — Хотя он и противоречит рыцарским традициям. Но не уверен я, что вам удастся к нему проникнуть. Слишком много людей там пропало без вести — и шпионов, и монахов...

«И даже самый настоящий лар из восьмого департамента, — мрачно добавил про себя Сварог. — Он не пропал без вести, правда, — но на глазах превращался из живого человека в золотую статую, и до сих пор никто из высокоумных специалистов не знает, как такое могло произойти. Вот только не стоит вам об этом рассказывать — совсем падете духом...»

— Я — другое дело, — упрямо сказала Мара.

— Уймись, — сказал Сварог. — Я тебе потом расскажу одну печальную историю, и она, уверен, спесь с тебя соьет... — Он повернулся к Леверлину. — Ну, а ты-то какими судьбами объявился в облике тайного королевского посла? Помнится, тебя придворная служба никак не привлекала...

— Времена меняются, знаешь ли, — сказал Леверлин серьезно. — Долго объяснять... Конгер хочет тебя видеть, дело у него важнейшее, отлагательств не терпит ни малейших. Он совсем плох, уже не встает и давно не может есть... Нужно поторопиться. Я тебя никогда ни о чем не просил, но сейчас просто-таки умоляю. Мы должны немедленно отправиться в Равену.

— Вот кстати, — насупясь, оборонил Баглю. — Любезный граф, я ничуть не подвергаю сомнению ваши полномочия и верительную грамоту... но не объясните ли, как это вы ухитрились попасть в пределы нашего королевства? Вы не пересекали границу, вы не приплыли морем — просто возникли словно из-под земли...

— В некотором смысле... — Леверлин не смотрел на него, неотрывно глядя на Сварога. — Дружище, мы должны торопиться... Времени нет совсем.

— Подожди, — растерянно сказал Сварог. — Даже если плыть на пароходе, пройдет не меньше недели...

Последние события сделали его недоверчивым — и потому он, едва вернувшись в этот тихий и уютный домик, пустил в ход все свое умение. Чтобы убедиться точно: это именно Леверлин,

старый друг и сподвижник, боевой товарищ, а не какая-нибудь тварь в его облике. Ошибки быть не могло: это Леверлин, и никто другой...

— Есть другая дорога, не такая длинная, — загадочно сказал Леверлин. — Совсем даже короткая... Мы можем отправиться немедленно. Говорю тебе, дело важнейшее и срочное.

— Д р у г а я дорога? — с сомнением произнес Баглю. — Ваше величество, мне все это страшно не нравится...

— Умерьте вы подозрительность, глэрд, — махнул рукой Сварог. — Этому человеку я доверяю полностью. Не так уж много на свете таких людей... — И решительно поднялся. — Глэрд, вы уж сами придумайте что-нибудь, чтобы объяснить мое недолгое отсутствие. С вашей сноровкой это будет легко. — И грозно нахмурился. — Кажется, вы намерены возражать?

— Да что вы, ваше величество, — ответил Баглю с грустной покорностью судьбе. — С вами не поспоришь, я это уже уяснил на недавних примерах...

...Сварог никогда не бывал в той части города, куда Леверлин привел его и Мару, — закатная окраина, тихий квартал степенных ремесленников, главным образом Золотой и Серебряной гильдий, а потому дома здесь были в два, а то и в три этажа, а на проходящих женщинах красовались золотые и серебряные украшения. Хозяин одного из домов встретил пришедших молча, словно так и следовало, словно к нему каждый день посреди ночи вламывались незнакомые люди. Он лишь поклонился и отодвинулся в сторону с видом человека, от которого ничего сейчас не зависит. Леверлин уверенно направился в дальнюю комнату, своим ключом отпер низенькую дверцу, мимоходом прихватив со столика лампу. Первым спустился по узкой каменной лесенке.

Еще одна дверь, такая же низкая, окованная затейливыми железными полосами. Леверлин отпер и ее, другим ключом, пропустил вперед Сварога с Марой, вошел сам. Они оказались в невысоком и коротком, длиной не более десяти уардов коридоре — а может, тоннеле, сплошь выложенном замшевым камнем. Тщательно задвинув засов, Леверлин тихо сказал:

— Вот и все...

Сварог с любопытством огляделся. Дверь, в которую они вошли, была единственной. Впереди — тупик. Однако, твердо

решив по своему давнему обыкновению ничему не удивляться лишний раз, он сказал с наигранной бодростью:

— Что-то это не похоже на короткую дорогу...

— И тем не менее... — слабо усмехнулся Леверлин. — Идите за мной.

Он первым двинулся к противоположной стене, и все трое встали возле замшелой кладки, судя по виду, сложенной очень и очень давно. Пахло плесенью, сыростью, раздавленными тараканами.

— И что дальше? — скептически хмыкнула Мара. Вместо ответа Леверлин решительно задул лампу. Пояснил уже в темноте:

— Так будет лучше, честное слово...

Не теряя времени, Сварог посредством всего четырех произнесенных про себя слов вернул способность видеть в темноте.

И ничего не увидел. Совсем. Коридор исчез, вокруг клубились, струились, завивались тяжелыми спиралями непонятные потоки — то ли дыма, то ли неведомой жидкости, что-то про него слось сквозь его тело, словно порыв ветра сквозь решето, в глазах помутнело окончательно, непонятная тяжесть на миг пригнула к земле...

Послышалось чирканье спички, вновь вспыхнул фонарь. Вокруг снова были каменные стены, покрытые плесенью и мхом. Та же дверь, тот же засов.

— И что теперь? — спросила Мара, судя по тону, нимало не потерявшая самообладания.

— Все, — ответил Леверлин просто.

Он подошел к двери, одним движением открыл хорошо смазанный засов, поманил их.

За дверью не было ни комнаты, сквозь которую они только что прошли, ни самого домика. В лицо им пахнуло ночной прохладой, они стояли в небольшом искусственном гроте, и в проеме на ночном небе виднелись звезды.

А урдах в двадцати от них возвышался прекрасно знакомый Сварогу королевский дворец в Равене — высокие острые крыши над верхушками сосен, Башня Звездочетов слева... Он даже узнал это место в парке: поблизости должна стоять позеленевшая от времени медная статуя Эльгара Великого, где-то неподалеку и фонтан...

Из гордости он не пустился в расспросы немедленно, но Леверлин, должно быть, прекрасно понимавший его состояние, тут же пояснил:

— Вот так и выглядит коротенький кусочек Древних Дорог, на который нам чисто случайно посчастливилось наткнуться...

Сварог отложил в памяти это «нам» — у него и раньше имелись кое-какие вопросы к боевому товарищу, которые вспомнились вновь. Тем временем Леверлин, достав свисток, прошил ночной воздух пронзительной трелью. К нему моментально кинулся бесшумно возникший из ближайших кустов человек в ливрее, что-то кратко сообщил на ухо. Даже в ночной тьме Сварог разглядел, какое у старого друга озабоченное и горестное лицо.

— Пойдемте, — сказал Леверлин, кивком отпуская лакея. — Времени совсем мало...

Глава 13

СЫН УЖАСНОГО КОРОЛЯ

Вобширной комнате все три высоких окна были распахнуты настежь, но все равно в ноздри навязчиво лез тот неопределимый запах, что свойствен тяжким болезням. К нему примешивалась и острая, резкая вонь — это в жаровне у изголовья густо дымили какие-то корешки, и лейб-медик в простом холщовом балахоне с закатанными рукавами с помощью небольших мехов непрестанно гнал этот дым на лежащего короля. У изголовья неподвижно — руки на коленях, фигура напряжена — сидел невысокий человек с грубым, некрасивым лицом тупого золотаря или деревенского дурачка. При одном взгляде на него с трудом верилось, что он способен хотя бы сложить в уме один и два, но, судя по вицмундиру коронного министра (более высоких чинов на земле попросту не имелось) и по тому, что он был здесь единственным посторонним (лекари, конечно же, не в счет), человек это был не простой и отнюдь не глупый — дураков и примитивов Конгер возле себя не держал...

Свет давала одна-единственная карбамильская лампа, горевшая у самого изголовья, так что комната тонула во мраке, но Сварог и так чувствовал, что никто не прячется по углам, не подслушивает за портьерами. Еще на лестницах и в коридорах, когда Леверлин уверенно вел его в покои смертельно больного короля, он видел, что это крыло дворца прямо-таки набито стражей, — повсюду, в три ряда перегораживая дорожку, стояли Синие Мушкетеры и ликторы в гражданском с ору-

жием на изготовку, а в парке верхами расположились конные гвардейцы, дворец был набит войсками вплоть до головорезов адмирала Амонда из морской пехоты, в большинстве своем по собственному желанию выдернутых с каторги, дабы искупить лихой службой пожизненные или просто астрономические сроки...

— Уйдите все, — раздался слабый голос. — Коновалы — тоже.

Человек в мундире коронного министра встал первым, проходя мимо Сварога, легонько кивнул ему с видом старого знакомого, хотя Сварог мог бы поклясться, что видит его впервые в жизни. Вышел на цыпочках. Следом заторопились лекари. Последними комнату покинули Леверлин с Марой.

— Подойдите сюда, лорд Сварог.

Сварог подошел, повинаясь слабому жесту иссохшейся руки, опустился в кресло, с которого только что встал министр. И постарался придать своему лицу безразличие, насколько удалось, — человек в постели был страшен...

Кто-то несведущий наверняка не поверил бы, что этот обтянутый желтоватой кожей скелет совсем недавно звался королем Конгером Ужасным. Не было грозного короля, да и человека, собственно, уже не было. Была мумия, которая как-то еще ухитрялась двигать головой, глазами, открывать рот и произносить членораздельные слова... Сварог так и не отыскал в душе жалости — тот, в постели, уже пребывал по ту сторону нормальных человеческих эмоций, не только жалости не вызывал, но даже и отвращения...

— Мы так и не успели познакомиться в... прежние времена, — сказал Конгер, едва заметно шевеля совершенно прозрачными губами. — Впрочем, для сожалений нет ни места, ни времени... Лорд Сварог, я буду краток. Я хочу оставить королевство вам. Законных наследников нет. За Арталетту я боюсь, ее попросту убьют, передай я корону ей... Есть еще девятнадцать человек обоего пола — всякие там троюродные племянники моего деда и двоюродные братья тетушки брата моего дяди, которые в условиях безвластия и смуты могут собрать кое-какие силы и претендовать на престол... но эту компанию мы с вами успеем отправить к праотцам, пока не развязали хаоса... Вас я знаю плохо, главным образом по... той истории. Говорят о вас много и разное, но одно я для себя уяснил накрепко: вы никогда не пойдете на мировую со Злом. С той вполне конкретной, материальной фигурой, которая... ну, вы знаете. Вы с ним виделись. Я, представьте, тоже. Удостоился, ага... Одно

непременное условие: берегите Арталетту. Если вы ее обидите, я приду о т т у д а и постараюсь дотянуться до вашей глотки... Поклянитесь богом.

— Богом клянусь, — сказал Сварог спокойно.

Как и в прошлый раз, во время беседы с нагрянувшими в Готар глэрдами, он не чувствовал ни удивления, ни радости. Снова в голове роились исключительно практичные, к р е с т ь я н с к и е мысли: армия, военный флот, выход к морю, мало-земельные крестьяне и безземельные ронины для Трех Королевств, полиция и разведка...

— Вам меня жаль? — спросил вдруг Конгер.

— Я вам сочувствую, как любому на вашем месте, — ответил Сварог, почти не думая. — Но жалеть... Я вас практически не знаю, нельзя сказать, что вы мне б л и з к и...

— Прекрасно, — сказал умирающий, растянув губы в слабом подобии улыбки. — Просто прекрасно, что вы не сюсюкаете, а говорите все как есть... Лорд Сварог, мне не нужен на моем престоле романтик или идеалист... а вы ведь, по слухам, не из таких? После тирана ни в коем случае нельзя отпускать вожжи, ослаблять хватку, понимаете? Хотя бы в первое время, но вам предстоит вешать и рубить головы, даже если вы не хотите. Если вы дадите в первое время хоть малейшую слабину, если дрогнете — начнется разброд. Мои подданные, от последнего посконника до коронного министра, должны чувствовать на горле все ту же железную перчатку... Потом, когда вы о б ж и в е т е с ь, когда создадите свой м е х а н и з м, возьмете все нити... о, тогда можете поиграть в вольности и послабления, но опять-таки с большим разбором и оглядкой. Люди не ценят тех, кто дает им вольности и свободы, полагая такие поступки проявлениями слабости. Зато жестокие короли им близки и, что важнее, понятны... Нельзя играть в доброту т е п е р ь, когда к нам опять нагрянула в гости... Вы слышали что-нибудь про Багряную Звезду?

— Я ее вижу, — сказал Сварог.

— Даже так? Неплохо...

— Но знаю я о ней мало.

— О ней никто и не знает не то что много, но хотя бы д о с т а т о ч н о, — сказал Конгер. — Слишком давно она появлялась в последний раз, много воды утекло... Даже видите... Неплохо. У вас там, наверху, должно быть, знают больше?

— Крепко сомневаюсь, — сказал Сварог. — Некоторые колдуны, точнее, колдуны...

Конгер решительно оборвал:

— Мне это уже ни к чему. Не будем терять времени. Главные инструкции я вам только что дал. Если будете им следовать — из вас, надеюсь, выйдет толк, и королевство мое вы не пустите на семь ветров... Теперь — детали. Их тоже не столь уж много. Тот субъект с рожей палача, что вышел, — Интагар, министр полиции. Будет предан, как собака. Родом из Железной гильдии, понимаете? Всего достиг умом и горбом — отчего слишком многие его ненавидят. Потерять ваше доверие и расположение для него равносильно моментальной смерти — все, кого по моему приказу ставил на место и допрашивал, все, кому оттоптал мозоли и встал поперек горла, тут же его прикончат. Он в таком положении, что никогда не сможет найти союзников... Возможно, когда-нибудь вы и решите его повесить — но не в ближайшие несколько лет. Сначала прочно встаньте на ноги... Далее. Сейчас он вернется и покажет вам списки. Сановники, царедворцы, военные, министры. Разделены на несколько категорий. Одних следует незамедлительно казнить, потому что они по-настоящему опасны и сильны, в руках держать их мог только я, а с вашим восшествием на трон, как бы вы ни были решительно настроены, они непременно поддадутся соблазну, захотят вернуться к вам, а вы пока что неопытны в здешних делах, и это кончится опять-таки ненужной смутой... С других достаточно ссылки, тюрьмы или простого отрешения от должности — они мгновенно перестанут представлять угрозу. Есть еще список тех, кого я просто не успел изучить как следует, потому что назначил их совсем недавно. Тут уж отдаю дела на ваше полное усмотрение. Есть и другие списки — тех, кого стоит продвинуть вверх, высоко, тех, кого следует продвигать неспешно, тех, кого ни за что не стоит повышать по причине некоторых качеств, не позволяющих воспитать из них надежных помощников... Умоляю вас, отнеситесь к этим спискам со всей серьезностью: у вас ведь нет собственных верных людей. Есть какие-то, но их ведь горстка... Я помню, подписывал им патенты на титулы и ордена... Крестьянин, вдова боцмана, еще кто-то... Словом, поработайте с вашими министром полиции как следует. Вы хотите о чем-то спросить?

— А почему вы решили, что они будут повиноваться мне столь же покорно, как вам?

— Во-первых, лорд Сварог, у вас есть собственная жутковатая слава. Король Хелльстада, как же... Если закрепите ее ре-

шительными действиями — удержитесь. Во-вторых, те, кто поименован в списках на продвижение, в большинстве своем уже уяснили, что своей дальнейшей карьерой они будут обязаны вам, а это по-житейски гораздо надежнее, нежели ловить призрак удачи... В-третьих... Я вас, знаете ли, попросту усыновляю. С соблюдением всех формальностей. После этого вы становитесь законнейшим сыном короля Конгера Ужасного. Я проделал бы то же самое с Арталеттой, но она не удержит, она обыкновенная девушка, умная и храбрая, что правда, однако за ней не тянется шлейф жутковатой и загадочной славы вроде вашей. Делия, Делия, боже, если бы Делия... Но так уж случилось... Мы так и не нашли этих крохотулек, Интагар потом вам покажет бумаги...

— Будьте уверены, я их найду, — сказал Сварог, чувствуя, как кривится лицо в злой гримасе. — Я-то уже знаю, где искать, и они мне заплатят за все и за всех, пожарища там будут стоять до этого их каменного неба. Это определенно пещера, громадная пещера, где-то под Хелльстадом...

— Об этом мне уже поздно слушать, — оборвал Конгер. — Как вам граф Грелор?

— Я с ним кое-где побывал бок о бок, — сказал Сварог. — И на него-то уж полагаюсь...

— Ну, ваше дело. Я вам по его поводу скажу одно: он не годится в государственные мужи. Человек, надо полагать, верный, надежный и преданный — но никогда не поручайте ему что бы то ни было в о з г л а в л я т ь. Слишком любит тайны, мечи и вино... Понимаете?

— Да, — сказал Сварог. Он присмотрелся — из уголка рта Ужасного выползла струйка крови. — Позвать лекарей?

— Не стоит, бесполезно... Лучше кликните Интагара.

Сварог быстро прошел к двери, приоткрыл ее и не глядя сказал в щель:

— Коронного министра к королю...

Интагар вошел так же на цыпочках, тщательно прикрыл за собой дверь, подошел к постели и вопросительно глянул на Конгера. Тот распорядился:

— Покажите списки.

Министр полиции с непроницаемым лицом вытащил из-за отворота вицмундира толстую, туго свернутую бумажную трубку, с поклоном подал Сварогу.

— Там все подписано сверху, — сказал Конгер. — Категории, я имею в виду. Кого куда. Что с кем...

— Ваше величество, я бы все же вписал графа Гаржака в список тех, кому назначена прогулка на Монфокон...

Конгер вновь раздвинул пергаментные губы в улыбке:

— И за что же вы его так не любите? Вроде бы ничего плохого вам не сделал...

— Граф непредсказуем, — бесстрастно сказал Интагар. — И, к несчастью, слишком много знает. Настораживающее сочетание. Я рискну вновь просить вас, государь...

— Разве он плохо работал?

— Государь, я только что высказал свои мотивы...

Какое-то время Конгер раздумывал, уставясь в потолок и шевеля бледными губами. Повернул лицо — жуткую, обтянутую кожей маску:

— На усмотрение моего сына. Вам понятно?

Интагар молча поклонился.

— Есть у меня такой шалопай в заграничной разведке, — пояснил Конгер. — Как я только что сказал, на ваше усмотрение, лорд Сварог. Если милейший Интагар попытается до вашего решения что-то с графом предпринять — повесьте означенного Интагара к лешей матери, чтобы не своевольничал... Идите, Интагар, и скажите, чтобы там все приготовили. Не стоит мешкать. Лорд Сварог, а вы наклонитесь-ка поближе, если вам не настолько уж противно...

Сварог наклонился к самому его лицу, поневоле вдыхая густой и тошливый запах смертельной хвори. Глаза у Конгера были яркие, молодые, упрямые.

— В ночь после вашей коронации идите на Балкон Семи Соколов, — почти прошептал Конгер. — Спросите, вам покажут... Той ночью там обязательно пройдут Белые Карлики, это...

— Я знаю, — сказал Сварог. — Мне рассказывали. Они провожают в последний путь каждого из Баргов. Если добро перевешивает все сотворенное зло, они плачут, если наоборот — смеются...

— Вот именно. Я их видел, когда Делию... Они плакали. Все до одного плакали навзрыд. Лорд Сварог... — Он шептал так тихо, что Сварог едва различал слова. — Я сам их уже не увижу и не узнаю, конечно... Но мне хочется, чтобы вы посмотрели... Просто посмотрите, как они... Я в жизни совершил много хорошего... и массу дурного. — Он внезапно поднял высохшую руку и стиснул пальцы Сварога так, что тот едва не вскрикнул. — Кто бы нам сказал, были мы правы или ошибались... Я верю в бога и потому мне страшно, совсем скоро узнаю совершенно точно, как он меня оценит... Боже мой, почему мы

так беспечны и нерадивы, пока не подступит... Что это там, в углу? — вскрикнул он.

Сварог резко повернулся в ту сторону. В полумраке явственно виделось лазурное облачко, словно бледный кусочек неба, проступающий сквозь хмурающиеся гроззовые тучи, казалось, можно различить уже светлые прямые волосы, красивое тонкое лицо, словно бы чуть изможденное или невероятно усталое...

— Это та, про кого я думаю? — спросил Конгер громко.

— Кажется, да, — твердо сказал Сварог.

— Ко мне! — неожиданно сильным, звонким голосом крикнул умирающий король так, что Сварог невольно отшатнулся. — Все ко мне! Монахов, священников, министра двора!

...Сам Сварог, голый и вымазанный кровью, которой его то и дело поливал из золотой миски какой-то раззолоченный болван с невыносимо гордой физиономией, чувствовал себя неуютно и неловко — он лежал меж широко раздвинутых ног Конгера, тоже голого, громко стонавшего наподобие роженицы (на него тоже лили кровь, залившую промежность), и все это действие происходило в огромном зале, где им с королем оставался лишь крохотный кусочек свободного пространства, а все остальное заполняли усыпанные самоцветами, одетые в бархат и шелка министры, генералы, сановники и титулованная знать. Все, как один, стояли навывтяжку, смиренхонько, лица у них были невыносимо серьезные, гордые, значительные. Сварог прикрыл глаза — хорошо еще, что старинный обычай усыновления не требовал от него самого орать и хныкать (бывают ведь упрямые младенцы, не орут, появляясь на свет, хоть ты их режь).

Над самым ухом прошелестел требовательный шепот. Четверка лейб-медиков — на сей раз не в холщовых балахонах, а в богатых вицмундирах и черных шапочках Сословия Чаши и Ланцета — тут же придвинулась с разных сторон, подхватила Сварога на руки и подняла повыше, показывая присутствующим. Один, паскуда, рукой в тонкой замшевой перчатке бесцеремонно ухватил Сварогову мужскую гордость — он играл свою роль с величайшим рвением, притворяясь, что вдумчиво исследует пол новорожденного дитяти. Именно он и завопил мгновением спустя:

— У короля сын, благородные господа и дамы! У короля — сын, сын, сын! В согласии с пожеланиями его величества нарекается Сварог Барг!

Хуже всего было красоваться в таком вот виде перед дамами, — но Сварог терпел, поднятый на вытянутых руках четверки как можно выше, думал раздраженно: «Как бы не уронили, черти, сломать себе ничего и не ломаешь, но все равно конфуза не оберешься...»

Потом его опустили пониже, старательно принялись заворачивать в синюю мантию, расшитую золотыми геральдическими лилиями Баргов. Хорошо еще, что роль несмышленного младенчика, только что явившегося на свет божий, на этом и заканчивалась. Подчиняясь тому же требовательному шепоту, Сварог встал на собственные ноги, кутаясь в мантию и стараясь не встретиться взглядом ни с кем из присутствующих, прекрасно зная, что стоявшая где-то в толпе Мара по своему обыкновению не обойдется без подначек и шуточек.

Кто-то охнул у него за плечом. Сварог опустил глаза.

Глаза Конгера гасли, словно он больше не мог д е р ж а т ь с я. Из рта широкой лентой хлынула кровь, удивительно алая и обильная. В гробовой тишине торопливо расступались блиставшие самоцветами сановники, разодетые дамы и увешанные орденами генералы — по образовавшемуся проходу бесшумно скользила...

Она осталась в точности такой, какой Сварог ее видел в последний раз в зыбком рассветном полусумраке, в заброшенной избушке где-то посреди Ямурлака, — тоненькая, в синем балахоне, со струившимися из-под капюшона светлыми прядями. Гибко склонилась над Конгером, легонько прикоснулась кончиками пальцев к его лбу, выпрямилась, прошла назад той же дорогой, меж далеко раздавшихся придворных, военных и чиновного народа. Проходя мимо Сварога, бросила на него мимолетный взгляд, бледно, печально улыбнулась, словно бы извиняясь перед новым хозяином дворца за визит без дозволения, — и Лазурная Дева, фея смерти, стала таять, растворяться, исчезать, не замедляя шага. Еще миг — и ее уже не было посреди широкого пустого пространства.

Казалось, прошли долгие часы, прежде чем кто-то зычно возгласил посреди мертвой тишины:

— Король умер! Умер король!

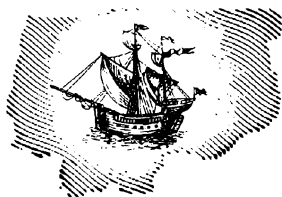
И тут же кто-то раззолоченный, суетливый, бряцавший орденами, лучившийся фальшивым сочувствием и фальшивым воодушевлением, опрометью кинулся к Сварогу от колонны — стремясь опередить других, кинувшихся вдогонку, х л ы н у в ш и х со всех сторон, наперерез, толкаясь, злобно пихаясь лок-

тями. И опередил-таки, шустрый. Крепко схватив Сварога за мантию, обернувшись к наседавшей толпе, уже непритворно сходя с ума от радости, даже приплясывая, заорал что было мочи:

— Да здравствует король!!! Да здравствует король, Сварог Барг!!!

И носить ему теперь до смерти почетнейшее придворное звание Королевского Возвестителя, проныре этакому...

Глава 14

БРАТЕЦ И СЕСТРИЧКА

Он возвышался над собравшимися в громадном зале — как и полагалось королям. Десяток длиннейших столов тянулись на всю протяженность зала, а вот перпендикулярно к ним, на особом возвышении, куда вели целых семь ступенек, как раз и помещался королевский стол, рассчитанный всего-то человек на двадцать. Гвардейцы у ступенек, гвардейцы по всей длине помоста, гвардейцы за спиной, у стены, две дюжины ливрейных лакеев, напряженно застывших на расстоянии вытянутой руки от пирующего с верными сподвижниками короля, церемониальная гербовая посуда, вся отлитая из золота, массивная, старинная, поразительное количество разнообразнейших яств и напитков, способное утолить голод и жажду у драгунской роты...

Даже неудобно было чуточку оттого, что за этим богатейшим дастарханом восседали всего пятеро, считая Сварога. Он загодя, через министра двора, передал Арталетте, что желает видеть за почетным столом и ее, но министр вернулся, разводя руками: герцогиня Барг вежливо, но решительно ответила, что не чувствует себя вправе сидеть на королевском помосте, особенно в столь торжественный день... Гадать о причинах отказа у Сварога не было ни времени, ни желания, он попросту махнул рукой — и ограничился четверкой сподвижников. Чтобы увидевшая рядом с ним этих людей дворцовая публика заранее поняла, кто есть кто. Он позвал бы и Леверлина, но тот еще не вернулся из Глана.

Так что, согласно известной поговорке, компания была не-большая, но очень порядочная: Бони в королевской короне, аксамитах и парче; бывший воришка Паколет во всем великолепии герцога и барона; Мара в самом роскошном платье, какое только мог измыслить лейб-портной (принявший ее за обыкновенную фаворитку нового монарха и потому, не мудрствуя лукаво, прибегнувший к массе кружев, брильянтов и атласных лент); Элкон в неизменных золотых очках, одетый дорого, но скромно, как и подобает ученому книжнику.

Первое время Сварог, выставленный на всеобщее обозрение, чувствовал себя обезьяной в зоопарке, но потом это прошло — на него особенно и не таращились, предпочитая пить и есть в три глотки. Коронационный ужин — событие редкостное, на столы в этот торжественный день приносят множество блюд, которые так и именуются: «яства коронации». В другие дни, какими бы праздничными они ни были, такого не отведаешь. Так что почтеннейшая публика спешила всего попробовать, чтобы было потом чем хвастать. Что до короля, он представляет значительно меньший интерес: никуда не денется, строго говоря, так на престоле и останется, его еще можно будет повидать сто раз, а вот такой еды, быть может, второй раз в жизни уже и не попробуешь...

О короле и забыли, откровенно говоря, — особенно когда как следует выпили. Веселье било ключом, надрывались музыканты, звенела посуда, за портьерой в глубине помоста время от времени появлялся бульдог в человеческом облике, министр полиции, окидывая орлиным взором окрестности — и, убедившись, что все в порядке, вновь скрывался за тяжелыми складками вишневого бархата. Сварог, надо сказать, вовсе и не убивался от недостатка внимания — добросовестно высидеть свое и убраться восвояси...

Какое-то время он высматривал среди знати Маргилену с мужем, но так и не разглядел, в зале собралось человек с тысячу, и в глазах рябило от жарко сиявших дворянских корон, самоцветов, богатых одежд. Арталетту он тоже не увидел. Проще всего было бы подозвать лакея и спросить — должен же кто-то знать такие вещи, — но обращаться к ним не хотелось: из-за раззолоченных ливрей и одинаково бесстрастных лиц, лишенных и тени человеческих эмоций, они казались заводными болванчиками, возникало даже подозрение, что они и говорить не умеют...

Итак, свершилось. Он прошел через это длинное и помпезнейшее испытание — коронацию по-ронерски, ничего

общего не имевшую с патриархальным гланским обрядом. Здесь все было обставлено не в пример роскошнее: торжественный проезд гвардии в парадных мундирах, гром пушек стоявших на реке военных кораблей, толпы принаряженного народа, город, украшенный гербовыми полотнищами с золотой бахромой, штандартами, позолоченными коронами, полосами разноцветных тканей, свисавших с балконов и окон, гильдейскими знаменами... Он уже немного разбирался в таких вещах и понимал: за день-два такое торжество не организуешь, не подготовишь. Отсюда следовало, что свой план Конгер задумал давненько и проводить его в жизнь начал загодя, так что в нужный час осталось лишь отдать приказ...

Немножко неудобно было перед гланцами: смех, а не король — просидев на престоле пару недель, покинул подданных в спешке, словно преследуемый кредиторами должник. Однако на тайном совещании с глэрдами (когда он вернулся в Клойн той же загадочной дорогой, о которой так и не выдалось случая расспросить Леверлина толком) Таварош, Даглас и Баглю в один голос заявили, что так, пожалуй, и лучше. Учитывая вчерашний загадочный катаклизм, почти до основания уничтоживший королевский замок. «Если это и в самом деле Стахор, — сказал Таварош. — В Равене ему будет труднее до вас добраться, государь». В конце концов, ничто не мешало Сварогу по-прежнему числиться гланским королем — а со страной тем временем преспокойно управится и Совет из тех самых глэрдов, что позвали его на царство (с добавлением брата Фергаса). Вслух об этом, понятно, не говорилось, но у Сварога осталось впечатление, что господа глэрдры про себя облегченно вздохнули: очень уж удачно для них сложились дела. И грозного короля, твердо намеренного править самовластно, поблизости нет, и трон занят законным владыкой, пусть и пребывающим в отдалении. Правда, на всякий случай Сварог быстренько составил указ, по которому лишь он сам и никто другой мог вводить в Совет глэрдры новых членов в случае естественной убыли. Мало ли что может взбрести кому-то в голову, пока король далеко, пусть берегут друг друга — человеческая природа, как подтвердит вам любой министр полиции, ох как несовершенна, и следует заранее исключить ситуацию, при которой какому-нибудь интригану покажется выгодным устроить заговор с резней...

Ну что же, будем править. Плохо только, что и здесь, как давеча в Готаре, придется первым делом ради вящего спокой-

ствия державы, ради высших государственных интересов кого-то вешать. Удел королей, увы... Лучше всего было в Глане, там он так и не успел пролить кровушки, даже скотину Рейта не особенно и тянет казнить. Отобратить в пользу той девчонки изрядный кусок угодий, а самого по старому обычаю гланских королей сослать в какую-нибудь самую отдаленную глэрдову деревушку, чтобы томился там среди овцепасов и углежогов, пока не смягчится сердце монарха...

— Что? — очнулся он от раздумий.

— Я говорю, командир, тебе первым делом надо занять Вольные Маноры, — склонившись к его уху, поведал Бони конспиративным шепотом. — Верно тебе толкую, как король королю. Там и руды хорошие, которые они по своей бедности толком разрабатывать не умеют, и торговое судоходство по Рону, и корабельные леса Каталаунского хребта...

— Гром меня порази! — сказал Сварог с непритворным удивлением. — Бони, дружище, да ты ведь, я смотрю, не только баронских дочек валял и вино кушал... Мыслишь вполне стратегически.

— Ага, мне уже именно это слово и говорили, — скромно сказал Бони. — А в общем, это все немногим сложнее, чем обычные думки крепкого крестьянского хозяина: вот прикупить бы тот выпас, да прирезать ту пашенку, да ухитриться как-то соседскую межу подальше передвинуть, в свою пользу, конечно...

— Растешь на глазах, — фыркнула Мара.

— Не язви, рыжая, — с достоинством сказал Бони. — Мечом махать — дело нехитрое. А вот нам, королям, нужно еще и мыслить... тем самым ученым словом говоря. Верно тебе говорю, командир, нужно занимать Вольные Маноры. Благо тамошний народишко к тебе, в общем, расположен. Надоели им свои корольки да барончики. О тебе в Манорах, знаешь ли, оч-чень оживленно и с симпатией судачат. Говорят, что у тебя немерено свободной земли в Трех Королевствах, а вот людей, наоборот, нехватка... Что ты удивляешься? Мужик — создание практичное, ежели мне будет позволено употребить еще одно ученое слово. А пахотной земельки в Манорах мало, горы как-никак, Каталаун... Вообще прикидывая, можно со временем и оттяпать у Святой Земли тот кусок, что за Роном, — и будет устье Рона у тебя в руках, а не у этих святош. Они ж там, в Святой Земле, — народец обнищавший... Ты подумай, а? У меня, как у всякого приличного короля, имеются шпики в заграницах, так что настроения я знаю...

— Подумаем, — сказал Сварог рассеянно. — Дай ты мне на престоле освоиться...

Со своего помоста он видел в распахнутое, от пола до потолка, окно, что на прилегающей к замку луговине горят во множестве костры, взлетают разноцветные фейерверки: там, в соответствии с той же вековой традицией, устроили угощение для простого народа, простенько, но обильно, без особых затей — быков целиком жарили, вино из бочек ковшами черпали...

Кто-то легонько коснулся его плеча. Подняв глаза и увидев з н а ч и т е л ь н о е лицо министра полиции, Сварог вспомнил еще об одном деле, которому как раз настал черед. Поднялся, кивнул остальным:

— Гуляйте, други, во всю широту души, а у меня тут кое-что неотложное образовалось...

...На узеньком небольшом балконе на каменных перилах и в самом деле красовались семь соколов, статуэтки высотой в локоть, высеченные давным-давно из темного песчаника. Никакого красивого вида с этого самого балкона не открывалось — лишь узкая полоска земли меж глухой стеной королевского зоопарка и высоким, сплошь заросшим соснами холмом. Впрочем, теперь-то Сварог знал, для чего балкон когда-то устроили именно здесь...

Он долго стоял у перил, источавших запах старого пыльного камня, меж двумя соколами, потрескавшимися и выщербленными, и в голове не было никаких особенных мыслей. Издали долетали шумы праздника, и не понять было — то ли из дворцового зала, то ли с луговины, пьяный гомон мог с равным успехом принадлежать и сборищу чванных дворян, и толпе разгоряченного даровым вином простонародья.

Он и появились совершенно неожиданно. Только что внизу не было никого — и вдруг...

По узкой полоске заросшей низкой и мягкой травой земли шагали вереницей с дюжину карликов, чьи макушки достигали пояса взрослого человека. Они выглядели обычными людьми, только очень маленькими — Сварог видел с балкона, как их босые ноги приминали траву, что призракам вовсе не свойственно, — но и в самом деле казались с т р а н н о белыми: белые, как чистый снег, лица, ступни и руки, словно светившиеся собственным тусклым сиянием балахоны, белоснежные (но не седые!) волосы и даже зрачки круглых глаз какие-то беловатые...

Самые обычные безбородые лица — одни мужчины, ни женщин, ни детей... Сварог смотрел во все глаза, придвинувшись вплотную к перилам, пачкая застарелой пылью пышное королевское одеяние, затаив дыхание.

Они не лили слезы и не смеялись, их личики были застывшими, сосредоточенными, невероятно серьезными. Так ни разу и не рассмеявшись, не проронив ни слезинки, они медленно, очень медленно прошептали внизу, скрылись за углом здания...

Расслышав совсем рядом чей-то вздох, Сварог порывисто обернулся, нашаривая рукоять широкого кинжала. И убрал руку с пояса, увидев в полумраке Арталетту — в коротком синем платье с траурной белой лентой на плече, с уложенными в сложную дворянскую прическу волосами. Должно быть, она стояла здесь довольно давно. Все еще смотрела вслед исчезающим Белым Карликам. Потом сказала тихо:

— Они не смеялись и не плакали...

— И что это означает? — спросил Сварог, уже сам смутно догадавшись, каким будет ответ.

— Они не знают, чего в нем было больше — хорошего или дурного. По легендам, такое редко случается — люди обычно или явные злодеи, или откровенные добряки...

— Как сказать, как сказать... — пробормотал Сварог. — Не все так просто... Почему вы отказались сесть за королевский стол, герцогиня?

— Потому что там для меня нет места, — сказала она, гордо вскинув черноволосую головку. — Потому что дочь я незаконная, а милостей ваших вроде бы не удостоилась...

Она вновь напомнила Сварогу Делию — быть может, и не было особого внешнего сходства, но поворот головы, голос, стать...

Даже чуточку жутко стало, и он сделал над собой усилие, чтобы избавиться от этого наваждения.

— Вы, наверное, меня ненавидите? — вдруг спросила Арталетта.

— За что, господи? — искренне удивился Сварог.

— За ту историю...

— Бросьте, — сказал Сварог решительно. — Это были, строго говоря, вовсе и не вы. Я сам выдержал у вас из-за уха эту чертову булавку, неужели не помните?

— Все равно, — упрямо сказала девушка. — Меня учили монахи... Нечистой силе не так-то просто овладеть человеком, если нет л а з е й к и. А в моем случае такая лазейка была.

Я ей завидовала, понимаете? Никак нельзя сказать, что ненавидела или даже недолюбливала, — но я ей завидовала, долго, упорно, чуть ли не каждодневно. Она была законная. Все принадлежало ей. А мое положение было хоть и почетным, но все же специфическим — прижатая на стороне байстрючка, с которой хватит и полковничьего мундира... — Она стояла рядом, касаясь Сварога плечом, печальная и прекрасная. — Завидовала, завидовала... пока оно не нашло эту самую лазейку... И погубила ее в конце концов.

— Вот это вы бросьте, Арталетта, — сказал Сварог серьезно. — Все, что произошло из-за этой чертовой булавки, никоим образом не повлияло на... Тут другие причины. Но это уже моя боль, моя собственная. Моя боль, моя месть, мое упущение...

— Вы ее любили?

— Наверное, нет, — сказал Сварог. — Вряд ли. Возможно, у меня просто-напросто не хватило времени, чтобы успело что-то такое родиться... Нет. Но мне от этого не легче. — Он осторожно повернул девушку лицом к себе. — Бога ради, не думайте, что я к вам отношусь плохо. Я дал слово вашему отцу вас беречь, хотя и без этого обещания сделал бы то же самое...

Боже, как она была красива и загадочна в полумраке, как похожа сейчас на Делию... Пальцы сами коснулись тонкого бархата, под которым таилось нежное, упругое тело.

Арталетта не отстранилась, впервые попыталась улыбнуться:

— А вы не забыли, что с некоторых пор стали моим братом?

— Названным, сестричка, названным, — сказал он хрипло. — А это совсем другое, здешние законы даже позволяют названным братьям жениться на названных сестрах...

— Надеюсь, вы не собираетесь делать мне предложение? — Она улыбалась почти весело. — Я ведь довольно грубое и дерзкое существо, мушкетерский полковник...

— Вы в первую очередь прекрасны, как фея, — сказал Сварог искренне.

Он и сам не понимал, что с ним творится, но чувствовал простоту и естественность происходящего. Балкон, ночь, загадочные темные глаза девушки, до ужаса похожей на Делию, ничуть не пытавшейся уклониться от объятий...

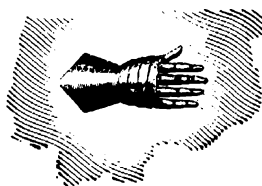
Она не сопротивлялась, когда Сварог притянул ее вплотную, закинула голову, медленно прикрыла глаза и подставила губы. Возможно, в происходящем и было нечто сумасшедшее, но вот противоестественного не было ни капли...

У него так и не возникло ощущения, что ему уступают, — а это прибавило дерзости и нежности. Руки Арталетты сомкнулись у него на шее, поцелуй был долгим, как его путь из бесприютных бродяг в короли, совсем близко с грохотом лопнул и рассыпался мириадами алых искр очередной фейерверк, и мерцающее красное сияние добавило в происходящее нереальности.

Сварог шел за ней по дворцовым коридорам, как во сне, чувствуя себя бездумным и легким, проходил мимо застывших гвардейцев, словно мимо пустого места. Дверь ее спальни тихо захлопнулась, щелкнул засов — и они вцепились друг в друга по-настоящему, как будто ища поддержки и опоры в этом чертовом мире, жестоком ко всем без разбора. Бархат вспорхнул невесомым облачком, едва слышно скрипнула постель, от долгих поцелуев перехватывало дыхание, кто первым взял на себя все, так и осталось непонятным, но это уже не имело никакого значения — двое слились в единое целое так, словно это было навсегда, тяжелое дыхание смешалось, и бедолага Сварог, нечаянный король, впервые за много дней избавился от забот...

За окном звонко лопались шипящие фейерверки.

Глава 15

ГОСУДАРЬ В ТРУДАХ, АКИ ПЧЕЛКА

Проснувшись утром, довольно рано, он не почувствовал ни стыда, ни раскаяния. А почему, собственно? Взрослые люди вправе поступать так, как им нравится, в особенности если не нарушают никаких законов и не ущемляют каких-либо третьих лиц... Он долго разглядывал мозаичный потолок, на котором посреди дикого леса вскачь неслись за упитанным здоровенным кабаном бесшабашные охотники в зеленых плащах и кожаных каталанах, упрямо склонившие рогатины. Покосился на Арталетту — она безмятежно посапывала, разбросав по мягкой белоснежной подушке черные спутанные локоны, лицо ее казалось спокойным и довольным, вряд ли ей снилось что-то плохое. Вот только из-под сбившейся с прежнего места подушки предательски выглядывала «чертова флейта», громадный четырехствольный пистолет, излюбленный путешественниками, поскольку одним залпом мог при удаче скосить с подюжины нападающих. То-то ночью Сварогу что-то мешало, твердое, большое и непонятное... В раскрытом ящике золоченого ночного столика виднелась рукоятка еще одного пистолета, двухствольного, а совсем рядом с постелью, только руку протянуть, стоял меч без ножен с эмблемой Синих Мушкетеров на эфесе. «Бедная девочка, — подумал он сочувственно. — Натерпелась страху и неизвестности...»

Осторожненько выбравшись из груды тончайших простыней, тихонько оделся и выскользнул из спальни — а вдруг ей, когда проснется, будет неловко? — вышел в коридор, сверкав-

ший полированным малахитом и золоченой лепниной. Двое ликторов, стоявшие прямо напротив двери, и без того неподвижные, обратились в статуи. Сварог, придав себе невинный и беззаботный вид, как ни в чем не бывало прошел мимо, не удостоив их и взглядом, — именно к такому поведению следовало привыкать, по коридорам и лестницам торчит множество живых истуканов, если обращать на каждого внимание, если принимать в расчет мысли и чувства каждого, получится совершенно не по-королевски...

Открыв высокую застекленную дверь, вышел на балкон. Утро было такое ясное, мир казался столь свежим и чистым, словно в первый день творения, когда человек еще не появился со всеми своими грехами и пакостями, что Сварог впервые за много дней ощутил счастливую, умиротворяющую легкость. Справа, на луговине, еще суетилась целая армия лакеев, уничтожавших следы вчерашнего народного гулянья, в кроне ближайшей сосны щебетала какая-то птица, зеленел парк, лучи восходящего солнца заливали окна ало-золотым сиянием, и не было ни одной войны, и не было пока что придворных интриг...

Вот только короли не имеют права предаваться безделью даже в такое утро. Особенно когда следует срочно обдумать идею, пришедшую ночью в голову, — если не особенно скромничать, поистине гениальную...

Если подключить к основанию Трех Королевств прежнюю бюрократию, орду закосневших чиновников с их волокитой, казнокрадством и слепым следованием писаным параграфам, можно всерьез опасаться, что благородная и невероятно масштабная затея погрызнет в с т а р ы х порядках, как в болоте. Следовательно...

Следовательно, нужна п а р т и я. Вроде КПСС. Не очередная бюрократическая структура, а партия, спаянная конкретной идеей, не зависящая от чиновников, подчиняющаяся лично королю, стоящая над всеми прежними государственными институтами. Должны быть первые, вторые и третьи секретари, обкомы и горкомы, знаки для особо отличившихся в золоте, серебре и меди. И все такое прочее. Туда преспокойно можно будет отбирать людей, не обращая внимания на титулы либо отсутствие таковых, на строгую систему иерархии чиновничьих званий, на устоявшиеся традиции и заслуги рода...

Разумеется, называться все это должно как-то иначе — нет на Таларе никаких партий, даже бледного подобия, время еще не

пришло, и слава богу. Не стоит пугать ревнителей традиций чересчур уж шокирующими новшествами. Пусть это будет, скажем, нечто вроде рыцарского ордена, какие существовали еще лет триста назад... развивая идею... некая смесь рыцарского ордена с монашеским, с Гильдией и Сословием... нужно хорошенько все проработать, найти толкового человека, способного взять на себя массу бумаготворчества, король подаст четкую идею, начертит контуры, а уж по ним кто-то должен прорисовать детали... Решено! Орден Возрождения Трех Королевств — название не самое гениальное, но в качестве рабочего вполне сойдет. Когда чиновничья рать спохватится, ей уже просто-напросто не останется жизненного пространства, она прочно окажется в подчиненном положении. Великий Магистр... Нет, не подходит, такой уже есть в Святой Земле. Король... ну, нехай король будет главный... главный зодчий, речь ведь идет о строительстве... а ведь прорисовывается что-то уже сейчас! Зодчий провинции, зодчий округа, зодчий волости... города... секретарь зодчего, советник зодчего.... ух ты, мать твою, как оно идет, словно по маслу! Колос как символ землеробства, лопата как символ строительства... и чего-то там как символ остального... Ну и голова у вас, милорд Сварог! Все вы предусмотрели, господа сановники, министры и придворные, а вот предвидеть королевскую затею насчет партии вряд ли смогли, не хватит у вас ума на такое... Конечно же, полицейское наблюдение и з н у т р и, строжайший пригляд — как только освоятся, начнут и воровать, и козни плести, и подсиживать друг друга, и секретарш пользоваться, устраивая их третьими помощниками старшего зодчего... Но пока додумаются, тайная полиция их уже о с в е т и т самым надежным образом...

Бодрый и охваченный жаждой деятельности, он вернулся в коридор, зашагал к своим покоям. У огромного, под потолок, мурранского зеркала торчала еще одна ранняя пташка — Мара вертелась перед чистейшим высоченным стеклом, старательно охорашиваясь, одергивая мундир лейтенанта Арбалетчиков, самого старого здешнего гвардейского полка, давно уже вооруженного мушкетями, но сохранившего прежнее почетное звание. О старинном оружии напоминало лишь золотое изображение арбалета на правом рукаве черного мундира.

Увидев Сварога, она живо отвернулась от зеркала, прищурилась:

— Надо же, какой шустрый у нас младенчик! Три дня, как на свет родился, а уже по девкам бегают...

— Тихо ты, — сказал Сварог не без смущения. — Поблизости холоуи торчат...

— Подумаешь, — безмятежно сказала Мара, поправляя черный бадагар с белым пером в попытках придать ему наиболее ухарский вид. — Ты король или кто? Я тут потолковала с министром двора, он мне рассказал, как Конгеров папаша прямо в тронном зале фрейлин примасивал на стол для скипетра...

— Мы должны избавляться от наиболее одиозных традиций прошлых царствований, — сказал Сварог ханжески. — Образцом добродетели служить, знаешь ли... Как у тебя в полку?

— Ну не могла же я за пару часов втолковать всем и каждому, что относиться ко мне следует предельно серьезно, — сказала Мара. — Но определенная работа произведена. Я изо всех сил старалась быть скромницей, поэтому дуэлей за это время произошло только три. Успокойся, все живы, хотя один без уха остался... Ничего, начали помаленьку проникаться и осознавать, какое сокровище им на голову свалилось, через недельку по струнке ходить будут... Да, имей в виду: тут у тебя во дворце освободилась вакансия... не помню, как она в точности называется. Тот идиот, что носит за королем письменные принадлежности.

— Лейб-мэтр Королевского Пера, — сказал Сварог уже с некоторым знанием дела. И тут же обеспокоился: — Что стряслось?

— Да ничего особенного, — безмятежно сказала Мара. — Позавчера, перед коронацией, когда я еще болталась по дворцу в скромном платьице, никому толком не известная, прижал в темном углу и вознамерился совлечь одежды. Все бы ничего, да начал за корсаж монеты совать, под юбку залез с ходу, никак не хотел поверить, что ему сейчас руки поломают... Я, девушка скромная и неопытная, сопротивлялась...

— Господи ты боже мой, — сказал Сварог растерянно. — Где труп?

— Я тебя умоляю, не делай ты из меня чудовище... — ухмыльнулась Мара. — Ничего я ему не поломала, всего-то постучала по организму да пощекотала кинжалом в особо нежных местах... Когда его лакеи видели в последний раз, скакал к воротам на неоседланном коне и кричал, что подал в отставку... В общем, имей в виду, что вакансия свободна, вдруг понадобится кого-то повысить... Элкона хотя бы, он у нас до сих пор без придворного звания...

— Где он, кстати?

— А он с его величеством, королем Арира, пустился по фрейлинам, — с невинным выражением лица наябедничала Мара. — Ничего, пусть парнишка привыкает к дворцовым нравам, ему самоутвердиться нужно, перебеситься...

— Министра полиции не видела?

— Конечно, видела, — пожала плечами Мара. — Спозаранку по дворцу болтается с таким видом, будто намерен арестовать всех и каждого, бумагами трясет... Вон он, за статуей приютился...

— Очень кстати, — громко сказал Сварог. — Подите-ка сюда, ваше превосходительство. Нам, в отличие от многих, в эту раннюю пору потрудиться придется...

Едва они вошли в королевский кабинет, Интагар вытащил из-за обшлага те самые списки и вознамерился подсунуть под нос, но Сварог бесцеремонно отстранил тугую бумажную трубку:

— Это немного подождет. Мне срочно нужна консультация по другому поводу. Нужен человек, который смог бы...

Очень трудно объяснить, что тебе требуется партийный идеолог — особенно когда беседуешь с человеком, в жизни не слышавшим о такой, с позволения сказать, профессии, да и о партиях тоже... Сварог сам понимал, что был излишне многословен и порой пугался в объяснениях. Однако понемногу министр полиции, судя по глазам, начал его понимать, и в конце концов, улучив подходящую паузу, решительно сказал:

— Я понял, государь... Такой человек есть. Герцог Лемар. Служил по министерству двора, имел чин министерского советника... но главным его занятием как раз и было подыскивать убедительные объяснения для тех или иных государственных... акций, именно он подобрал великолепную мотивировку для нашего прошлогоднего вторжения в Вольные Маноры, для лоранской войны, введения в финансовый оборот беспроцентных векселей казначейства, новой пошлины с ганзейских кораблей... с ходу и не смогу перечислить все. Признаюсь вам честно: я его ненавидел, мы были врагами... но для того, что вы задумали, необходим, пожалуй что, как раз герцог Лемар. Разумеется, при условии, что вы будете прочно держать его в узде. Он из тех субъектов, у которых за спиной постоянно должен маячить даже не полицейский, а палач...

— Ну, это мы обеспечим... — сказал Сварог. — У вас есть на него дело?

Министр полиции усмехнулся уголком рта:

— Как и на всех, государь...

— Пошлите за ним верхового.

— Боюсь, ваше величество, посылать придется корабль...

— То есть?

— Он вот уже семь месяцев, как отправлен в бессрочную ссылку на Стагар, — сказал Интагар. — Стагар, вообще-то, принадлежит лоранской короне, но по давнему уговору меж королями туда отправляют некоторых своих ссыльных все державы Виглафского Ковенанта. Очень уж удобное местечко: всего четыре места, где к острову могут приставать корабли и лодки, нелюдимое местное население, крайне недружелюбно относящееся к любому приезжему... И сбежать оттуда трудно, и почти невозможно наладить переписку с внешним миром, найти сообщников для какой-нибудь пакости... Надежное местечко.

— А за что его туда законопатили?

— За человеческие слабости, государь, — вновь усмехнулся министр полиции одной стороной рта. Сварог уже стал привыкать к этой его гримасе. — У герцога их было две: страсть к драгоценностям, особенно антикварным, и юным девушкам. Отсюда проистекало все остальное: в том, что касается драгоценностей, — вымогательство, подделка завещаний, подлоги, шайка доверенных грабителей; в том, что касается девушек, — принуждение, шантаж, лишение свободы, зелья, опять-таки шайка доверенных... Король терпел гораздо дольше, чем я бы на его месте. Герцог в конце концов заигрался. Получилось так, что месяца три не было ситуации, к которой он мог бы приложить свои способности, — и, естественно, влияние его и значимость ослабли, а учитывая, что от своих страстей он и не думал отказываться, действуя с присущим ему размахом... Составился заговор, были предъявлены неопровержимые улики вкуче с многочисленными жалобами... Титул ему оставили, но орденов и чина лишили, а также определили конфискацию всего движимого и недвижимого, кроме родового поместья. Конфисковали бы и его, но не оказалось младших сыновей... Ну, и отправили на Стагар.

— Подозреваю, вы тоже руку приложили?

— И даже не буду каяться, государь. Он вполне заслужил. По моему глубокому убеждению, все меньше и меньше появлялось акций и ситуаций, требовавших искусства герцога. Он переставал быть нужным...

— И вы, я так понимаю, блестяще совместили личную вражду с государственными интересами? — усмехнулся Сва-

рог. — Вы бы хоть глаза потупили, сокол вы мой тайный... Ладно. Меня более всего привлекает и интригует то, что вы, несмотря на личную вражду, все же высоко оцениваете его способности...

— Что же делать, если он ими обладает.

— Резонно, — сказал Сварог. — Принесите мне его дело... нет, не все целиком. Составьте экстракт о прегрешениях, предельно краткий, — а вот образцы его творчества мне нужны в полном и всеобъемлющем виде. Сколько времени вам понадобится?

— Минута, государь. — Министр полиции проворно выхватил из кармана записную книжку, черкнул несколько строк карандашом, вырвал листок и, приоткрыв дверь, подал его кому-то, шепотом отдав приказание. Вернулся к столу, толстой плите синего стекла на золотых затейливых ножках. — Скоро бумаги доставят...

— И пошлите за ним корабль, — твердо сказал Сварог. — Я сейчас набросаю повеление. Просто-напросто помилование. Ордена и чины пока что возвращать не будем, как и конфискованное, — пусть сначала из кожи вывернется... — Он громко прищлепнул на сургуч Малую королевскую печать, протянул листок министру. — Так, что у нас со списками? Ага... Вот что, любезный мой Интагар... Я тут немного подумал и решить быть милостивым. Ну зачем нам нужно непременно казнить этих девятнадцать человек, имеющих кое-какие основания претендовать на престол? Будем милосердны. Если этого так уж требуют интересы государства, можно сослать их на тот же Стагар, там они будут неопасны...

— Невозможно, государь, — твердо сказал Интагар.

— Эт-то как понимать, милейший? — грозно поинтересовался Сварог. — Моя королевская воля...

— Ваше величество, еще ни один король, если не считать сказочных персонажей, не научился воскрешать мертвых... — быстро прервал Интагар. И продолжал с невинным, честным, ясным взглядом: — Прискорбное недоразумение произошло, государь, в ночь кончины короля Конгера. Эти девятнадцать недель содержались в крепости на том берегу реки, той ночью их решили перевезти в тюрьму Давут, уже на этом берегу... Погрузили на барку... Неопытный шкипер посадил суденышко на камень — есть там коварное местечко с парой подводных утесов, опытные капитаны его обходят, а новички, да еще подвыпившие... Словом, барка затонула, ни один из девятнадцати не

выплыл. Шкипера, конечно, должным образом наказали... нет, и в этом случае даже вы не можете уже его помиловать...

— Та-ак... — протянул Сварог. — Неплохо...

— Воля короля была выражена совершенно недвусмысленно, — сказал министр полиции, стоя навытяжку. — На в а с этого греха нет.

— Пожалуй, — покрутил головой Сварог. — А прочие списки — на казнь и высылку? Вы их тоже... осуществили?

— Нет, государь. З д е с ь уже требуется ваша подпись. Чтобы все поняли: с вами шутки плохи. Я очень надеюсь, что вы выполните волю вашего покойного... приемного отца. Милость тут неуместна. Взгляните. Под именем каждого кратко описаны прегрешения. Если у вас есть сомнения, я прикажу принести дела. Клянусь вам чем угодно — ни один из них не страдает безвинно. Все они совершили проступки и преступления, караемые по нашим законам смертной казнью или ссылкой.

— А ведь вы, любезный, мне не врете... — задумчиво сказал Сварог. — Но ведь другие, с теми же прегрешениями и преступлениями, остались на свободе?

— Увы, государь... Если вы начнете приговаривать в с е х, не с кем будет работать. В списки, как вам наверняка говорил король, попали только те, кто способен на ш а т а н и я. Те, от кого следует ожидать верной вам службы, остаются на прежних постах, при старых должностях. И у вас всегда будет возможность достать дела и сдуть с них пыль. — И он проникновенно добавил: — Что поделать, если нельзя иначе...

— Пожалуй... — сказал Сварог неохотно, глядя в стол. — Пожалуй что... Нет другого выхода, страну следует взять в руки, чтобы на фоне покойного короля я не казался слабаком... Все правильно, да... — Он потянулся за пером и вдруг отдернул руку. — Послушайте, любезный мой... Списки вашей рукой писаны, а?

— Совершенно верно.

Сварог вкрадчиво сказал:

— А теперь признайтесь-ка мне быстренько: есть кто-то, кого вы внесли в эти списки с а м о ч и н н о? Уже после того, как их продиктовал король?

— Нет, — моментально ответил Интагар.

— А вот теперь — врете, — удовлетворенно сказал Сварог. — Нагло врете. Я умею это определять безошибочно, учтите... Ну? Нет на этом свете незаменимых министров полиции...

Почти сразу же Интагар ответил, напрягшись и побледнев:

— Я слышал краем уха об этом вашем умении, но думал — враки... Вы правы, ваше величество, каюсь. Вот эти двое — в списке на казнь. И эти трое — в списке на ссылку.

— Вот теперь вы опять говорите чистейшую правду, — хмыкнул Сварог. — Объяснения последуют?

Интагар сказал с видом бледным и решительным:

— Да, государь. Вам когда-нибудь плевали в лицо?

— К счастью для таковых нахалов, нет.

— Вот видите... А теперь представьте, что это в а с, проходя мимо, небрежно шлепает перчаткой по лицу высокородный граф и, головы не поворачивая, небрежно роняет: «Посторонись, быдло...» И представьте еще, что все это происходит в церемониальном зале, при скоплении придворных. Потом представьте, как в а ш у дочку — дочь министра, но увы, не дворянина — прижимает в углу столь же высокородный, лезет за корсаж и велит прийти к нему сегодня, если она хочет заработать пару золотых. Представьте, что вы просто-напросто не имеете права поднять руку в ответ, вообще одернуть наглеца...

— Ого, — сказал Сварог. — А ведь в вас что-то человеческое проснулось...

— Я-то стерплю многое, государь. Должность такая. Но дочек я растил не для того... Воля ваша, казнить или миловать. Но я вас заверяю в одном: те, кого я в с т а в и л, никакой пользы вам не принесут, поскольку даже с ролью камер-лакея справиться не могут...

— Ну, хорошо, — сказал Сварог. — В конце концов, если здесь, во дворце, форменный гадюшник... Я сделаю только одно исправление: троих кандидатов на ссылку оставляю в списке, но добавлю к ним тех двух, кого вы предназначили на плаху. И сделано это, мой любезный министр полиции, еще и для того, чтобы вы накрепко свыклись с мыслью: в жизни и смерти волен один я. Ясно вам?

— Да, государь, — покорно ответил министр.

— И еще один нюанс, — безжалостно продолжал Сварог. — Сколько украли вы лично? Чем обогатились? Ну-ка! Можете врать, но я ведь сразу узнаю...

С каменным выражением лица Интагар опустил на колени, повесил на шею пояс, что означало полное его смирение перед королевской волей, и негромко заговорил. Сварог слушал, время от времени заглядывая в лежавшие перед ним бумаги. Задумчиво постукал пальцами по столу. Обобщая и

сравнивая, приходилось признать: хотя министр полиции и опустил кое-что себе в карман, безбожно путая таковой с государственным, все же, по большому счету, он хапнул неизмеримо меньше, нежели иные высокородные. Даже сравнивать смешно.

— Ну вот, и теперь не врите, — сказал Сварог. — Детишкам на молочишко, а? Встаньте и наденьте пояс на место. Мое величество по размышлении вас милует, но напоминает, что и с вашего дела могут однажды сдуть пыль... Подготовьте указ: все поименованные в этих вот бумагах, — он хлопнул ладонью по стопе донесений, с точностью до гроша сообщавших, кто сколько украл, из каких сумм и когда, — обязаны в течение двух недель внести половину в казну, на нужды нового учреждения, которое моей волей создается для освоения Трех Королевств. У этого учреждения пока что нет ни названия, ни штата, но это я решу в скором времени. Две недели. Кто не подчинится или рискнет меня обсчитать, потеряет не только все нахапанное — в о о б щ е все, вкупе с родовыми поместьями, независимо от того, есть там младшие сыновья или нет. Себя, так и быть, можете в этот список добровольных жертвователей не включать, но строжайше проследите, чтобы все остальные не увильнули... Что там? Ага, материалы по этому вашему герцогу... положите их на стол и ступайте... Стоп, стоп! Что это ваши ребятки приволокли? Я же человеческим языком распорядился: э к с т р а к т. А вы мне суετε следственное дело, судя по толщине...

Министр полиции энергично возразил:

— Государь, это и есть э к с т р а к т, сиречь краткий список прегрешений. Сами следственные дела занимают четыре шкафа и насчитывают семьдесят две стандартных укладки, то есть картонных чехлов для бумаг толщиной в половину локтя...

— Да? — с интересом сказал Сварог. Повертел головой. — Вы здесь не мелочитесь, я вижу... Если сложить стопкой... тридцать шесть локтей, ага... Впечатляет. Ладно, идите.

Оставшись в одиночестве, он быстренько подмахнул зловещие списки, предварительно все же прочитав их вдумчиво, — не дай бог, обнаружится какой-нибудь старый знакомый, которого, несмотря ни на что, следует вытащить из этой паскудной ситуации: муж Маргилены, к примеру, или адмирал Амонд...

Нет, никого знакомого. Ну что ж, так даже легче. Не надо было, господа мои, нагло смахивать в карман казенные суммы, прирезать владения бедных невлиятельных соседей, подсылать

убийц к врагам и любовникам жен, продавать государственные секреты сопредельным державам, ет цетера, ет цетера. Вы не хуже и не лучше многих других, но королю Сварогу, новоявленному Баргу, нужно с е б я п о с т а в и т ь, так что не взыщите...

Закутив, он придвинул к себе бумаги томившегося в ссылке герцога Лемара — никаких сомнений в том, что он там именно томится, на Стагаре не особенно и развернешься касаясь юных девиц и антикварных драгоценностей, особенно если ты слышный после конфискации. Так, начнем с достижений...

А ведь достижения несомненны, господа мои! Необходимость вторжения королевской армии в три Вольных Манора обоснована с изяществом и блеском — тут вам и ссылки на иные стародавние традиции, и перечень параграфов международного права... И с пошлинами для ганзейцев убедительно закручено, и с векселями, и с конфликтом из-за «вольного фарватера»...

Пожалуй, он отыскал нужного человечка. А что касаясь его прегрешений...

Сварог вдумчиво изучил и стопку мелко исписанных листов, именовавшихся «экстрактом прегрешений». Экстракт впечатлял — чего там только не было... С тем же изяществом и блеском, надо признать, герцог проворачивал свои неприглядные делишки. Одна затея с ограблением коллекции престарелого маркиза чего стоит — это ж надо додуматься, не просто нарядить своих разбойничков привидениями Проклятых Егерей, но еще и продумать соответствующую пиротехнику, звуковые эффекты, три недели до того проводить в жизнь кропотливо продуманный план со множеством свидетелей явления призраков, учеными заключениями... Ничего удивительного в том, что маркиз поверил, лишь через полгода заподозрив неладное, когда увидел одно из ожерелий (надо полагать, отнюдь не антикварное) на одной из юных подружек герцога, тогда только ему пришло в голову, что призраки вряд ли способны спать с девками и делать им подарки...

Да, и эти девицы... Приятного мало: одну злодейски умчали из отчего дома в карете без окон, другую... ай-яй-яй, однако...

Сварог горестно вздохнул, старательно почесал в затылке, изо всех сил пытаясь отыскать смягчающие обстоятельства — не для окружающего мира, а для своей слабо зудевшей совести. Ну, в конце концов... В конце-то концов, наш герцог обирал не бедных старушек на большой дороге, не у ребенка последнюю

конфетку отнимал. Многие из тех, кого он о б л е г ч и л, сами в грехах по уши...

То же и с девицами. Юные, конечно, но все же не малолетние, уже вполне созревшие для, так сказать, фривольного с ними общения. Никакой педофилии, а это кое-что да значит... Что ж поделать, если этот развратник и ворюга необходим державе? Иногда у королей просто-напросто нет выбора, приходится, зажав нос и натянув перчатки, работать с тем, что есть... Решено, милуем... Уже помиловали.

Глава 16

ГОСУДАРЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ В ТРУДАХ

Поигрывая пером в тяжелой золотой оправе, сохраняя на лице беззаботность и безразличие, он наблюдал, как в Рубиновый зал входят господа военачальники: все три маршала, в том числе маршал гвардии (и каждый горделиво держит пресловутый маршальский жезл, довольно-таки увесистое полено в синей эмали с золотыми лилиями, скрещенными мечами и королевской короной), полдюжины генералов, из них четверо гвардейские (и каждый постукивает по полу генеральским эспантоном, коротенькой пикой, увенчанной гербом), и два десятка полковников, на три четверти гвардейцы (у этих в руках не было ничего, поскольку полковникам не полагалось никаких таких т а с к а л ь н ы х знаков отличия). Будь это цивильные сановники, пришлось бы поломать голову над тем, как их разместить — одному по чину и титулам полагается стул со спинкой и подлокотниками, другому — только со спинкой, третьему и вовсе достаточно табурета (между прочим, девять разновидностей мебели используется в таких случаях). С военными гораздо проще — и маршалу, и полковнику полагается одинаковый стул...

Правда, как легко догадаться, своя иерархия существует и здесь — маршалы горделиво разместились в первом ряду, за ними сидели генералы, ну, а полковникам, как легко догадаться, достался арьергард. Пока рассаживались, кое-кто из них украдкой озирался: покойный король никогда не приглашал сюда военных. И потому многие из них даже и не подозрева-

ли о некоторых архитектурных излишествах, коими зал был снабжен...

Строго говоря, название было неофициальное, по документам зал проходил как «покои малых приемов номер одиннадцать». Но опытные обитатели и завсегдатаи дворца именовали его Рубиновым, поскольку небрежное употребление в разговоре именно этого слова автоматически означало принадлежность к имеющим доступ и знающим некие секреты. А все дело было в том, что восемьдесят лет назад тогдашняя королева, застигнутая в этом самом зале своим венценосным супругом в довольно пикантной ситуации с участием некоего гвардейца, столь порывисто вскочила с дивана, что зацепилась за его гнутую ручку своим знаменитым рубиновым ожерельем, застежка лопнула, и все сорок два камня оказались на полу. Король тогда, поднапрягшись, с ходу родил историческую фразу: «Рубины — лакеям, а этим двум — крепость!» Игравшие роль загонщиков лакеи дружно считали эту фразу прямо-таки гениальной, хотя у парочки прелюбодеев, конечно же, было другое мнение...

Некоторое время Сварог тянул многозначительную паузу — если вовсе уж откровенно, испытывая при этом совершенно детское удовольствие: редко случается, чтобы майор ВДВ получил вдруг возможность распоряжаться кучей маршалов и генералов (пусть даже дело происходило не на Земле, а в некоем параллельном пространстве). Потом, отложив перо, обвел присутствующих орлиным королевским взглядом и сказал:

— Господа мои, вы военные люди, и я буду краток. Господин начальник Главного штаба (самый старый маршал ответил почтительным наклоном головы), господин маршал гвардии (тот же жест), господин начальник Штаба гвардии (генерал дряхлого возраста наклонил голову ниже всех)! Делом, ради которого я вас позвал, предстоит в первую очередь заняться именно вам. Моя королевская воля такова: вы обязаны в кратчайшие сроки разработать план быстрого занятия войсками всех Вольных Маноров.

Он внимательно следил за выражением лиц. Видел, как физиономии практически всех полковников и генералов помоложе осветились этакой хищной радостью, вполне естественной для энергичных карьеристов, отчетливо сознававших, какими выгодами может для них обернуться маленький победоносный поход. И глупо было бы их за это упрекать — военные для того и существуют, чтобы воевать, да к тому же расти по службе...

Кому и на кой ляд нужен лейтенант, не мечтающий стать хотя бы полковником?

Плохо только — и Сварог, как человек сугубо военный, это знал прекрасно, — что иные субъекты, достигшие высоких чинов, с некоего момента начинают бояться войны. Потому что при неудачном обороте дел потерять можно гораздо больше, чем приобрести...

Судя по всему, именно такие мысли и обуревали тех, к кому он обратился в первую очередь. На лицах кое-кого из высших начальников отразился не просто испуг — ужас. Господин начальник Главного штаба даже вскочил на ревматические ноги — и так, стоя навывтяжку, возгласил:

— Государь, это невозможно!

— Я не ослышался, милейший? — спросил Сварог хладнокровно. — Если мне слух не изменяет, вы употребили то самое слово, которое ни один уважающий себя монарх не может выслушать спокойно... Что это за слово такое «невозможно»? Я что, отдал вам приказ пешим строем маршировать до Инбер Колбта по морю?!

Про себя он ликовал — все прошло даже глаже, чем замышлялось, они сами лезли в мышеловку, — но, понятное дело, грозно нахмурил брови, показывая всем своим видом, насколько он рассержен.

— Собственно, я неудачно выразился... — промямлил маршал, сообразив, что перегнул палку. — То есть возможно, конечно, но...

— Но — что? — недобро и громко спросил Сварог.

— Государь, — поспешил прийти на помощь незадачливому коллеге маршал гвардии. — Господин маршал несомненно имел в виду сложившуюся к сегодняшнему дню политическую практику...

— Час от часу не легче, — сказал Сварог. — По-моему вы, господа, судя по вашим мундирам, военные? С какой стати военные начинают рассуждать о политике?

Маршал гвардии, не поднимаясь и словно бы даже с некоторым покровительством в голосе, продолжал:

— Видите ли, государь, существует пусть и не оформленное каким-то писаным соглашением, но тем не менее словесно утвержденное всеми участниками Виглафского Ковенанта правило: Вольные Маноры не должны подвергаться полному занятию войсками держав, участвующих в...

— Вы умеете считать? — холодно прервал Сварог. — Виглафский Ковенант состоит из восьми держав: Хелльстад, Ро-

неро, Глан, Харлан, Снольдер, Горрот, Лоран и Шаган. Королем первых трех я имею честь быть. Три голоса. У меня есть также некоторые средства воздействия на Великого герцога Харланского. Даже если все остальные державы выступят единым фронтом, в чем лично я сомневаюсь, в любом случае голоса разделятся поровну... Прodelайте в уме те же расчеты, они несложные...

— И тем не менее... — Господин маршал гвардии до сих пор не понял еще, что ему наступает конец. — Сложившиеся традиции...

— Иными словами, — чеканя каждое слово, отрезал Сварог, — вы, господа мои, недвусмысленно и злостно отказались выполнять выраженный в самых недвусмысленных выражениях приказ своего короля? — И, не вставая, не меняя позы, он набрал побольше воздуха в грудь и взревел: — Ко мне, гвардия!

Рубиновый зал моментально наполнился шумом и стуком: сразу восемь потайных дверей распахнулись с двух сторон, и оттуда, бесцеремонно грохоча сапогами, звеня оружием, повалили Синие Мушкетеры и Арбалетчики, выставив клинки и пистолеты, окружили кольцом стулья с господами военачальниками. Арталетта, командовавшая своими гвардейцами, держалась скромнее (привыкла все-таки к субординации за четыре года военной службы, а тут вдобавок предстояло арестовать ее самого главного начальника — маршала), зато не связанная такими условностями Мара, не чинясь, встала лицом к остолбеневшим чинам и, расставив ноги в ботфортах, поигрывая клинком, громко поинтересовалась:

— Хочет кто-нибудь проявить непочтение пред лицом короля?

Желающих что-то не находилось. Тем временем меж застывшими с оружием на изготовку гвардейцами проворно проскользнули люди в синей с золотом форме дворцовой полиции, а за ними появились и вовсе уж сущие пугала — мрачные субъекты в темно-красных мундирах с золотым шитьем в виде языков пламени. Приставы Багряной Палаты, личной королевской инквизиции, подчинявшейся лично Конгеру, а теперь, понятно, Сварогу. Ими с помощью скупых выразительных жестов молча руководил высокий старик в поношенной коричневой рясе — отец Алкес из Братства святого Круахана, человек в общении тяжелый и сложный, аскет и самую чуточку фанатик, но при всем при том никому не шивший липовых дел.

И заработал конвейер. Кого-то хватали приставы, кого-то люди министра полиции — вот только маршалов, как и полагалось по традиции, брали гвардейцы. Со стороны казалось, что происходит хаотическое мельтешение разномастных мундиров, но на деле операция была десять раз просчитана заранее и проводилась в жизнь с невероятной быстротой и ловкостью. Прошла буквально пара минут — и вновь воцарилась тишина, все вторгшиеся исчезли вместе со своей добычей, плотно прикрыв за собой потайные двери, как будто и вовсе не заходили в гости. Но с ними бесследно улетучились два маршала из трех, три генерала из шести и восемь полковников из двух десятков. Оставшиеся сидеть на стульях даже не успели толком испугаться или удивиться. Рано вешать министра полиции, ох, рано... Еще послужит правому делу, поскольку всякое королевское дело и есть правое...

Сварог философски смотрел на оставшихся, не чувствуя ни волнения, ни раскаяния. Исчезли все поименованные в списке Конгера — так что его собственной вины, его собственного самодурства тут не было ни капли. В конце концов, никто не заставлял того высоченного генерала связываться с «Черной благодатью» — мало показалось уже имевшегося, захотел вознестись еще выше с помощью отнюдь не воинской доблести, а тайного общества черных магов. И маршал гвардии, позволивший себе (в точном соответствии с предсказаниями Конгера) расслабиться в компании своих верных генералов настолько, что дерзнул вспомнить о старых временах, когда именно гвардия как возводила на престол королей, так и убирала их оттуда с помощью то заранее заготовленного отречения, то массивного канделябра...

У королей свои правила, не имеющие ничего общего с мыслями и побуждениями обыкновенных людей, не обремененных ответственностью за державу. Купец прогоняет в три шеи нерадивого приказчика, а король, еще не усевшийся прочно на троне, своих генералов отправляет на Монфокон...

Взяв из невысокой стопочки заранее подготовленный и уже припечатанный по всем правилам указ, Сварог громко сказал:

— Генерал Далгар, подойдите! Обдумав все всесторонне, я решил возложить на вас высокое звание маршала гвардии. Будьте верны и честны.

Ах, как сиял в одночасье вознесенный к вершине сорокалетний вояка! Ткнул Сварог пальцем в любого из присутствующих — заколол бы моментально, сапогами бы затоптал и не стал бы их мыть месяц, чтобы подольше похвастаться.

И остальные, кого он возвышал, лучились яростной верностью: всем обязанные королю Сварогу и никому другому, обожающие, преданные, любого загрызут и не поморщатся... Так и рождаются верные слуги. О том, что все они значились в другом списке покойного короля, посвященном повышению, им, конечно, не следовало знать — такова уж высокая политика...

— Я надеюсь, господа, что план занятия Вольных Маноров будет мне представлен в самом скором времени, — сказал он небрежно. — Дельный и всеобъемлющий. О политике можете не думать — на это у вас есть король...

— Слава королю! Да здравствует король!

«Неплохо для майора, — подумал Сварог, слушая громогласные — и, что характерно, совершенно искренние — вопли. — Ишь, как орут громче всех новоявленные маршалы... А все-таки приятная штука — власть. Мановение пальца — и нет никаких генералов...»

— Можете идти, господа мои, — сказал он решительно, чтобы не мешать душе чересчур уж долго этими славословиями. — А вы, полковник Фалек, оставайтесь...

Он усмехался про себя, глядя, в каком смятении чувств пребывает скромный полковник Синих Егерей, не попавший в число облагодетельствованных, — ареста, конечно, не боится, понимает, что всех, кого хотели взять, взяли сразу, пылает яростной надеждой и боится поверить в свою фортуна...

Э т о г о Сварог выбрал самостоятельно — из полудюжины таких же. Храбр, но не родовит, без должных связей, сумел выбиться в командиры далеко не самого престижного гвардейского полка, но оставаться ему в этой должности до седых волос, если только не произойдет чего-то чрезвычайного: скажем, невероятно лихого подвига на глазах короля или что там еще бывает в сказках...

— Я дам вам поручение, полковник, — сказал Сварог доверительно, выйдя из-за стола, взяв полковника под локоть и прохаживаясь с ним по обширному залу. — Одно из тех, которые либо поднимают человека высоко, либо сбрасывают в безвестность, — понятно, в зависимости от того, насколько успешно он поручение выполнит... Вы пойдете в Пограничье. Возьмите свой полк, еще парочку легионов или «безымянных». Артиллерия, ракеты — по потребности. Как и саперы. Сами продумаете, что вам нужно для выполнения задачи, я вас не ограничиваю. Моряки предупреждены, вы получите столько кораблей, сколько понадобится. Ваша задача — в кратчайшие

сроки навести в Пограничье полный порядок и, высокопарно выражаясь, взять его под мою королевскую руку. Там сейчас правят с полдюжины разболтавшихся за времена безвластия вольных ярлов... Только имейте в виду: мне нужны усмиренные земли, где не прервалась нормальная жизнь. Никакой выжженной земли. Подданные, а не трупы. Силу применять только в тех случаях, когда без этого не обойтись. Вы меня хорошо поняли?

— Да, ваше величество. Вполне.

— Ну, а потом... — сказал Сварог, подмигнув, — а потом вновь сядете на корабли и проплывете вдоль побережья Трех Королевств. Туда начали совершенно незаконным образом высаживаться лоранцы, строить там что-то, знамена водружать... У нас нет войны с Лораном. Но я не намерен терпеть такие выходыки...

— Я понял, государь!

Усмешка на лице полковника была достаточно умной и тонкой, и Сварог успокоился.

— Вот в этом случае я вас не ограничиваю, — тонко улынувшись, признался Сварог. — Кроме, конечно, рыцарских правил ведения... нет, не войны, какая же это война? Скажем, рыцарских правил наведения порядка в наших отдаленных землях... У вас есть ко мне просьбы? Скажем, младший братец, которому нужно повышение, или деньги, или что-то еще?

Он видел по лицу полковника, что тот на краткий миг едва не поддался искушению, уже открыл было рот, чтобы о чем-то все же попросить, но в последний момент преодолел себя, подтянулся и посерьезнел:

— Думается, об этом пока рано говорить, государь...

«А из него будет толк, — одобрительно подумал Сварог, глядя вслед полковнику, строевым шагом покидавшему Рубиновый зал. — Не стоит полагаться на тех, кто начинает п р о с и т ь, ничегошеньки еще не сделав».

Он повернулся навстречу бесшумно скользнувшему в зал министру полиции, на чьей уродливой физиономии сквозь обычную бесстрастность все же просвечивала гордость за хорошо проделанную работу. И одобрительно кивнул:

— Неплохо. Изящно было проделано.

— Осмелюсь заметить, вы проявили незаурядную мудрость, государь. В самом деле, не стоило брать их поодиночке, по домам. Вы п о д н я л и тех, кто был повышен, принародно, тем самым...

— По в я з а л, что уж там, — усмехнулся Сварог жестко. — Вы ведь это хотели сказать? А насчет мудрости... Начинаете льстить?

— Самую чуточку, ваше величество, — сказал министр полиции без выражения. — Так полагается... Разрешите продолжать аресты по плану? Всех, кто станет выражать недовольство, протестовать, вслух ругать вас...

— Только не увлекайтесь, — сказал Сварог. — Гораздо хуже те, кто станет рукоплескать мудрому решению короля, но про себя-то з а т а и т...

— Будьте уверены, государь, — б д и м... Ваше поручение касательно розыска дворян, именуемых графиня Чари и барон Шедарис, выполнено. Данные дворяне, в соответствии с данными мне инструкциями, доставлены во дворец в е ж л и в о.

— Зовите немедленно, — сказал Сварог.

— Осмелюсь попросить ваше величество немного подождать... В приемной давно уже дожидается Мастер Печальных Церемоний с бумагами для доклада... Требующими вашей незамедлительной резолюции.

— Требует — примем, — сказал Сварог, чуть поморщившись. — Давайте его сюда, я постараюсь побыстрее...

Этим пышным и совершенно непонятным для непосвященного титулом именовался не главный похоронщик, как можно было подумать, а главный палач, на которого Сварогу хотелось взглянуть еще и из чистого любопытства. Он, разумеется, прекрасно понимал, что глава над палачами сам никого не потчует раскаленным железом и не рубит голов, но все равно ожидал увидеть нечто подобное министру полиции. В Рубиновый зал, однако, вошел пухленький седой господин в мундире королевского секретаря и золотых очках, добрый и домашний на вид, походивший по первому впечатлению то ли на университетского профессора, то ли на архивариуса, любителя певчих птичек, аккуратно подающего нищим. Сварог даже подумал, что министр полиции что-то перепутал и запустил к нему не того, но под мышкой у импозантного седого господина была кожаная папка со зловещей эмблемой в виде золотого топора особой формы в черном круге, так что никаких сомнений не осталось...

— Опять смертные приговоры? — спросил Сварог в лоб, едва указав визитеру на стул без подлокотников и мягкого сиденья, положенный тому по чину.

— На сей раз все обстоит наоборот, государь, — приятным голосом отозвался Мастер Печальных Церемоний, бережно

выкладывая перед Сварогом папку. — Вам предстоит рассмотреть бумаги по королевским помилованиям особого рода.

«Эт-то еще что такое? — растерянно подумал Сварог. — Кто бы подсказал...»

Недолго думая, он сказал почти весело:

— Милейший Мастер, признаюсь честно: я представления не имею, что такое королевские помилования о с о б о г о р о д а. В Главе мне с этим не приходилось сталкиваться...

— В сущности, это совсем несложно, государь, — ответил лейб-палач. — Так уж истари заведено, это давняя традиция... Любой приговоренный к смертной казни или пожизненной каторге вправе обратиться к вашему величеству с просьбой о помиловании — это и будет п р о - с т о е помилование. А помилование особого рода — это прошение, гласящее, что его автору известен некий важный секрет, особо серьезная тайна, позволяющая ее обладателю просить о смягчении наказания. Как правило, если выяснится, что автор не лгал и тайна его достаточно важна, король милует осужденного — смертник получает пожизненную каторгу, а каторжанин, говоря профессиональным жаргоном, «вечник», — сокращение срока лет до двадцати.

— И что, часто открывается что-то по-настоящему важное?

— Очень редко, государь, — сокрушенно признал лейб-палач. — Добрых три четверти ходатаев попросту морочат голову, рассчитывая вырвать пару недель жизни или сбежать, когда их повезут указать закопанный клад. Почему-то среди этой публики — должно быть, в силу неразвитости и лени ума — особенно популярны истории о богатых кладах. Впрочем, иногда, крайне редко, они не врут... В любом случае механизм отработан. Все обставляется так, что сбежать по дороге решительно невозможно: сажают его, голубчика, в клетку, ставят клетку на повозку... Тут уже не сбежишь. Я вам принес девять прошений. О четырех могу вам сказать заранее, что это чистейшая выдумка: они касались как раз кладов, но ни один, несмотря на все старания, не найден. Еще четыре сообщили под видом «важнейших тайн» обычные сплетни из жизни иностранных дворов, которые и так известны нашей разведке. А вот девятый... Признаюсь, я в растерянности, государь. Содержание выглядит бредом сумасшедшего чистейшей воды, но его автор впечатления безумца никак не производит. Как всегда бывает в спорных случаях, я сам с ним встречался, и он оставил странное впечатление... С одной стороны, история бредовая. С другой же... В прошлом году в Равене, как мне под

большим секретом сообщил министр полиции, произошло нечто похожее...

— Дайте посмотреть, — сказал Сварог.

— Первый сверху лист, государь. Сам он едва умеет держать перо в руке, царапает, как курица лапой, — моряк, что вы хотите, эта публика грамотой не обременена. Но мы, как полагаются, сделали копию — каллиграфическим почерком, работал опытный писец. Извольте взглянуть.

Сварог прочитал первые строчки. Пробормотав «Так-так-так...», заглянул в конец, вновь вернулся к началу, пробежал документ взглядом, бросил его на стол:

— Где смертник?

— В тюрьме, конечно. Здесь, в Равене.

— Сколько потребуется времени, чтобы его сюда доставить?

— быстро спросил Сварог.

— Я думаю, около часа, — подняв глаза к потолку и старательно пошевелив губами, ответил лейб-палач. — Нужно, как следует из инструкций, заковать его в дополнительные кандалы, соединить их железным прутком, чтобы максимально ограничить движения... Следует обезопасить ваше величество от любых...

— К лешему ваши инструкции! — бесцеремонно прервал Сварог. — Там, в приемной, девушка, лейтенант Арбалетчиков. Она поедет с вами в качестве конвоя. Могу вас заверить, это лучше любых кандалов, какие вы только сумели измыслить... Идите и передайте ей мой приказ: заключенного доставить сюда немедленно. И передайте министру полиции, чтобы пропустил ко мне двух дворян, которых он привез... Живо!

Означенный министр полиции, пропустив в кабинет привезенных, попытался было задержаться, словно бы невзначай, но Сварог решительно отправил его прочь тем самым повелительным мановением руки, коему уже неплохо научился, опробовав на подданных в двух королевствах. Вышел из-за стола, направился навстречу былым сподвижникам, на ходу громко констатировал:

— Отлично выглядите, господа дворяне, вид прямо-таки цветущий. Чудеса делает с человеком спокойная жизнь законопослушного обывателя...

— Вот именно, — мрачно сказал бывший капрал Вольных Топоров, а ныне полноправный барон. — Всякие пакости такая жизнь с человеком делает...

Сварог присмотрелся к ним. Тетку Чари даже и неудобно было теперь вульгарно именовать теткой — натуральная гра-

финя, каким-то чудом обретшая степенную стать. Теперь она выглядела лет на десять моложе — конечно же, трудами парикмахеров, портних и «художников благородных лиц» (так изящно здесь назывались гримеры для благородных). Сияющая дворянская корона, драгоценности, орден... Само совершенство, приходилось делать над собой усилие, чтобы вспомнить ее в простеньком платье, хозяйкой полурассыпавшейся корчмы в Пограничье, бодро осыпающей матерками незатейливую публику...

— Ну почему же — пакости? — сказал Сварог весело. — Посмотрите на графиню, любезный барон, — помолодела, похорошела...

— И не говорите, командир, — отозвалась она прежним разбитным голосом. — Вы не поверите: гвардейские лейтенанты стойку делают и намекают насчет койки — иные даже в возвышенных стихах.

— А она и рада хвостом вертеть, — мрачно сказал Шедарис. — Недавно проткнул одного такого поэта — шуму было...

— Потому что деревенщиной ты был, Шег, деревенщиной и остался, не понять тебе никак, что такое благородное обхождение, — живо отпаривала Тетка Чари.

— Почему? Я же его проткнул не вертелом в переулке, а вызвал на дуэль по-благородному, как барону и положено. Нечего было совать всякую похабщину.

— Горе ты мое! «Тонкий стан» и «упругие перси» — это не похабщина, а поэтические эпитеты. Ну, подал молодой человек стихи с подобающей галантностью...

— Ага, — еще мрачнее сказал бывший капрал. — А перед тем долго тебя гладил по этим самым поэтическим эпитетам.

— Ну, так уж и гладил! В танце кавалер имеет право прикасаться к даме, а дама имеет право кокетничать в пределах допустимого. — Она вздохнула. — Вот так и живем, государь. Никакой светской жизни. Стоит мне с кем-то потанцевать или позубоскалить, мой обормот начинает зубьями скрежетать и прикидывать, как бы на дуэль вызвать бедного кавалера. Никкак я ему не могу втолковать: даже верная подруга имеет право и глазами поиграть, и поддержать флиртующие словесные игры...

— По балам так и порхает, — сообщил Шедарис угрюмо.

— Должна же я душу отвести за все, что недобрала в нищей юности и пиратской молодости, осьминог ты насморочный?!

— Вот так и живем, командир... Хотя в Волчьих Головы подавайся.

Сварог присмотрелся к нему внимательно. Обнаружил те же симптомы, что и у Бони с Паколетом: упитанные щеки отвисли, второй подбородок наметился, талия подозрительно раздалась до тех пределов, когда именовать ее талией уже язык не поворачивается.

— Хорош, ваше величество? — перехватил Шедарис его критический взгляд. — Самого с души воротит. По утрам бегая две лиги туда, две назад, с мечами прыгаю часа два, а когда и старую пушчонку поднимаю — у меня в замке на заднем дворе отыскалась, валялась без лафета, дуло мусором забило... Думаете, помогает? Ничего подобного. Брюхо отвисает, как вымя у коровы... Командир, можно я вопрос поставлю дерзко? Вы, похоже, не зазнались ничуть, с вами можно попросту, как в старые времена... Если готовится война или какое-нибудь рискованное предприятие вроде прежнего, я бы с удовольствием тряхнул стариной... Честное слово. Я не мальчик, за слова отвечаю. Просто... просто погубит меня такая жизнь в конце концов.

— А ведь он дело говорит, командир, — согласилась Тетка Чари, вмиг потеряв прежний кураж. — Раньше жилось беднее, но гораздо интереснее. И под смертью ходили, и спали под кустом, а все равно жизнь была н а с т о я щ а я. Что у меня теперь? Кавалеры стишки кропают да норовят со всем галантерейным обхождением в койку уложить, а то и вовсе где-нибудь в темном переходе к пыльной стенке притиснуть и платишко задрать. Сначала льстит, потом надоедает, а там хоть волком вой — никакой особой разницы с простыми кабацкими танцульками. Все отличие в том, что шкипер норовил грудяшки потискать и корешок на язычок положить, а галантерейный маркиз хочет к персям припасть и жаждет, чтоб мои лепестки розы вокруг его нефритового жезла сомкнулись...

— Это кто же жаждет? — громко сопя, спросил Шедарис с совершенно зверским лицом. — Тот баран в синем бархате?

Тетка Чари отмахнулась:

— Да это я так, для примера... Одним словом, никакой разницы. Сядешь поболтать со знатными клушами — вскорости от тоски так зеваешь, что челюсть того и гляди хрупнет. Ленточки да рюшечки, да туфельки с острым носком, из ратагайской замши... Кому из них удалось при храпящем в другом крыле законном муже с лейтенантиком перепихнуться и вовремя его в окошко выпроводить, чей муженек к праздникам непременно получит повышение, кому благосклонно улыб-

нул сам министр... Как подумаю, что мечтала когда-то в знатные дамы выбиться, — тоска берет! Кто ж знал, что этот их высший свет — такое болото... Туфельки с пряжечками, туфельки без пряжечек, корсажик на три пуговички, мушка над левой бровью означает, что дама холодна, а над правой — во-все даже наоборот... Вперехлест через мамашу морского чер-та, я ж сорок абордажей помню... или уж тридцать-то точно... Командир, может, нам с Шегом по старой памяти и отыщет-ся местечко, чтобы тряхнуть недавней стариной? А то я при такой жизни, право слово, или любовника заведу, или пущу этих гусынь по морской матери в три загиба с четырьмя кан-дибобрами...

— Сговорились вы, что ли? — сказал Сварог задумчиво. — Я-то полагал, что устроил вам жизнь, как мог, подыскал тихую пристань...

— Тошно в тихой пристани, командир. И плесенью пах-нет, — сказала Тетка Чари уныло. — Рановато мы на берег спи-сались, вот что. Оказывается, еще годочков десять погулять по морям не мешало бы. Давеча получили письмо от Бони, на-карябал, что заедает его тоска неопиcуемая, и собираются они с Паколетом к тебе ехать, чтобы выяснить, не предвидится ли войны или приключений... Тебе они не писали?

— Не писали, — ответил Сварог рассеянно. — Сами нагря-нули. Здесь они, куда им деться. Может, это судьба? — Он по-смотрел поверх плеча Шедариса — там, маяча в приоткрытой двери, подавал загадочные знаки министр полиции. — Сядьте-ка в уголке да послушайте. Есть интересное дельце...

Жаждающий помилования выглядел так, как и обязан был выглядеть постоялец уголовной тюрьмы, — грязный, зарос-ший, вонючий. Сварог невольно отодвинулся подальше. Он успел бегло просмотреть и экстракт прегрешений, и приго-вор суда — дело было насквозь житейское. Морячок с богатым жизненным опытом, попробовавший и вольной пиратской житухи, и речной контрабанды, устроил в портовом каба-ке переполох с поножовщиной, порезал двух случайных со-бутыльников, дешевую девку и слугу, а кабатчика ухитрился убить до смерти — и, не останавливаясь на достигнутом, тем же тесаком прикончил полицейского. За все это в совокупно-сти королевский прокурор вполне резонно приговорил буяна к отправке на те незамысловатые танцульки, где пляшут с Ко-нопляной Тетушкой.

Министр полиции, бдительно поместившись меж Сваро-гом и босым грязнейшим субъектом — сквозь дыры в лохмо-

гтях у того там и сям просвечивали татуировки, — поначалу прямо-таки потел от усердия, но Мара так многозначительно играла кинжалом, а смертник так искренне ее боялся, что даже человек-бульдог успокоился, видя, что заключенный в надежных руках.

— Ну, давай, — сказал Сварог, подойдя к приоткрытому окну, чтобы быть поближе к свежему ветерку. — Облегчай душу, рожа...

Моряк, с надеждой таращась на него сквозь падавшие на глаза лохмы, принялся складно и подробно рассказывать: как в прошлом году, аккурат в месяце Фионе, его шхуну наняли для какой-то загадочной поездки двое обходительных господ, судя по выговору, манжетам и воротникам, явные горротцы; как он моментально почуял, что дело грязное, но, получив горсть золотых кругляков, конечно, согласился; как с наступлением ночи на борт погрузили огромный, наглухо заколоченный ящик и приказали выходить в море; как часов через пять плаванья они оказались на рейде Джетарама, лигах в трех от берега; как эти загадочные господа, не по-господски ловко орудя гвоздодером и клещами, выломали боковую стенку у ящика, предварительно придвинув его к борту, — и оттуда проворно выполз, перевалился через низенький фальшборт и ухнул в море самый на вид обыкновенный коричневый тюлень из тех, кого называют «морскими собаками»; как после этого наниматели приказали уходить на всех парусах куда угодно, лишь бы подальше. Вскоре, оглянувшись, моряк прекрасно рассмотрел в семеловом свете, как море за спиной вспучилось громадной волной, самым натуральным мареном, — и этот марен, заслоняя звезды, помчал к берегу со скоростью призового скакуна...

Битый жизнью морячок, повидавший столько, что иному хватило бы на семь жизней, в совпадения не верил. Инстинктом хищного зверя моментально связав тюленя и невесть откуда взявшийся марен (которому его наниматели ничуть не удивились), он, не раздумывая долго, рыбкой нырнул за борт с того места, где стоял. Что ему, несомненно, и спасло жизнь — вынырнув далеко от суденышка, чтобы глотнуть воздуха, он услышал на борту пистолетную пальбу: два обходительных господина с горротским выговором в лихорадочном темпе избавлялись от свидетелей, которых и было-то всего трое... По нему тоже стреляли, но не попали в темноте, а плавал он отлично. Возможно, наниматели, перебив экипаж, и пустились бы за ним в погоню на захваченной шхуне, но тут на море на-

чалось волнение от обрушившейся на порт и отхлынувшей гигантской волны. Он ушел на глубину, думал уже, что не выгребет, однако выплыл в полном изнеможении и ушел берегом. Никого из своих ребят он больше не видел, как и почти новенькой шхуны. О разрушениях, причиненных мареном, он узнал на другой день — вся округа только об этом и толковала: марен выбросил на берег два новехоньких военных фрегата и множество суденышек поменьше, разрушил склады с военноморским имуществом, погубил тысячи две народу...

«И сорвал отсылку подкреплений на остров Брай, где в то время как раз разыгралась очередная ронерско-горротская войнушка, — прокомментировал про себя Сварог. — Помню, как же. Слышал об этом марене...»

Жестом велел Маре вывести вонючего рассказчика в приемную, он обернулся. Тетка Чари вскочила:

— А помните, как мою гостиницу спалила эта стерва? Словно зажигательной бомбой вспыхнула! Прекрасно помню, как она от меня шмыгнула в комнату — и там моментально полыхнуло...

— Вот именно, — сказал Сварог. — А вторая такая же дамочка, тоже удивительным образом вспыхнув, спалила домик Паколетовой бабки с нею самой и с полицейским...

«И дворняга, — добавил он мысленно. — Точнее, пастуший волкодав, который тоже превратился в бомбу и уничтожил ворота крепости и Корромир. Здесь у нас кое-что другое — не зажигательная бомба, а рукотворный марен, но этот висельник прав, какие, к лешему, совпадения...»

— Здесь, пожалуй что, есть зацепка, — сказал он и, не теряя времени, повернулся к министру полиции. — Таверна «Ржавый якорь», чей хозяин познакомил этого субъекта с горротцами... Конечно, они и его могли убрать... а если нет? Если были заранее уверены, что смогут без шума прикончить всех на шхуне?

— Разрешите...

— И моментально! — прикрикнул Сварог.

Министр полиции опрометью бросился отдавать приказы.

— Интересные дела, командир, — сказал Шедарис, моментально стряхнувший всякую меланхолию. — Сдается мне, ты и не собираешься жирком обрастать...

— Я бы с удовольствием, — сказал Сварог. — Только вот не дают мне покоя, хоть ты тресни. Не успеешь расположиться у камина в домашних шлепанцах, как прибегают звать на трон или, бери выше, спасать империю...

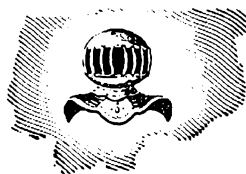

— Куда с оружием приходить? — деловито спросил Шедрис.

Сварог взглянул на них, увидел в глазах тот же серьезный, рассудочный азарт, что и в недавние времена, — и уже не пытался отговаривать. Они были взрослыми и сами все понимали. Похоже, это и впрямь судьба — собраться вновь Странной Компании, плечом к плечу, на всем галопе рвануться прочь от спокойной жизни...

— Сюда, — сказал он спокойно. — Завтра же поутру.

И в голове у него сама собой зазвучала старая песенка: «Но, слава богу, есть друзья и, слава богу, у друзей есть шпаги...»

Глава 17

НЕ ТОЛЬКО ШПАГИ

Здесь, в маленьком домике с высоким крыльцом и горбатой крышей, не изменилось ничего: ярко пылал камин, а на столе горела лампа под колпаком из тончайшего фарфора, белого, с просвечивающими синими рыбами и алыми водорослями. Серый кудлатый пес пастушеской породы лежал в углу, положив голову на лапы. Вот только задевались куда-то пузатые серебряные чарки, и принесенную Сварогом по старой памяти «Кабанью кровь» пришлось разливать по простым глиняным стаканам. У него осталось стойкое впечатление, что мэтр Анрах вступил в печальную полосу финансовых неурядиц: и парочка картин пропала со стены, и не было больше на столике безвкусной, но довольно дорогой серебряной вазы. Книг, правда, прибавилось.

Вступив в круг света, Анрах осторожно положил на стол черный кожаный мешок с бумагами покойного протектора. И сам он ничуть не изменился: пожилой шустрячок, низенький, лысый и крючконосый, с венчиком седых курчавых волос вокруг лобастого черепа. «А у него дела и впрямь плохи, — подумал Сварог сочувственно. — Щеки ввалились. Раньше неплохую закуску выставлял, а теперь принес горсточку изюма на фарфоровом блюдце вместо старого серебряного, и лицо при этом было очень уж виноватое...»

— И каковы же ваши впечатления, мэтр? — спросил он с интересом. — Заслуживает ли это внимания, и насколько? Видите ли, сам я сплошь и рядом не могу определить ценность

иных исследований, иногда вообще не понимаю, о чем идет речь...

— Ну что вам сказать... — Мэтр Анрах взял стакан и отпил пару добрых глотков. — Вы меня заинтриговали, барон... Простите, я еще не привык называть вас «государем»...

— Именуйте, как вам удобнее, — махнул рукой Сварог.

— Вы меня всерьез заинтриговали, — признался Анрах. — Судя по размаху идей и направлений поиска, по явной дерзости мысли и полному отсутствию преклонения — да что там, простого уважения — перед авторитетами, автор, во-первых, не вовлечен в систему официальной науки, во-вторых, вовсе не стремился к признанию. У него наверняка есть неплохое состояние — некоторые исследования требовали дальних поездок, работы в архивах, приобретения редких и дорогих книг. Он упоминает некоторые труды, существующие буквально в нескольких экземплярах, древние инкунабулы — и, к стыду своему, признаюсь, о трех из них я только слышал, но никогда не держал в руках. Возьмем хотя бы «Хронограф атмосферических явлений и феноменов». Есть только два экземпляра — один в горротской королевской библиотеке, другой на Сильване, у царя Гипербореи. Меж тем у вашего книжника, судя по постоянным ссылкам, была под рукой своя книга, третий экземпляр. А «Второе путешествие шкипера Ратами к Ледяным Берегам» известно лишь по двум десяткам цитат в древних трудах, но ваш знакомый пишет так, словно держал под рукой полный вариант... Кроме того...

Сварог деликатно прокашлялся.

— Простите, я, похоже, увлекся, — сказал Анрах. — Безусловно, автор этих заметок вряд ли заслуживает того, чтобы включить его в число крупных ученых, но, как богатый дилетант, достиг вершин. Иные наметки по-настоящему ценны, жаль, что не развернуты в большие работы. Право же, он умен, начитан и дерзок в суждениях. Я могу с ним познакомиться? Нам нашлось бы о чем поговорить.

— Он умер, — сказал Сварог.

— Жаль, — сказал Анрах искренне. — Очень жаль. Я сам не имею никакого отношения к официальной науке... после того, как она сама сделала именно такой вывод, — горько усмехнулся он. — Так что нам было бы о чем и поговорить, и поспорить. Я, например, в толк не возьму, почему он из всех мифологических фигур, носящих титул Безумцев, занялся исключительно Зодчим. С точки зрения завлекательности, ореола тайны, привлекающего в первую очередь богатых дилетантов, были бы

предпочтительнее Безумный Часовщик, Безумный Пастух, Музыкант или, на худой конец, Рисовальщик. Но нет, его почему-то привлекал именно Безумный Зодчий, он должен был выбросить астрономическую сумму денег, всерьез ища реальные корни мифа... Впрочем, его, безусловно, не интересовали материальные стороны иных тайн — что интересно, вашего книжника совершенно не привлекали пресловутые клады острова Диори. А ведь подавляющее большинство тех, кто занимается тайнами Ледяного Острова, в первую очередь, как собака на кость, бросается на любые упоминания о кладах, сокровищах, легендарных истуканах в человеческий рост, вырезанных из цельного самоцвета... Я мог его знать?

— Не знаю, были ли вы знакомы... — сказал Сварог. — Барон Гинкар. Это его бумаги.

— П р о т е к т о р? Ведь не было другого барона Гинкара...

— Именно, — кивнул Сварог. — Была у него тайная страстишка, как у других — тихушное пьянство или девочки. Он был тайным книжником, знаете ли...

Мэтр Анрах долго сидел молча, с растерянным, мрачным лицом. Потом прошептал так тихо, что Сварог едва расслышал:

— Великое небо, зачем же он так бездарно растратил свою жизнь? На что? Придворные интриги, полицейские дела, карьера... У него были великолепные задатки...

— Ну, все зависит от точки зрения, — пожал плечами Сварог. — Сам он, очень похоже, вовсе не считал, что растратил жизнь бездарно. Вот это, — он коснулся кожаного мешка, — для него так и осталось отдушиной, развлечением в свободную минуту...

— Ну да, конечно, — саркастически ухмыльнулся Анрах. — Т а к о е следовало скрывать. Добрая половина бумаг относится к тем областям знания, занятие коими считается не просто предосудительным — опасным и запретным... А на первом месте все-таки была карьера... — Он все еще потрясенно вертел головой. — Кое-что придется теперь пересмотреть, с учетом сказанного вами. Я в свое время полагал, что он целеустремленно охотился за книгами из Финестинской библиотеки ради каких-то полицейских надобностей... а он, ясное дело, разыскивал их для себя... Что с ним случилось? По городу до сих пор бродят туманные, но определенно зловещие слухи, болтают даже о демонах из распечатанного сосуда, а другие уверяют, что он вовсе и не погиб, а был арестован тайной полицией лагов и увезен в замок Клай...

— Да нет, он в самом деле погиб, — сказал Сварог неохотно. — Это печальная и до сих пор во многом загадочная история... Ко мне попали далеко не все его бумаги. Вдова... человек, у которого они хранились, уверяет, что большую часть бумаг незадолго до кончины протектора забрал некий доверенный, — и на его след я пока что не наткнулся...

— Зачем это в а м? — тихо спросил Анрах. — Теперь?

— Вы полагаете, что человек, добившийся королевской короны, с превеликой охотой отдастся безделью и развлечением? — спросил Сварог. — Охота, балерины и балы?

— Во всяком случае, многих этот нехитрый набор вполне устраивал. Откуда я знаю, к чему стремитесь вы? Притом даже, что вы — Серый Рыцарь? Предсказания вовсе не обязаны претворяться в жизнь во всей полноте...

— Да, я уже это слышал, — сказал Сварог. — Увы... Я, возможно, и стремлюсь подсознательно к спокойной, мирной жизни под сенью хрустальных струй... или как там писал Асверус?... Но так уж получается с завидной регулярностью, что о беззаботном безделье нечего и мечтать.

— Вы снова в... хлопотах?

— Можно это и так назвать, — усмехнулся Сварог. — Правда, у королей это вроде бы называется как-то иначе... Не в том суть. Я пришел с определенным предложением. Вы знаете уже, что я — здешний король...

— Представьте себе, — в тон ему улыбнулся мэтр Анрах. — Ваши портреты еще не получили должного распространения, но я по пристрастию своему к публичным зрелищам был на улице, когда вы с Делией торжественно въезжали в Равену. В одеждах хелльстадского короля. У меня есть знакомый, он живет на Адмиральской, и у него на втором этаже удобный балкон... Я вас сразу узнал, а потом о вас очень много говорили, и о воцарении в Главе, и о борьбе с «Черной радугой»... И, наконец, было объявлено, что Конгер на смертном одре усыновил вас... Я полагаю, вся улица забита сыщиками в цивильном?

— Ну что вы, — сказал Сварог. — Со мной приехал единственный человек, он ждет с лошадьми. Терпеть не могу, когда вокруг толпится охрана, испытал уже это в Главе, хватит с меня...

— Что произошло в Клойне? — спросил Анрах жадно. — Ходят всевозможные слухи о странной катастрофе, постигшей королевский замок, но никто ничего не знает точно...

— Мы об этом еще поговорим, — сказал Сварог. — Давайте вернемся к моему предложению. Мне нужен человек, способный стать кем-то вроде ученого советника. Пойдете?

— Почему я?

— Потому что вы — единственный, с кем я более-менее знаком здесь, — сказал Сварог. — Шучу... Во-первых, меня совершенно не устраивают господа, представляющие официальную науку. Вовсе не потому, что они глупы, — там достаточно умных людей. Просто они зашорены. Они слишком крепко усвоили, что можно, а что нельзя, они научились не замечать и не знать того, что может помешать их карьере, вызвать недовольство властей. Вы — другое дело. Мы с вами общались достаточно долго, чтобы я успел составить о вас некоторое представление. Вы не бунтарь, конечно, вы не состоите ни в каких тайных обществах вроде студенческих — я уже знаю о них кое-что, как видите, — но тем не менее постоянно и целеустремленно ходите по краю. Интересуетесь тем, чем, с точки зрения властей и официальной науки, вовсе не положено интересоваться. Я помню все наши разговоры — за добрую половину затронутых тем мы с вами, безусловно, поделались и... А ведь вы не знали тогда, кто я такой... И, наконец, вы меня не выдали, хотя имели полную возможность.

Анрах печально улыбнулся:

— А вам не приходило в голову, что я так поступил не из душевного благородства, а из циничного расчета? Вы были чересчур загадочны и непривычны, могло оказаться, что это одно из тех дел, когда убирают даже случайных свидетелей... Выгоднее было молчать.

— Ну а какая разница? — пожал плечами Сварог. — Во-первых, вы нас не выдали, а это главное. Во-вторых, вы обладаете определенными знаниями — а мне необходимы такие люди...

— Интересное предложение, — задумчиво произнес Анрах. — Судя по вашей интонации, по словечкам «определенные знания», «такие люди», вы твердо намерены заниматься как раз тем, что не приветствуется ни властями, ни официальной наукой?

— Одно немаловажное уточнение, — сказал Сварог терпеливо. — Власть теперь — я. А официальная наука, стоит мне приказать, начнет выполнять команды «Равняйся!» и «Смирно!» не хуже вымуштрованного гвардейца... Это несколько меняет ситуацию, не правда ли?

— Но остается еще...

— Вы имеете в виду... — Сварог ткнул пальцем в потолок.

— Именно. Я имею в виду одно из скромных, незаметных учреждений при Канцелярии земных дел, именуемое без всяких затей восьмым департаментом...

— Хотите свежие новости из императорского дворца? — усмехнулся Сварог. — Так уж повернулось, что перед вами сидит глава другой, новорожденной имперской секретной службы, чье место в придворной иерархии находится гораздо выше восьмого департамента...

— Вы серьезно?

— Абсолютно, — сказал Сварог. — Вот вам указ, подписанный ее императорским величеством... Ну чего вам бояться в т а к о й вот ситуации? Вы во мгновение ока окажетесь на недосягаемой для полиции и чванных академиков высоте...

— Вот эта высота меня и пугает, — признался мэтр Анрах. — Очень уж высоко. Чересчур неожиданно и чересчур высоко... Что я у вас буду делать?

— А я и сам еще не знаю, — сказал Сварог. — Я собираю людей в п р о к. Если возникнет необходимость, мне не придется в лихорадочной спешке подыскивать надежных специалистов. Они будут под рукой. Вы долго и старательно занимались тайнами этого мира...

— Далеко не самыми значительными и жуткими.

— Все равно. Мне и этого достаточно. Вполне возможно, вы знаете что-то такое, что мне не нужно с е й ч а с, о чем я даже и не догадываюсь. Но завтра... Через месяц...

— Спасибо, — поклонился Анрах. — Никогда еще не чувствовал себя банкой маринованных огурцов, которую хорошая хозяйка запасает впрок...

— Обиделись?

— Ничуть. Мне просто страшно, если вы хотите полной откровенности. Я слишком долго жил... так, как жил. И тут вдруг являетесь вы...

— А вам нравилось так жить, мэтр? — бесцеремонно прервал Сварог. — За плотно задернутыми шторами, с оглядочкой перебирать бумаги и предметы, за которые вас в любой момент могли потащить на допрос? Не иметь возможности открыто общаться с такими же, как вы? В жизни не поверю, что вас привлекала такая жизнь...

— Что поделать, привык...

— А вы наберитесь смелости отвыкнуть р е з к о, — сказал Сварог. — Я, конечно, не говорю про всякие глупости вроде высокого чина и проистекающих отсюда доходов... но

и это имеет значение, черт возьми. Книги и раритеты никто не отдает бесплатно... Я вам дам знания, мэтр, о которых вы и мечтать не могли. Любые, к каким у меня есть доступ. Хотите иметь под рукой библиотеку Хелльстада? До которой у меня самого не доходят руки? А библиотеку императорского дворца? Молчите, молчите! А глазки-то загорелись, я же вижу...

— А у кого на моем месте они бы не загорелись? — опустив глаза, сказал Анрах. — Будь на вашем месте кто-нибудь другой, я мог бы подумать, что меня искушает дьявол, — да-да, он, знаете ли, тоже использует иногда т а к и е приманки, если верить некоторым свидетельствам... Послушайте, что вы все-таки хотите знать?

— Я же говорю — не знаю пока, — честно ответил Сварог. — Просто вы — тот самый человек, который мне нужен, вот вам вся нехитрая правда... Хотя... Вы когда-нибудь слышали что-то о крохотных подземных обитателях Хелльстада?

— Вы имеете в виду «моряков-крохотулек»? Тех, кто плавает по морям на подводных лодках?

— Ага! — радостно воскликнул Сварог. — Ну вот вам и доказательство того, что я был все-таки на верном пути! Вот чем вы мне уже сейчас можете быть полезны!

— Боюсь, вы меня неправильно поняли... — грустно сказал Анрах. — Сам я о них мало что знаю. Есть один моряк — к превеликому сожалению, из джентльменов удачи, поэтому найти его непросто. Он тоже увлекается загадками из разряда запрещенных... Вы с ним, конечно же, никогда не встречались, это капитан Бугас...

— С «Невесты ветра»? — прямо-таки взревел Сварог. — Да я же плавал на его корабле!

— Совершенно верно...

— Где он?

Анрах развел руками с видом искреннего огорчения:

— Где искать пирата? На восьми ветрах, как говорится... У него хранилась в каюте одна любопытная вещичка, принадлежавшая прежде «морякам-крохотулкам», от него-то я и узнал кое-что... По-моему, в прошлом месяце его видели...

Он замолчал и повернул голову, услышав знакомое Сварогу дребезжание звонка. Пес громко залаял, но тут же умолк, видя решительный жест Анраха. Мэтр шустро прошел к входной двери — ничего старческого в походке, до дряхлости еще очень и очень далеко, — вскоре вернулся, растерянно сказал:

— Похоже, это к вам...

Увидев на пороге Мару и пошептавшись с ней, Сварог, нимало не колеблясь, приказал:

— Давай их сюда, немедленно!

Первым вошел Леверлин, в своем обычном дворянском платье, но перепачканном, рваном и прожженном в дюжине мест. Лицо у него было в копоти, смешанной на левой щеке с подсохшей замысловатыми разводами кровью. Следом плелся глэрд Баглю, столь же грязный, оборванный, в прожженной одежде, с наспех перетянутой куском полотна головой. Сквозь полотно проступала кровь, но держался глэрд относительно браво.

— Садитесь, — распорядился Сварог. — Вы не станете возражать, мэтр? Там, на столе, вино... Вы, как я понимаю, шли по Древней Дороге? (Последняя фраза была им с умыслом добавлена специально для Анраха.)

И оказала свое действие — глаза мэтра мгновенно озарились знакомым Сварогу по прежним временам огнем...

Схватив протянутую Сварогом полную бутылку, Баглю отодвинул предложенный было стакан и надолго присосался к горлышку. Не без сожаления оторвавшись, передал ее Леверлину — тот в три глотка допил оставшуюся половину. Мара стояла у порога с бесстрастным выражением лица.

— Чует мое сердце, что там все пошло прахом, — сказала она громко. — С такими физиономиями, как у них, об успехах не докладывают...

— Боюсь, гланфортесса, будь вы с нами, оказались бы в том же положении, — вежливо, но твердо сказал Баглю. — Драться на мечах там было не с кем...

— Докладывайте! — рявкнул Сварог.

Он сидел, вертя в руках отвергнутый глэрдом стакан, и слушал, как Баглю, раскрасневшийся от вина, подробно и четко излагает голые факты.

Засада в замке Рейта успела уже остервенеть от напряженного безделья, дожидаясь урочного часа, когда старуха Грельфи вдруг подпрыгнула, словно ее укололи шилом в самое седалище, и что есть мочи заорала: мол, им следует немедленно убираться отсюда, со всех ног и сломя голову, иначе всем придет конец. И припустила первой к выходу со скоростью, сделавшей бы честь многим молодкам. Они и сами не могли толком объяснить, что их заставило моментально поверить и опрометью припустить вслед за старухой, но, как бы там ни было, это им и спасло жизнь. Едва Леверлин, Баглю и дюжина их людей успели отбежать от замка уардов на сорок, как земля сотряслась, раздался могучий, непонятный, никогда

прежде не слышанный и ни с чем известным не ассоциировавшийся то ли шелест, то ли свист — и замок превратился в кучу щебенки. Не взорвался, не взлетел на воздух, а словно бы завалился внутрь самого себя. Точнее они не могли объяснить. Когда обернулись, услышав за спиной этот странный звук, на месте замка, в его прежних границах, уже лежала куча перемолотого в крошку кирпича и камня, ничуть не похожая на развалины, остающиеся после любого известного взрывчатого вещества. И тут же по ним хлестнула словно бы взрывная волна, опалив жаром, осыпав мириадом искр, сбив с ног и проволочив по земле добрую дюжину уардов. Но все остались живы, не считая царапин, ссадин, ожогов и парочки вывихнутых рук...

Тем, кто на двух военных кораблях вышел в море, чтобы перехватить загадочное суденышко, досталось меньше, но и они потерпели полное и сокрушительное поражение. Они видели, как корабль — на вид обычная шхуна — приблизился к берегу, уже приготовились идти на abordаж, но тут, словно получив неведомым путем некое известие, шхуна — дрейфовавшая со свернутыми парусами! — вдруг развернулась и помчалась в море со скоростью, примерно втрое превосходящей скорость не только военного парусника, но и любого земного парохода. Выстрелить по ней никто так и не успел — промчавшись меж двумя корветами, загадочная шхуна с той же поразительной скоростью ушла в открытое море и моментально растворилась в ночном мраке. Гнаться за ней было бы попросту бессмысленно — не могли даже приблизительно определить направления, в котором она скрылась, не говоря уж о том, чтобы догнать...

— Все, — убито сказал Баглю и умолк, с надеждой поглядывая на полную бутылку.

Перехватив его жаждущий взгляд, Сварог кивнул:

— Валяйте... Что ж, господа мои, они нас обставили. Стахор это или не Стахор, но мы остались в дураках. Хорошо еще, что все живы...

— О чем вы? — прямо-таки ерзя на стуле, спросил мэтр Анрах.

Услышав этот тон, Сварог уже не сомневался, что его ученый приятель влип по самые уши. И сказал небрежно:

— Да вот, знаете ли, из зеркала в одном замке вылезала с завидной регулярностью некая компания странных существ, не имевшая вроде бы отношения к нечистой силе... Вообще-то, это страшная государственная тайна, но мой ученый консультант имеет право...

— Я согласен, — сказал мэтр Анрах не лишенным азарта голосом. — Вы не дьявол, лорд Сварог, но искушать умеете не хуже... Правда, вынужден вам сказать, чтобы не осталось недоразумений... Я даю согласие не только оттого, что вы меня поманили новыми знаниями. Есть еще один, более шкурный повод... Я боюсь. Помните, я вам рассказывал о мэтре Тагароне, том самом, что изобрел подводную лодку? Я недавно получил от него письмо. Он, оказывается, в Горроте. Сделал мне примерно то же самое предложение, что и вы, — быть ученым консультантом при некоем тамошнем научном заведении. Странное письмо. Предельно туманное, намекающее на некие ослепительные перспективы и головокружительное вознаграждение, проникнутое несвойственным ему в прежние времена чванством и превосходством... Писал он сам, несомненно, — там встречаются обороты, которые были свойственны только ему, упоминания о событиях, о коих знали только мы с ним... Но дело даже не в письме. Дворянин, который его доставил, мне категорически не понравился. Я, если помните, служил в гвардии, был на войне, повидал кое-что. Люди с такими глазами переступают через труп, как через бревно, и убивают не задумываясь... Он без особых дипломатических уверток дал мне понять, что выбора нет. Либо я приму предложение, либо со мной произойдет какой-нибудь несчастный случай. У меня осталось еще два дня из отпущенных на раздумья трех... Все это время возле дома отирались какие-то люди...

— Я никого не видела, — уверенно сказала Мара. — Что-что, а уж наблюдение засекла бы... Впрочем, рядом — заброшенная пивоварня, туда-то я не заглядывала — к чему? Там может целый взвод и сейчас прятаться... На улице остался ликтор в цивильном, что прискакал с ними... — кивнула она на оборванных и опаленных пришельцев.

— Посмотри, — сквозь зубы бросил Сварог.

Она кивнула и бесшумно выскользнула в дверь. Баглю, ничуть не удивившись, вытянул из ножен семейный палаш, процедил:

— Горротцы, говорите? Оч-чень кстати...

Мара вернулась, мотнула головой:

— Ликтор на месте, кони — тоже. Ни одного тихаря на улице, но насчет пивоварни — кто его знает...

— Поистине, мэтр, вы у нас человек незаменимый, — сказал Сварог спокойно. — Не беспокойтесь, сейчас переправим вас во дворец, там им до вас будет гораздо труднее дотянуться... Мара! Вызывай министра полиции. Чтобы через четверть

часа тут не протолкнуться было от его головорезов, прочесать улицу, обыскать и пивоварню, и прочие прилегающие строения... — Он повернулся к Анраху. — В положении короля есть некоторые приятные стороны, не правда ли? Это вам не старые времена, когда меня гоняли, как зайца... Живо собирайтесь.

— Но мои книги? — растерянно воззвал мэтр Анрах. — Коллекции? Собака?

— Мара, — хладнокровно добавил Сварог. — Добавь еще, пусть сюда пригонят дюжину повозок и десятка два носильщиков... Вот так и живем, мэтр. Приказы мои, что характерно, немедленно исполняются. Мелочь, а приятно...

ЦЕННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ

Тишину нарушал лишь хруст и шорох плотной бумаги, пропитанной каким-то алхимическим составом, чтобы не боялась воды: на такой бумаге здесь главным образом печатали военные и морские карты, поскольку снадобье из-за каких-то редчайших компонентов выходило дороже золота, и растрачивать его на гражданские нужды было бы расточительно (конечно, это не касалось королевских указов и самых важных документов).

Адмирал Амонд обложился ворохом лоций и карт глубин, залитых синевой разных оттенков, от прозрачно-акварельного до густого, чуть ли не черного, с сосредоточенным видом понимающего человека манипулировал циркулями, круглыми линейками и еще какими-то штурманскими причиндалами, в которых Сварог не разбирался совершенно. Анрах терпеливо сидел рядышком, время от времени по просьбе адмирала тихонько уточняя что-то.

Сварогу пока что не находилось дела, и он в ожидании хоть каких-то результатов или хотя бы версий маялся от скуки. Он внезапно оказался в состоянии самого пошлого безделья. За две последних недели не случилось решительно ничего, требовавшего бы личного вмешательства самодержца: страна жила спокойно, без смут и мятежей, подданные, как им и полагалось, прилежно занимались кто законными, кто незаконными ремеслами (но последних искали и ловили опять-таки без вмешательства короля, вовсе не обязанного вникать в такие мелочи). Из Глана тоже приходили лишь самые оптимистичные

новости: горротцы притихли, коварных сюрпризов из разряда феноменов больше не случалось, глэрд Рейта после надлежащего внушения выпустили на свободу, чтобы использовать в качестве приманки на случай, если его загадочные приятели вдруг решат объявиться вновь (незадачливого дружка обитателей Зазеркалья поселили в один из его замков поплотше, строго запретив таковой покидать, да вдобавок королевским указом, который Сварог подмахнул с особенным удовольствием, лишили доброй четверти земель, каковые передали наследнице Барраля в виде компенсации за все причиненные ей неудобства).

Впрочем, Сварог не особенно и рассчитывал, что те, из зеркала, вернутся на спаленную явку, — но попытка, как известно, не пытка. Из тех же соображений министр полиции до сих пор держал на Бараглайском холме штук двадцать своих отборных тихарей: на случай, если горротцы начнут все же выяснять, куда запропастился мэтр Анрах. Зачем он вдруг понадобился Стахору — непонятно, да и сам мэтр не знал, к а к и е и м е н н о его знания привлекли горротского короля, несомненно стоявшего за Тагароном...

Собственно говоря, Сварог остался в полном одиночестве. Мара, добившись, наконец, выполнения вскользь данного ей Сварогом обещания, отправилась почистить Ямурлак от затаившейся по чащобам нечисти — во главе двух конных легионов, пары сотен Вольных Топоров, изрядного отряда любителей авантур, привлеченных в экспедицию как тягой к приключениям, так и солидным вознаграждением в золоте. С ней поехал Карах — в качестве долголетнего ямурлакского обитателя, тамошнего уроженца, а следовательно, бесценного научного консультанта. Туда же дружно рванули Шег Шедарис и Бони с Паколетом, решившие, что лучшей возможности малость подрастрясти жирок может и не подвернуться. Что до Тетки Чари, она все это время прочесывала многочисленные портовые кабачки, выискивая старых знакомых, которые неисповедимыми путями могли довести до сведения капитана Бугаса, что нашелся наконец-то человек, способный оценить его коллекции по достоинству. Вообще-то, параллельно Бугаса искала и вся заграничная агентура министра полиции (как выяснилось, с полгода назад прибравшего к рукам и внешнюю разведку), но Сварог, вспоминая лично знакомых ему господ пиратов, в том числе и самого Бугаса, слабо верил в успех шпииков, заранее прикинув, сколько из них не вернется. Шпииков джентльмены удачи особенно не жаловали и давно наловчились устраивать

им плавание в один конец, то бишь сверху вниз... Зато у Тетки Чари шансы определенно были...

Леверлин куда-то исчез — и у Сварога осталось впечатление, что былой сподвижник, вынужденный силой обстоятельств открыть кое-какие тайны, попросту избегает с ним встреч. Это было чуточку неприятно — дело, конечно, не в обидах, какие могут быть обиды на человека, вынужденного хранить ч у ж и е тайны даже от боевых друзей? — но все равно остался неприятный осадок...

И, наконец, Элкон пропадал н а в е р х у, в Келл Инире, с помощью добрых знакомых из Магистериума разрабатывая для новорожденной разведслужбы Сварога систему спутников-наблюдателей, способных прослушивать эфир на всех диапазонах и вообще надзирать за планетой так, как этого до сих пор не делал восьмой департамент. Задание не из легких, но Сварог надеялся, что парень справится, — на таких вот серьезных поручениях и проверяются растущие кадры, к тому же других кандидатур у него все равно не было...

Даже ведьма Грельфи поддалась захватившей всех жажде деятельности и отправилась в Глан, чтобы с помощью каких-то своих методов поискать д р у г и е зеркала, откуда могут вылезать существа в балахонах.

Честолюбивый полковник Фалек из Синих Егерей со всем своим полком в полном составе и парочкой артиллерийских батарей уже десять дней действовал в Пограничье, вразумляя господ вольных ярлов, с помощью то кнута, то пряника втолковывая им, что с прежними вольностями, как ни печально, придется расстаться. Судя по двум лоранским нотам, он даже быстрее, чем рассчитывал Сварог, вышел к побережью, и его корабли, двигаясь к устью Секвены, без лишних церемоний сметали бортовыми залпами все, что предприимчивые соседи успели там возвести. (На обе ноты по указанию Сварога министр иностранных дел ответил довольно резко, вполне резонно заметив, что речь идет о внутренних делах, о наведении его величеством Сварогом Первым порядка в своих законных владениях, и совершенно непонятно, почему господа из Лорана дерзают этим возмущаться — уж не хотят ли тем самым признать, что официально поддерживали нарушение границ их подданными?! Неизвестно, что подумали в королевском дворце, но третьей ноты не последовало.)

А по Вольным Манорам, вдоль течения Рона, довольно браво продвигался экспедиционный корпус маршала гвардии, ради вящего запугивания действовавший сугубо под хелльстадским

знаменем Сварога. Судя по поступавшим донесениям, владельцы карликовых держав сдавались без особенного сопротивления — были заняты уже девять Маноров из двадцати одного, а нечто похожее на вооруженный отпор встретили лишь в трех, да и там быстро все уладили без особых церемоний.

Вот тут Сварог разворошил осиное гнездо! Практически из всех стран континента посыпались ноты разной степени эмоционального накала. Шаган и Снольдер отделались довольно формальными посланиями (лишний раз подтвердив тем самым расчеты Сварога — в первом королевстве после уничтожения Глаз Сатаны он был трудами монахов из Братств весьма популярен, а второе определенно подавало сигналы, недвусмысленно свидетельствовавшие о твердом намерении дружить), зато письма из Горрота, Лорана, Балонга и Святой Земли сочились ядом и источали такой жар, что их боязно было брать в руки, не надев предварительно толстых перчаток. Сварога взалхлеб обвиняли в злодейском попрании вековых традиций и единогласных решений Виглафского Ковенанта. Пикантность ситуации была еще и в том, что Балонг никогда в Ковенанте не состоял, а Святая Земля, бывшее королевство Нимаан, была из означенного Ковенанта исключена еще сорока лет назад, когда приверженцы отца Патарана свергли и уничтожили тамошнюю королевскую фамилию...

Исторической точности ради следует добавить: хотя широкая общественность, за исключением всезнающего министра полиции, так об этом и не узнала, дипломатические ноты последних четырех государств Сварог читал не где-нибудь, а в постели Арталетты под охлажденную «Кабанью кровь», декламируя вслух особенно лихие перлы, что вышеупомянутый эмоциональный накал значительно снижало и безусловно не возымело того эффекта, на который, быть может, короли и их дипломаты всерьез рассчитывали. И это познавательное чтение вслух продолжалось до позавчерашнего дня — потом Арталетта, хотевшая немного развеяться, тоже отпросилась в Вольные Маноры со своими мушкетерами.

А несомненный юмор ситуации крылся в следующем: поскольку занятие (будем так это деликатно называть) Вольных Маноров проходило исключительно под хелльстадским флагом, то и ноты, соответственно, прямехонько отправлялись, согласно строгому дипломатическому протоколу, в Готар. Где их, сноровисто орудуя шилом и бечевкой, подшивал господин департаментский секретарь, педантично отписывая в ответ на каждую: в настоящий момент его величество, король Хелльста-

да, имеет честь пребывать за пределами своего королевства, ведомый важнейшими государственными делами, но по его возвращении сии бумаги будут ему доложены...

Сварог прекрасно понимал, что сочинением возмущенных нот дело и ограничится — далекий Шаган вмешиваться не намерен, Снольдер будет, очень похоже, держать нейтралитет, а прочие не способны на б о л ь ш у ю войну. А посему он отправил глэрду Дагласу указание взять парочку гвардейских полков и со своей стороны границы вторгнуться в те Маноры, что были ближе к Глану. Под тем же хельстадским знаменем. «Обойдется, — подумал он с той долей здорового цинизма, которая должна быть свойственна всякому толковому королю. — Проскочит...» В общем и целом, он не собирался ничего палить и жечь, и свергать кого-то без особой необходимости тоже не приказывал: восемь князей, графов и баронов, вовремя догадавшихся принести ему вассальную присягу, так и остались на прежних местах, а что до покойного девятого, то он был сам виноват — никто его не заставлял бросаться в конную атаку во главе бездарно обученной и скудно вооруженной дружины, которую Синие Егеря опрокинули и рассеяли чуть ли не в пять минут... Впрочем, насколько Сварог знал из донесений, на вакантный т р о н ч и к маршал гвардии тут же посадил какого-то то ли племянника, то ли троюродного брата покойного барона, в отличие от глупца-родственника более гибкого к требованиям текущего политического момента... И двинулся дальше, пачками распространяя манифесты, в которых Сварог, как положено, обещал всевозможные вольности и светлое будущее.

...Он сидел у окна, слушал вполуха тихие разговоры мэтра с адмиралом и от нечего делать перелистывал великолепный альбом репродукций «Сто сорок видов Латераны». Сначала бегло, потом все внимательнее, уже не переворачивая по три страницы зараз.

Только теперь до него стало помаленьку доходить, отчего поэты посвятили Латеране столько стихов, художники — полотно, а все без исключения путешественники, как таларские, так и сильванские, отзывались об этом древнем городе исключительно восхищенно.

Латерана была прекрасна. Старинные дворцы, живописные проспекты, четыре десятка разнообразнейших мостов, из которых ни один не повторялся, университет — сам по себе городок в городе, гробницы ронерских и снольдерских коро-

лей, набережные, крепость Руэт, королевский дворец, башни и обсерватории, музеи и крытые манежи, ипподромы и термы... Сейчас понятно, почему за этот город две сопредельные державы, Снольдер и Ронеро, воевали в среднем раза четыре за столетие — и отнюдь не для того, чтобы разрушить, почему Латерана дважды побывала столицей Снольдера и дважды же столицей Ронеро. Там, за облаками, он просмотрел массу фильмов о таларских городах, но ни один не оказал на него такого впечатления, как Латерана. Ничего удивительного, что Элкон сбежал из дому именно в Латеранский университет, а не в Ремиденум... Лепота — и ничего тут больше не скажешь...

— Что вы сказали? — встрепнулся он, поднял голову и убрал с колен тяжеленный альбом в кожаном переплете с золотыми углами.

— Опрометчивых гипотез я всегда опасался... — сказал адмирал Амонд. — Но не могу отделаться от впечатления, что о н и устроили себе базу где-то вот здесь, у самого маленького из островов Девайкир...

Я попытался поставить себя на их место — и не нашел лучшего укрытия. Идеальная пристань для небольших подводных лодок, таких, какими мне их описал граф Элкон. Вот здесь, в трех местах, — прекрасные фарватеры. Ни один корабль нормального размера по ним не пройдет — глубина достаточная, но ширина не позволяет проплыть к берегу даже посыльной шхуне, разве что баркас пройдет, но ему совершенно нечего делать в том лабиринте... А вот для тайной базы место, повторяю, идеальное. Остров практически безлюден, разве что пираты иногда туда заходят для кренгования...

Ну да, вот именно... «Невеста ветра» как раз и приплыла как-то к этим безлюдным берегам, чтобы очистить дно от ракушек. И там светлой ночью бродивший в одиночестве по прибрежным скалам Бугас подобрал странную вещичку, о которой потом рассказывал Анраху. Сам Анрах так и не понял, что это такое, но Сварог моментально узнал в его описании самую обыкновенную надувную лодку из какого-то синтетического материала — вот только размером она была с ладонь, как раз для крохотных человечков ростом в палец. Кому она принадлежала, сомневаться не приходилось: на следующую ночь Бугас, отправившись в то же место, своими глазами видел, как у берега долго кружили две таких же лодочки, полные людей-крохотулечек, — только эти были, такое впечатление, из металла и двигались, как говорил Бугас, «сами по себе, жужжа и чирикающая». Сварог допускал, что первая лодка попала в катастрофу и

ее экипаж погиб, а потом их старательно искали крохотульки с подлодки. Почему бы и нет? Всякое может случиться...

— О н и х я впервые услышал еще юнгой, — сказал Амонд, постукивая циркулем по карте. — Есть некий набор морского фольклора, который вешают на уши каждому новичку. Никакого сцепления с реальностью: они проходили по тому же ведомству, что Призрак Кухаря или Чайка-Вещунья... я не включаю сюда Серую Погибель или Водяного Бегуна, потому что они-то как раз существуют в реальности...

— Вы полагаете, адмирал? — усмехнулся Анрах.

— Уважаемый мэтр, вы — человек, простите, сугубо сухопутный, — отрезал Амонд. — А я хожу по морям тридцать два года. Выдумка — выдумкой, а реальность — реальностью. Серая Погибель, или даката существует на самом деле.

Анрах вежливо промолчал, но видно было, что он остался при своем мнении. Сварог не расположен был углубляться в бесцельные теоретические споры. Он сказал:

— Если я правильно понял, адмирал... Никто и никогда не относился к н и м, как к реальным существам?

— По крайней мере, мне об этом не известно, — кивнул Амонд. — Поскольку никаких вещественных доказательств в руки ни к кому не попадало... если не считать Бугаса, как уверяет наш мэтр. В принципе, я верю: Бугас известен своей коллекцией диковин на двух планетах, хотя, разумеется, он далек от ученых заведений и научных диспутов. Однажды попытался выступить с докладом, но сведения, которые он где-то откопал, шли вразрез с официальной наукой, и кончилось все конфузом, после которого он зарекся... К тому же некоторая... гм, специфика его ремесла не позволяет сплошь и рядом с картой в руках объяснять, где именно он отыскал ту или иную диковинку... Ваше величество, вы твердо уверены, что эти подводные лодки существуют? Такие, какими вы их описываете?

— Быть может, не в точности такие, — сказал Сварог, тщательно подбирая слова. — Но в их существовании я уверен.

— Плохо... Лично я просто не представляю, как можно с ними бороться. Теоретически я хорошо представляю себе, что такое торпеда — их у нас давно пытались делать, но не существует на земле подходящего двигателя. — Он печально pokrutil головой. — Ваше величество, в узком кругу могу признать, что мне страшно. Одна такая лодка способна отправить на дно целую эскадру...

— Ну, пока что они не давали о себе знать, — сказал Сварог. — Хоронятся и таятся, как могут, — и до сих пор им это

удается... В конце концов, это м о я головная боль, адмирал. От вас одно требуется: вдумчиво изучить лоции и подыскать места, где они м о г у т устроить базы. А остальное я беру на себя... Если подвести итоги, все обстоит не так уж плохо.

Р а с к р ы л и с ь они лишь однажды: тогда, на Морской площади...

В дверь деликатно поцарапались — Сварог уже давно освоился с этой манерой господина министра полиции. Он вышел в коридор. Как ни скуп был Интагар на мимику и эмоции, Сварог все же мог определять, какие настроения на данный момент владеют его верным бульдогом. Судя по некоторым признакам, ничего из ряда вон выходящего в окрестностях не случилось. Что ж, неплохо. В русле общей тенденции: затишье у нас, господа, покойное затишье, и слава богу...

— Итак? — спросил Сварог. — Давайте как обычно...

Он и эту манеру Интагара изучил — начинать с самого маловажного и двигаться по восходящей (разумеется, это касалось лишь вот таких з а с т о й н ы х деньков...).

— Мои люди задержали странного субъекта, — прилежно доложил министр полиции. — То ли сумасшедший, то ли просто слаб на голову. Он в Равене недавно, называет себя художником, но рисует какие-то кляксы и зигзаги... Сегодня выяснилось, что вы его приговорили в Глане к баниции с веревкой...

— Ах, вот кто объявился... — хохотнул Сварог. — Ну да, конечно, следовало догадаться, что не в Вольные Маноры он движется, там люди еще более темные, чем я, и столь высокого искусства не оценят...

— Прикажете повесить в соответствии с вашим указом? — по-деловому осведомился министр полиции.

— Э, нет, — сказал Сварог. — Он, в общем, не виноват, что меня именно сюда пригласили в короли... Доставьте его на снольдерскую границу и отпустите к лешевой матери. На тех же условиях: если когда-нибудь окажется в моих владениях, будет безжалостно повешен... включите в соответствующие списки.

— Будет исполнено. Прибыл гонец из Пограничья, от полковника Фалека, он сейчас отдыхает. Насколько я понял, ничего особо важного — обычный отчет...

— Ну, в таком случае и нечего его беспокоить, — сказал Сварог. — Когда отдохнет, приведете. Это все?

— Нет, государь. Во дворец привезли герцога Лемара. Судя по донесениям сопровождавших его людей, он довольно бодр и питает надежды... Всю дорогу он старательно составлял не-

кий трактат — вы же сами распорядились с ходу поставить перед ним задачу, чтобы побыстрее понять, чего от него ждать...

— Сейчас посмотрим... — оживился Сварог.

— И последнее, государь. На снольдерском «Морском Короле» в Равену только что прибыл граф Раган...

— Ага, старый знакомый, — кивнул Сварог. — Надеюсь, не под своим честным именем путешествует?

— Ну разумеется, государь. Предъявил бумаги на имя простого дворянина, путешествующего «по собственным надобностям». Как водится, за ним внимательно наблюдали, не делая никаких попыток к аресту: есть неписанные правила, в отношении разведчиков столь высокого ранга не принято применять вульгарный арест... Что любопытно, его встречали здесь совершенно незнакомые мне люди. Я полагал, что все его особо доверенные лица и хозяева его личных конспиративных квартир мне известны наперечет... — развел Интагар руками с некоторой долей самокритичности. — Оказалось, у него здесь есть и з а п а с н ы е «потайники», ничем себя прежде не проявившие... Он сейчас в гостинице «Золотое дерево». Под плотнейшим наблюдением...

— Ну, посмотрим, — пожал плечами Сварог. — Пойдемте...

Человек в простом дворянском платье встал при его появлении — но не вскочил с холуйской поспешностью, а, скорее, с большим достоинством выпрямился. Жестом отослав министра полиции (как ни хотелось тому задержаться), Сварог придвинул кресло, уселся и с наработанными уже навыками величественно повел рукой:

— Вы можете сесть. Прошу без церемоний.

— Благодарю вас, государь, — степенно ответил ссыльный прохвост, усаживаясь.

Сварог откровенно разглядывал его: лет сорока пяти, недурен собой и невероятно благообразен, светловолос, с темными, почти черными бровями (что считается несомненным признаком п о р о д ы), с красивой проседью на висках и гордой осанкой.

— Прежде всего, ваше величество, — заговорил первым герцог, — позвольте поблагодарить вас за восстановление справедливости в отношении моей скромной персоны. Я рискнул заключить, что именно вам обязан освобождением и даже привлечением к работе... в чем я нисколько не сомневаюсь, ибо слава о вашем уме и доброте долетела и до далекого, унылого Стагара...

Голос у него был низкий, приятный, прямо-таки обволакивающий. Если бы Сварог не читал собственными глазами толстенный список прегрешений герцога, сейчас нимало не сомневался бы, что перед ним сидит честнейший человек, оклеветанный злыми и подлыми завистниками. Бездна обаяния, честнейший, незамутненный взор, весь облик лучится добротой, безобидностью, верностью... Такой кому угодно способен повесить лапшу на уши и продавать эскимосам холодильники, а жителям Сахары — электрообогреватели. Понятно теперь, почему сумел облапошить такое количество народу, среди коего было маловато доверчивых дурачков, и почему добрых три четверти совращенных девиц вешались на шею без принуждения или угроз, даже кое-кто из злодейски похищенных из отчего дома...

А герцог, ободренный молчанием его величества, разливался соловьем — лесья была хотя и явственная, но не грубая, уж никак не примитивная. Скорее герцог выглядел умным человеком, который воздает должное другому, еще более умному, — и это опять-таки производило впечатление. Сварог с неудовольствием обнаружил, что ему все же приходится делать над собой некоторое усилие, дабы воспринимать этого прохвоста так, как герцог того заслуживает, судя по бесстрастным полицейским экстрактам...

В конце концов он решительно поднял ладонь:

— Достаточно, герцог... — И не удержался от шпильки: — Вы знаете, перед тем, как вернуть вас со Стагара, я просмотрел кое-какие бумаги, касающиеся вашей персоны. Очень подробные и обширные...

— Ах, ваше величество! — отозвался герцог прочувствованно. — Вы в благородстве своем и не подозреваете, сколь изощренны и подлы могут быть в своих надуманных наветах иные бесчестные людишки, мастера клеветы и обмана...

И он даже прикрыл глаза рукой, удрученный несовершенством нашего мира и злокозненностью его обитателей.

— А история с ожерельями маркиза Калагана — тоже навет? — проверки ради поинтересовался Сварог.

— С ч ь и м и ожерельями?

На благородном лице герцога ясно читалось, что он никогда в жизни не слышал этого имени и в глаза не видел никаких ожерелий.

Сварог мог и поверить — если бы не слышал доклада Мары, по его приказу проверившей достоверность кое-каких досье из богатейшего собрания министра полиции... Прохвост, конеч-

но. Редчайший экземпляр... но ведь потому и понадобился, а? Именно потому, господа мои...

— Хорошо, меня, надо полагать, ввели в заблуждение, — сказал он, откровенно ухмыляясь. — Покажите, что вы там сочинили...

Почерк у герцога был невероятно разборчив и четок — как у коронного писаря с двадцатилетним стажем. Сварог перелистнул несколько страниц, потом вчитался.

Он старался сохранять бесстрастное лицо (чтобы этот прохвост не понял, н а с к о л ь к о он королю нужен), но в глубине души понимал, что лучшего соотрудничка и не сыскать. Лемар на лету ухватил его идею, черновые наброски насчет Ордена Возрождения Трех Королевств, врученные Сварогом отправленному на Стагар полицейскому чиновнику. И поработал с ними так, словно всю жизнь служил в ЦК КПСС. Правки после него не требовалось, все продумано до мельчайших деталей — устав Ордена, чья благородная деятельность направлена на благороднейшие цели; система партийного... тьфу ты, орденского руководства, расписанная по городам, округам и провинциям, завершенная, стройная и толковая; отличительные знаки и символы, награды в трех металлах, почетные цепи к ним — сам Сварог до этого не додумался, как и до нарукавных нашивок, означающих орденский стаж; — ежемесячные собрания, годичные Большие Советы (слова «партийный съезд» герцог попросту не знал, иначе, несомненно, употребил бы); кандидаты и полноправные члены, взыскания и поводы к таковым... И все это набросано на коленке, в плавании, в неудобной повозке?! Вот это соотрудничек! Тошнит от него, и повесить так и подмывает — но ведь незаменим! Беглые наметки Сварога превратились в нечто законченное, заслуживающее претворения в жизнь с завтрашнего же дня...

— Ну что же, — сказал он, вставая. — Вам сообщает о вашей дальнейшей судьбе, любезный герцог...

В коридоре терпеливо ждал министр полиции. У его ног, виляя хвостом, сидел здешний курьез, порожденный самодурством покойного Конгера, желавшего чем-то изошренно унижить свое дворянство: серый с черными крапинами охотничий пес, волею короля носивший дворянское достоинство (подкрепленное, как полагается, гербом, выгравированном на золотом ошейнике). Рядом с каменным лицом стоял лакей, коему вменялось в обязанность ухаживать за четвероногим лауром и по мере понимания исполнять все его желания, кроме одного-единственного: у хвостатого дворянина не должно было

родиться потомства (именно такое соломоново решение принял недавно Сварог, решивший сохранить жизнь безвинному песику, но не доводить ситуацию до абсурда — ведь, если судить с точки зрения незыблемых геральдических правил, все щенки, родившиеся бы от облагодетельствованной дворянки, автоматически получали благодаря отцу то же дворянское достоинство — ведь он не мог в членораздельных словах л и ш и т ь потомство благородного звания, а следовательно...).)

Рассеянно потрепав по голове блохастого дворянина, Сварог в ответ на вопросительный взгляд министра полиции решительно произнес:

— Верните ему, пожалуй что, гражданский чин. И только. Не стоит его баловать сверх меры, будем держать в черном теле. Чтобы поработал как следует... Я бы его с удовольствием повесил, с каким бы удовольствием...

— Я вас прекрасно понимаю, государь, — проникновенно сказал министр полиции. — Но, вы сами убедились...

— Сволочь редкостная, — с чувством сказал Сварог. — Но каков сотрудник... Между прочим, поручите ему составить парочку манифестов для Вольных Маноров в добавление к уже имеющимся. И... — оглянувшись на слугу, он взял министра под локоток, отвел его подальше. — И пусть сочинит что-нибудь убедительное для той области Святой Земли, что расположена по н а ш у сторону Рона. Чует мое сердце, наши лихие генералы вскоре стгоряча и туда вломятся, а у меня, рассуждая по-государственному, нет никакого желания их останавливать. К чему? Устье Рона будет в наших руках, а столица на другом берегу реки окажется под прицелом наших орудий, после чего они станут гораздо сговорчивее... Пусть этот прохвост извратится, насколько умеет.

— Будет сделано, государь! Гонец от Фалека отдохнул и рвется к вам...

...Бравый лейтенант Синих Егерей вскочил ему навстречу, шелкнув каблуками так, что эхо отразилось от высоченного, в золотой лепнине потолка. Выхватил из-за отворота мундира толстый засургученный пакет и, четким жестом выбросив руку, протянул его Сварогу, звенящим от возбуждения голосом отчеканил (несомненно, заранее предвидя, что ждет т а к о г о вестника):

— Государь, полковник Фалек докладывает, что убеждение Пограничья завершено! Гарнизоны находятся во всех столицах вольных ярлов и наиболее крупных населенных пунктах, редкие очаги сопротивления п о г а ш е н ы, мы полностью

контролируем эту провинцию! Последним было занято княжество Рут — вот там нам пришлось немного повоевать...

— Рут? — спросил Сварог, вертя пакет и хмурясь при воспоминаниях.

— Так точно, ваше величество! Тамошний князь, вздорный юнец, пытался организовать конную контратаку. Наша «волчья сотня» их вырубил на чистоту — там и была-то горстка... Полковник отдал приказ похоронить князя согласно рыцарскими правилами ведения войны, что и было незамедлительно выполнено... Других эксцессов не последовало, население приведено к полному повиновению...

Его усаженькое лицо было ревностным до глупости. Сварог его не видел сейчас — перед глазами стоял забавный светловолосый юнец, почти мальчишка, всерьез намеревавшийся броситься со своим крохотным отрядиком против Глаз Сатаны. Именно от него Сварог впервые услышал о пророчествах Таверо и Сером Рыцаре. Именно о нем Сварог тогда подумал: из таких получаются отличные солдаты... если не убьют в первом же бою.

Что ж, так и вышло. Жизнь не успела обтесать вихрастого романтика...

Душа была полна стыда и тоски. Он никогда не думал, что запущенный его волей неумолимый механизм однажды прокатится шипастыми колесами и по таким вот мальчишкам...

«Но ведь этот юнец ничего не успел с д е л а т ь! — пытался успокоить его кто-то умудренный жизнью, знающий все ее тяжелые сложности. — Он только болтал языком и картинно хватался за меч! И ничего больше. Он мешал грандиозному предприятию, направленному на благородные цели. Его, несомненно, уговаривали сначала по-хорошему, Фалек кропотливо выполнял инструкции, и перед его войсками всегда шли увещеватели с манифестами! Кто ему мешал сложить оружие, не болтаться под ногами? Независимость Рута, которой мальчишка так гордился, смешна и нелепа! Он сам виноват, сам, сам!»

У собеседника, существовавшего лишь в сознании Сварога, было лицо герцога Лемара — Сварог отчего-то знал это совершенно точно. Жгучий стыд и тоска никак не проходили, и Сварог, спохватившись, повернулся к не повинному ни в чем лейтенанту, пожалуй, ровеснику князя:

— Благодарю вас, лейтенант. Поздравляю с орденом «Звезда отваги».

И, уклоняясь от неизбежного в таких случаях шумного, уставного вопля, выражения благодарности, побыстрее вышел

в коридор. Так и не вскрыв пакет, остановился у колонны, едва не застонав вслух от тоскливого стыда. И это тоже называется — дорога королей... И это тоже следует пережить, чтобы не вспоминать больше никогда...

— Ваше величество, что с вами?! — обеспокоенно воскликнул министр полиции.

— Пустяки, — сказал Сварог торопливо. — Ничего серьезного... Один мой давний знакомый погиб, только и всего...

— Ваше величество... Граф Раган прислал своего человека к одному из моих доверенных лиц. Он просит незамедлительной аудиенции — как заверяет, по серьезнейшему делу...

— Хорошо, — сказал Сварог бесстрастно, как и подобало королю. — Организуйте все, как нужно, не мне вас учить... Только сначала быстренько раздобудьте мне добрую чарку... нет, не вина, чего-нибудь покрепче, келимаса хотя бы... Живо!

ЕЩЕ ОДИН СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Еще в прошлом году, во время приснопамятного эпизода с королевским зверинцем, Сварог убедился, насколько легко остаться незамеченным во дворце, особенно если владеешь кое-какими заклинаниями, позволяющими мгновенно и неузнаваемо изменять внешность. Так произошло и сейчас: они с министром полиции, несколько на себя не похожие, преспокойно прошагали чуть ли не полторы лиги: два канцеляриста министерства двора, в весьма незначительных чинах, судя по мундирам, но снабженные теми бляхами-пропусками, что позволяли пройти всюду. Если их в чем-то и заподозрили, то только в том, что оба — замаскированные полицейские, занятые одним из тех дел, в которые непосвященным лучше не соваться по причине несомненной вредности означенных дел для жизни и здоровья чересчур уж любопытных.

Снольдерского гостя разместили на втором этаже самого обычного зданьица у самой дворцовой ограды. Официально оно принадлежало королевской поварне, но Сварог, имевший уже некоторый опыт, с ходу определил, что эти специфические молодцы, отиравшиеся при входе и на первом этаже, на кухарей похожи не более, чем на балерин.

Перед дверью он остановился, раздумывая: оставить Интагара здесь или взять с собой? Пожалуй, все-таки с собой — при разговоре со столь скользким собеседником, как Раган, его не менее опытный коллега по ремеслу будет необходим...

Комнатка была самая обыкновенная, обставленная без претензий, — и в самом деле, то местечко, где могут скоротать свободный часок королевские кухари. Граф поднялся им навстречу, глянул недоумевающе, но Сварог одним движением ладони вернул себе и спутнику прежний облик.

— Ах, вот оно что... — сказал Раган понимающе. — Я было решил, что продолжают бюрократические согласования... Вы ничуть не изменились, ваше величество, со времен нашей последней встречи, разве что прибавилось осанистости, что вполне логично — вы уже не тот затравленный беглец, каким я вас когда-то знал...

— Вы полагаете, ко мне в тот период подходило слово «затравленный»? — усмехнулся Сварог, придвигая к себе обычное жесткое кресло. — Прошу садиться, господа. Старые знакомые могут обойтись без придворных церемоний... Я вас внимательно слушаю, граф.

Он видел, что граф с прошлых времен заметно изменился: такой же крепкий и смуглый, но на висках прибавилось седины, а лицо выглядело похудевшим и осунувшимся.

— Дело у меня несколько неожиданное... — начал было граф и тут же умолк, явно подыскивая обороты.

— Хотите, я вас поражу сверхъестественной проницательностью? — усмехнулся Сварог. — Шучу, конечно... Проницательности у меня не больше, чем у самого обыкновенного человека, увы. Просто... не так уж и много серьезных дел, с которыми вы в данной ситуации могли бы ко мне обратиться. Либо вы собираетесь предложить мне как-то поделить Три Королевства, либо намерены последовать примеру кое-каких сановников сопредельных с вами держав... — Он все же оборвал фразу, чтобы не выглядеть глупцом в случае, если первые его предположения все же не оправдаются.

— Да, вот именно, — сказал Раган с заметным облегчением. — Вы извоили облегчить мне задачу... Я — государственный преступник, ваше величество, поскольку прибыл к вам от людей, твердо намеренных предложить вам снольдерскую корону при...

— При живом и правящем законном короле, — охотно закончил за него Сварог. — Что ж, дело, в общем, житейское...

«Неужели их так допекло?» — подумал он с некоторым удовлетворением. Благодаря Интагару он давно составил более-менее точное представление о снольдерских делах. Король ленив и безволен, не интересуется ничем, кроме балерин и конских бегов, родня и фавориты увлеченно растаскивают казну,

сильных личностей среди министров нет, вдовствующая королева — Старая Матушка, Старая Королева, Старая Гадюка, как ее называют в зависимости от отношения к ней добрые подданные, — шестой год сидит под домашним арестом в отдаленном замке среди гор Оттердо, но даже из своего захолустья умудрилась организовать три неудачных покушения против венценосного сыночка, коего люто презирает, — а у сыночка не хватает должной твердости на то, чтобы если и не казнить матушку смертью, то хотя бы заточить в настоящее узилище...

— Что, неужели так плохо? — спросил он с любопытством.

Раган уныло кивнул:

— Сами понимаете, если мы решились на заговор, государственный переворот, смену династии... Я не сомневаюсь, благодаря этому господину, в чьем уме и деловой хватке я давно убедился... — он вежливо поклонился Интагару, — вы неплохо осведомлены о наших печальных делах, но даже он вряд ли знает иные подробности... Казна пустеет, последние займы, сделанные в Балонге, исчезли в сундуках фаворитов и шкатулках балерин из Королевского театра. Армии задолжали жалованье за три месяца, а гвардии — за два...

— Ну, это нам известно, — бесстрастным тоном ученого-исследователя бросил министр полиции.

— А вам известно о проекте королевского указа, предписывающего очистить армию — и гвардию тоже! — от офицеров ратагайского происхождения? — ни на кого не глядя, сказал Раган. — Нет? Вот видите, господа мои... А ведь это — добрая треть офицерского корпуса. И не самая худшая треть... Причина удручающе проста: его императорское высочество принц Хаген, отчего-то возомнивший себя крупным специалистом по железным дорогам, соизволил начертить проект новой дороги так, что при этом она пройдет через Гернотскую долину, прямоком... При строительстве, несомненно, будут уничтожены и город Гернот, и гробницы былых ратагайских королей, и храмы Симаргла. Все то, что ратагайцы почитают и свято берегут. Это все равно, что снести Латерану... Конечно же, начался ропот. Конечно же, господа из министерства полиции, усмотрев великолепный повод отличиться, представили дело так, будто налицо уже сформировавшийся заговор против трона и ратагайцы намерены отделиться в своих древних границах, по Тею и Ителу. Уже арестовано не менее двадцати человек — что не прибавило ратагайцам умиротворенности. На прошлой неделе, ночью, налетевший неведомо откуда конный отряд перебил на берегу Тея военных топографов, намечавших первый

отрезок дороги, — и с ними их конвой, двух королевских чиновников. Кое-где на курганах начали зажигать по ночам костры — древний сигнал к мятежу. Я хорошо знаю ратагайцев, государь, в некоторых отношениях они чертовски похожи на ваших гланцев: патриархальный, воинственный и бесшабашно смелый народ. Если события будут развиваться в том же направлении — а в ином из-за позиции короля и его братца им развиваться просто некуда, — мы очень скоро получим самую настоящую гражданскую войну. И не в одной Ратагайской пуште. На землях бывшего Улада уже второй год потаенно работают лоранские эмиссары, туда по контрабандным тропкам идет лоранское оружие и лоранское золото. По достовернейшим сведениям, за этим стоит еще и Балонг — у всех разгорелся аппетит на Фиарнолл, лучший порт побережья. В дельте Монаура действуют горротские агенты — там уже случилась парочка мелких мятежей, подавленных пока что без труда, но чутье подсказывает, что следует ждать настоящего. Классическая ситуация, прекрасно знакомая по нашей — и не только нашей — истории: та же, что и в стае волков с одряхлевшим вожаком. Соседи, чуя слабость престола, всерьез намерены урвать себе кусок... Я не пессимист, но информация у меня обширная. Еще несколько лет — и по окраинам разгорятся нешуточные мятежи, отложится Ратагайская пушта, вторгнутся соседи... да вот хотя бы вы, король Сварог. Умоляю вас, не делайте столь обиженного лица! Это азбука политики — отхватить от ослабевшего соседа долю и себе, двигаясь в русле общей тенденции. Будь вы ангел во плоти, интересы государства и настояния министров рано или поздно побудят вас присоединиться к разделу... Кстати, оба принца намерены убедить-таки короля объявить вам войну: эти сиятельные дураки, простите за вульгаризм, раскатали губья на земли Трех Королевств, совершенно не понимая, что в нынешнем нашем состоянии мы не выдержим большой войны, тем более с вами... Одним словом, мы всесторонне обдумали печальную ситуацию. Мы пристально наблюдаем за вашими действиями... и в конце концов пришли к выводу, что выбирать следует меньшее зло. Уж простите за такое определение, душевно умоляю... Лучше верить свою судьбу крутому и жестокому правителю вроде вас, чем наблюдать, как королевство катится в пропасть...

— Это я-то — крутой и жестокий? — с некоторой обидой спросил Сварог.

— А разве нет? — удивленно посмотрел на него Раган. — Я же говорил, мы внимательно наблюдаем за вами... Вы наводи-

те порядок железной рукой — что примечательно, не встречая особого отпора. За вами тянется звонкая и жутковатая слава покорителя Хелльстада и освободителя Трех Королевств. Вовсе не намерен вам льстить, но на континенте вы сейчас — самый популярный человек, с которым многие связывают нешуточные надежды... Позвольте уж и нам примкнуть...

— Ну, а как все это выглядит в реальности? — Тихим, вкрадчивым голосом министр полиции задал тот самый вопрос, что готов был вот-вот сорваться с языка Сварога. — Задействованные силы, размах?

Раган, взвешивая каждое слово, ответил:

— На сегодняшний день в заговоре состоит около двадцати человек. Я, разумеется, имею в виду не исполнителей, а людей достаточно высокопоставленных. Например, князь Гарайла — генерал, ратагаец из знатного рода, очень популярный в гвардии. Командир эскадры Одного фонаря — ему подчиняются все военные корабли, стоящие сейчас в столице. Военный комендант столицы и комендант крепости Сагварон. Начальник арсенала, командиры полков. Министерство полиции будет поддерживать короля, но у нас уже готов план занятия его надежными частями.

Сварог покосился на министра полиции. Тот, чуть заметно кивнув, процедил:

— Это довольно серьезно...

— Да уж, позвольте так думать... — сказал граф Раган. — План прост и эффективен: король часто выезжает в загородный замок, всего в пяти лигах от столицы. С ним обычно бывает около двадцати ликторов и два платунга гвардейцев, не более. Замок не укреплен, это не более чем небольшое роскошное поместье. Достаточно будет пары сотен гвардейцев, чтобы его занять и арестовать всех без особого шума. Тем временем и в столице займут все ключевые пункты, произведут аресты... Составить убедительный манифест не столь уж трудно. Мы соберем уитенагемот и п о с т а р а е м с я, чтобы он единогласно проголосовал за ваше избрание. Ну, а потом... При грамотной постановке дела серьезного сопротивления не дожидаться, а мелкие заговоры мы раздавим без труда. В отличие от многих других претендентов, вам есть чем п р е л ь с т и т ь будущих подданных — от пустых богатейших земель Трех Королевств до наведения порядка и установления внутреннего мира. — Он полез в лежавший на столе кожаный чехол для документов и вытащил оттуда стопу перевязанных прочной бечевкой листов. — Между прочим, у нас уже есть проект

переселения избыточного населения в Три Королевства. Составлен моим ближайшим сподвижником по этому п р е д п р и я т и ю герцогом Бресингемом. По оценкам специалистов, весьма неплох. Юноше всего девятнадцать лет, но из него может получиться многообещающий государственный деятель. Горячо вам его рекомендую. Господин министр полиции наверняка о нем слышал...

— Ну разумеется, — кивнул Интагар. — Пожалуй, ваше величество, граф во многом прав... Очень перспективный юноша, к тому же, несмотря на пышный титул, беден и лишен влиятельных родичей, а это, знаете ли, воспитывает бойцовские качества... Позвольте высказать свое скромное мнение, государь? Мне представляется, что план нашего гостя не так уж плох. Разумеется, при условии, что наш гость искренен — о, простите, граф, но мы ведь с вами люди с у р о в о г о ремесла, не в оранжереях цветочки идилические выращиваем...

Граф поджал губы, но стерпел.

— Нет, что касается искренности, то наш гость говорит чистую правду, — сказал Сварог. — Уж такие-то вещи я умею определять... Любезный граф, мне одно непонятно... Почему вы составили комплот в мою пользу, а не обратились к Старой Королеве? Судя по тому, что я о ней знаю, она не хуже меня, а то и лучше сумела бы навести порядок... Из материалов, коими меня снабдили, рисуется облик весьма решительной дамы, не поколебавшейся подослать убийц к родному сыну...

— Признаться, мы об этом думали, — сказал граф. — Все дело в вас, государь. Не будь вас, она стала бы идеальной кандидатурой. Но вы с ней ни за что не уживетесь в качестве правителей сопредельных держав. Кончится все той самой большой войной. Вы для нас гораздо предпочтительнее — с позиций строгого прагматизма. Собственно, Старую Королеву даже не придется арестовывать — достаточно лишь надежно заблокировать замок, где она сейчас пребывает...

— И когда же вы планируете...

— Как можно быстрее, — без промедления ответил граф. — Как только король поедет в свое пригородное поместье — а это может произойти завтра-послезавтра. У меня беспокойно на душе, государь. Заговор находится в самой критической стадии — его необходимо расширять, подняться, фигурально выражаясь, на следующую ступеньку — а это, как учит нас история, резко повышает опасность провала. (Министр полиции, поймав взгляд Сварога, кивнул в знак согласия.) Здесь, в Равене, до сих пор остаются наши самолеты, по старому до-

говору с Конгером, который вы оставили в силе... Можем вылететь вместе...

— Ну что же, — медленно сказал Сварог. — Я согласен, тут не над чем особенно размышлять. То, что вы предлагаете, снимет многие сложности и противоречия... Но вот что я хотел бы у вас спросить. Простите, конечно, но... Неужели у вас совершенно нет каких-то личных мотивов? Знаете, я не доверяю чистейшей воде идеалистам, какими бы побуждениями они ни руководствовались. Господин Интагар, — сделал он жест в сторону своего бульдога, — мне вполне понятен, и оттого я ему доверяю. А вы... Передо мной, если цинично, сидит совершеннейший бессребреник и идеалист, абсолютно все свои помыслы отдавший благу государства... Простите, но так не бывает.

— Действительно, вы правы... — отведя на миг глаза, согласился Раган. — Видите ли, государь... У меня пятеро сыновей. Старший, откровенно вам признаюсь, по ряду причин самый нелюбимый, но у меня нет законных возможностей лишить его майората, а если бы даже таковые возможности и нашлись, все равно трое останутся без всяких средств к существованию. При том довольно прохладном отношении ко мне, какое существует среди окружения короля, нечего и надеяться на мало-мальски хорошую карьеру для них. Меж тем в Трех Королевствах они могли бы... Схожие побуждения есть и у остальных. Князь Гарайла, как я уже упоминал, — ратагаец. Вся его карьера вот-вот обрушится — а он отличный военный. Герцог Бресингем влюблен — но его юная дама сердца, увы, из семьи преуспевающих царедворцев, так что надежд у юноши никаких... Так и с остальными: у каждого, кроме нешуточной боли за судьбу державы, есть и чисто личные причины...

— Вот вы меня и успокоили, — усмехнулся Сварог. — Знаете, граф, меня уже нельзя назвать новичком на троне — как-то незаметно набрался опыта. И успел осознать, что чистейшей воды идеалистов следует опасаться, как огня — или проворуются потом, как не способны даже записные циники, или дело провалят с феерическим неумением и невезучестью. Ну, а коли уж вам всем свойственна здоровая корысть, с вами можно иметь дело... Я согласен.

...Он стоял у окна, рассеянно барабанил пальцами по широкому мраморному подоконнику, пока граф Дино за его спиной неспешно шуршал бумагами. В свое время Сварог испытал нешуточное потрясение, обнаружив имечко унылого мужа легкомысленной Маргилен в списке Конгера «на повышение».

Основываясь на прошлых своих впечатлениях, искренне полагал графа пустым и придурковатым, даже светским хлыщом, но оказалось, что человек, в домашней обстановке прочно пребывавший под каблучком ветреной женушки, с чьими демонстративными изменами давно смирился, на королевской службе считался одним из лучших финансистов державы, перспективнейшим и растущим молодым управленцем.

Бросив украдкой взгляд через плечо, Сварог в который уж раз убедился, что перед ним совсем другой человек: ничего похожего на ту запомнившуюся ему тряпку, на сжившегося со своим унылым положением рогоносца, робко вымаливавшего у очаровательной супруги полчаса любви раз в месяц. За столом сидел совершенно другой человек — уверенный в себе, жесткий профессионал, не боявшийся даже легонько спорить со своим королем, если был уверен в своей правоте. Совершенно непонятно теперь, как можно существовать форменным образом в двух лицах: растущий государственный муж и жалкий рогоносец-подкаблучник. Ну да, он ее любит, бедолага. Но помочь ему в этой ситуации не способны и десять королей... Мыслимо ли издать указ, обязывающий графиню хранить супружескую верность и аккуратно выполнять супружеский долг со всем прилежанием? На посмешище себя выставишь, и только — потому что ветреная Маргиленка указом пренебрежет...

— Итак? — спросил Сварог, слышав деликатное покашливание графа и возвратившись к столу.

— Весьма толковый проект, государь, — сказал граф Дино, складывая аккуратной стопочкой страницы, исписанные четким, крупным почерком. — Сначала я решил, что он принадлежит вам, но кое-какие специфические детали, выражения и термины заставляют думать, что его составил коренной снольдерек... Можно ли узнать, кто он, или это секрет?

— Для вас — нет, любезный граф, — сказал Сварог охотно. — Это — герцог Бресингем.

— Ах, вот оно что... Мне следовало давно догадаться. Толковый юноша, его проект об унификации налогов был не лишен недостатков, но в целом неплох, беда только, что попал на отзыв к гораздо более глупым людям... хотя они и носили титулы принцев крови.

— Другими словами, его можно брать в министры?

— Будь вы снольдерским королем — несомненно. Быть может, он собирается поступить на нашу службу? Я бы с ним с удовольствием поработал. Он в столице? Как-то же попал к вам проект...

— Долго рассказывать, граф, — сказал Сварог уклончиво — до поры до времени кое-какие планы надлежало держать в тайне даже от ближайших сотрудников. — Значит, в этом проекте нет недостатков?

— Недостаток там один, зато весьма существенный, — сказал граф уверенно. — Правда, заключается он в тех обстоятельствах, что нисколько не зависят от автора проекта... Деньги, ваше величество. Та же история, что с моим проектом, который я вам принес. — Он указал на вторую стопку бумаг. — Мы могли бы, особенно не напрягаясь, в течение трех-четырех лет переселить в Три Королевства около восьмисот тысяч ваших подданных, бо́льшая часть которых с превеликой охотой на это согласилась бы. Однако... Дело даже не в расходах на само переселение, которые, правда, велики. Нам ведь придется восстанавливать там города и укрепления, создавать порты, гарнизоны, администрацию, дороги, почту, торговлю... Все это следует непременно учитывать, если мы хотим в краткие сроки создать полноценное государство. Итог я выразил на третьем листе. Доходы королевства обозначены зелеными чернилами, наши долги и расходы — красными, необходимая на освоение Трех Королевств сумма — золотыми.

Сварог снял две первых страницы и заглянул на третью. Не удержавшись, громко присвистнул и покрутил головой:

— Вы хорошо все сосчитали?

— Ваше величество! — с некоторой обидой воскликнул граф Дино. — Я полагал, что успел себя зарекомендовать, как...

— Ну ладно, ладно! — примирительно поднял ладонь Сварог. — Я вам верю, покойный король вас аттестовал в самых лестных выражениях. Сумма, знаете ли, очень уж... Сто миллионов ауреев золотом...

— Боюсь, это лишь предварительные расчеты, — твердо сказал граф. — Как показывает практика, при осуществлении таких проектов следует добавить еще процентов десять на непредвиденные расходы и процентов пять — на казнокрадство...

— Да уж, — сказал знакомый с прозой жизни Сварог, ничуть не пытаясь возмутиться. — Вы еще чересчур оптимистичны, граф, всего пять процентов на казнокрадство отводите... Раскрадут все десять, сколько ни вешай... Есть на этом свете чиновники, которые не воруют?

— Нету, государь, — убежденно сказал граф Дино. — Бывают, конечно, курьезы, но раз в столетие...

— Вот кстати, — сказал Сварог вкрадчиво. — А вы-то сами приворовываете из фондов казначейства?

Помявшись, граф поднял на него глаза:

— Государь, я уже знаю, что вы каким-то загадочным образом безошибочно определяете ложь... Се й ч а с — не подворю-ываю. У меня достаточно денег и земли... Когда был помоло-же и пониже чином — случилось... Потом получил наследство, повышение, мне стало хватать...

— Не врите, любезный, — убежденно сказал Сварог. — Ну что же, уважаю тех, кто умеет вовремя остановиться... Насколько я понял, Снольдеру потребуются примерно такие же суммы или еще бо́льшие, чтобы переселить в Три Королевства миллион двести тысяч человек, как это предлагает герцог Бресингем?

— Да, государь.

— У них есть такие деньги?

— Нет. Как и у нас. Их финансы в еще более расстроенном состоянии, а долги Балонгу раза в два больше наших — учитывая последние займы.

— Всюду этот Балонг... — проворчал Сварог. — Как они, паршивцы, ухитрились подгрести себе под садилище столько? Куда ни толкнись — балонгские банки...

— Так уж исторически сложилось, государь. В древние времена, когда им принадлежало уже устье Итела, они начали с таможенных пошлин, сделали ставку не на военную силу, а на займы, векселя, банки... Вот и выросли помаленьку, вовремя пригнув конкурентов.

— То есть, у них-то денежки есть?

— У них — несомненно. Возможны, конечно, разные оценки, но если взять среднюю, привязать к курсу золотого аурея... Запасы Круглой Башни оцениваются миллиарда в два ауреев золотом.

— Черт знает что, — искренне сказал Сварог и помолчал, привыкая к пришедшей вдруг в голову идее. — Зачем людям такие деньги? Каким-то поганым ростовщикам? Они дадут нам займы эти двести миллионов?

— Сто, государь...

«Черт, едва не проговорился», — сердито подумал Сварог. И торопливо поправился:

— Да, я оговорился... Конечно же, сто...

— Боюсь, что нет, государь. Во-первых, мы им и так должны более пятидесяти миллионов. Во-вторых, даже если и дадут, то по своему обыкновению опутают вас такой системой залогов и процентов, что добрая половина Трех Королевств очень скоро перейдет к ним в руки совершенно законно...

— Черт знает что, — повторил Сварог. — Хорошо, идите. Там, за дверью, торчит, как обычно, министр полиции, позовите его сюда...

Едва дождавшись, когда Интагар закроет дверь, Сварог схватил его за локоть, оттащил в дальний угол и тихонько спросил:

— Любезный мой, вы как относитесь к авантюрам?

— Смотря к каким, — осторожно ответил министр полиции.

— То есть?

— Иные авантюры приводят к успеху... тогда они, что вполне естественно, перестают считаться авантюрами. Другие так и остаются чистейшей воды авантюрами, поскольку проваливаются. Первые вполне приемлемы, а вот вторые...

— Мне этот подход нравится, — усмехнулся Сварог. — А вот скажите-ка мне: захватить Балонг и выпотрошить его Круглую Башню — это к какой категории относится, по вашему разумению?

Пожалуй, впервые за все время знакомства Сварог наблюдал на лице своего верного бульдога явную оторопь. Интагар даже попятился, ошеломленно пялясь на повелителя.

— Ну что вы, как робкая девственница в объятиях драгуна... — усмехнулся Сварог. — Подумайте. Это реально?

Ошеломление так и не пропало с лица министра, когда он, глядя на Сварога удивленно и преданно, выпалил:

— Государь! А ведь с е й ч а с это уже не авантюра! При нынешней обстановке...

— То есть? — быстро спросил Сварог.

— Свое положение Балонг сохранял слишком долго в первую очередь из-за м н о г о ч и с л е н н о с т и сильных харумских держав. Неужели вы думаете, что за эти тысячи лет никому не пришла в голову эта дерзкая мысль — захватить Балонг со всеми его богатствами? Помилуйте... Загвоздка лишь в том, что это не под силу кому-то о д н о м у. Я говорю не о военной силе — для этого, по старым прикидкам, достаточно трех-четырех полков и военной эскадры... Другое дело, что на подобного нахала моментально ополчились бы, забросив прежние противоречия, все остальные державы. Ну кто позволит прыткому нахалу единолично захватить сокровища Балонга? Лишить всех остальных источника займов? Первое правило Виглафского Ковенанта гласит: Балонг нейтрален и неприкосновенен.

— Но ведь теперь... — сказал Сварог.

— Вот именно! Ваше величество, вы — гений! Какая, к лешему, лесть! — Министр полиции даже приплясывал от восторга, что с ним случилось впервые. — Если вы станете снольдерским королем, Виглафский Ковенант окончательно превратится в картонную декорацию, а с ним — и его решения, установления, правила... Сколько бы ни ворчали и ни пердели нотами, — простите за хамство! — реального противодействия оказать не смогут! Ваше величество!

— Ну-ну, уймись, — сказал Сварог. — Ишь, распрыгались... Как все это должно выглядеть в реальности? Ну-ка, превзойдите сами себя — и, богом клянусь, у вас будет в кармане дворянский патент, которого вы тридцать лет добивались...

— Все просто, государь, — почти мгновенно ответил министр полиции, и его уродливая физиономия расплылась в улыбке, отнюдь не прибавившей ему красоты и обаяния. — У нобилей и патрициев Балонга есть старая мечта — уравниаться в правах с дворянами, самим стать дворянами. За тысячи лет они потратили груды золота и драгоценностей на подкуп сановников и королей, но это тот редкий случай, когда бессильны и золото и драгоценности. Их предпочитают держать в их нынешнем положении, справедливо опасаясь, что они, приобретя дворянские права, очень быстро станут не номинальными, а подлинными хозяевами континента. Сейчас, в нынешнем своем статусе, они многого не могут купить, арендовать, подчинить... Словом, у них всегда найдутся люди, способные составить сильную партию... которая подчинится любому королю, способному предоставить им дворянское достоинство. А это, как легко догадаться, открывает простор для комбинаций. Они будут стараться перехитрить такого короля, отделившись малой частью накопленного в Круглой Башне, но и король, со своей стороны, вправе хитрить. Ведь если, допустим, от вашего имени такое предложение им сделаю я — а потом все обернется как-то не так, главный спрос будет с меня. А я не король и даже не дворянин, мне простительно нарушать слово... Особенно если окажется, что ваше величество тут ни при чем, вы и знать-то не ведали, что мне, прохвосту этакому, пришлось в голову...

— Хорошая мы с вами парочка, — убежденно сказал Сварог. — Далеко пойдем, а?

— Ваше величество, не считите за грубую лесть, но мне очень приятно с вами работать. Такого размаха и дерзости при покойном короле не было и быть не могло...

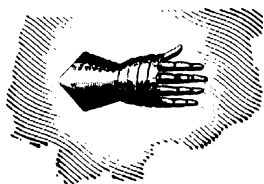

— Ну-ну, не захваливайте, — скромно сказал Сварог. — Приходят вот в голову идеи, жизнь заставляет... В самом деле, это ведь чертовски несправедливо — нам не на что обустроить Три Королевства, дабы облегчить жизнь погрязшим в нужде подданным, а они там тупо копят золото в подвалах... Начинайте работать. Ни за что не поверю, что у вас нет в Балонге своих людей — это у вас-то?

— Найдутся...

— Ну так что же вы опять мнетесь?

— Ваше величество, — сказал министр полиции грустно. — Пока вы беседовали с графом Дино, пришло донесение... Ничего серьезного, но история щекотливая и печальная...

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЖИВЕТ ВЕСЕЛО

Доклад, написанный аккуратнейшим, разборчивым почерком опытного полицейского писарчука, привел Сварога в некоторую растерянность. Он не в состоянии был уяснить без полных объяснений, почему такими глупостями занимается сам министр полиции, да еще считает нужным со скорбной миной докладывать о случившемся королю. Надо полагать, у Интагара имелись на то веские причины — но в чем тут соль?

Не торопясь пока что задавать вопросы — следует самому вникать в непонятное, насколько удастся, — Сварог перечитал бумагу еще раз, внимательно и подробно. И вновь не уловил юмора.

В докладе господина старшего полицейского советника одного из округов Равены подробно, со множеством неизбежных полицейских канцеляризов и казенных оборотов, излагалась история вчерашней драки, имевшей место в Академии Изящной Словесности меж сторонниками двух почтенных профессоров Ремиденума, возглавляемых обеими профессорами. Ничего особенного в этом Сварог, уже знакомый с правилами поведения научных диспутов, частенько именно так и завершавшихся, не увидел.

В тщетной надежде хоть что-то понять, он, подняв глаза на стоявшего напротив Интагара, прочитал вслух, намеренно гнуся и мелодраматически подвывая в стиле бездарного актера:

— «...вслед за тем студенты рекомого члена Сословия Совы и титульного советника Гизехартена, вооружившись разно-

образными и многочисленными подручными предметами, как то: каминными кочергами, разнообразными фрагментами деревянного происхождения, в просторечии именуемыми палками, кувшинами из-под слабоалкогольных напитков, метлами из дворницкой, клепками от разбитых бочек, бросились на оппонентов. Последние, сомкнувшись под предводительством рекового дворянина, члена Сословия Совы и титульного департаментского секретаря Фалера, вооружились в ответ практически тем же списком предметов, позволяющих их использование для причинения телесных увечий. Вслед за тем дерущиеся, громко оскорбляя тишину и общественную нравственность неподобающими эпитетами, направленными взаимно в адрес друг друга, пришли в тесное соприкосновение, посредством вышеперечисленных предметов умышленно причиняя противнику повреждения различной степени тяжести и расстройства здоровья, не подчинившись прибывшим для принятия мер обмундированным нижним чинам патрульной полиции, каковые, числом трое, были предерзостно сброшены с казенных лошадей, причем последние от всеобщего громкого хаоса пришли в возбужденное состояние и галопом совершенно самостоятельно покинули место происшествия, причем одна из трех принятыми мерами пока что так и не обнаружена, причем подозреваемый в ее присвоении уже задержан... Рековые нарушители расширили сферу правонарушения, втянув в нее своих прибывающих на помощь коллег и друзей, вследствие чего растущее правонарушение из аудитории переместилось во двор и на прилегающую улицу, именуемую Кузнечной, где в события были вовлечены по причине задевания их различными предметами и обыватели, не имевшие отношения к Академии...»

Министр полиции скорбно смотрел на Сварога — по лицу читалось, что эту веселость повелителя он находит совершенно неуместной.

— Ну и кадры у вас, любезный Интагар, — покрутил головой Сварог. — Полиции платят приличное жалованье, могли бы найти, наконец, не чуждого изящной словесности человека, который бы обрабатывал их корявости, благообразную форму придавал... На Бараглайском холме хватает грамотного народа, нужно только подобрать тех, кто пьет достаточно умеренно...

— Если это прямой приказ, я озабочусь...

— Да уж, считайте это прямым приказом, — решительно сказал Сварог. — Чтобы мне впредь не приходилось читать та-

кие вот перлы: «...и при этом член Серебряной гильдии Чурнис был умышленно поражен фрагментом древесного ствола в верхнюю часть организма, в просторечии именуемую головой...» Если случайному прохожему двинули поленом по башке, то пусть так и докладывают, а не разводят тут косноязычие... И, наконец, при чем тут я? Самый обыкновенный научный диспут, вот уж которое столетие они кидаются чернильницами и дерутся кочергами, когда иссякают аргументы... Я-то при чем?

— Ваше величество, соблаговолите обратить внимание на эту вот строчку... — Он почтительно показал пальцем с широким подстриженным ногтем. — «В результате чего...»

— «В результате чего не установленным пока участником был серьезно поврежден путем сбрасывания, неизбежного вследствие этого соприкосновения с булыжной мостовой и разбиения на части, бюст его величества покойного короля Эльгара Великого...»

— Ну и?

— Это — коронное преступление, государь, — печально сказал министр полиции. — Согласно недвусмысленно сформулированным законам королевства, любое, даже случайное повреждение каких бы то ни было изображений членов правящей династии, живущих ныне или покойных, равно нанесение повреждений или оскорблений гербу или флагу государства либо изображению королевской короны почитается коронным, то есть наиболее тяжким и опасным преступлением, обязывающим полицию немедленно произвести аресты всех участников данного... инцидента с последующим наказанием по всей строгости: смертная казнь непосредственным виновникам, каторга и тюремное заключение менее виновным...

— Вы что, хотите сказать, что в с е причастные...

— Таковы законы, установленные вашими державными предками, государь, — непреклонно изрек министр полиции. — Прецеденты известны. И всегда следовала самая суровая кара. Отвертеться удастся лишь совершенно случайным прохожим вроде этого самого Чурниса — да и то им придется из кожи вон вывернуться, чтобы доказать свое случайное прохождение мимо места, где совершилось одно из самых тяжких коронных преступлений...

— Ах, вот оно что... — сказал Сварог, теряя веселость. — Вот почему вы так серьезны... Что же, виновные...

— Под стражей сейчас находится ровным счетом пятьдесят восемь человек, — сказал министр полиции. — Вклю-

чая как профессоров со студентами, так и всех, кто оказался в зоне оцепления, когда прискакали три платунга конной полиции.

— Та-ак... — растерянно протянул Сварог. — Но насколько я знаю Ремиденум, там незамедлительно ударят в колокол, объявят мятеж... на что, кстати, они имеют неотъемлемое право согласно древним традициям.

— Уже ударили, ваше величество, — понурился Интагар. — Вход в Ремиденум закрыт баррикадами, все его обитатели толкуются на улицах, высказывается идея идти на выручку и освободить всех арестованных. А это совсем серьезно, государь. На территорию Ремиденума мы не вправе вводить полицию или войска, но когда они окажутся на улицах, став тем самым подвластны нашей юрисдикции, неизбежны столкновения и кровь... Даже в предыдущее царствование такое случалось трижды. Среди студентов Ремиденума много дворян, имеющих право носить меч, — в том числе иностранных, даже с Сильваны... Всякий раз дело кончалось кровью, дипломатическими нотами, Монфоконом...

— И что же делать?

— На прилегающих к Ремиденуму улицах уже сосредоточиваются конная полиция и драгуны десятого легиона, — бесстрастным тоном доложил министр полиции. — Стрелки размещены на крышах. Если они выйдут, беспорядки не дадут значительного распространения, все будет погашено в зародыше... И я заранее предвижу конфуз и международный скандал...

— Черт бы побрал и полицию, и законы, и этих ваших ученых... — в сердцах сказал Сварог. — Мне что, нечем заняться? Тихо, король думать будет!

Он упер локти на стол, опустил на них голову и несколько минут сидел так. Когда вскинул глаза, сиял от радости:

— Интагар, мошенник вы этакий, что бы вы делали без мудрого короля Сварога! Где располагался бюст?

Не раздумывая, министр полиции прилежно доложил:

— На кирпичиной подставке, пристроенной к стене. Вообще-то, он там находился добрых восемьдесят лет...

— И я еще должен вас учить? — поморщился Сварог. — Ментально подыщите какого-нибудь подрядчика, смотрителя, реставратора, по чьей вопиющей халатности и недосмотру подставка пришла в негодность, что повлекло самостоятельное падение бюста на мостовую. Бюст упал самостоятельно, ясно вам? Из-за ветхости подставки и нерадения тех, кто призван

был ее вовремя ремонтировать. То, что это оказалось сопряжено с... научным диспутом, — чистейшей воды совпадение, и не более того. Найдите, кого посадить. Потом тихонечко выпустите, я его помилую... а если отыщется среди подрядчиков или зрителей вор или казнокрад, заслуживающий петли или тюрьмы, тем лучше, можно и не миловать... Ясно вам? Автору доклада и прочим полицейским чинам внушите, что они прискорбно ошиблись... уж вы-то сумеете, хороший мой! Доклад переписать. Арестованных выпустить и разогнать по домам. Обоих профессоров — ко мне. Я их проработаю с песочком, чтобы надолго запомнили...

...В чем нельзя было упрекнуть Интагара, так это в медлительности. Обоих ученых профессоров доставили даже быстрее, чем Сварог ожидал.

Выйдя в Рубиновый зал — с малой короной на голове, постукивая золоченым посохом, украшенным гербами и коронами всех подвластных ему земель, — Сварог умышленно медленно приблизился к обоим провинившимся, понуро стоящим в окружении полудюжины бравых полицейских капралов. Профессор Гизехартен был худ, высок и печален. Профессор Фалер был невысок, толстоват и печален. Судя по лицам, они успели прочувствовать, проникнуться и живо представить себе, что ожидало их впереди...

— Великолепно, — произнес Сварог ледяным тоном, озирая обоих суровым взором. — Значит, вот так и выглядят почтенные слуги науки, обязанные подавать пример юношеству, сеять разумное, доброе и вечное...

Следовавший за ним по пятам лейб-лето-писец ожесточенно чиркал карандашом в огромном блокноте. Специально для него Сварог внушительно повторил:

— Да, вот именно — сеять разумное, доброе и вечное... Вы полагаете, господа, что похожи сейчас на людей, способных осуществлять столь благородное предприятие? Посмотрите на себя! — рявкнул он от души. — Стыд и срам!

Пожалуй, он не преувеличивал. Оба предводителя враждующих армий являли собою самое печальное зрелище: круглые береты с серебряным изображением совы оба в схватке потеряли, плащи тоже, одежда изорвана и грязна до неприличия. Каким-то чудом профессор Фалер ухитрился сохранить в неприкосновенности золотой дворянский пояс, над которым торчало из огромной прорехи голое поцарапанное брюхо, наглядно свидетельствовавшее, что его обладатель вовсе не был аскетом и знал толк в чревоугодии.

— Срамота, — громко заключил Сварог, ткнув концом посоха в вышеупомянутое брюхо, отчего его обладатель зябко поежился и загрустил еще больше. — Не профессора, а бродяги из-под моста... Да вдобавок повинны в коронном преступлении... Каковое на сто шагов пахнет то ли Стагаром, то ли Монфоконом...

Худой профессор дробно постукивал зубами. Чревоугодник мелко трясся. Сварог со вкусом разглядывал их, уверенный, что сумел привести в должное состояние.

— Можете вы что-нибудь сказать в свое оправдание? — осведомился он раздраженно. — Вот вы...

Толстяк протянул, обливаясь потом:

— Тр-радиции, ваше величество... Вековые традиции...

— Интересно, — сказал Сварог. — Сшибать с постаментов изображения моих достославных предков, выходит, — вековая традиция? Пожалуй, все-таки не Стагар, а Монфокон... — Он всерьез был разозлен на этих болванов, едва не устроивших самый настоящий городской бунт. — С такими традициями вам там самое место...

Толстяк пал на колени, невнятно бормоча что-то насчет полнейшего раскаяния и надежд на милость короля. Худой более-менее держался — но от него стал распространяться какой-то подозрительный запах.

Безжалостно выждав еще некоторое время и решив более не затягивать забаву — иначе, чего доброго, обоих кондрашка хватит, — Сварог веско сказал:

— Счастье ваше, что мое величество в добром расположении духа. К вашему везению, господа мои, недоразумение выяснилось. Бюст доблестного Эльгара Великого упал не в результате вашего безответственного поведения, а вследствие преступной халатности зрителей...

И подумал, что оба наверняка не испытывали в своей долгой жизни наплыва столь могучего, пронзительного, всеохватывающего счастья — только что стояли перед плахой, и вдруг им объявили, что вышла ошибочка...

— Встаньте, вы же дворянин, — сказал он толстяку. — На сей раз вы легко отделались, но смотрите у меня... Я вас буду держать на заметке... — И, потеряв интерес к забаве, спросил: — Из-за чего, собственно, разгорелась потеха?

Мгновенно воспрянувший толстяк, тыча в противника пальцем, возопил:

— Государь, этот невежда и шарлатан осознанно и злоумышленно вступил на путь фальсификации научных данных!

Худой заорал в ответ:

— Только такой болван, как ваша милость, может перепутать ценный научный документ с фальшивкой!

Еще миг — и они вцепились бы друг другу в лохмотья, но Сварог мигнул капралам, и те с большой сноровкой разделили драчунов.

— Вы еще перед моим королевским величеством на кулачки сойдитесь... — сказал Сварог. — Стыдно, господа! Можете вы внятно объяснить, что вас ввергло в такую, с позволения сказать, ажитацию? Каков предмет спора?

Понемногу из потока взаимных оскорблений и попреков в шарлатанстве стала выкристаллизовываться научная истина. Оказалось, что оба служили по кафедре поэзии и посвятили свою жизнь творчеству Асверуса, о коем сочинили многочисленные труды — опровергающие друг друга, как легко догадаться. Худой профессор, нырнув в пыльно-паутинные недра архивов, извлек оттуда обветшавший документ, по его мнению, неопровержимо доказывавший, что Асверус был как-то связан с королевской разведкой и выполнял в Латеране некие тайные поручения. Что радикальным образом противоречило концепции толстого профессора, по которой именно тогдашний начальник королевской разведки был в числе главных гонителей великого поэта, его первым врагом и чуть ли не сам направлял руку неизвестного убийцы. Естественно, концепции моментально столкнулись с неопишуемым шумом и скандалом. Последствия известны во всех подробностях.

— Черт знает что, — сказал Сварог, окончательно потеряв интерес к историко-поэтическим изысканиям. — Завидую вам искренне, господа мои, — у вас хватает свободного времени, чтобы заниматься такой вот ерундой... (При этих словах оба профессора воззрились на него с пламенем во взоре, на миг объединенные единым порывом.) Ерундой, уж простите... — повторил он решительно. — На сей раз я вас отпускаю, но со строжайшим наказом умерить впредь накал ученых диспутов... доиграетесь! — и сделал величественный жест десницей.

Капралы, сомкнувшись вокруг подконвойных профессоров, в два счета вытеснили их за дверь. Сварог повторил:

— И хватает же времени заниматься такой ерундой... — Потом шутливо спросил: — Ну, а вы, господин министр полиции, что думаете о подобных изысканиях?

Интагар пожал плечами:

— Знаете, ваше величество... Когда я еще был молод и только начинал службу, один умный и опытный человек, которого я считаю своим воспитателем, сказал интересную вещь: реальная история гибели Асверуса ничуть не похожа на ту, что присутствует во всех ученых трудах... Он не вдавался в подробности, а я не стал этим интересоваться — какой смысл ворошить дела давно минувших дней? Он еще жив сейчас...

— Вот как? — спросил Сварог с вялым интересом. — Любопытно... Но вы правы, у меня тоже нет ни малейшего желания ворошить исторические загадки. С меня и современных довольно, не знаю, что с ними-то делать...

Глава 21

ВЫСОКОЕ ПЛАМЯ В НОЧИ

Пока что государственный переворот больше напоминал самый безобидный пикник на лоне природы: они сидели вчетвером у подножия лесистого холма, надежно закрывавшего их горевший без дыма скудный костерчик от наблюдателей со стен королевского замка. Раган то и дело вставал, отходил в темноту и тихонько разговаривал там с невидимыми собеседниками. Молодой герцог откровенно нервничал, не находил себе места. Полной ему противоположностью оказался князь Гарайла — он преспокойно поджаривал на невысоком огоньке наколотую на длинный кавалерийский стилет толстую багальскую сосиску и совершенно немелодично мурлыкал себе под нос:

*Вскипает грозно барабанный бой
Под стать сердцам, разбуженным войною,
И, словно споря с брэнностью земною,
Гремит «К ору́жью!» и торопит в бой.*

*Зловещий гром! И грянут вразнобой
Клинков грома² всей мощью их стальнойю,
И жуть окатит ледяной волною,
И содрогнется тут смельчак любой...*

Что до Сварога, он курил сверх меры, устроившись так, чтобы за спиной у него был крутой откос, со стороны коего никто не сможет зайти за спину. Кроме Доран-ан-Тега, за па-

зухой простого дворянского кафтана у него таилось оружие, возможно, даже пострашнее — изящный небольшой предмет из небесного арсенала. Он так и не понял принципа действия, да это и не важно, но эта штучка размером с портсигар мгновенно рвала водородные связи меж молекулами, превращая любое живое существо в лужицу горячей воды. Он видел, что эти люди ему не лгут, что они и в самом деле твердо намерены провести свои планы в жизнь. Но истинный король обязан быть подозрительным и недоверчивым. Нельзя исключать совершенно, что речь шла о грандиозной провокации, что эти трое сами могут оказаться неведающими куклами в руках опытного кукловода. Ловушка великолепная: Сварог Барг, король Хелльстада, и прочая, и прочая, нелегально проникнув на территорию сопредельной державы, организовал заговор с целью свержения тамошнего законного короля... Позору не оберешься. Даже если выйдешь из этой провокации живым, год придется отмываться и оправдываться, поскольку широко известно: вора бьют не за то, что украл, а за то, что влип...

Гарайла самозабвенно заливался соловьем:

*Мне в самый раз лихая доля эта,
Шагаешь, под собою ног не чуя,
И стискиваешь яростно эфес...*

Он замолчал, критически оглядел дымящуюся, лопнувшую сосиску и вновь поднес ее к мастерски разведенному им самим костерочку, вовсе не дававшему дыма.

— А последний куплет? — поинтересовался молодой герцог Берсингем.

— А все, — кратко ответил генерал, медленно ворочая сосиску.

— Господи, князь... Там есть еще и завершающее трехстишие:

*Душа, однако, шлет к престолу света
Мольбы: «Величья, славы не ищу я —
Жить, жить под сенью всеблагих небес!»*

— Нет там ничего подобного.

— Есть. Стихотворение отыщется в любом обширном сборнике Асверуса.

— При чем тут Асверус? Это написал полковник Лингар.

— А я вам говорю, что это Асверус, слово дворянина.

— Ну, если слово дворянина... — проворчал Гарайла. — Никуда не денешься, будь по-вашему. Я-то всю жизнь думал, что полковник это сам сочинил... А знаете что? Ваше завершающее трехстишие все равно совершенно там ни к чему. Только пакостит хорошую военную песню. Всеблагие божьи небеса, конечно, вещь серьезная и авторитетная, но пусть уж к ним попы с монахами зывают, им уместнее. Асверус, говорите? Жалко. Терпеть его не могу.

— За что?

— Шпион он был, ваш Асверус, вот и все. Хоть и гений. Одно другому не мешает, знаете ли...

— Интересно, — сказал Сварог, вмешавшись в пустую болтовню, чтобы не чувствовать себя вовсе уж одиноким. — Не далее как позавчера слышал у себя в Равене то же самое.

— Глупости, — отрезал молодой герцог. — Грязные сплетни.

— И ничего подобного! — упорствовал Гарайла. — Государь, вы там у себя в Равене подымите архивы, вам, королю, будет просто... Верно вам говорю: этот ваш Асверус, хоть и гений, а в свое время участвовал в шпионских делишках — здесь, у нас. Эти-то его делишки королеву Дайни и погубили. У меня в Черных Драгунах есть один капрал, так вот, его дедушка тогда служил в охране королевы и знал все точно... Никакой это был не рыбий яд, попавший в котел по недосмотру повара, а самое натуральное убийство. И шпионские делишки, в которых ваш Асверус играл первый смычок...

— Почему же обязательно шпионские? Бывают еще тайные дипломатические миссии, разведывательные консультации...

— Это на ваш тонкий вкус, — фыркнул Гарайла. — А я человек простой, чуть ли даже не из народа, и все эти делишки, все чохом, называю шпионством, как и надлежит... Как бы ни затуманивали суть высокими словесами... Хотите сосиску, ваше величество?

— Нет, спасибо, — сказал Сварог.

Гарайла, не чинясь, принялся сам обрывать зубами со стиплета дымящиеся кусочки, дергал головой по-волчьи и причмокивал от удовольствия. Пробурчал с набитым ртом:

— Что бы ни было, а поесть перед делом нужно. Это вам не бой, где положено кишки пустыми держать...

Сварогу он, в общем, понравился — это был незатейливый и упорный профессионал войны, на которых испокон веков держится любая армия. Если точнее, фанатик конницы. Артиллерию и саперов он еще терпел как бесполезную порою подсобную силу, без которой в нынешние времена иногда не

обойтись и кавалерии, а вот пехоту презирал несказанно, военный флот полагал вещь совершенно бесполезной (если только он не занят перевозкой кавалерии). В отличие от остальных заговорщиков, он учинил Сварогу форменный допрос — так и ходил вокруг, сыпая коварными вопросиками, через один таившими в себе подвохи и ловушки. И лишь убедившись, что Сварог всерьез понимает толк в военном деле, успокоился, стал относиться с надлежащим уважением. Когда Сварог от большого ума заикнулся, что может назначить генерала военным министром, Гарайла не на шутку возмутился, гордо заявив, что этот пост его нисколько не интересуется.

Сказано это было искренне — генерал Гарайла по прозвищам Черный Князь и Кентавр Кривоногий категорически не желал ни высоких постов, ни титулов, ни сокровищ. От жизни он хотел одного: лететь куда-то, неважно куда, во главе конных полков, и беспокоило его одно: как бы дальнейшее расширение Свароговой державы не привело к тому ужасному состоянию, когда воевать будет просто не с кем. Впрочем, Сварог его успокоил, заверив, что на их век войн хватит, — и выяснил попутно, что у Гарайлы, оказывается, давным-давно лежат в столе тщательно проработанные планы кавалерийской войны против всех стран континента, за исключением разве что Хельстада (исключительно по причине отсутствия точных географических карт такового и сведений о силах неприятеля) и Иллюзора с Ямурлаком (по причине их безлюдности). Даже для островов Бран Луг и Дике у него имелись соответствующие точные диспозиции (увы, с учетом помощи неизбежного зла, то бишь военного флота). Одним словом, во многих смыслах это был бессребреник и чуть ли не идеалист. Короля он просто-напросто люто ненавидел, поскольку тот по своей слабости и недомыслию разваливал армию (и особенно конницу), недостойн был сидеть на престоле, и его следовало оттуда сбросить к лешевой матери. Вот и вся идейная подоплека, если вкратце...

Молодой герцог Берсингем был потоньше и поумнее и, как вскоре обнаружилось, несмотря на юный возраст, обладал кое-каким жизненным опытом: еще в пятнадцать ушел кадетом в гвардию, служил два года, участвовал в Лоранской кампании, потом поступил по министерству финансов, но из-за отсутствия должной протекции не был оценен по достоинству, задвинут на малозначащую должность, где ему предстояло сидеть до пенсионера. Все его проекты начальством регулярно отклонялись — официально из-за непроработанности и ско-

роспелости, а на деле — оттого, что каждый сверчок должен знать свой шесток. Когда одну из его разработок беззастенчиво присвоил себе некий департаментский секретарь (и, проведя ее в жизнь, удостоился высокого ордена, но притворился, что подлинного автора на свете не существует вовсе), герцог подал в отставку и демонстративно поступил приказчиком в один из торговых домов — и для того, чтобы найти средства к существованию, и потому еще, что высший свет был невероятно шокирован, когда разнеслась весть, что за неким прилавком отмеряет ткани и продает кружева потомок столь знатного рода. Потом он влюбился в некую юную красавицу из столь же знатного (но, увы, преуспевающего семейства), потом к нему, достаточно присмотревшись и изучив, постучался граф Раган — и еще один свежеиспеченный заговорщик оказался в рядах. Гарайла, как подметил Сварог, относился к юноше с некоторым уважением и однажды бухнул откровенно: «Жаль только, что служил в артиллерии. Будь он кавалеристом, цены бы не было...»

Дожевав сосиску, Черный Князь отер стилет от копоты, сунул его в ножны за голенище и длинно зевнул:

— Пора бы уж, господа... Рассвет скоро.

— И прекрасно, — сказал бесшумно возникший у костра Раган. — Часовые будут клевать носом.

— Эти ваши пехотные дела... — проворчал Гарайла. — Ладно, сам вижу, что лихая кавалерийская атака тут неуместна... Что слышно?

— Морская пехота продвинулась почти к самым стенам. Как и предвиделось, в лесу сидело с дюжину патрулей и секретов. Все обезврежены без шума. Лишь бы не подвел ваш полковник...

— Не подведет, — заверил Гарайла. — У него свои причины...

За спиной Рагана из темноты появилась фигура в егерской шляпе, склонилась к уху графа. Выслушав, тот отослал гонца небрежным движением руки и произнес звенящим от волнения голосом:

— Ну все, господа. Пора...

Они торопливо встали — Гарайла тщательно затоптал костерчик — и, отводя от лица ветки, направились в обход холма. По дороге к ним присоединялись бесшумные тени в форменных егерских каталанах, кто-то сопровождал в некотором отдалении, время от времени вокруг раздавались птичьи крики и словно бы писк ночных зверьков — чересчур близко и чересчур

много для настоящей лесной фауны... До рассвета было еще далеко, но темнота понемногу сменялась зыбкой серостью, как всегда в этот час придававшей миру легкую нереальность: затуманилась граница меж живым и неживым, белая хмарь висит меж стволами, заглушает и без того тихие шаги, путает ощущения, посылает мороки... Сварогу вдруг показалось, что с ним это уже было. Случается иногда...

Шагавшие впереди фигуры рассыпались, притаившись за крайними деревьями. Широкая прогалина, шедшая чуточку под уклон, ярдах в двухстах впереди — загородное королевское поместье, где его незадачливое величество сейчас и изволил пребывать с супругой и наследником, с обоими принцами-братьями, с фаворитами и приближенными министрами.

Оно и впрямь несколько не напоминало укрепленный замок: кирпичная ограда в рост человека с затейливыми декоративными зубцами окружала обширное пространство, где стоял большой красивый дом с башенками и флюгерами, балконами и высокими острыми крышами, окруженный конюшнями, людскими и поварнями. Раган был прав: взять это беззаботное именище ротой хватких вояк ничего не стоило...

— Ну что же, господа... — тихонечко произнес Раган каким-то завороченным шепотом. — Пора...

— Может, все же и меня туда пустите, граф? — спросил Гарайла без особой надежды. — Хочется мне там по душам поговорить с некоторыми господами...

— Я же сказал, — непреклонно возразил граф. — Ваше место здесь. Вы обещали подчиняться.

— Я и не спорю...

— Капитан! — бросил Раган в сторону. — Начали!

Из-за куста, к которому он обращался, проворно выскользнула фигура в каталане и коротком плаще, придерживая короткий кавалерийский меч, пригибаясь, метнулась прочь и вскоре растаяла в белесой мгле. Сварог смотрел во все глаза.

— Вы ничего не увидите сейчас, государь, — догадался Раган. — Они пойдут сначала с той стороны, там лес почти вплотную подступает к стенам...

Секунды ползли, как улитки. Рядом шумно сопел Гарайла, механическим движением то вынимая меч из ножен на ладонь, то задвигая его назад, что производило неприятный тихий скрежет.

— Генерал... — поморщился герцог. — Довольно уж...

— Что? — опомнился Гарайла, смущенно pokrutil голову, убрал руку с эфеса.

Ползли секунды-улитки, сливаясь в колонны, в бесконечные шеренги...

— Ага! — сказал кто-то рядом.

Сварог присмотрелся. Над гребнем стены, на противоположной ее стороне, сразу в нескольких местах возникло нечто шевелившееся, моментально перемахнувшее внутрь — проворные человеческие фигуры, ловко прыгавшие во двор. Их становилось все больше и больше, судя по движениям иных, они спускались по веревкам, закрепленным на зубцах. Видно, как бесшумно распахнулись ворота — и во двор хлынуло не менее двух взводов. Ясно уже, что часовые бесшумно сняты то ли стрелами, то ли плюнь-трубками, что никто пока не обнаружил вторжения...

— Ма-арская пехота... — протянул Гарайла с непонятной интонацией. И, смилостивившись, добавил: — Но идут четко, правильно идут, хоть и мокрохвостые...

Так! Явственно донесся звук пистолетного выстрела. Звонко разлетелось стекло. Обнаружены! И наплевать — поздно, поздно!

В главном здании сразу в нескольких высоких окнах заметались пятна тусклого света — на первом этаже, потом на втором, на третьем... Раздалось врассыпную еще несколько выстрелов — судя по их хаотичности, никакого организованного отпора, там, внутри, паника и неразбериха, никто ничего не понимает, и нет толкового командира. Сварог прекрасно помнил по прошлой жизни, что такое внезапный и сокрушительный удар спецназа, а здешняя морская пехота, как бы ни фыркал в ее сторону Гарайла, драться умела: сброд, каторжники, висельники, которым накрепко вбито в голову, что отступать они не имеют права ни за что и никогда, иначе их встретят свои же пули...

Свет распространился по зданию, мелькали высокие, дерганные тени, хлопали выстрелы. Конский топот! Это по двору заполошно носились выпущенные кем-то лошади — должно быть, кто-то сразу попытался скрыться, но и это было предусмотрено...

Сварог не испытывал ничего другого, кроме яростного азарта — невыносимо тяжело было наблюдать ожесточенную схватку, в которой нельзя участвовать. Рядом переминался с ноги на ногу, фыркал Черный Князь, обуреваемый теми же незамысленными чувствами.

Свет в здании не угас, но мелькание теней вроде бы прекратилось, выстрелы поутихли. Стекло в одном из окон первого

этажа вылетело наружу, и в темном проеме замигал вспышками сигнальный фонарь, красный, яркий: длинный-длинный-короткий...

— Все, господа! — почти крикнул Раган. — Кончено!

— Чего же мы стоим? — рявкнул Гарайла. — Где кони? Скачем туда, самое время...

— Не спешите, друг мой, не спешите... — как-то очень уж многозначительно отозвался Раган. — Лейтенант, сигнал!

Слева выломилась из кустов проворная фигура, выскочила на открытое пространство, вытянула вверх обе руки — и из ее сжатых кулаков, из картонной трубки ушла в темные небеса сигнальная ракета, взлетела высоко-высоко пульсирующим алым угольком, пошла вниз по дуге, рассыпаясь искрами, заливая окрестности тусклым мерцанием...

Ууу-ффф-шшш! Уууу-фффф-шшшшш!

Лесочек слева от Сварога озарился яркими вспышками, вырвавшимися из темноты четкие силуэты деревьев и черные фигуры людей, метавшиеся на фоне чего-то большого, непонятного, то ли телег с задранными оглоблями, то ли...

Могучий шипящий свист, огненные полосы! Оставляя за собой длинные дымные хвосты, не менее дюжины боевых ракет пронеслись над луговиной к замку, упали во двор, мгновенно разбухнув шарами нестерпимо яркого огня, ударили в главное здание, вышибая окна и вспыхивая внутри бушующим пламенем, растекаясь по стенам и крыше огненными водопадами, охватывая огненными языками людские и конюшни...

Новая стая ракет, еще более многочисленная! Замок пылал, как стог сена, высоченное пламя взметнулось в ночи, озаряя двор, по которому бестолково метались люди. «Горродельский огонь, — понял Сварог. — Здешний напалм... Но как же это?»

Ракеты больше не взлетали из лесочка — батарея отстрелялась. Громко и уверенно протрубил рожок, с другого конца прогалины ему ответила вторая кавалерийская медь, пронзительно и грозно. С двух сторон из леса вымахнула конница, рассыпаясь четыремя колоннами, охватывая пылающий замок со всех сторон. Загрохотали пистолетные выстрелы — пальба платунгами и алами...

— Вот и коннице нашлось дело, — сказал граф Раган, чье лицо в отсветах пожарища казалось отлитым из меди. — А вы жаловались, князь... Конница, правда, не ваша, но какое это имеет значение?

Сварог бросился к нему, схватил за плащ:

— Что это все значит?

— Сушие пустыки... мой король, — ответил граф бесстрастно, не делая попыток вырваться. — Эти грязные заговорщики из морской пехоты успели-таки злодейски уничтожить королевскую фамилию, но надежные войска, призванные восстановить порядок, делают свое дело. К превеликому сожалению, они опоздали и не смогли помешать г л а в н о м у злодейству — но безусловно успеют покарать убийц. — Он смотрел на Сварога серьезно и строго, без тени улыбки. — Не нужно, мой король, чтобы у вас было слишком уж много тех, кто потом будет напоминать об оказанных услугах... Чем их меньше, тем лучше. Простите за то, что я не обо всем поставил вас в известность. Но, во-первых, отречение с последующим заключением — чересчур уж рискованная штука, а во-вторых, в а ш а совесть чиста. Ну, а я, грешный, как-нибудь переживу...

— Ну, прохвост... — протянул Гарайла с некоторым даже восхищением. — Заковыристо...

— Напротив, предельно просто, — без выражения отозвался Раган. — Случались исторические прецеденты... Ваше величество, не соблаговолите ли отпустить мой ворот? Дыхание перехватило, право слово...

Опомнившись, Сварог выпустил мягкий ворот плаща. На фоне высокого пламени носились всадники, выстрелы еще звучали, но гораздо реже, стало светло, как днем.

Он не испытывал никаких особенных чувств — лишь в душе что-то сломалось, как в прошлый раз, когда доложили о случайной и нелепой смерти князя Рута. Начал привыкать к мысли, что в этом мире есть два пути: дорога обычного человека и дорога королей. И то, что ждет тебя на второй дороге, обычному человеку может показаться нелепым, диким, отталкивающим. Но такова уж участь королей, обязанных сплошь и рядом руководствоваться и н ы м и мыслями, чувствами, побуждениями; а вот собственные твои желания на дороге королей в расчет не берутся, тебе частенько просто-напросто запрещено их иметь...

— Прохвост... — повторил Гарайла. — Спиной опасно поворачиваться...

— Не говорите глупостей, генерал. — Раган впервые усмехнулся, довольно, впрочем, грустно. — Затаи я против вас что-то, не стал бы мешать, разрешил бы отправиться туда... — Он кивнул в сторону ярко осветившейся прогалины, где со свистом и гиканьем носились всадники, где во дворе еще постукивали редкие выстрелы, а королевский замок был сплошь охвачен ре-

вущим высоким пламенем, напоминая поставленную в костер птичью клетку.

— Ну ладно, — подумав, заключил Гарайла. — Не зарезав каплуна, обед не приготовишь... Чего уж теперь по ним плакать... Герцог?

Молодой герцог, задумчиво глядя на огонь, ответил почти спокойно:

— Вы совершенно правы, генерал, пожалуй... Что тут скажешь? Король умер — да здравствует король!

И он, подчиняясь ритуалу, протянул руку в сторону Сварога, коснулся его плаща, как надлежало, показывая всем своим видом, что он и не стремится к титулу Королевского Возвестителя, просто считает своим долгом, чтобы все было по правилам. Несколько голосов за их спинами восторженно заорали:

— Да здравствует король!

Сварог, опираясь на топор, не оборачиваясь к ним, коротко поклонился и, выполняя свою неизбежную задачу, произнес:

— Благодарю вас, господа, никто не будет оставлен милостями.

«Мать вашу так, — тоскливо подумал он. — Ну почему нельзя обойтись без крови, куда ни ткнишь? И все же... Я сумею лучше, я же всерьез хочу, чтобы они были счастливы, не теснились на своих убогих деланках голодные мужики, не отправлялись в неизвестность младшие дворянские сыновья, не скитались без дела безработные цеховые мастера... Чтобы в Снольдере не вспыхнула гражданская война, чтобы тупые паучки из Вольных Маноров не высасывали последнее непосильными налогами... Я же не для себя стараюсь, в конце-то концов, а для всех этих, которых даже не знаю в лицо, которых так и не увижу никогда... Почему же всегда шагать через кровь и грязь?! Кто только эту дорогу королей придумал?»

Тем временем граф, отойдя на несколько шагов, что-то говорил в сложенные ковшиком ладони, где был зажат переговорный камешек-гаш. Поднеся ладонь к уху, выслушал ответ. Быстрыми шагами вернулся к ним:

— Неплохие новости из столицы, ваше величество, господа... Крепость Сагварон покорилась без сопротивления, арсенал под нашим контролем, министр полиции арестован. Во Дворец Ласточек уже свозят почтенных заседателей уитенагемота, по дороге старательно убеждая их проявить государственную мудрость... Небольшое недоразумение возникло лишь с полком Алых Пищальников, как и следовало ожидать,

но оно вполне успешно решается на месте имеющимися силами... Не стану скрывать, имеется один-единственный досадный прокол. Только что доложили, что Старая Королева, как выяснилось, еще позавчера исчезла из замка, но я не вижу здесь особенных причин для тревоги.

— Вы и ее хотели... — хмыкнул князь.

— Ну что вы, генерал, — с усталой, довольной улыбкой запротестовал Раган. — Я всего лишь предвидел различные варианты событий, только и всего...

— Да хватит вам вилить, — добродушно сказал Гарайла. — Лично я ничего не имел бы против, пришиби кто Старую Гадюку, — от нее одной может выйти больше вреда, чем от любой оппозиции...

— Помилуйте, вы преувеличиваете, — сказал Раган. — В Оттершо она не пользуется особенной любовью, там нет войск, к которым она могла бы обратиться. Насколько я ее знаю, сбежала за границу, или пробралась в Фиарнолл, или уплыла по Ягартале... Вот только как она у з н а л а? Впрочем, ничего удивительного — при ее-то шпионах... Как бы там ни было, если и узнала, никого там не предупредила, — кивнул он в сторону пожара. — И неудивительно... Господа, на коней! Нам пора в столицу...

Сварог знал, что навсегда запомнит эту скачку — бешеную, на всем галопе, со сменными лошадьми, неведомо откуда возникавшими за очередным поворотом, с коноводами, успевавшими прокричать вслед: «Да здравствует король!»

На заставе их пропустили мгновенно, разбежавшись в стороны загоя, отсалютовав мушкетами и наспех проорав вслед что-то соответствующее моменту. Когда они скакали по городу, уже светало. Слева, далеко от их дороги, пылало длинное здание, оттуда доносились крики и мушкетные залпы. Широкий мост со старинными каменными статуями по обеим сторонам. На реке стояли военные корабли с распахнутыми пушечными портами, один из них внезапно дал залп всем бортом, окутался тяжелым дымом, и кони шарахнулись, лязгая подковами по булыжнику моста. Залп, очень похоже, был холостым.

Ни единого постороннего на улицах — только там и сям стоят шпалерами пешие и конные гвардейцы, отовсюду несутся четкая, рассыпчатая дробь барабанов, свистят полковые флейты и рубят кавалерийские рожки.

— Министерство полиции! — на скаку прокричал граф, тыча рукой.

Угрюмое четырехэтажное здание из бурого камня, окна кое-где выбиты, вокруг в шесть рядов стоят хмурые гвардейцы, но не заметно ни военных действий, ни пожара. И правильно — такие дома следует занимать со всем прилежанием, дабы ни одна интересная бумажка из множества там скопившихся не пропала для нового царствования...

Они вскачь подлетели к огромному красивому дворцу, выкрашенному в светло-зеленый цвет, с белыми колоннами, светло-коричневой крышей, стрельчатыми башенками и многочисленными статуями перед входом. Они изображали, сразу видно, представителей всех Сословий, Гильдий, а также благородных дворян, как титулованных, так и обычных, а потому Сварог без особых раздумий догадался, что это и есть Дворец Ласточек, служащий пристанищем слабому росту здешней демократии.

Впрочем, с ростком демократии обращались весьма бесцеремонно: во дворе и на широченной парадной лестнице не протолкнуться было от господ гвардейцев в разноцветных мундирах, над коими витал явственный аромат спиртного. Большинство из них стояли с клинками наголо, бессмысленно и широко ухмыляясь от общей торжественности момента, — и дружно приветствовали Сварога нечленораздельным ревом, вспугнувшим гнездившихся на фронтоне ласточек, от каковых дворец, надо полагать, и получил свое название.

Сжав губы, ничего не видя вокруг, он шагал вверх по лестнице — в алой мантии и серебряной хельстадской митре, как и было задумано Раганом, резонно полагавшим, что именно эта корона из Свароговой коллекции способна оказать самое убедительное воздействие на смятенные умы народных представителей. Перед ним неуклюже расступались, звеня оружием, вскидывая клинки в некое подобии салюта, обдавая свежим перегаром, пуча глаза. И кто-то в синем мундире бежал впереди, то и дело оглядываясь с почтительным ужасом в глазах, расталкивая замешкавшихся прикладом изукрашенного гвардейского мушкета, кто-то неотступно сопровождал по пятам, отталкивая тянувшиеся к Сварогу руки, отводя клинки, способные, чего доброго, выколоть глаз королю.

Залы, коридоры, залы, коридоры... Повсюду пьяная гвардия, отшатывавшаяся к стенам. Перед высоченной двустворчатой дверью, украшенной великолепной резьбой, кто-то деликатно придержал Сварога за локоть, и он остановился. Возникший из-за спины Раган чуть приоткрыл одну половинку двери, прислушался, жестом пригласил Сварога. Тот приблизился.

В шелку видно было, что в огромном зале, на белокаменных скамьях, установленных таким амфитеатром, сидит множество разнообразного народа — чем ближе к уровню пола, тем знатнее, чем выше, ближе к потолку, тем проще. Но лица у всех были словно бы одинаковые — бледные, застывшие, испуганные маски, наспех отштампованные скульптором-халтурщиком. Стояла тягостная тишина, и человек на овальном возвышении звучно, выразительно, громко и проникновенно зачитывал манифест.

Того же содержания, что и многочисленные листовки, которые на глазах Сварога во множестве расклеивали по стенам, углам, фонарным столбам и тумбам. Ему даже не было нужды слушать, он прочитал творение герцога Лемара еще в Равене. И, надо сказать, остался доволен. Вот только о злодейском убийстве королевской фамилии в первоначальном варианте не было ни слова — кто же мог знать? — но кто-то, мало уступавший Лемару в красноречии и убедительности, уже здесь вписал недостающее, тонко уловив особенности стиля герцога. Сварог машинально подумал: «Надо потом поинтересоваться, кто писал — человек нужный, безусловно...»

Злодейское убийство всей королевской фамилии... безутешная держава... невозможно допустить и тени хаоса перед лицом козней известных своим коварством сопредельных государств... законность и преемственность власти... государственная мудрость лучших представителей дворянства, Сословий, Гильдий и народа, вручивших корону королю Сварогу Первому, известному своим благородством, добротой и неутомимой энергией... пути к процветанию, довольству и всеобщему счастью... солнце надежды, воссиявшее над страной...

И все такое прочее. Гладкие обороты, красивые словеса, тень угрозы, дохнувшая на собравшихся, щедрые обещания и клятвенные заверения, милости и послабления...

— Пора, ваше величество, — прошелестел над ухом требовательный голос Рагана.

Сварог двинулся вперед, прошел под сотнями испуганных взглядов, поднялся на то самое возвышение и прочно утвердился на нем, обеими руками опираясь на рукоять топора, подняв голову, чувствуя, как лицо стало застывшей маской, почти такой же, как у всех этих, в зале...

Посреди мертвой тишины чеканно прозвучали слова человека в золотом шитье, опустившего руку с манифестом:

— В соответствии с добрыми старыми традициями королевства Снольдер любой, кто считает короля Сварога Первого

недостойным взойти на трон, может заявить об этом открыто и честно!

Улиточки-секунды снова пустились в странствие. Тишина была такая, что слышно, казалось, как первый солнечный лучик ползет по белой колонне.

В огромном зале не нашлось самоубийц. Ни единого. И вдруг («Наверняка, — подумал Сварог, — по чьему-то знаку») собрание народных представителей взорвалось отчаянным многоголосым воплем:

— Да здравствует король!!!

«А все-таки вы — мразь», — подумал он грустно, глядя, как взлетают в воздух шляпы и шапки, как надрываются крикуны...

Глава 22

КОСА И КАМЕНЬ

Сварог ожидал чего угодно — ну, скажем, кружевных подвязок, с милой непосредственностью оставленных балеринами меж особо секретных докладов на высочайшее имя; кошечек с бантами на шеях, игриво гонявших по полу незаполненные офицерские патенты; россыпи орехов, которые его величество колол Большой королевской печатью. Чего-то вроде. Но действительность превзошла все его самые смелые догадки и предположения.

Королевский стол был девственно пуст. Совсем. Ни в полудюжине вместительных ящичков инкрустированного малахитом и изумрудами стола, ни в трех шкафчиках, снаружи казавшихся хрупкими игрушками, но внутри представлявших собою двойные железные ящики с прослойкой песка толщиною в ладонь (огнеупорные сейфы, верх изобретательности здешних мастеров), ни в двух больших секретерах не нашлось буквально ничего, свидетельствовавшего бы о том, что предшественник Сварога занимался когда-либо государственными делами.

— Он что же, работал не здесь? — спросил Сварог почти беспомощно.

Раган pokrивил губы:

— Он вообще не работал, государь. Государственные бумаги были столь докучным и раздражающим мусором, что прочитывались на коленочке, а потом разбрасывались где попало, невзирая на степень секретности. Я держал возле него двух че-

ловек под видом лакеев, и они только тем и занимались, что собирали самые серьезные бумаги, пока не попали в неподобающие руки... Увы, они не всегда успевали... Печати таскал с собой один из братьев-принцев — и порой сам их шлепал на патенты и дипломы, не утруждая его величество лишними заботами и даже не сообщая, что наплодил новых дворян, офицеров или чиновников... Так и со всем остальным. Один из министров всерьез собирался повеситься. Другой слег с сердечным ударом, когда секретнейшие сводки казначейства попали в поварню, где в них завернули сладости для дорожной кареты. Я вам многое мог бы порассказать... Лышу себя надеждой, что после э т о г о, — он широким жестом обвел кабинет, безукоризненно чистый и не отягощенный и малейшим следом государственных дел, — вы лучше станете понимать наши мотивы.

— Пожалуй... — кивнул Сварог, рассеянно проводя пальцем по зелено-черным малахитовым разводам. — Ну что же, граф... Кажется, у д е р ж а л и с ь?

— Да, судя по донесениям...

— Правду, — сказал Сварог. — И ничего кроме. Лгать и льстить начнете потом, когда я сяду твердо, — Впрочем, я и тогда сумею моментально отличить правду от лжи...

— Я помню, ваше величество, об этой вашей способности... способной приводить иных царедворцев в уныние. Итак... В столице наведен полный порядок. С Алыми Пищальниками покончено, заводилы препровождены в крепость, мелкую шушеру после допроса и наставлений отправили на все восемь сторон света с «волчьими печатями». Все, обладающие мало-мальским влиянием или сидящие на мало-мальски значимых постах, но при этом ненадежные, тоже посажены в крепость.

— Граф...

— Их всего-то человек семьдесят, — сказал Раган преспокойно. — Успокойтесь, государь, никто не намерен зверствовать и портить вам репутацию. Кое-кого, конечно, придется либо оставить за решеткой подольше, либо... Ничего не поделаешь. От тех, кто со сменой династии потерял все, следует ждать любых подлостей. Лучше уж заранее пройтись по язве каленым железом... Далее. Министерство полиции, точнее, его головку, уже энергично чистят. Но, главное, войска, как в столице, так и в провинциях, в подавляющем большинстве своем на нашей стороне, и это не лесть, государь, а реальное положение дел. На всей территории страны пока отмечено лишь семь мелких стычек. Я не вижу причин для беспокойства. Если мы в сжатые

сроки почти с теми же гноими, сюрпризов не будет. Спектр настроений — от полного равнодушия до энтузиазма.

— Старая Королева?

Раган помрачнел:

— До сих пор не обнаружена, увы. Никто не представляет, куда она могла деться. Не хочу делать поспешных выводов, но дело, такое впечатление, пахнет магическими штучками. Мне только что по ташу доложили из Отгершо... Она выехала из замка утром, одна, на обычную свою прогулку. Явные и тайные посты внешнего кольца стоят на лигу от замка. Так вот, они клянутся и божатся, что Старая Королева нигде не появлялась. Ее конь, что полностью запутывает дело, вскоре был найден. Но сама она пропала бесследно. Можете быть уверены, служба наблюдения за королевской матушкой была единственным, к чему его величество всерьез приложил волю и изобретательность... Разумеется, существуют какие-то потайные горные тропки, по которым к ней приходили гонцы и уходили от нее, — как-то она ухитрялась связываться с внешним миром и даже готовить покушения... Но не могла же она уйти по ним в полном одиночестве, пешком? Ни за что не поверю! Тот, кто родился и вырос в королевском замке, знаете ли, во многих отношениях беспомощнее ребенка. При всем уме и энергии такой особы есть масса вещей, о которых она попросту не знает, поскольку никогда ими не интересовалась, понимаете?

— Да, я сталкивался с подобными ситуациями, — кивнул Сварог.

И вспомнил, как великое множество профессионалов в свое время так и не смогло отыскать принцессу Делию, тоже не знавшую многого об окружающем мире, — потому что ей просто повезло, и это везение обрубило все следы...

— Ее уже ищут, — продолжал граф. — Полиция, егеря, люди с обученными собаками... Я думал поначалу, что она скрылась в сопровождении верных людей, но — пешком, в одиночку... Ничего не пойму... Вы разрешите мне вас покинуть? Дел неуправляемо...

— Да, разумеется, — кивнул Сварог. — Скажите там, чтобы принесли кофе.

На лице графа изобразилась искренняя растерянность:

— Государь... Я решил полностью сменить ближнюю дворцовую прислугу, а уж кухарей тем более, потребуется время...

— Великолепно, — сказал Сварог с досадой. — Королю, владеющему тремя четвертями континента, не могут раздобыть

кофе... Любезный граф, во-первых, я умею определять яды, а во-вторых, вряд ли кто-нибудь столь оперативно устроит заговор с отравлением... Пошлите кого-нибудь в кордегарию, когда мы въезжали во дворец, я видел, как они там носили кофе в котелках...

Граф поклонился и быстро вышел. Сварог закурил, уселся за стол, водрузил на него локти и вспомнил анекдот о маленьком зеленом крокодилчике. Положение было самое дурацкое — на какое-то время, пока все устроится, определится, обозначится, король оказался существом ненужным, неприкаянным, задвинутым в пыльный угол. И ничего тут не попишешь: денек-другой и в самом деле придется терпеливо ждать, пока все устаканится, а тогда уж пытаться что-то возводить на месте прежнего...

Дверь распахнулась. Здоровенный черный драгун внес на вытянутых руках медный поднос, где красовался простой солдатский котелок и узелок из белого ситца в красный горошек. Выпучив глаза от усердия, он осторожненько, словно по льду, прошагал по скользкому начищенному паркету, водрузил ношу на стол:

— Ваше величество, раздобыли вот... Был приказ... Тут, стало быть, кофий, тут печенье, пошарили по ранцам, уж не побрезгуйте, с поварни кто разбежался, кого в шею выставили...

— Молодцом, — сказал Сварог, оживившись. — Благодарю за службу. Дверь можете оставить открытой.

Гвардеец отдал честь и спиной вперед покинул кабинет. Судя по его поведению, во дворце он был впервые в жизни. Золотого пояса на нем не наблюдается, следовательно — из простых. Ну, так даже надежнее...

В приоткрытую дверь он видел, что в роскошной приемной торчит не менее десятка Черных Драгун, — полк, где князя Гарайлу уважали и обожали, считался самым надежным с точки зрения новой власти, и Кентавр Кривоногий, не спрашивая согласия Сварога, занял им дворец для вящей надежности. Идея была толковая, но Сварог решил при первой же возможности стянуть сюда еще и здешние отряды гланской гвардии — как-никак его самые давние, если можно так выразиться, подданные, как бы ни были надежны драгуны, а с гланцами еще спокойнее, да и пора проявлять определенную самостоятельность, пора с т р о и т ь. Здесь, пожалуй что, придется потруднее, чем в Глане и Ронеро, — там он был з в а н ы й, а тут — в о з в е д е н ы й. Есть некоторая разница, кое-кто вокруг подсознательно считает себя чуть ли не

Свароговым благодетелем, да так оно и есть, если разобраться, одной кровью повязаны...

В приемной вдруг возник некий переполох — там протопали сапоги, словно в казарме, послышались громкие, возбужденные голоса. В следующий миг тот солдат, что приносил кофе, прямо-таки влетел в кабинет. И очень похоже было, что товарищи его после краткого совещания попросту затолкнули сюда, как уже имевшего некоторый опыт общения с коронованными особами...

— Ваше величество! — в полной растерянности воскликнул драгун, вытянувшись. — Там Старая Матушка! Черт ее ведает, откуда взялась, но она сюда идет...

— Ну и что? — преспокойно спросил Сварог. — Пусть себе идет... Не препятствовать!

Получив четкий приказ, драгун воспрянул, вывалился в приемную, где громко повторил только что полученные распоряжения.

Сварог сел за стол, оставаясь, в общем, спокойным, — всего лишь одна-единственная дама, и не более того...

Она вошла величественно, неспешно, как и подобает королеве, пусть лишенной и тени власти задолго до появления Сварога. Размеренно постукивая посохом с двумя коронами, снольдерской и уладской, остановилась перед столом, шагах в четырех от Сварога. За ее спиной, за распахнутой дверью Сварог видел, как в приемной толпятся Черные Драгуны со злобно-растерянными лицами, держа руки поближе к эфесам мечей и рукояткам пистолетов. Судя по их напряженным позам, Старая Матушка — она же Старая Королева, Старая Гадюка, кому как больше нравится, — внушала бравым воякам если и не страх, то уж почтительное опасение.

— Мельчает народец, — ровным, безразличным тоном сообщила Сварогу Старая Королева. — Еще во времена моего дражайшего батюшки люди были проще — достаточно было первому встречному капралу мигнуть, и в два счета вогнали бы пику в спину, не посмотрели бы, что перед ними королевамать... А эти расступаются, в затылке пятерней скребут... Распустились.

Поднявшийся из-за стола Сварог молчал — благо к нему лично попреки не относились, не он такие порядки устанавливал и не он этих людей отбирал, — разглядывая нежданную визитершу с большим интересом. Опомившись, сделал повелительный жест, и драгуны захлопнули дверь, наверняка ра-

дуюсь, что нашелся кто-то, взявший на себя ответственность в столь щекотливом деле.

Она вовсе не выглядела старухой — ей и было-то, вспомнил Сварог, пятьдесят один. Высокая и статная, все еще красивая, без единой седой ниточки в темных волосах. При первом же взгляде на нее возникли стойкие ассоциации со строгой учительницей, привыкшей справляться с любым скопищем шалопаев.

— Вот это, значит, и есть знаменитый король Сварог, — продолжала она спокойно. — Тот самый, что сшибает короны, как спелые груши, а теперь вот и до нашего захоlustья добрался... Кто же вы мне, согласно этикету? Дражайший кузен? Нет, у меня в роду были и Барги, а вы, хоть и приемный, но полноправный Барг, так что нужно как следует подумать...

— Предпочитаю самое простое обращение — «ваше величество», — сказал Сварог решительно, подумав, что пришла самая пора перехватывать инициативу и напомнить о кое-каких реалиях. — Незатейливо, быть может, но вполне отвечает положению дел...

— Это намек на то, что бедной старой затворнице следует сразу уяснить свое место посреди решительных перемен?

— Ну отчего же «старой», моя дражайшая родственница? — спокойно улыбнулся Сварог.

— Неплохо, — заключила Старая Королева. — Ни тени раскаяния в глазах. И правильно, откровенно говоря. Слезы лить по несчастным моим загубленным деткам не собираюсь, уж такое я чудовище, — очень уж ничтожными и никчемными выросли. Будь я мужчиной, могла бы, по крайней мере, утешаться предположениями, что детушки вовсе и не мои, но женщине от материнства не отвертеться никак, сама, увы, эту бледную немочь рожала... Вот и довели до полного краха династию, узурпатора на выручку звать пришлось... И ведь имеет место всеобщее ликование, ничего с этим не поделаешь...

— У вас был свой человек среди заговорщиков? — спросил Сварог. — Очень уж вовремя вы исчезли из замка... Я плохо знаю тех, кто мне... помог, но крепко подозреваю, что они и против вас хотели предпринять... энергичные меры...

— А сами вы не знаете, ваше величество?

Сварог впервые за все время разговора опустил глаза:

— Я был уверен, что их просто арестуют и заставят подписать отречение...

— Если вы так думали, милейший, вам еще тянуться и тянуться, чтобы стать настоящим королем, — отрезала Ста-

рая Королева. — Кто же это оставляет низложенного предшественника живым? Это, хороший мой, против традиций. Если кому-то вздумается затеять новый заговор, лозунгов и знамен даже искать не нужно: вот он, бедненький, обиженный, свергнутый, престольчик у сюсеньки малюсенькой отобрали злые дяди, ай-яй-яй... Опередили вы меня, любезнейший родственник, — я как раз стала понимать, что ядами и стилетами немногого добьешься, что нужно по старой традиции гвардию возмущать...

— Ну, тут уж — кому как повезет, — сказал Сварог.

— Можно к вам, милый родственник, обратиться с серьезной просьбой? Если вы намерены от меня избавиться решительно и бесповоротно, сделайте это п р и с т о й н о. Меня всегда ужасала непристойная, вульгарная смерть. Взять хотя бы королеву Аугле — в поганой темнице, кишашей крысами и тараканами, трое вонючих доезжачих душили грязной веревкой... Хрип, язык наружу вывалился, дерьмо течет... А потом, не мытую месяц и в рубище, где-то на заднем дворе закопали... — По ее лицу промелькнула гримаса нешуточной брезгливости. — Нет уж, предпочитаю что-то более приличествующее моему положению: если уж на эшафот, то с полным соблюдением надлежащего этикета — войска шпалерами, народ в праздничном, корону снимают с головы и уносят на подушке четверо дворян, палач в белом, барабанная дробь, позолоченный топор... Если вздумаете обвинить меня в каком-нибудь страшном заговоре — готова подыграть абсолютно во всем. Лишь бы ц е р е м о н и я была обставлена по-королевски. Одно немаловажное уточнение: не хочу, чтобы припутывали черную магию. Я не слишком дерзка в просьбах?

— А пощады просить вам, конечно, кажется чересчур унижительным? — с интересом спросил Сварог, успевший оценить собеседницу по достоинству: она говорила совершенно серьезно, какие там шуточки...

— Если вы твердо решили со мной разделаться, никакие мольбы не помогут, а прельстить мне вас нечем: кладов не зарывала, серьезных тайн не знаю, а для постели вашей я старовата, конечно, — у вас ведь молоденьких неупроворот, доходили до меня кое-какие сплетни и донесения... Жить, конечно, хочется, — сказала она просто и открыто. — Но к чему унижаться, если это все равно не спасет? Взойдешь на эшафот с достоинством — по крайней мере, память останется, какой-нибудь шелкопер в хроники вставит, распишет со всем восторгом. Меня всегда восхищала историческая фраза короля Хей

перед плахой: повернулся человек к палачу и этак небрежно, через губу, процедил: «Дышите в другую сторону, любезный, от вас луком несет...» Не слышали? А ведь у вас в Глане дело происходило, хоть и давненько...

— Интересно, как бы вы поступили на моем месте? — задумчиво спросил Сварог.

— К чему гадать? Местами нам все равно не поменяться, у каждого свое...

Дверь шумно распахнулась, и в кабинет ворвался князь Гарайла — запыхавшийся, в расстегнутом мундире. Поведя налитыми кровью глазами, он облегченно вздохнул, привалился спиной к косяку, держа руку на эфесе меча, отдышался и с видом кота, словившего, наконец-то, хитрющую мышь, замурлыкал:

*Мамочка моя, мама,
Полно меня стеречь!
Когда девчонка упряма,
Силком ее не убережь...
Зря, что ли, говорится:
«Сладок запретный плод»;
Когда взаперти девица,
Сильнее любовь влечет...*

Не удостоив его и взглядом — лишь слегка повернув голову в сторону генерала, Старая Королева произнесла восхитительно ледяным и равнодушным тоном, заставившим Сварога про себя взвыть от зависти (сам он еще не достиг таких высот в обращении с голосом и интонациями):

— Если уж вы, милейший, взялись цитировать Сарагата, то у него есть не менее впечатляющие строки, гораздо более подходящие к случаю, нежели пошленькие любовные куплеты, набросанные им в ранней юности:

*Где возвышались арки и столпы —
Теперь обломков громоздится гряда...
Плачевный вывод следует отсюда:
Как мы в своей кичливости глуны!
Доверившись несбыточным надеждам,
Я дом в песках выстраиваю зыбких,
Хоть знаю сам: моя затея — бред.
Подобно всем упрямым и невеждам,
Я вижу совершенные ошибки,
Но ошибаюсь вновь — себе во вред...*

Она декламировала легко и свободно, с мимолетной презрительной усмешкой — должно быть, стремилась в случае, если победители все же намерены предать ее лютой смерти, извлечь для себя максимум морального удовлетворения. Сварог испытывал к ней все более крепнувшее уважение: не дама — кремень... Такие и нужны... Вот именно!

Гарайла, фыркнув насколько мог непринужденнее, осведомился:

— Это не про вас ли, дражайшая королева-матушка? В самую точку зашпандорено...

«А ведь он ее на сей раз уел, — подумал Сварог. — При полнейшей своей непривычности к светским словесным поединкам. Неудачные вирши она выбрала, нужно признать. Ну ничего, сейчас я вас буду строить, рядами и колоннами...»

Шагнув вперед, сверля немигающим взглядом князя, он рывкнул пусть и не с королевскими интонациями, но уж, безусловно, со сноровкой бывалого строевика:

— Князь, кто вам позволил врываться в королевский кабинет без доклада? Распустились тут при старом царствовании! Я вас научу сапоги с вечера чистить, а утром надевать на свежую голову!

— Ваше... — неосмотрительно вякнул Гарайла.

— Молчать! — заревел на него Сварог так, что даже Старая Королева изменилась в лице. — Три шага вперед! Кр-ругом! Шагом марш отсюда!

Великое дело — воинская субординация. Человек, отдавший родимой коннице тридцать лет, прошагавший все ступеньки от юного кадета до генерала, как и надлежит, аккуратненько шагая с одной на другую, не спеша и не прыгая, просто обязан впадать в гипнотический транс, когда на него рычит непосредственное начальство... Так произошло и с Гарайлой — он вытянулся изо всех сил (лишь кривые ноги старого кавалериста помешали его фигуре превратиться в идеальный перпендикуляр), четко повернулся через левое плечо, приставив носок, потом дерганным шагом механической игрушки двинулся к выходу. «Сделано дело! — радостно отметил Сварог. — Армия, судари мои, свое всегда возьмет!» И подал новую команду, видя, что генералу осталось до двери не более одного-единственного шага:

— Стоять! Кр-ругом! Ко мне!

Гарайла выполнил и это, звучно пристукнув каблуками, сделав ретиво-зверское лицо, остановился перед Сварогом. Тот, мысленно ухмыляясь, скомандовал:

— Вольно! Хотите что-то мне сказать, генерал?

— Да что там... — проворчал Гарайла. — Порядком наконец-то во дворце повеяло... Только, ваше величество, вы поосторожнее с этой... дамочкой, еще ткнет чем в спину... Не удивлюсь, если у нее в посохе лезвие на пружине...

«Я тоже не удивлюсь», — подумал Сварог. Подойдя вплотную к генералу, похлопал его по плечу, задушевно, проникновенно сказал:

— Полно вам, князь. Нам ли, старым воякам, бояться женщины, даже если у нее лезвие на пружине? Собственно говоря, я и сам хотел вас вызвать. У меня возникла идея касательно некоей армейской реорганизации... У нас есть маршал гвардии, есть просто маршалы, но никто до сих пор не додумался до простого и полезного решения: ввести пост маршала кавалерии. Я решил это упущение исправить. Поздравляю вас с чином маршала кавалерии. У меня нет при себе королевских печатей, они погибли в пожаре, а новые еще не изготовлены... но вы, смею думать, поверите своему королю на слово?

Ответа он не дождался — князь попросту не мог выговорить ни слова от изумления и радости, преданно таращился на Сварога выкаченными глазами, определенно повлажневшими. Отныне Сварог мог быть совершенно уверен: есть здесь один человек, который за него умрет, не раздумывая...

«Буденный ты наш, — растроганно подумал он. — Ишь, и уиси-то, как у Семен Михалыча... А ведь польза от этого несомненная — все знающие люди в один голос твердят, что князь в кавалерийской войне — то же самое, что гроссмейстер в шахматах, сиречь в шакра-чатурандже. А войны нам еще предстоят, чует мое сердце...»

Потом ему в голову пришла шальная мысль: а что, если Гарайла и есть здешний аналог Буденного? Черт его ведает, как обстоит в параллельных мирах с аналогами... Он даже присмотрелся к низенькому широкоплечему крепышу, пытаясь рассмотреть сходство с портретами красного маршала, но решил по размышлении все же воздержаться от скоропалительных выводов.

— Князь, — сказал он мягко. — Надеюсь, в столь знаменательный день вы мне не откажете в маленькой просьбе?

— Все, что угодно! — рявкнул новоиспеченный маршал. — Моя жизнь и кровь...

— Ну что вы, я не требую от вас больших жертв... — вкрадчиво прервал Сварог. — Можете вы помириться с ее величеством?

Гарайла моментально поскуучнел, — но радость была слишком велика и он, подумав, махнул рукой:

— Если уж вы просите, государь... Исключительно ради вас...

— А в чем, собственно, причина? — спросил Сварог с неподдельным любопытством. — Я сразу заметил: судя по обмену взглядами, пылавшими искренней теплотой и дружелюбием, судя по некоторым репликам, по общему настрою, вы с ее величеством давненько друг друга недолюбливаете...

— Причина, государь, проста, — неохотно ответил Гарайла. — В свое время, пятнадцать лет назад, один головотяп был назначен полковником Алых Егерей, хотя у меня были все преимущества старшинства и выслуги. Вот только этот новоявленный полковничек пользовался поддержкой ее величества, в то время она была еще не королевой-матерью, а супругой здравствующего монарха...

— Что ж, м а р ш а л, вы все правильно излагаете... — кивнула королева-мать.

Гарайла, изо всех сил пытаясь придать своему простоватому тону оттенок тонкой иронии, бухнул:

— Злые языки судачили, что преданность его вашему величеству простиралась и от рассвета до заката, и, что характерно, от заката до рассвета...

— И что с того? — бровью не поведя, едва заметно улыбнулась Старая Королева. — Все равно его величество, мой законный супруг, был настолько увлечен волочением за фрейлинами и камеристками, что на такие пустяки, как добродетель его законной половины, не обращал ровным счетом никакого внимания... Помнится, я и вам делала недвусмысленные намеки, но вы оказались столь толстокожим, что даже при том нашем свидании в тисовой аллее битый час толковали о породах лошадей, аллюрах и преимуществе ратагайской сбруи над гиперборейской, пока я не потеряла терпение и не улизнула под благовидным предлогом...

— Симарглов хвост! — озадаченно фыркнул Гарайла. — Так вы, значит, тогда намеки делали?

— Великие небеса! — Старая Королева воздела очи горе. — Иначе зачем бы мне с вами торчать возле Жемчужного грота целый час? Возле грота, в коем как раз и протекала львиная доля супружеских измен и романтических историй?

— Кто же знал... — проворчал Гарайла. — То-то я смотрю, как мимо него ни пойдешь, парочки торчат... — Он задумчиво покрутил головой, несколько ошарашенный новыми знания-

ми об окружающем мире, и решительно вытянулся перед Сварогом: — Разрешите идти, государь? Работы неувпроворот...

— Идите, маршал, — охотно кивнул Сварог.

Гарайла отдал честь, развернулся на месте и быстрыми шагами промаршировал к выходу. Несомненно, разум у него уже кипел от громадья планов, реорганизаций, новшеств и реформ, связанных с новым назначением, — и ничего другого ему от жизни не было нужно, счастливой, умиротворенной душе. Сварог даже позавидовал мимолетно — вот так, походя, экспромтом почти вознес человека к вершине желаний. Нужно будет придумать ему красивый маршалский мундир с вышитыми золотом боевыми скакунами, скрещенными клинками и еще какой-нибудь хренотенью. Горы свернет...

— Неплохо, должна признать, — сказала Старая Королева. — Если бы эта идея пару лет назад пришла в голову м н е...

— Меня бы здесь сейчас не было, — понятливо кивнул Сварог. — Я понимаю. Что делать...

— К чему это умиленное примирение?

— А вы еще не поняли, ваше величество? — усмехнулся Сварог. — Я вовсе не собираюсь вас убивать или сажать в крепость. К чему эти пошлости, когда я задыхаюсь от острейшей кадровой нехватки? Вы умны, энергичны... и, чуует мое сердце, не испытываете особенного почтения перед единственной и неповторимой человеческой жизнью, дающейся один раз...

— Да, это в моем стиле, — спокойно кивнула она. — Рада, что вы это оценили. Я же видела, как вы, разговаривая с маршалом, краем глаза все же следили за моими движениями... И правильно делали, похоже, из вас еще выйдет толк. Между прочим, у меня в посохе и в самом деле есть лезвие с пружиной — совершенно необходимая вещь для бедной старушки в наши беспокойные времена... Не подскажите ли, как намерены меня использовать?

— Охотно, — сказал Сварог. — Я вас направлю в Три Королевства. С самыми широкими полномочиями. А заодно поручу вам Пограничье и Ямурлак — там мои ребята сейчас как раз вылавливают по чашобам уцелевших чудовищ, но, думается, и на ваш век хватит...

— Неужели наместницей?!

— Ну, это будет называться чуточку иначе, — сказал Сварог. — Ваш официальный титул отныне звучит следующим образом: Первый Подмастерье Главного Зодчего Ордена Возрождения Трех Королевств...

— Это еще что такое? — поинтересовалась она с искренним недоумением.

— Вы все скоро узнаете, — заверил Сварог. — Мне отчего-то кажется, что вы быстро освоитесь с этой работой... Ничего особенно уж нового, в принципе...

— А вы не боитесь, что...

— Что вы укрепитесь там и попытаетесь отложиться? — по-нотливо подхватил Сварог. — Нет, не думаю... Три Королевства очень уж долго придется обустривать, чтобы они стали тем местом, где по-настоящему умный человек захочет воцариться. Одним словом, как только у меня будут новые печати, я оформлю бумаги по всем правилам — и вы отбудете к месту службы...

— Интересно, а на какие деньги вы собираетесь обустриваться? Королевство по уши в долгах и займах — как, впрочем, и все остальные ваши владения. Ходят, правда, слухи о несметных богатствах Хелльстада, о сундуках с невиданными самоцветами... но если вы попытаетесь их продавать, лишь обрушите рынок ювелирных изделий — еще до того, как получите мало-мальски значимую прибыль...

— Положительно, я в вас не ошибся, — сказал Сварог. — Вы тонко и моментально подметили слабое место всего проекта... Но могу вас заверить, что я кое-что придумал.

— Что?

— А не расскажете ли, как вам удалось ускользнуть из замка в горах Оттершо? — спросил Сварог. — Обстоятельства были довольно странными... Молчите? Вот видите, у меня тоже есть свои тайны. Я не спрашиваю, согласны ли вы, и так видно. Составьте хотя бы приблизительные списки того, что вам потребуется, и тех, кто сам потребуется. Не думаю, что кто-то рискнет этим землям угрожать, но нужно предусмотреть все: армейские части, полиция, чиновники...

— Вы забыли о шпиках, государь. Впрочем, я и так понимаю, что от них возле меня будет не протолкнуться...

— Что поделать, — сказал Сварог с обаятельной улыбкой. — Вы же умная женщина, ваше величество, сами все понимаете. Я в меру добрый, но не благодущный. Успел уже понять, что лучший друг короля — это тайная полиция, разумеется, при условии, что есть кому за ней следить... Итак, армия, полиция...

— И несколько кораблей, — перебила она. — Военных, я имею в виду.

— Вы что, намерены устраивать морские сражения? — поднял бровь Сварог. — Пока вроде бы не с кем...

— Ваше величество, — ответила она без тени улыбки. — Вы что-нибудь слышали о Великом Кракене?

— Разумеется, — сказал Сварог. — От монахов. Великий Кракен — одно из земных воплощений Князя Тьмы, так называемое Воплощение Воды. Правда, иные ученые мне говорили, что Великий Кракен — не более чем предание...

— Это предание п р о с ы п а е т с я, — сказала Старая Королева, глядя ему в глаза так, что Сварогу моментально стало неуютно. — Какую бы окоlesiцу ни несли ваши ученые. И когда он начнет всплывать на поверхность, на землю обрушатся неслыханные беды. Вы можете мне не верить...

— Знаете, — серьезно сказал Сварог, — бывают моменты, когда я готов верить всему... еще и оттого, что считаю тех, кто мне рассказал о Великом Кракене, крайне серьезными людьми. Может быть, вы, в таком случае, знаете даже, где хранится легендарное Копье Морских Королей? Которым только и можно его убить?

— Увы, нет. Мне только известны кое-какие приметы, непровержимо свидетельствующие, что Великий Кракен ожил. В первую очередь начнет всплывать рыба. И морские птицы будут покидать море.

— Ага, — сказал Сварог. — Вот оно в чем дело... Хорошо, корабли у вас будут. Надеюсь, вы верите, что я искренне намерен...

— Я з н а ю, что вы не врете, — сказала Старая Королева, вновь став похожей на строгую учительницу.

Дверь приотворилась. В щель с надлежащим почтением просунулся драгун, большей своей частью оставаясь в коридоре, откашлявшись, доложил:

— Ваше величество, его светлость просят вас пожаловать... Там какие-то срочные дела...

— Сейчас иду, — сказал Сварог. — Извините, ваше величество...

«Как прикажете понимать это „Я знаю“? — подумал он, повернувшись к двери. — Как будто она... Но ведь з д е с ь, на земле, только я один такое умею: безошибочно определять, врет человек или говорит правду. На земле это умение забыто напрочь, по самым достоверным сведениям...»

Уже взявшись за ручку, он обернулся и п о с л а л нечто — немудреный, короткий магический сигнал, позволивший бы ему понять, с ч е м он, собственно, имеет дело. Словно негромко свистнул — ничего особенно сложного, если тебя этому научат на небесах...

И растерянно замер. Если перевести то, что произошло с его сигналом, на обычные человеческие слова, то выглядело это так: словно бы человек небрежно взмахнул мечом, рассчитывая ткнуть незащищенного противника, но неспешно опускавший-ся клинок вдруг с лязгом и звоном наткнулся на некий невидимый щит, отразивший ленивый взмах так, что меч едва не вывернулся из пальцев...

Все это произошло в совершеннейшей тишине. Сварог ошарашенно смотрел на Старую Королеву, а она недоуменно подняла бровь с таким видом, словно ничего и не случилось, и ей странны его нелепая поза, застывший взгляд...

Он вовремя опомнился. Во-первых, никакого присутствия черной магии — а это уже кое-что. Во-вторых, так просто эту дамочку не расколешь и не разговоришь. В-третьих — какие-то срочные дела. Ничего, это не самая сложная загадка, может и подождать. Никуда не денется, в эти смутные времена Сварог для нее — единственная защита...

И он, вежливо раскланявшись, захлопнул за собой дверь.

КУПЕЦ СЧИТАТЬ УМЕЕТ

— Как вам удалось так быстро все наладить? — спросил Сварог с любопытством, глядя на ливрейных лакеев, раззолоченными куклами торчавших во множестве в коридорах и на лестничных маршах и выглядевших вполне уверенно, ничуть не похожих на пентюхов от сохи или верстака. — По-моему, они смотрятся вполне презентабельно. Где вы их взяли столько? Вы говорили, замените всю дворцовую прислугу...

— Боюсь, государь, в суматохе и спешке я неточно выразился и не сумел дать всеобъемлющие пояснения, — сказал Раган с непринужденностью опытного царедворца, не смеющего прямо сказать монарху, что тот чего-то второпях не понял. — Заменить всех — предприятие, пожалуй что, нерепальное. Полный штат дворцовой обслуги — более двух тысяч человек. Но всех менять нет нужды. Я лишь убрал тех, кто непосредственно и регулярно общался с королевской фамилией. А таких набралось сотни полторы, не более. И убрать их было необходимо. Человеческое мышление — штука прихотливая... Для большинства особо приближенных холоуев король и его родные — милейшие люди, благодетели. На праздники и просто в хорошем расположении духа бросали золотые, а то и кошельки. Выполняли мелкие просьбы — тетушку пристроить на поварню, дядю взять в привратники, беспутного племянника из полицейских неприятностей вытащить, судейскую тяжбу в свою пользу обернуть... Ну, а если уж на смазливую дочку или супругу падет благосклонный взор короля или его братьев

— и вовсе прекрасно, безбедная старость обеспечена... Они любили покойных самозабвенной холуйской любовью. И кто-то из них вполне способен был сунуть вам в спину нож — известные прецеденты... Я их не просто убрал — на их места п р о д в и н у л других — младших помощников, третьих ассистентов, подменных и запасных... Эти в лепешку расшибутся, для них уже вы — с в е т о ч... Ну, а подавляющее большинство прислуги старого короля в жизни не видело и вас вряд ли увидит — если только несказанно повезет... Вот, посмотрите на этого, мы сейчас мимо него пройдем... Он на вершине желаний: из младшего омахивателя пыли с фарфора, обязанного не попадаться на глаза никому из господ, — в открыватели парадной двери на королевском этаже. Нам с вами и не понять, как он счастлив...

— Действительно, — согласился Сварог, когда они миновали дверь, — распахивая ее, лакей всю душу вложил в это нехитрое действо. — Граф, давно хотел вас спросить... Что вы думаете о Великом Кракене?

— Ничего, — не раздумывая, ответил Раган. — Мне просто некогда интересоваться морскими байками. Когда у вас будет время на развлечения и отдых, поговорите с людьми из Морского Бюро. Вот т а м, в морской разведке, есть специфический народец — уморительное сочетание толкового разведчика и прилежного коллекционера старинных баек. Вроде адмирала Браса — во всех прочих отношениях образца трезвомыслия и деловой хватки... И агентура у них соответствующая, взять хотя бы вашего доброго знакомого капитана Зо... Я, простите за каламбур, обеими ногами стою на земле, моя специальность — разведка на континенте. А моряки — забавный народец, они ухитряются быть одновременно и прагматиками, и мистиками, и романтиками... Хотя и Гарайла у нас из той же породы. Свято верит любым байкам, кои касаются лошадей. Мне достоверно известно, что он организовал целую экспедицию на поиски Темного Коня — безрезультатную, конечно... Кстати, если вы намерены его использовать по прямому назначению, лучше вызовите немедленно, пока он не начал с присущим ему размахом праздновать новое назначение...

— Мысли читаете? — усмехнулся Сварог.

— Вычисляю и комбинирую, ваше величество. Коли уж Хартог к нам прискакал из Харлана лишь с двумя солдатами, тайно, переодетым, это может означать только одно... Я давно уже слежу за тамошними событиями. Как выразился бы Гарайла в своей весьма специфической образной системе, великий герцог упустил поводья, и кони понесли. Спесивые бароны, вдоба-

вок лоранские деньги, вдобавок «Черная радуга», затаившаяся со смертью Мораг, а потом осмелевшая...

— Ну, попытаемся что-нибудь сделать, — жестко, одним ртом усмехнулся Сварог. — Вы правы, так ведут себя лишь люди, ищущие немедленной помощи... Пошлите кого-нибудь отыскать Гарайлу. И нужно подготовить эскадру, мы должны блокировать Харлан с моря, чтобы никто не сбежал в Лоран... Нужно еще привлечь людей из ронерской... из м о е й Багряной Палаты, у них есть полезный опыт. Но прежде поговорим с ганзейцами. Вряд ли они просили о тайной аудиенции, чтобы просто поболтать или заключить какие-то мелкие торговые соглашения... Мне везет, а?

— Я бы это назвал по-другому, государь. В вас видят достаточно привлекательную и сильную фигуру...

— Я понимаю, — сказал Сварог. — Да, касаясь Старой Королевы... Надеюсь, вы уже поняли — ни один волос с ее головы...

— Я понял, государь. Вот, кстати... Мне было не до мелочей прежде... На ронерской границе задержали какого-то странного типа, именующего себя художником. По тамошним полицейским бумагам он проходил в списках «баниции с веревкой», а теперь, поскольку ваши владения распространились и на Снольдер, он естественным образом перешел по наследству к нашей полиции...

— Бог ты мой! — тяжело вздохнул Сварог. — Как же он мне осточертел! Путается под ногами, как... — Не найдя подходящего сравнения, он досадливо махнул рукой. — Ладно... Как-то незаметно складывается устоявшаяся традиция... Пусть отвезут на харланскую границу и гонят в три шеи на ту сторону... Куда нам?

— Направо, государь. Я приказал отвести их в канцелярию — там вас еще никто не знает в лицо, да и я не примелькался...

Действительно, они прошли через длинную анфиладу высоких залов, битком набитых чернильными душами, и никто не обратил на них внимания. Сообразили, конечно, что гости, судя по одежде и уверенной походке, — не из простых, и оттого на всякий случай ретиво схватились за перья с таким видом, словно именно от них зависели судьбы державы. Но ни на одном лице не мелькнуло и тени узнавания. Пахло чернилами, лежалой бумагой, горячим сургучом, взятками и приписками.

Раган уверенно свернул на узкую лестницу, ведущую под крышу. У закрытой двери бдил угрюмый малый, одетый под

канцеляриста, но явно привыкший работать на свежем воздухе с чем-то поострее перьев, судя по здоровому румянцу и оттопыренной поле вицмундира, а также полному отсутствию чернильных пятен на руках.

Он вежливо посторонился, глядя сквозь Сварога отработанным ускользящим взглядом. Раган распахнул дверь. Небольшая комната со скошенным потолком и двумя окнами, полки ломятся от бумаг, но лежат они открыто, слой пыли вырос толщиной с палец, и чернильницы на трех столах сухи.

Трое мужчин в простой добротной одежде незнатных путешественников поднялись им навстречу — неспешно, с достоинством людей, знающих себе цену и чуждых лакейства. Ласково-пронзительные взгляды опытных купцов, один уже в пожилых годах, седой, двое других помоложе. Рядом, на пустом стуле, лежат кожаная труба для бумаг и кожаный мешок, с каким ходят высокопоставленные чиновники (портфели были здесь пока что неизвестны, и Сварог всерьез подумывал, что следует их заново «изобрести»).

— Прошу садиться, господа, — сказал Сварог и, подавая пример, первым опустился на шаткий и скрипучий казенный стул с огромной жестяной биркой на спинке. — С кем вы, гости, торг ведете и куда теперь плывете? — спросил он весело.

Седой посмотрел вопросительно.

— Это стихотворение, — сказал Сварог.

— Простите, ваше величество, — сказал седой серьезно. — Я всегда был далек от поэзии и потому не смог оценить в должной степени смысл ваших слов... Простите великодушно мое невежество...

— Ну что вы, — сказал Сварог великодушно. Не стоило упрекать гостя за незнание стихов, которых в этом мире не существовало вовсе. — Не соблаговолите ли изложить дело, которое вас ко мне привело?

— Позвольте без околичностей и дипломатических поклонов, ваше величество, — сказал седой. — Перед вами — делегаты, избранные Ганзейской Палатой специально для этой поездки и облеченные всеми полномочиями как для переговоров, так и для подписания документов, в случае, если таковое состоится... Прошу.

Он ловко достал из кожаной трубы для бумаг толстый свиток, развернул его с хрустом, подал Сварогу. Сами письменные полномочия занимали всего-то дюжину строчек — а пониже чуть ли не уард новехонького пергамента занимали подписи и печати, на первый взгляд казавшиеся совершенно

одинаковыми оттого, что все, чуть ли не сто, были круглыми, но потом Сварог, взглядевшись, стал различать многочисленные гербы.

— Все в порядке, ваше величество, — прошептал на ухо Раган, деликатно заглядывавший через плечо. — Должные формальности соблюдены...

— Слушаю вас, господа, — сказал Сварог спокойно.

— Ваше величество. Ганзейская Палата, высший орган управления и высшая инстанция Ганзейского Союза Вольных Мореплавателей, всесторонне обсудив ситуацию, обращается к вам с просьбой взять означенный Союз под свою высокую руку — со всеми правами и обязанностями, отсюда проистекающими, — выговорил седой на одном дыхании и низко, торжественно поклонился.

Сидевший слева от него, судя по обветренному лицу, несомненный моряк, добавил:

— До сих пор не существовало титула главы всей Палаты, но таковая после долгого обсуждения пришла к выводу, что отныне целесообразно будет учредить пост Генерала-Старшины Ганзейской Палаты — по образцу генерал-капитанов городов — и просить ваше величество его на себя возложить...

Он замолчал и с видимым облегчением утер платком вспотевший лоб — если седой явно был не новичок в дипломатических беседах, и длинные обороты слетали у него с языка самым привычным образом, то моряк, сразу видно, заучивал эту тираду долгонько...

— Мы надеемся, что такое решение послужит к взаимовыгодной пользе, — добавил третий.

— Ну что же, господа, — сказал Сварог по-прежнему спокойно. — Пожалуй, взаимная выгода и в самом деле присутствует... Вы — отличные моряки, опытные купцы, у вас серьезный военный флот и серьезная армия... В моих делах это будет очень кстати. Что до вас... Как вам пришла в голову эта идея? Давайте поговорим откровенно и обстоятельно...

— Как легко догадаться, мы с определенного времени наблюдаем за деятельностью вашего величества со всем вниманием, — сказал седой (судя по документам, носивший титул Легата и имя Токпарс). — Когда до нас дошли кое-какие сведения о предприятии, задуманном господином графом, — поклон в сторону Рагана, — над будущим пришлось задуматься со всей серьезностью, ибо к тому же нам стало известно о той деятельности, которую люди вашего почтенного министра Интагара ведут в Балонге...

Он замолчал, глядя на Сварога наивнейшими глазами седого ребенка. Оценив по достоинству этот взгляд и чуть заметную улыбку, Сварог сказал без малейшего стеснения:

— Да, что-то там в Балонге назревает, такое впечатление... Вам это не нравится?

— О, что вы, наоборот! — воскликнул седой. — Учитывая наши с Балонгом трения и многовековое соперничество, не буду лгать, что мы удручены вашими... приготовлениями. Наоборот. Эти кровососы, не умеющие ни торговать толком, ни грамотно заниматься морскими перевозками, набивающие сундуки благодаря одному только пошлому ростовщичеству... Простите, ваше величество. Увлёкся. Вражда и в самом деле чересчур давняя... Так вот, Палата уже не сомневалась, что в самом скором времени интересы вашего величества, вашего растущего государства и Ганзы неминуемо придут в соприкосновение. Мы слишком долго существуем в нынешнем своем виде и научились планировать далеко вперед... Зная решительный характер вашего величества, нельзя исключать, что соприкосновение это примет... энергичный оборот. Могу вас заверить, мы не боимся войн и умеем отстаивать свои вольности и свое добро. Однако личность вашего величества и обстоятельства, при коих ваша держава расширяется с небывалой быстротой... Словом, мы пришли к выводу, что любая война превратится в чересчур затянутое и бесперспективное предприятие, от которого не будет пользы ни Ганзе, ни, простите за откровенность, вашему величеству. После четырехдневного обсуждения было решено поступить именно таким образом, о котором мы уже имели честь довести до вашего сведения... Вы сами желали предельной откровенности, ваше величество... Мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось мнение, будто мы капитулировали. Право же, все обстоит совершенно иначе. Мы привезли вашему величеству договор, смею думать, в полной мере учитывающий интересы обеих сторон. Учитывая особые обстоятельства, гарантом договора мы желали бы видеть императрицу... Не угодно ли ознакомиться?

По его знаку моряк извлек из объемистого мешка целую кипу листов, исписанных аккуратнейшим писарским почерком.

— Ого! — сказал Сварог. — Страниц сто, а?

— Всего сорок две, ваше величество. Здесь три экземпляра — для вас, для нас и для Канцелярии земных дел.

«Что же, господа купцы, в деловой хватке вам не откажешь», — подумал Сварог, укладывая себе на колени все сорок два листа.

Он читал внимательно, стараясь не пропустить юридических крючков и подводных камней, буде таковые отыщутся. Но после вдумчивого изучения не нашел ловушек и мин. Детальнейше проработанные условия, чем-то во многом напоминающие договоры о вассальной присяге или соглашения королей с «гербовыми» городами. Новоявленный Генерал-Старшина вправе требовать верной службы и повиновения, но иные хитроумные статьи не позволяют ему превратиться в сатрапа и беззастенчивого рабителя...

— Думаю, у вас нет возражений, граф? — спросил Сварог.

Раган, изучавший второй экземпляр, мотнул головой.

— И это все мотивы, которыми вы руководствовались? — небрежно спросил Сварог. — Те, что вы перечислили?

— Да, ваше величество...

— Простите, любезный Легат, но вы мне сейчас врете, — сказал Сварог без всякого возмущения — торг есть торг...

Седовласый Легат на миг опустил глаза:

— Я слышал краем уха об этом вашем умении, но не верил до конца. Поделом... Есть еще одно обстоятельство, ваше величество, последнее, а быть может, и решающее. Боюсь, что Великий Кракен просыпается. Старые моряки говорят об этом все настойчивее. (Сварог видел краем глаза, что Раган недовольно поджал губы, но оставил этот демарш без внимания.) Разумеется, многие н а с у щ е этому не верят, считая все страшными сказками, но наша жизнь большей частью связана как раз с морем, и мы вынуждены серьезно относиться к старинным приметам... Уже не менее чем в семи местах выловили мертвых глубоководных рыб — той самой породы, что как раз и должна первой бежать от проснувшегося в глубинах ужаса. Бежать на поверхность, навстречу гибели. Есть и другие признаки...

— Не нужно, — хмуро сказал Сварог. — Мы поговорим об этом как-нибудь потом. Я, могу вас заверить, тоже отношусь к этой твари из бездны достаточно серьезно... Найдите мне перо и чернила, граф. У меня нет снольдерских королевских печатей... вас устроит хелльстадская?

— Вполне, ваша милость Генерал-Старшина...

...Сопоставив донесения разведки с тем, что он сейчас увидел, Сварог уже не сомневался, что великий герцог Харланский уже и сам понимает: герцогство его, образно выражаясь, уместилось на подошвах пыльных кавалерийских ботфортов...

Длинные седые волосы поседеть далее просто физически не могли — но повисли спутанными колтунами, лицо осунулось так, что жуткий ветвистый шрам на щеке представлял собою вовсе уж неприглядное зрелище. Сварог помнил крепкого пятидесятилетнего мужика, по-солдатски прямого, с развернутыми плечами, а сейчас перед ним стоял осунувшийся старик с тусклыми глазами.

— Здравствуйте, герцог, — сказал он, садясь. — Судя по поспешности и откровенной неофициальности вашего визита, дела обстоят не самым лучшим образом...

— Вы еще мягко сказали, — бесцветным голосом ответил Хартог, тяжело опускаясь на стул. — Меня обложили, как лиса в норе, я и не предполагал...

Он сидел ссутулившись, опустив руки меж колен. Граф Раган с непроницаемым лицом стоял у входа, всем своим видом показывая, что решений он не принимает, королю ничего не смеет советовать, и вообще он здесь — так, для мебели...

Сварог не чувствовал к этому сломленному старику ни расположения, ни неприязни. Слишком малозначительной с его дел и намерений была эта сторбленная фигура. Старый вояка однажды рискнул блефовать по высшей ставке, он добился тогда своего, пришел к тому, что считал вершиной мечтаний, но кусок оказался не по зубам, не зря же говорят, что желаний своих надо бояться, ибо они сбываются...

— У меня мало времени, — сказал Сварог решительно. — Позвольте, я расскажу все за вас, Хартог. В деталях я не силен, но вряд ли они сейчас имеют значение... Однажды вы, воспользовавшись тем, что я плохо разбирался в неких тайных делах, заполучили с моей помощью трон великих герцогов. Я не в претензии, отнюдь, вовсе не собираюсь вас упрекать за то, что вы меня тогда легонько обжулили... Наоборот, вы мне изрядно помогли, вы и ваши люди... Но времена меняются, знаете ли... Впрочем, я отвлекся. Давайте о вас. Вам казалось сначала, что беспокоиться не о чем. Но ваши подданные, цинично выражаясь, плевать хотели на то, что вас возвела в великие герцоги сама императрица. Родовитые бароны не питали особого расположения к бывшему капитану дружины одного из них. Вы хорошо воевали, но дипломатом, интриганом, правителем, судя по финалу, оказались никудышным. Да вдобавок невыполотая «Черная радуга» всерьез собралась мстить за покойную герцогиню...

— Вы и не представляете, до какой наглости они дошли, — убито поведал Хартог. — Среди бела дня на площади перед замком...

— Я же сказал — эти детали нам вряд ли сейчас полезны, — безжалостно оборвал Сварог — вполне вежливым тоном, правда. — Чего же вы от меня ждете?

Хартог вскинул на него потухшие глаза:

— Я думал, удастся как-то договориться насчет помощи...

— Мой дорогой герцог, — мягко сказал Сварог. — С тех пор, как мы виделись в последний раз, очень многое изменилось. Я уже не странствующий романтик, а правящий король, причем нескольких держав. И в этом качестве, уж не посетуйте, должен руководствоваться в первую очередь самым оголтелым прагматизмом... Хорошо, предположим, я введу войска, кого-то там перережут, кого-то сошлют и посадят, с кем-то поступят так, как и положено поступать с черными магами... Но потом-то мы уйдем — а вы останетесь. Где гарантии, что не придется начинать все сначала? К тому же... Вы ведь так и не женились, насколько мне известно? Законного наследника нет. И при... трагическом развитии событий, назовем это так, мне уже придется иметь дело неизвестно с кем... Стоит ли огород городить?

В дверь бесшумно проскользнул неприметный лакей — по крайней мере, ливрея на нем была лакейская, со знаками министерства двора. Он принялся шептать что-то на ухо Рагану, и тот, чуть-чуть послушав, кивком показал на Сварога:

— Сами доложите все королю.

— Ну вот, Хартог... — пожал плечами Сварог, когда доклад был закончен и неприметный улетучился, как дух. — События пошли даже быстрее, чем мы с вами тут рассчитывали. В Аране мятеж, бароны ищут вас, армия расколота... как ни удивительно, некоторые полки все же выступают на вашей стороне, они стягиваются под столицей, смута разворачивается всерьез... Какая тут может быть помощь, Хартог, смешно... Приносите вассальную присягу по всем правилам. А впрочем... Нет у меня времени на благотворительность. Вы сейчас напишете отречение в мою пользу, а я честно обеспечу вам спокойную старость в достатке и полной безопасности. Подыщу какой-нибудь пост, более подходящий для ваших способностей. Но в Харлан вам, ничего не поделаешь, придется поехать — чтобы те, кто еще на вашей стороне, не вздумали дергаться... Найдите чернила и бумагу, граф.

...Прежде у Гарайлы своих покоев во дворце, естественно, не было, а потому он обосновался в одном из охотничьих павильонов в глубине парка. До настоящего разгула было еще далеко — все приглашенные попросту не успели собраться. Только пятеро служак в кавалерийских мундирах разных полков, чином от генерала до лейтенанта, обступили низенький столик с пузатым бочонком, из которого Гарайла черпал серебряным ковшиком, разливая в протянутые чарки. В распахнутую дверь видно было, что в зале лакеи накрывают длинный стол, с каменными лицами выкладывая на золотые блюда самую простую снедь в виде колбас, окороков и копченой рыбы.

Взяв новоявленного маршала за локоть, Сварог увел его в зал. Пятеро кавалеристов, определенно не знавшие его в лицо, и внимания не обратили, как и лакеи, впрочем.

— Не подумайте, ваше величество, — заторопился Гарайла. — Я на дворцовую поварню не посягал. Дал вестовым денег, сколько было в карманах, они поскакали в ближайшую лавку, навалили в мешок чего подешевле и побольше, пару бочоночков навьючили...

Сварог присмотрелся к нему — маршал был почти что трезв. Он забрал у Гарайлы полный ковшик, осушил до дна, облегченно вздохнул, мотнул головой, на несколько минут прогоняя дела и заботы. Подумав, предложил:

— Маршал, спойте что-нибудь лирическое...

Гарайла с превеликим удовольствием затянул, не мешкая:

*Уже молчит в полях война
Который год.
И все же ждет его она,
И все же ждет.
Бог знает, кто ему она,
Наверное, жена...
Ах, сколько там дорог-путьей,
В чужой стране!
Ах, сколько было злых людей
На той войне!
А в это время ждут вестей,
Наверное, вдвойне...*

Он выводил куплеты самозабвенно и невероятно фальшиво, даже привыкшие к любым чудачествам господ вышколенные

лакеи морщились украдкой, когда им казалось, что никто на них сейчас не смотрит. Однако Сварог, на пару минут отмякнув душой, с блаженным выражением лица слушал тот стон, что у Гарайлы звался песней.

*Она рукой слезу утрет,
Она права.
Бранить за поздний твой приход —
Ее права.
...Но наверху над ним растет
Наверное, трава...*

Черный Князь замолчал, от избытка чувств смахнув со щеки несуществующую слезу. Растроганно морщась, поведал:

— Вы бы слышали, ваше величество, как я пою «Последнего знаменосца»... Все говорят, эта баллада мне особенно удается... Прикажете исполнить?

— Увы, маршал, некогда, — сказал Сварог, решив, что отведенное для отдыха и потехи время миновало. — Нас с вами зовут неотложные государственные дела. Только что великий герцог Харланский с соблюдением всех формальностей передал свое государство под мою твердую руку... У нас есть на харланской границе кавалерийские полки?

— До черта, ваше величество! — не задумываясь, ответил Гарайла. — Два гвардейских и три конных легиона, а еще можно в три дня подтянуть конных егерей... И какая-то пехота под ногами как всегда путается, куда ж без нее...

— Мне говорили, что у вас есть планы войны с любой таларской державой...

— Не без этого, — гордо заверил Гарайла. — Я в свое время и для Сильваны чертил кое-какие карты... Тамошние Великие Степи идеально приспособлены для действий конницы. Вот только попасть туда весьма затруднительно...

— Ну, в настоящий момент не будем уноситься мыслями в недосыгаемые дали, — сказал Сварог. — Я вам поручаю занять Харлан и привести его к покорности. Будет, конечно, участвовать и военный флот... но вам придется выполнять самую срочную и важную задачу. Пустите конницу вдоль побережья, чтобы захлопнуть мышеловку с моря. За ямурлакскую границу не беспокойтесь, ее закроют ронерские полки, а ваша цель — побережье. Там, в Харлане, есть кое-какой народец, который ни за что не должен сбежать. Понятно?

— Разрешите выполнять? — спросил Гарайла браво и, дождавшись кивка Сварога, кинулся в прихожую, что было мочи заорал стоявшим вокруг столика сбочонком: — Ну-ка, живо, выпили, что держим, — и на коней, господа мои, на коней! Его величество зовет нас в бой, а потому — шевелись, копытники, шевелись!

Пять чарок одновременно взлетели доньшками к потолку — и Сварог уже не сомневался, что кавалерия державы в его руках, а это кое-что да значило...

Глава 24

САМАЯ КОРОТКАЯ, НО ОТНЮДЬ НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

На втором этаже королевского дворца, в кабинете, наконец-то принявшем вид средоточия серьезных дел и важных бумаг, сидел его величество король. По имени, естественно, Сварог, согласно порядковому номеру — Первый. Чем черт не шутит, когда-нибудь мог появиться и Второй...

Бывают все-таки в жизни светлые моменты. События последней недели пока что не давали поводов для огорчений, а вот успехов случилось предостаточно.

Никакого такого независимого и самобытного Великого герцогства Харланского на политической карте континента более не имелось. Кентавр Кривоногий вломился туда, как кабан в камыши, двумя потоками конницы — один хлынул вдоль побережья, флажковой азбукой и фонарями переговариваясь с идущими в том же направлении эскадрами, второй, то рассыпаясь растопыренными пальцами, то вновь собираясь ударными клиньями, пошел на столицу, попутно выясняя политическое лицо и лояльность местных баронов и в случае необходимости меняя первое самыми радикальными средствами, а вторую усиливая теми же методами. Два полка гвардейской конницы, замешанные в заговоре и сдуру выступившие наперерез, Гарайла остановил на левом берегу Аки, опрокинул, загнал в пойму и разбил вдребезги в жестокой двухчасовой рубке. После чего армия под ногами Черного Князя уже не путалась, благоразумно сложив оружие. Столицу заняла ронерская морская пехота, после чего открытое сопротивление как-то само по себе

прекратилось. Ну, а вслед за лихой кавалерией степенно и неторопливо вошла пехота — в сопровождении изрядного числа полицейских агентов и людей из Багряной Палаты.

Практически одновременно, вот совпадение, вот сюрприз, в столице Балонга Магере произошли прискорбные беспорядки. Часть тамошних титулованных обывателей (в том числе два Патриция Круглой Башни), возмущившись против прежнего руководства, объявила о его низложении ввиду неумелого ведения дел, финансовых злоупотреблений и политических промахов, способных опять-таки привести к громадным убыткам. Немногочисленная армия, никогда не воевавшая с внешним супостатом и служившая лишь для поддержания внутреннего порядка, также оказалась расколотой, и на улицах столицы закипели схватки.

Началось все это ранним утром, а к полудню в события решительно вмешались войска, принадлежавшие к нескольким государствам, но выступавшие под знаменем хельстадского короля. Чтобы восстановить порядок и пресечь ненужное кровопролитие, они высадились с военных кораблей, которых почему-то оказалось очень уж много в гавани. На рейде палили холостыми зарядами фрегаты и корветы, в заливе Даглати и по берегам всех четырех рукавов Итела высаживалась морская пехота, повсюду распространяли отпечатанный огромным тиражом манифест, сочиненный герцогом Лемаром, но подписанный, понятное дело, Сварогом. Как всегда в таких случаях бывает, вынужденный наводить порядок король скорбел о напрасных жертвах и обещал нешуточное процветание вкупе с защитой старинных вольностей. Вышедшие из подполья агенты Интагара и графа Рагана дирижировали этой умело налаженной суматохой.

К вечеру столица была в руках Сварога. Его генералы не могли, конечно, с ходу разобраться в секретах набитой золотом Круглой Башни и не менее интересного здания, пятиэтажного Дворца Золотых Пчел, где в сотнях железных ящиков хранились заемные письма и ссудные договоры — кладезь информации, позволявшей очень многих крепенько взять за глотку как в подвластных Сварогу державах, так и в тех, что были этого счастья пока что лишены. Однако в руки господ из тайной полиции попало достаточно народа, посвященного во все тайны обоих хранилищ, а уж разговорить их — вопрос исключительно времени и опыта...

Патрициев Балонга подвели как раз тысячаletние традиции и надолго затянувшееся безопасное житье. Их попросту

никогда никто не завоевывал. И когда это наконец произошло, сопротивляться по-настоящему не сумели, не знали толком, как это делается. Сварог чересчур уж быстро ворвался в игру, его не успели изучить и привыкнуть к новомодным методам...

Примерно так же обстояли дела с Вольными Манорами, привыкшими за долгие столетия, что завоевывать их так же неприлично, как дворянину выйти на люди без шляпы. А посему Свароговы войска прошли по карликовым государствам, нигде не встретив серьезного сопротивления. По большей части дело ограничивалось тем, что передовые конные отряды влетали в ту или иную столицу, объявляли, от чьего имени они действуют, разбрасывали сработанные тем же Лемаром манифесты, поражавшие красотой слога и убедительностью, и с ходу подсовывали ошарашенному властелину договор о вассальной присяге. Случались и стычки, кое-где перераставшие в настоящие бои, но исход везде был одинаков.

Немного увлекшись, господин маршал гвардии перешел границу Святой Земли (где из-за слабости Вольных Маноров никогда не держали большого войска наследники отца Патарана) и, не объявляя официально войны, в трех местах вышел к Лаварону. Сварог отправил ему на самолете гонца с устным приказом не зарываться, но и не отступать до особого распоряжения.

Дипломатических нот пока что не последовало — из-за того, что все разворачивалось слишком быстро, и привыкшие рассуждать по старинке господа дипломаты не успевали за молниеносными переменами. Налаженная за тысячелетия система военно-дипломатических противовесов, традиций и установлений рухнула в одночасье — что Сварога не особенно и беспокоило. Вдумчиво проконсультировавшись со знающими людьми, он ухитрился не нарушить ни одного писаного закона империи, а в Виглафском Ковенанте (создать который рано или поздно придется) у него было отныне пять голосов против трех, что превращало означенный Ковенант в сущую комедию...

И сейчас он, не отвлекаясь на пустяки вроде неизбежных трений с соседями и предстоящих жарких диспутов в Канцелярии земных дел, где его небесные недоброжелатели обязательно будут интриговать и скулить, занимался гораздо более важным делом — внимательно изучал составленный лейб-писарями указ о переносе столицы в Латерану.

Собственно говоря, он не придумал ничего нового — в земной истории такое не единожды случалось. Переноса столи-

цу на новое место, одним махом избавляешься от множества проблем, отягощающих жизнь каждого короля. В Латерану можно будет взять только тех, кому доверяешь, тех, без кого не обойтись. Будет меньше назойливых царедворцев, чиновного племени — и уж почти не будет тех, кто знает и помнит, кому король Сварог обязан иными тронами... Многое можно начать с чистого листа. Ну и, наконец, очень уж ему нравилась Латерана... Прекрасный город, судя по альбомам Анраха, описаниям путешественников и просмотренным видовым фильмам.

Держа на весу хрусткий пергаментный лист, он медленно прочел про себя полный список своих нынешних титулов. Неплохо для затурканного майора ВДВ, надо сказать...

Сварог Первый Барг, король королев, король Хелльстада и Хорена, Демура и Коора, Глана и Ронеро, Снольдера и Улада, Великий герцог Харланский, герцог Ямурлакский, барон Готар, князь Рут, князь Чедир, князь Инес, ярл Стенима и Галевина, Баррадина и Канира, Генерал-Старшина Ганзейской Палаты, Первый Патриций Балонга, Высокий Покровитель Вольных Маноров. И это все о нем, господа мои, и это все о нем...

Он до сих пор еще не привык к мысли, что большая часть изображенного на огромной карте в три краски континента находится под его властью. Но к таким вещам люди привыкают быстрее, чем кажется...

Прижав к пропитанной синей краской подушечке Большую королевскую печать, Сварог уже довольно сноровисто прижал ее к историческому документу. Оттиск получился четкий, без малейшего изъяна.

За окном смеркалось, солнце уже село, и темные лагаварские ели в парке казались черной стеной. Распахнув высокую, сплошь застекленную дверь, Сварог вышел на мраморный балкон, в вечернюю ясную прохладу. Поднял голову, не в силах избавиться от противного ощущения: казалось, где-то внутри холодит странная заноза, и непонятно даже, где. Но ощущение не из приятных.

Высоко над острыми верхушками елей светилась тусклым алым пятном заметно увеличившаяся в размерах Багряная Звезда, которую, кроме него, мало кто был способен увидеть.

Она приближалась к Талару все это время в полном соответствии с законами небесной механики.

Она приближалась.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Тайны, тайны и еще раз тайны.....	5
Глава 2. Бюрократия как точная наука	29
Глава 3. Кто кричит в ночи	51
Глава 4. Гости в доме	73
Глава 5. Деревня с достопримечательностями	104
Глава 6. Кадры решают всё	136
Глава 7. Люди в юбках, но не женщины	161
Глава 8. Холмы под небом.....	168
Глава 9. Король, ценитель искусств	179
Глава 10. Девушка из замка Барраль	191
Глава 11. Отражение золота	210
Глава 12. Между нами, королями	228
Глава 13. Сын ужасного короля	246
Глава 14. Братец и сестричка	256
Глава 15. Государь в трудах, аки пчелка	264
Глава 16. Государь по-прежнему в трудах	276
Глава 17. Не только шпаги	292
Глава 18. Ценное приобретение	303
Глава 19. Еще один старый знакомый.....	317
Глава 20. Интеллигенция живет весело	330
Глава 21. Высокое пламя в ночи.....	338
Глава 22. Коса и камень	352
Глава 23. Купец считать умеет	367
Глава 24. Самая короткая, но отнюдь не последняя.....	379

Бушков Александр Александрович

НЕЧАЯННЫЙ КОРОЛЬ

Роман

Ведущий редактор В. В. Кузьмин

Оформление обложки Ю. А. Меньшиковой

Компьютерная верстка А. В. Майорова

Корректор Л. А. Пруткова

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93-953000.

Подписано в печать 01.06.2017.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура Palatino Linotype.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 24.

Тираж 1000 экз. Заказ № 4419.

По вопросам приобретения продукции просим обращаться
по следующим адресам:

г. Москва и регионы РФ

ООО «Торговый дом «Абрис»

По вопросам розничного приобретения продукции:

Интернет-магазин: tdabris.ru

8(495) 981-10-39; 8(926) 611-98-46

zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения продукции: 8(495) 615-29-01 (многоканальный)

г. Санкт-Петербург

ООО «Абрис СПб»

По вопросам розничного приобретения продукции:

Железнодорожный пр., д. 20 (м.

«Ломоносовская»)

8 (812) 612-11-03, 8 (812) 327-04-50 (51),

факс: 8 (812) 560-24-17

Книжная ярмарка ДК им. Крупской, павильон № 43

пр. Обуховской Обороны, дом 105

(м. «Елизаровская») 8 (812) 335-01-61

Интернет-магазин: spb-zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения продукции: 8(812)560-92-73

info@prosv-spб.ru

г. Симферополь, Республика Крым

ООО «Торговый дом «Абрис»

По вопросам розничного приобретения продукции: 8(3652)78-83-65; 8(3652) 78-84-07;

krimea-zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения продукции: 8 (978) 091-05-91

znanie@textbook.ru

г. Калуга

ООО «Школьный МИР»

По вопросам розничного приобретения продукции:

ул. Достоевского, д.29 п.66

8 (4842) 57-58-51

zakazmir40@mail.ru

По вопросам оптового приобретения продукции: тел./факс. 8 (4842) 57-58-51;

8(4842)53-89-26; 8 (910) 866-51-81

ooomir40@yandex.ru

г. Киров

ООО «Абрис Вятка»

По вопросам розничного приобретения продукции: ул. Комсомольская, 63

8 (8332) 705-805, 705-787, 705-788

AbrisVTK@textbook.ru

По вопросам оптового приобретения продукции: тел.: 8 (8332) 705-805

Интернет-магазин: tdabris.ru

ООО «Торговый дом «Абрис»

127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 1

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография» филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

НЕЧАЯННЫЙ
КОРОЛЬ

20 лет приключениям СВАРОГА

Странствующий романтик
Станислав Сварог,
нечаянно ставший королем,
привыкает к мысли,
что во Вселенной две дороги:
обыкновенного человека
и венценосца.

ISBN 978-5-00111-170-2

9 785001 111702